

Международный издательский центр
«Этносоциум»

Ф.А. Папаяни

Идеологическое противостояние в России

Москва 2018

Монография подготовлена в Донецком национальном университете на стыке разных областей гуманитарного научного знания: социальной философии, философской антропологии, истории, культурологии, политологии, философии религии и теологии.

УДК 323/324(470+571)
ББК 63.3(2)6-7
ISBN 978-5-907021-18-1

Рецензенты:

Ишин А.В. - профессор, доктор исторических наук.
Кальной И.И. - профессор, доктор философских наук.
Миронов А.В. - профессор, доктор философских наук.
Чемшит А.А. - профессор, доктор политических наук.

Папаяни Ф.А.

Идеологическое противостояние в России
Монография. – М.: Международный издательский центр
«Этносоциум», 2018. 418 с.

Российское пространство XIX-XXI вв. превратилось в поле противостояния идеологических проектов, претендующих на базовое формирование мировоззрения тех людей, от которых зависит сегодняшний и завтрашний день России.

Ключевая идея монографии – идеология как морально-этический канон поведения людей и властно-политический регламент социума.

Цель заявленной монографии – выявить истинную суть идеологических концептов в России периода XIX-XXI веков.

Монография обращена к тем, кого волнует судьба России и от кого зависит её будущее.

© Папаяни Ф.А., 2018.

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2018.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5

Глава I.

ИДЕОЛОГИЯ: ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К ПОНЯТИЮ	9

§ 1. Идеология как базовая идея общества. Экспликация понятия	9

§ 2. Мирозозрение как базовая идея человека. Экспликация понятия	26

§ 3. Экспликация ключевых понятий «мораль», «нравственность», «Нравственный закон» и «духовность»	32

Резюме I главы	59

Глава II.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ XIX-XXI ВВ.	60

§ 1. О необходимости реабилитации аксиологических и мировоззренческих оснований гуманитарных исследований	60

§ 2. Философский и исторический дискурсы в анализе и оценке идеологических концептов	78

§ 3. К вопросу о взаимосвязи истории и идеологии	81

§ 4. О методологии анализа современного идеологического пространства	102

Резюме II главы	125

Глава III.

К РЕВИЗИИ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ ...	126

§ 1. Олигархия как историческая форма правления	130

§ 2. О «новом мировом порядке»	139

§ 3. О необходимости переосмысления феномена «демократия» ...	143

§ 4. О сущности и особенностях феномена «монархия»	161

Резюме III главы	199

Глава IV.

К РЕВИЗИИ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ...201	
§ 1. Федеративное государственное устройство: pro et contra	204
§ 2. Актуальность и сложность имперской парадигмы	206
§ 3. Типология империй	215
§ 4. Признаки империи	225
§ 5. Экспликация понятия «империя»	240
§ 6. Об имперской европейской преемственности	244
Резюме IV главы	257

Глава V.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ИМПЕРСКИЕ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ ...259	
§ 1. Либеральный империализм, его грани и угрозы	259
§ 2. Анализ версий социализма периода XIX-XXI вв.	279
§ 3. Генезис и основы идеологии православного империализма	307
Резюме V главы	323

Глава VI.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА РОССИИ ...325	
§ 1. Агональность парадигмальных идеологических оснований	325
§ 2. Идеологические заблуждения отечественных патриотов	337
§ 3. Тернарная идеологема, её история и перспектива	350
§ 4. Имперская перспектива	363
Резюме VI главы	375

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ...377	

ГЛОССАРИЙ ...382	

БИБЛИОГРАФИЯ ...395	

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ ...411	

ВВЕДЕНИЕ

Согласно стратегии безопасности Соединённых Штатов, к началу 2018 года Россия признана одной из основных угроз безопасности США и мировой либеральной демократии. Информационная, экономическая и дипломатическая война между США и Россией ежедневно набирает обороты, грозя миру из холодной перейти в свою горячую фазу. США рассматривают Россию как взбунтовавшуюся провинцию мировой либеральной империи, которую они же и возглавляют. В 90-х годах Россия превратилась почти в ничто. А ныне не без оснований претендует на роль одного из главных субъектов мировой геополитики. Подавив «бунт» России, США мечтают восстановить свой тотальный миропорядок. Это обычная практика варварских империй. Начиная с 2000-х Россия взяла курс на независимую от США (и их вассалов) внешнюю политику, а с 2014 года (после событий в Сирии и Украине) миру стало очевидно, что Россия – это страна с восстановленным внешнеполитическим суверенитетом, обеспеченным военным могуществом. В гибридной войне империи англосаксов с Россией особое место занимает информационное противодействие, фальсификация истории, ложные обвинения, дезинформация и просто ложь, что выливается в противостояние идей и идеологем.

Итак, к середине 2018 года гибридная война, навязанная США России – в полном разгаре. В этой связи возникает ряд вопросов, которые особо не тревожили сознание сторонников Русского Мира в мирное время:

1. По Конституции Российской Федерации «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной», а в Конституции Донецкой народной республики «признаётся идеологическое и политическое разнообразие». Но разве история знает примеры побед в войнах без идеологической мотивации? Актуален ли для России поиск добротной идеологии? А что такое вообще «идеология»? Может ли жить общество без «идеологии», «мировоззрения», а также «морали», «нравственности», «Нравственного закона» и «духовности»? Если эти понятия существенны для общества, то почему к XXI веку ни по одному из них нет чётких рабочих дефиниций?

2. Почему нет консенсуса в научном сообществе ни по одному из фундаментальных философских вопросов? Чем вообще тогда за-

нимается армия философов два последних столетия? Насколько продвинулась она вперёд по сравнению с древними греками? Как можно, не понимая сути человека, говорить о научности социально-гуманитарных исследований? Почему в этих науках царит методологический хаос, а усилия учёных имеют общую результирующую из басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак»? История Украины показала, что целенаправленная политика создала за одно столетие новую украинскую политическую нацию с её новой историей (отвергающей всю прежнюю историческую логику) и реинкарнацией нацистской идеологии. Почему украинский и прибалтийский неонацизм приемлем для Запада? Какой подход более уместен для анализа и оценки идеологического концепта – философский или исторический? Как связана идеология и история? К чему ведёт идеологическое искажение истории? Каковы и откуда взялись идеологические концепты в XIX-XXI вв.? Кто и с какой целью их разработал? Какие из них естественны, а какие противоестественны? По каким критериям их можно оценить? Какие из них подходят для современной России? Почему идеология православных империй, царившая в Европе без малого 15 веков, вообще выпала из рассмотрения университетских курсов, учебников и монографий?

3. Почему люди тысячелетиями жили при монархических формах правления, а в XX веке «дружно» перешли к демократии? Почему монархии в Европе стали номинальными? Если демократии хороши, то почему не утихают разговоры об олигархии, а европейские страны утратили свои суверенитеты? Что такое «новый мировой порядок»? Каковы реальные формы современного правления в мире? Какая из них и почему наиболее пригодна для России?

4. Россия – это федерация республик. Республика есть форма реализации демократии. Периоды либеральной демократизации (февраль-октябрь 1917 г. и 1990-ые годы) – это времена упадка, предательства, разложения и трагедии. Нужна ли России альтернатива федерации? Каковы современные формы государственного устройства? Может ли ею быть империя? Почему, несмотря на то, что все европейские народы прошли «школу» империй, само понятие «империя» стало с XX века неоднозначным? Каковы признаки и типы империй? Есть ли в Европе имперская преемственность и в чём она?

5. Какие идеологии конкурируют в политическом пространстве России? В чём опасности либерализма? Каковы версии социализма и их перспективы? Есть ли преимущества православного империализма? В чём они?

6. Почему из столетия в столетие не прекращается идеологическая война России с Западом? В чём суть идеологических заблуждений доморощенных патриотов? Можно ли суть идеологии выразить лозунгом, объединяющим разнородных патриотов? Какова идеологическая перспектива России?

Ответы на эти вопросы составили структуру глав и содержание представленной монографии. Сделана попытка осмысления заявленных проблем с претензией на научный статус выводов. Полное раскрытие поставленных вопросов возможно лишь при интеграции методологических программ всемирной и отечественной истории, социальной философии и политологии. Не претендуя на абсолютную целостность фиксации проблемы, в монографии сделана попытка подойти комплексно к решению исследуемых вопросов. В работе использованы методы исторического расследования, научного обобщения, компаративистики, а также функциональный и парадигмальный подходы. Анализ идеологических концептов выполнен авторским методом «бинарных дифференциаций», в котором, в свою очередь, применены такие философско-методологические принципы и средства рационального описания, как бинарно-сопряжённые дифференциации и бинарные оппозиции.

Автор даёт себе отчёт, что каждый из поставленных вопросов заслуживает отдельной монографии с обоснованием актуальности заявленных проблем; со своим видением предмета исследования; с определением своей цели и постановкой исследовательских задач; с востребованной методологией и использованием авторитетных источников по каждому вопросу. Но всеохватывающий объективизм сделал бы невозможной появление данной монографии из-за того, что «нельзя объять необъятное». Автор пошёл по асимметричному сценарию, используя принцип достаточного основания. Так, если при рассмотрении заявленной проблемы не упущено ничего существенного из её идейных оснований, что подтверждается практикой реальных, а не надуманных событий, то это означает, что предложенный охват достаточен для осуществления продуктивного научного исследования.

К XXI веку оказались запутаны все основные понятия, присущие гуманитарным наукам, и, тем более – идеологическим сюжетам. Так, ни по одному важному философскому понятию (человек, общество, первичность материи или сознания, добро – зло, прекрасное – безобразное, справедливость, нравственность, духовность) и ни по одному существенному идеологическому понятию (идеология, мораль,

империя, демократия, монархия и др.) нет консенсуса научного общества. Складывается впечатление, что какие-то силы из столетия в столетие сознательно и старательно плетут многослойные паутины противоречивых смыслов для того, чтобы думающие люди (от обывателей до исследователей) в ней окончательно запутались, пытаясь «пробиться» к истине, разобраться в смыслах понятий и в сути происходящего. Разорвать эту порочную паутину смыслов, обнажить полюсы добра и зла, выявить истинную суть идеологических концептов периода XIX-XXI веков, а также идеологические доминанты развития современной России – вот что является целью заявленной монографии с претензией на научный поиск истины.

Глава I. **ИДЕОЛОГИЯ:** **ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К ПОНЯТИЮ.**

§ 1. Идеология как базовая идея общества. Экспликация понятия

Сегодня мир вступил в эпоху идеологического кризиса¹. Эта проблема непосредственно касается каждого нашего современника в любой точке земного шара². Несмотря на то, что в последние десятилетия растёт число исследований и публикаций, посвящённых проблемам идеологии, у самого понятия «идеология» (многозначного в своём толковании) очень сложное прошлое, неопределённое настоящее и непредсказуемое будущее. Известные (и добавим, сведущие в своей области) политики и политологи в России избегают прямых публичных разговоров об идеологии, иногда даже демонстрируя в этом вопросе свою некомпетентность. В своей работе по теории идеологии³ А.А. Кокорин отметил, что в настоящее время у разных авторов встречаются определённые упрощения, неточности, противоречия в определении научно-теоретических, методологических и методических основ понимания идеологии как сложного социального явления, а также упрощения в выборе оснований для типизации идеологий.

Принято считать, что сам термин «идеология» (от греч. *ιδεολογία*, от греч. *ιδέα* – прообраз, идея и *λογος*, – слово, разум, учение) был введён в научный обиход в конце XVIII в. французским мыслителем А. Дестют де Траси для обозначения учения об идеях, понимаемого им, как учение об общих закономерностях происхождения идей из содержания чувственного опыта. Из этого факта – появления нового термина «идеология» – многие исследователи и публицисты делают тривиальный вывод о том, что и общественный феномен «идеоло-

¹ Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе.: автореф. дис. ... док. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2016. – 51 с.

² Миловзорова М.Н. Аксиологические основания русской цивилизации как диалектического отрицания глобализма: автореф. дис. ... докт. философ. наук. БГТУ. – СПб., 2016. – С. 3-4.

³ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 8.

гия» также появился на рубеже XVIII – XIX вв., когда восторжествовала тенденция на секуляризацию государств Западной Европы.

С таким положением согласиться нельзя, несмотря на то, что идеология (и её новые фигуры) стала «фундаментальной категорией мировоззренческого знания, символом XX века»¹. Скорее прав И.И. Кальной в том, что «феномен идеологии имеет собственную историю. Её истоки коренятся в идее Платона как претензии на модель желаемой действительности. Адаптировав идею Платона как своеобразную линию «горизонта», идеология обрела статус вектора (стратегии) общественного развития. От эпохи к эпохе идеология выполняла своё предназначение, культивируя определённую шкалу ценностей и обеспечивая формирования определённого мировоззрения»².

Множественность толкования термина, как и множество новых идеологических концептов XIX–XXI вв., могут быть объяснены следующим образом. В Европе с IV века н.э. постепенно установилась единая христианская система духовно-нравственных ценностей, предполагающая единую основу Истины. Согласно К. Мангейму, «смысл, созданный магически-религиозным пониманием мира ..., с чисто функциональной точки зрения помогал установить связь между фрагментами реальности как внутреннего психического, так и объективного внешнего опыта и привести их в соответствие с определённым типом поведения»³.

Но эта единая ценностная система на Западе к концу XVIII века практически была разрушена. Сформировался доселе невиданный, некий «социальный рынок ценностей», на котором стали появляться новые идеологические продукты со своими ценностными ориентациями (разумеется, со своими основоположниками и их индивидуальными интерпретациями происходящего). Сформировалась новая реальность – мировоззренческая многовекторность и отсутствие консенсуса научного сообщества по единой системе ценностей. К. Мангейм обусловил эту реальность «проблемой многообразия стилей мышления, возникших в процессе научного развития», включающей «обнаружение скрытых ранее мотивов коллективного бессознательного»⁴, а М. Вебер увидел

¹ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ): дис. ... док. философ. наук. МПГУ. – М., 1998. – 383 с. – С. 3.

² Кальной И.И. Заключение // Идеология: pro et contra: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 519.

³ Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 276 с.

⁴ Мангейм К. Идеология и утопия.

причину многовекторности в специфике распространения протестантской этики¹.

Идеологический плюрализм не мог не появиться в этих условиях. Как известно, на одну истину всегда найдётся великое множество ложных версий. Скольکو объектов ценностных ориентаций, скольکو вариантов индивидуальных интерпретаций социальных процессов – столько может быть новых идеологических построений. «Сочетание сознательного и бессознательного, закономерного и стихийного, объективного и субъективного, ценностного и рационального делает идеологию сложным и «коварным» объектом познания для исследователей»². Тем более что «идеология, как и всякая система идей, подвергается субъективистскому истолкованию, объяснению, адаптации, творческому освоению, избирательному прочтению. Главным интерпретатором, безусловно, выступает субъект»³. Поэтому вполне естественно, что содержание понятия «идеология» не имеет общепризнанной версии, а смысловое поле понятия «идеология» потому и обширно⁴. Тут нельзя не согласиться с А.В. Жукоцкой и другими исследователями в том, что «неясность – центральное свойство идеологии», а также в том, что «дебаты вокруг слова идеология лишь усугубляют путаницу в самом понятии»⁵. Маркс считал себя учёным, рассматривая Адама Смита как идеолога. Либералы полагают Адама Смита учёным, Маркса – идеологом. Совсем недавно мы говорили о научной (марксистско-ленинской) и ненаучной (буржуазной) идеологии, а нынче почти отказываем ей (идеологии) в праве на существование; и более того, идеология стала в России «нелюбезным» нам социальным феноменом⁶. Существует множество попыток определить понятие «идеология», есть даже «теория идеологии», и, тем не менее, так и нет ответов на самые насущные вопросы. Что же понимать под идеологией: универсальную или временную систему ценностей; систему убеждений религиозного типа; набор мифологем; систему полити-

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

² Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 225.

³ Там же. С. 235-236.

⁴ Чемшит А.А., Тихомиров С.И. Феномен политической идеологии // Идеология: pro et contra: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 310.

⁵ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 15.

⁶ Там же. С. 4.

ческих взглядов и убеждений; форму или тип общественного сознания, детерминирующий духовную жизнь нашей эпохи? Решает ли идеология «критические» вопросы для человека – счастья, справедливости, солидарности, смысла жизни и другие?¹

Поставленные вопросы так и остались риторическими. Более того, исследователи редко аргументируют такое всестороннее и исчерпывающее понимание термина «идеология», которое смогло бы охватить своим смысловым содержанием всё множество известных идеологических концептов. Хотя попыток экспликации этого понятия было множество в зависимости, например, от интерпретации или понимания генезиса феномена идеологии, однако вопрос о её сущности остаётся открытым, ибо «идеология может по содержанию артикулироваться научной и ненаучной, истинной и ложной, реакционной и революционной и т.п.»².

Идеология – это конструкт, отмечает В.Б. Марков. В его основе лежит некий первичный миф. По мере того, как ширится число людей, увлечённых и воодушевлённых речами нового рассказчика, миф становится реальностью³. Согласно Дж. Шварцмантелю, в современном «постидеологическом обществе» XXI века состоялась замена идеологий идентичностью⁴.

А.В. Жукоцкая в своём фундаментальном исследовании «Проблема идеологии»⁵ рассматривает экспликацию понятия «идеология» в терминах марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин), знания (К. Манхейм, П. Топе, М. Шелер), действия (И. Горовиц, Ю.Хабермас), иррационального (Э. Топич, К. Саламун, Э. Шилс, Е. Лемберг) и аксиологии (Г. Альберт, Т. Гейгер, Х. Зайферт). В этом же исследовании основания идеологии рассмотрены в гипотезах: «историческая» или «кризисная» гипотеза возникновения идеологии, «политическая» (происхождение идеологии из гражданского общества и государства), «марксистская» (онтологические и гносеологические основания), «эпистемологическая» (исходящая из предпосылочно-миро-

¹ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 54.

² Чемшит А.А., Тихомиров С.И. Феномен политической идеологии. С. 310.

³ Марков В.Б. Онтологический базис идеологии // Идеология: pro et contra: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 44.

⁴ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.

⁵ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ).

воззренческого знания), «единая» гипотеза (социальная практика, социальная теория и язык)¹. Особенно интересен функциональный подход, который использует А.В. Жукоцкая с целью исследования процесса «захвата» идеологической доктриной власти над людьми. В этом контексте рассмотрено влияние идеологии на пропаганду, на «производство сознания», на язык и образование, а также на формирование «масскультуры».

Функциональный подход представлен и в работе «Идеология: теория, методология, методика», где её автор рассмотрел следующие функции идеологии: гносеологическую (система взглядов, идей, знаний), логическую (знания «выстроены» в определённом логическом ключе), методологическую функцию (определение средств реализации) и методическую (определение адекватной ситуации последовательности использования методологических средств), информационную (соединение идей с сознанием людей), пропагандистскую (процесс распространения знаний), агитационную (превращение информации в побудительные мотивы их практических действий), мобилизационную (как интегрирование всех вышеназванных функций), мировоззренческую (формирование взглядов человека на мир, развитие и изменение их), телеологическую (определения целей действия людей), оценочную, аксиологическую (оценка процессов, происходящих в мире). Этот «набор» функций «обеспечивает соединение их (идеологий, – ред.) содержаний с практической деятельностью людей»².

Разделяя взгляды А.В. Жукоцкой и А.А. Кокорина в части использования функционального подхода в решении поставленных задач (соответственно, исследование процесса «захвата» идеями власти и исследование пути соединения идей с практикой), автор заявленной работы ставит задачу форсировать функциональный подход, усилить акценты исключительно на содержательных свойствах и дефиниции понятия «идеология». Это тем более важно, что это понятие с первых лет рождения термина (конец XVIII века) и до сегодняшнего дня остаётся проблемным («ничьей землей» по К. Попперу), не имеющим ни интегративного анализа, ни научного консенсуса и, наоборот, имеющим множество качественно различных модификаций. Иначе говоря, следует подойти к экспликации понятия «идеология», используя функциональный подход как основополагающий, рассматривающий свойственные ей функции как главный источник содержательных

¹ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 2.

² Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 23-27.

смыслов в надежде на то, что именно они являются ключом к решению проблемы. Тем более что «функция любого феномена есть не что иное, как устойчивое проявление в среде интегрированных его содержания, сущности и качества»¹. Выполняемые идеологией функции могут прояснить не только сущность (природу), но также её роль и место в социальной жизни. Приведём важнейшие функции идеологии в несколько иной редакции (исходя из поставленной цели):

- морально-нормирующая (или нравственно-дисциплинирующая) функция. Она реализуется контролем морально-нравственного состояния общества, в том числе, настроений, нравов (тут вспоминается знаменитая фраза М. Булгакова из романа «Собачье сердце»: «Разруха не в клозетах, а в головах!»), как предпосылкой обеспечения общественного порядка. Речь идёт о ментальной регуляции поведения граждан на основе морали, норм поведения, нравственных установок, заложенных в идеологическом концепте. Здесь имеется в виду не порядок, обеспечиваемый жёсткими силовыми методами полиции, который на основании уголовного кодекса реализует государство, а порядок «мягкой силы» воспитания моральных качеств, например, путём использования цензуры. По А.В. Жукоцкой, «одной из функций идеологии является контроль за социальным порядком»², поскольку «регулирование отношений всех типов осуществляется на основе системы идей – идеологии»³. Первоосновы бытия всегда ориентируют на такую идеологию, которая не только выражает «волю к власти», но и соответствует порядку мира⁴, ибо идеология – это не только вектор стратегии общественного развития, но и своеобразная дисциплинарная матрица повседневного бытия людей⁵;

- политическая функция. Идеология легитимирует существующую власть, форму правления, форму государственного устройства и политический режим, создавая предпосылки для преемственности власти как основе стабильности государства. По Аристотелю, человек – «животное политическое», поэтому ему желательно знать формы власти, политического режима, идеи, в рамках которых он живёт и формируется личностно. Если человек обладает системным взглядом, то для него представляет безусловный интерес механизм обеспечения единства общества, в который без знания идеологических

¹ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 23.

² Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 4–5.

³ Там же. С. 85.

⁴ Марков Б.В. Онтологический базис идеологии. С. 43.

⁵ Кальной И.И. Заключение. С. 518.

основ проникнуть невозможно¹. Исследуя идеологию в контексте как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической функции, Д.Е. Муза справедливо рассматривает идеологию, как основу стратегической безопасности русской цивилизации². Политическая функция идеологии в некоторых концептах является настолько существенной, что появилось даже понятие «политическая идеология»;

- мировоззренческая функция. Идеология формирует взгляды человека на мир, развивает и изменяет их. Эта функция присуща всем без исключения идеологиям, существующим в современном обществе³, поскольку идеология выступает концептуальным и мировоззренческим ядром, вокруг которого группируются все социально-политические науки⁴. Д.Е. Муза справедливо рассматривает идеологию, прежде всего, как мировоззренчески-смысловую матрицу⁵. В рамках этой функции можно выделить телеологическую подфункцию, определяющую цели действий людей (А.А. Кокорин выделил эту подфункцию, как отдельную функцию⁶) и оценочную, аксиологическую подфункцию идеологии, формирующую групповое ценностно-ориентированное сознание, поскольку «с позиций тех идей, которые формируют содержание конкретных идеологий, люди, социальные группы оценивают процессы, происходящие в мире⁷. Действительно, «многие исследователям характеризуют идеологию, прежде всего, как систему ценностей⁸, а «ценность можно рассматривать как значимое выражение идеологии⁹»;

- социализирующая функция, под которой понимается процесс интеграции личности в общество. Под этим процессом понимается вхождение личности в социальную среду через овладение индивидом моралью, нормами поведения, нравственными установками, базовым набором знаний, включая исторические и культурные;

¹ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 197.

² Муза Д.Е. Идеология как основа стратегической безопасности русской цивилизации // Геополитика и безопасность. – С.-Пб., 2017. – № 4(40). С. 84.

³ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 25.

⁴ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 5.

⁵ Муза Д.Е. Идеология как основа стратегической безопасности русской цивилизации. С. 18.

⁶ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 25.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 205.

⁹ Там же. С. 224.

• интегрирующая функция, в которой идеология в государстве является социально, интеллектуально и нравственно организующей системой, интегрирующей (сплачивающей) в единое целое (политическую нацию) народы и народности, разные социальные и религиозные слои населения. При выполнении этой функции инструменты «мягкой силы» идеологии и «жёсткой силы» государства слиты воедино;

• информационная и пропагандистская функция. Её суть – в соединении идей с сознанием людей и интенсивное распространение в нём¹. Речь идёт о методологии внедрения в общественное сознание идеологических оценок, целей и идеалов (в том числе и политического развития) и логической подфункции (когда идеология предлагает людям знания и информацию, выстроенных в определенном логическом ключе²). Естественным образом сюда входит и подфункция воспитания. «Институт пропаганды – неотъемлемая часть идеологического воздействия на общество. Через этот институт и его каналы – средства массовой информации и коммуникации – идеология осуществляет власть над людьми, укрепляет и сохраняет политические позиции властных структур»³. В рамках информационно-пропагандистской функции особо следует выделить подфункцию координации и взаимодействия со всеми без исключения сферами общественной жизни. Так, в частности, А.А. Кокорин указывает на взаимодействие идеологии с такими сферами, как социальное бытие, общественная психология, общественное сознание, политика, экономика, право, наука, образование, культура, пропаганда, агитация и т.д.⁴, ибо «идеология – это система, элементы которой включены во все стороны общественной жизни»⁵. Эта функция обеспечивает соединение идеологии с практической деятельностью людей.

Функциональный подход позволяет получить максимально полное представление об идеологии и её месте в социуме, но проблема в том, что «идеология идеологии – рознь». В разное время и в разных странах идеологии сильно отличаются по своему содержанию и формам проявления. Тем не менее, в своих сущностных функциях они едины и необходимы, ибо обеспечивают функционирование го-

¹ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 24.

² Там же. С. 23.

³ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 267.

⁴ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 82-274.

⁵ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 5.

сударств. Как общественный феномен идеология не является продуктом субъективных желаний или нежеланий людей. Её возникновение детерминировано реальными обстоятельствами. Вышесказанное справедливо не только для светских идеологий, но и для религиозных, ибо «нет причин отрицать серьезные идеологические основы религиозных течений. По сути, основные документы, фиксирующие главные идеи той или иной религии, наглядно подтверждают их прямую идеологическую направленность»¹.

Несмотря на вышеприведенную аргументацию, в мире, особенно с конца XX столетия, приумножается число критиков феномена идеологии. Отчасти это связано с кризисом догматизированного марксизма-ленинизма, развалом СССР и социалистического лагеря. Этот развал сам по себе явился как бы доказательством наступления эры «конца идеологии» (эта знаменитая фраза о «конце идеологии» Д. Белла была введена в литературный оборот А. Камю). Этот «конец» видится, с одной стороны, идеологами либеральной ориентации, как торжество, как всемирная победа либерализма над всеми конкурирующими идеологическими концептами, а с другой, идеологи «условно-анархической» ориентации, считают деидеологизацию необходимой, то есть, мир следует избавить от любой идеологии. Рассмотрим эти две стороны одного «конца идеологии».

«Либеральный тезис о «смерти идеологии» реализовался совсем не так, как хотелось его авторам. На самом деле, произошёл своеобразный «метапсихоз», т.е. «душа» идеологии переместилась в другое тело – в массмедиа, рекламу, дизайн, в рынок потребления и развлечения... Её знаки уже не отсылают к «идеям», а воздействуют прямо и непосредственно, захватывают человека как некая «гиперреальность»². Иначе говоря, современная идеология поменяла не сущность, но форму, которая от этого не утратила своих свойств и функций. Возможно потому, что идеологи деидеологизации преследовали конкретную цель – отрицание коммунистической идеологии³, а за этим последовало отрицание идеологии вообще. Наверное, эту её либеральную мутацию можно условно назвать идеологией отчуждения, обольщения, модернизации, социальных сетей. Другими словами, «смерть идеологии» подразумевается либералами как «жизнь либерализма» в своих новых мутационных проявлениях, но уже без

¹ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 12-13.

² Марков Б.В. Онтологический базис идеологии. С. 59-60.

³ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 18.

декларирования идеологии. Однако, идеологического вакуума не бывает, многие авторы об этом говорят, хотя и не всегда столь категорично. Трудно однозначно ответить на вопрос: «Существует ли идеологический вакуум или может возникнуть ситуация, при которой, когда теряет силу одна идеология, её место сразу занимает другая»¹.

«Условно-анархический» тезис также не выдерживает критики. Как можно, понимая необходимость и обязательность приведенных выше функций идеологии, серьёзно ставить вопрос о возможности деидеологизации? Такая возможность может появиться только тогда, когда исчезнут из жизни общества условия, причины и основания, соединение которых генерирует возникновение идеологий, а в современном обществе эти условия, причины и основания не прекратили существовать. Существуют социальные группы с различными интересами, по-прежнему они вступают во взаимоотношения между собой. Они создают социальные институты и формируют средства, механизмы для реализации своих магистральных интересов. А это значит: век идеологий и их борьбы еще не закончен... Таким образом, мы продолжаем жить в обществе, в котором существуют идеологии, проще говоря, в идеологизированном обществе². Следуя классовому подходу, деидеологизация невозможна до тех пор, пока существуют социальные группы с существенно различающимися социальными интересами. С этим тезисом в определённой мере солидарен Б.В. Марков: «Если господствует тот или слой или класс, который навязывает своё мнение остальным в форме философии, искусства, права, морали и, наконец, рекламы, то говорить о смерти идеологии, по меньшей мере, наивно»³. С подобным подходом сложно спорить, поскольку бесклассового (и шире, – бессловного) общества история не знала и не знает.

Внимательное рассмотрение важнейших функций идеологии неизбежно приводит исследователя к выводу о том, что идеология необходима ровно настолько, насколько человеку необходимы социум и государство. Деидеологизация невозможна (даже, если размечтаться о бесклассовом/бессловном обществе) в связи с невозможностью социальной жизни вне государственных образований. Ни прежние, ни современные государства не могли существовать и не существовали без идеологии, формирующей у граждан морально-нравственные нормы, мировоззрение, целеполагание.

¹ Чемшит А.А., Тихомиров С.И. Феномен политической идеологии. С. 310-311.

² Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 13-14.

³ Марков Б.В. Онтологический базис идеологии. С. 43-44.

Может человек жить вне общества? – Нет. Может общество жить без моральных норм? – Тоже нет. Может ли современное общество существовать вне государственных образований? – Таких прецедентов современный мир тоже не знает. Даже если представить утопию, вроде марксистской, что весь мир когда-нибудь превратится в единое коммунистическое государство, то и в нём должна будет торжествовать единая идеология (марксистская), которой предстоит борьба, как минимум, с идеологами национализма и сепаратизма. Понимая нормативную функцию идеологии для конкретного социума как важнейшую, невозможно представить общество без идеологии. С одной стороны, «идеология носит ценностный характер и отражает конкурирующий набор ценностей в обществе». С другой, повторимся, – функцией идеологии является стратегия контроля за социальным порядком. Поэтому идеологии существуют столько, сколько существуют государства, даже если последние не пользуются термином «идеология» или её отрицают.

«Секса у нас (В СССР, – ред.) нет, и мы категорически против этого!» – таково было резонансное и достаточно наивное высказывание советской участницы одного из первых советско-американских телемостов 1986 года¹. Сам термин «секс» действительно отсутствовал в советском телеэфире, но сексуальные отношения со всей очевидностью были, хотя и артикулировались замещающими этот термин синонимами. Аналогичным образом обстоит дело и с идеологией. Она есть, когда нет в обиходе термина «идеология», и она есть, когда даже конституционно отрицается (что характерно для многих постсоветских стран). Особый вопрос, какая именно она, насколько декларативна или компилятивна. Несмотря на отсутствие в прежние времена собственно термина «идеология», можно утверждать, что «идеология» имела место быть со времён образования первых государств. В государствах идеология была всегда, поскольку выполнялись все её главные функции, хотя и разными авторитетными органами (советом старейшин, вождём, монархом, сенатом, судом, жрецами, церковью и т.п.). В условиях власти авторитета идеология заявляла о себе в статусе протоидеологии, осуществляя вышеозначенные функции. Смена власти авторитета на авторитет власти предопределила процесс генезиса идеологии, её становления и развития.

Другими словами, идеология заявляет о себе как неотъемлемая часть государства. Она не чужеродна государству, не асоциальный феномен, наоборот, идеология естественна и необходима обществу. «Идеология лежала в основе любого жизнеспособного государства.

¹ Телемост «Ленинград – Бостон» // ЦТ. 1986. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B77SH0pFH3Q> (дата обращения: 02.02.2018).

Она играла роль символического защитного панциря, способствующего идентичности своих и оберегавшего от воздействия чужих. Идеологами государства были такие философы, как Платон, Макиавелли, Гоббс, Гегель, Ницше, К. Шмидт и др.»¹. Не случайно немецкая классическая философия в лице Гегеля рассматривала институт государства, как высшее достижение в развитии человечества². Нельзя не согласиться с А.В. Жукоцкой в том, что «государство (если речь не идёт о тоталитарно-террористической диктатуре) является выражением общей воли. Оно призвано, хотя бы через подавление воли (частной, – ред.), совместить и примирить интересы различных социальных групп, воспрепятствовать тому, чтобы конфликты между ними достигли взрывной точки, обеспечить условия для консенсуса по принципиальным вопросам общественно – политического устройства, легитимировать его. Государство воплощает в себе организационное начало. Если гражданское общество, существуя в соответствии с частными интересами людей, разобщает их, то государство выполняет интегративную функцию»³. Из сказанного вытекает непреложность государственной идеологии. Как природа – необходимое условие жизни людей, так и государство, власть и поддерживающая их идеология – есть естественное выражение социальной природы.

Человек – это существо общественно-государственное. Именно поэтому в большинстве государств идеологии не исчезают, а наоборот, укрепляются, причём в XXI веке усиливается их роль, как в общественной жизни, так и на полях межгосударственной информационной войны. Это касается любых идеологических подходов или идеологием, с помощью которых интерпретируется социальное или внешнеполитическое бытие.

Человек – это не только общественно-государственное существо, но ещё и существо идеологическое в том смысле, что нуждается в идейном толковании широкого спектра вопросов от нравственных и духовных до исторических и социально-политических. Нуждается, поскольку далеко не каждый может постичь политические и мировоззренческие смыслы и их влияние. Нуждается, даже если нет веры в идеологию или в её воздействие. По этому поводу М.К. Мамардашвили отмечал, что идеология – это «собрание социальной жизни в некое осмысленное целое»⁴, что «люди могут не верить в идеологию,

¹ Марков Б.В. Онтологический базис идеологии. С. 44-45.

² Кальной И.И. Заключение. С. 520.

³ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 82.

⁴ Мамардашвили М.К. Из лекций по социальной философии (Публикация Ю.П. Сенокосова) / Социологический журнал. – 1994. – № 3. – С. 30.

но если они вынуждены быть только в заданном пространстве, окружённые некими вещественными символами, то они действительно не знают, что думают на самом деле»¹. Ему вторит А.В. Жукоцкая: «Идеология существует всегда в любом обществе, достигшем государственности, как бы она ни называлась, и даже, если у неё нет названия вообще. Всегда есть система взаимосвязанных убеждений и идей относительно реального и желательного функционирования политической сферы, и эта система всегда имеет конкретных заинтересованных носителей – отдельных субъектов и социальные группы»².

Итак, можно подвести некоторые итоги. Но прежде осуществления попытки собственной экспликации содержания термина «идеология» можно заметить, что нами имеется в виду такая его обобщённость, которая делает понятие «политическая идеология» излишним.

По А.А. Чемшиту и С.И. Тихомирову, «политическая идеология – это доктрина, обосновывающая притязания какой-либо группы на власть или её использование и предусматривающая, поэтому ту или иную стратегию политических действий»³. Аналогично и у А.А. Жукоцкой: «Когда идеология легитимирует интересы какой-либо социальной группы», она превращается в идеологию политическую⁴. Но факты доказывают иное. Не бывает государственной идеологии без политической функции, поэтому выделять (особо) термин «политическая идеология» вряд ли целесообразно: может сложиться ложное впечатление, что в государствах бывают идеологии без взаимодействия с политикой или можно встретить государство без групп влияния, стремящихся к власти.

Уточнения требует и другое понятие – «государственная идеология». Например, по А.А. Кокорину, «государственная идеология – это система идей, выражающая главные интересы конкретного государства как политического института, служащая теоретическим основанием его функционирования, мобилизующая его народонаселение на реализацию названных интересов»⁵. Однако навязанная Соединёнными Штатами доминирующая идеологема русофобии Польши,

¹ Мамардашвили М. К. Из лекций по социальной философии (Публикация Ю.П. Сенокосова) / Социологический журнал. – 1994. – № 3. – С. 37.

² Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 195.

³ Чемшит А.А., Тихомиров С.И. Феномен политической идеологии. С. 313.

⁴ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ). С. 348.

⁵ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 279-280.

Украины, Грузии, Прибалтики и других стран не выражает интересы этих государств и их народов, но, тем не менее, носит вполне государственный характер. К тому же, как отмечалось выше, не бывает государств без идеологий. То есть под термином «государственная идеология» целесообразно понимать конкретную идеологию, присущую рассматриваемому государству. И всё.

Таким образом, под идеологией (абстрактной) мы будем понимать присущее абстрактному государству идеологическое построение, которое одновременно является и государственным, и политическим. Если же идеологический концепт (например, анархизм или феминизм) никогда не был реализован в статусе государственного, то он и идеологией не стал, оставаясь прожектом, теорией, построением, идеологемой или идеологическим концептом. По этой логике марксизм в XIX веке был идеологическим концептом (теорией), а с октября 1917 года – «заслужил» право называться идеологией.

Понятие «идеология» часто даётся в учебниках или исследованиях, затрагивающих тему идеологии. Выделим из них несколько, достаточно типичных.

Аксиоматическое, хрестоматийное (по авторскому представлению) определение идеологии дано А.А. Кокориным: «Идеология – это система идей, выражающая коренные интересы определенных социальных групп, ориентирующая людей на конкретные социальные действия»¹. Недостатком подобного определения, является сверх обобщение, по которому получается, что любые (в т.ч. не проработанные или не обоснованные), далёкие от своего государственного воплощения системы идей (в т.ч. прожекты) могут претендовать на статус идеологии (например, явно утопические, как «утопический социализм»).

Несколько более детализированное определение дано у В.А. Гребеня: «Идеология – это система идеалов, ценностей, интересов, убеждений, верований и норм той или иной социальной общности (личности, группы, общества в целом), на основе которых разрабатываются интегративные политико-экономические, социальные программы и проекты, определяющие цель деятельности, пути и средства ее достижения»². Недостатком такого определения (впрочем, как и в первом случае) является акцент на «групповом» подходе. Как только упоминается класс, социальная общность или группа – сразу формируется представление, как этот класс, общность или группа разраба-

¹ Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). С. 281.

² Гребень В.А. Основы идеологии белорусского государства. Минский институт управления. – Мн.: Изд-во МИУ, 2007. – 424 с.

тывает удобную идеологию для подчинения себе иных классов, общностей или групп. В марксизме, например, именно так дело и обстоит (там всё хорошо, что в интересах пролетариата). При рассмотрении идеологии национал-социализма выясняется, что тут речь идёт о такой мутации социализма, которая должна объединить все германские слои населения (все классы, социальные общности или группы) во имя интересов Германии («Германия превыше всего!») и расового господства немцев над иными народами (расовый подход). Или другой пример: идеология «православного империализма», исключает расовый подход («нет ни Эллина, ни Иудея») или классовый подход (нет ни «раба», ни «свободного») для воцарения всеобщей идеологии Любви. Но даже в определениях идеологии без групповых интересантов (классовых, национальных, религиозных или иных), понятие зачастую остаётся аморфным, не выражающим необходимость и значение. Так, в большом энциклопедическом словаре говорится, что «идеология – это система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических, философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности»¹. Подобный подход и у Т.А. Алексеевой: «идеология – это совокупность идей, убеждений, представлений, мифов и т.д., отражающих социальные потребности и устремления индивидов, групп, классов или обществ в целом»². Однако, последние упрощённые определения более соответствует термину «мировоззрение», чем «идеология». Г.В. Гвишвили тоже почти уравнивает идеология=мировоззрение, называя идеологией «тот вид мировоззрения, который лишает человека свободы выбора и сомнения, вопрошения и критики, а за отказ от беспрекословного подчинения своим догматам грозит ему репрессиями»³.

Поэтому следует подойти к экспликации понятия «идеология», сделав акцент на функциональный подход, во многом продолжая и развивая ранее проведенные исследования. Такой подход исключает упрощение, сверх обобщение, «групповой» (классовый) подход и аморфность известных дефиниций, а в сочетании с обобщением всего вышесказанного, обеспечивает нижеследующую итоговую экспликацию.

Идеология – общественный феномен, во-первых, представляющий собой целостную систему мировоззренческих, религиозных,

¹ Большой энциклопедический словарь // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/136102/ИДЕОЛОГИЯ> (дата обращения: 22.01.2018).

² Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. – 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Аспект пресс, 2018. – 623 с.

³ Гвишвили Г.В. Идеологические системы мира: Сны разума. – М.: Либриком, 2017. – С. 22.

научных, нравственных, этических, эстетических, философских, правовых, политических и др. взглядов, идей или норм, во-вторых, являющийся жизненно необходимым и потому непреложным спутником каждого государственного образования любого исторического периода, в-третьих, *имеющий два основополагающих вектора воздействия: морально-этический и властно-политический*, и, в-четвёртых, наиболее полно раскрывающий своё содержание (а также роль и место в социальной жизни) в выполняемых им функциях:

- морально-нормирующая (или нравственно-дисциплинирующая) функция. *Опираясь на мораль, нравственность (Нравственный закон) и духовность*, эта функция реализуется путём контроля и управления морально-нравственным состоянием общества (настроениями, нравами), являясь психологической предпосылкой и поведенческой основой обеспечения общественного порядка;

- мировоззренческая функция. Обеспечивает формирование (развитие или изменение) взглядов людей на мир (Что есть этот мир?), (Что есть Человек?), (Каково место человека в мире, как ему следует жить?). В рамках этой функции можно выделить телеологическую подфункцию (определяющую цели действий, нравственно-духовное устремление общества, представление о будущем) и оценочную (аксиологическую) подфункцию, формирующую групповое ценностно-ориентированное сознание, включающее ответы на смысложизненные вопросы, оценки прошлого (история) и настоящего;

- политическая функция формирует политическое сознание граждан как ментальную основу стратегической безопасности (внутренней и внешней) государства, ориентированную на обеспечение патриотизма и государственничества. Эта функция *оправдывает и легитимизирует существующую власть, форму правления, форму государственного устройства* и политический режим, создавая предпосылки для преемственности власти как основе стабильности и процветания государства.

- социализирующая функция включает процесс интеграции личности в общество, вхождение личности в социальную среду через овладение индивидом базового набора знаний и норм поведения;

- интегрирующая функция выступает как социально, интеллектуально и нравственно организующая система, сплавляющая в единую политическую нацию разные национальные, социальные и религиозные слои населения;

- информационно-пропагандистская функция соединяет идеи с сознанием людей. Она отражает методологию внедрения в обще-

ственное сознание идеологических оценок, целей, идеалов и включает логическую подфункцию (подача знаний, информации в определенном идейно-логическом ключе), подфункцию воспитания, а также подфункцию координации и взаимодействия со всеми без исключения сферами общественной жизни.

«Сейчас, в XXI веке, в условиях постоянной трансформации и модернизации общества идеология всё ещё не получила своего законного научного статуса»¹. Однако заявленная совокупность функций свидетельствует о том, что идеология (как и государство) – это данность, присущая социуму. Особый вопрос, какая именно она в рассматриваемом государстве, насколько может быть «философским камнем» в значении «эликсира жизни». Тут уместна поэтическая аналогия Ю.А. Монковского: «Палач из камня выстроит тюрьму, Поэт из камня высечет Венеру»².

Идеология может быть разной, как созидающей, так и разрушающей. При рассмотрении конкретных идеологий, присущих государствам в те или иные времена, целесообразно использовать общее определение термина «идеология», однозначно указывающее на её сущность, необходимость и непредотвратимость, но исключающее априорную (без анализа) аксиологическую оценку.

Как показал проведенный анализ, все социальные вопросы, так или иначе, связаны с идеологией. Уделить должное внимание каждому из них – непосильная задача: объём доступной научной и публицистической информации слишком велик и противоречив, он превышает возможности её аналитической обработки одним человеком. Поэтому в данной работе основное внимание будет уделено двум основополагающим идеологическим векторам воздействия: морально-этическому и властно-политическому. Ниже будут исследованы самые важные вопросы, вытекающие из дефиниции идеологии и определяющие жизнеспособность государства. В данной главе будут сделаны акценты на морально-этическом векторе, точнее, на экспликации важнейших морально-нравственных и сопряжённых с ними мировоззренческих понятий. В последующих главах особое внимание будет уделено властно-политическому вектору, а именно: таким идеологическим понятиям, как формы правления и государственного устройства, поскольку они предопределяют живучесть и долговечность государства.

¹ Жукоцкая А.В. Феномен идеологии. URL: <http://genskov.ru/nuda/jukockaya-a-v-fenomen-ideologii/main.html> (дата обращения: 26.01.2018).

² Монковский Ю.А. Камень // Сайт Д.Н. Киршина. URL: http://www.kirshin.ru/about/rmsp/146_1.html (дата обращения: 02.02.2018).

§ 2. Мироззрение как базовая идея человека. Экспликация понятия

Мироззрение, согласно Большому Энциклопедическому Словарю, – это «система обобщённых взглядов на объективный мир и место человека в нём, на отношение людей к окружающей их действительности и самим себе, а также обусловленные этими взглядами их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности. По своему содержанию и направленности может быть научным или ненаучным, материалистическим или идеалистическим, атеистическим или религиозным, революционным или реакционным»¹. Это достаточно общее определение формально охватывает всё мироззренческое пространство. Однако в данной всеохватывающей дефиниции требуются уточнения, например, по самым распространённым типам, так называемых научного (насколько оно научно) и материалистического/атеистического мироззрений (насколько они на самом деле не идеалистичны).

Человек приходит в этот мир с уникальными способностями познания и самопознания. В обществе и через общество у него формируется свой взгляд на мир и на свое место в нем. Другими словами, он формирует свое мироззрение. Процесс этот достаточно сложный, ибо сопряжен с миром природы и общества. Природа, и общество развиваются по своим законам, демонстрируя не только взаимозависимость, но и автономию. Поскольку этот внешний фактор нельзя свести к единому основанию, отношение человека к природе и к обществу требует в каждом случае осуществления принципа конкретности истины и определения своего собственного отношения.

Сложившееся мироззрение помогает вырабатывать критерии добра и зла, прекрасного и безобразного, истины и лжи. Оно позволяет уточнить свои цели в жизни, стратегию и тактику их осуществления. Оно определяет самосознание и поведение. Поскольку мироззрение несет в себе совокупность всех взглядов человека на мир в диапазоне от политических до религиозных, включая правовые, этические, эстетические, научные и философские на теоретическом и на быденном уровне, мироззрение может, как способствовать нравственному расцвету личности, так и тормозить этот процесс.

¹ Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 82.

Стихийно сложившееся мировоззрение, как правило, нестабильно, ибо оно «соткано» из неполных знаний о себе и об окружающем мире. Более того, оно проецировано через ценностные ориентиры «здесь и сейчас», которые сложились в житейской практике. Сознательно сложившееся мировоззрение более устойчиво, поскольку ориентировано на соотнесенное знание о себе и о мире. Это знание спроектировано на багаж общечеловеческих ценностей, выработанных тысячелетиями.

Каждый тип мировоззрения (например, мифологическое, религиозное или философское) выполнил или выполняет определенное назначение, о чем и свидетельствует его востребованность. Нет необходимости проводить сравнительный анализ и обосновывать приоритетную значимость того или другого мировоззрения, определять, какое из них лучше или хуже. Мера востребованности того или иного мировоззрения определяется либо эпохой, либо индивидуальными потребностями, либо тем и другим вместе. Трудно представить философию как мировоззрение «инкубационного» периода становления общества. Надо иметь слишком богатое воображение, чтобы представить мифологию древнего мира вместо философии, разрабатывающей общие методы познания мира и определения места человека в этом мире.

Общество, чтобы состояться, должно было освоить культуру «страха», и оно получило эту культуру через мифологическое мировоззрение. Общество и человек нуждались в культуре познания, испытывая необходимость постичь предельные основания бытия мира и уяснить смысл меры в отношениях человека с миром, постичь сущность человека и определить его место в мире. Они (общество и человек) получили эту культуру познания в образе философии. Общество нуждалось и нуждается в закреплении своих традиций, в наличии и действенности нравственного закона, а человек нуждался и нуждается в преодолении страха смерти, в общении с надчеловеческим духовным миром, в методах утешения души, и они реализовали свои потребности средствами религиозного мировоззрения.

Все это так. С другой стороны, мировоззрение конкретного человека на практике представляет собой, как правило, определенную комбинацию из философских/научных, религиозных и мифологических воззрений. Так, в его мировоззрении вполне могут уживаться философские представления об объективности тех или иных законов природы и общества (например, закона единства и борьбы противоположностей), вера в Бога (вплоть до потребности в молитвенном

состоянии), а также мифологические представления человека об окружающем мире, обусловленные прошлым опытом, его фантазией и воображением (например, суеверие о черной кошке, перешедшей дорогу). Поэтому необходимо понимать разные мировоззренческие «языки» во имя искомого баланса упомянутой комбинации воззрений. Справедливо мнение А.В. Кураева: «Сегодня образованный человек должен владеть и языком естествознания, и языком компьютерной техники, и языком искусств, поэзии и мифа, и языком богословия, и языком философии. Это разные языки, но человек современной культуры должен владеть всеми этими языками, понимать своеобразие каждого из них»¹.

Как известно, основное ядро всякого мировоззрения составляет одна из двух базисных философских систем: материалистическая (бого-отрицающая) и идеалистическая (бого-признающая). Именно их положения в контексте заявленной темы и будут рассматриваться, несмотря на общее обилие разных философских и религиозных систем и взглядов.

Мировоззрение человека любого типа должно включать его представления по следующим вопросам: «Что есть мироздание? Что есть человек? Как человеку следует жить?».

Истина заключена в том, что лишь малая часть воззрений, и то весьма фрагментарных, получили надежное научное объяснение. И этих фрагментарных знаний явно недостаточно, чтобы сформировать цельное научное мировоззрение человека. Мы мало знаем о себе самих: что такое жизнь, чувство и мысль (Вольтер). Что касается рационального мышления, то мы, по словам Василия Великого, не можем понять даже природу муравья². Тогда получается, что верования составляют наши воззрения на мир, на то, каков он. Они бывают истинными, но бывают и ложными. Только в некоторых случаях, когда верования истинны и получили надежное доказательство, они образуют знание. Люди всегда искали знания как истинного объяснения всех известных им явлений (событий), стремились обнаружить основания этих явлений и их следствий. Основания всех явлений составляют наиболее общие законы природы (из которых следуют все другие, менее общие). Попытки описать эти общие законы сводятся вместе в так называемые фундаментальные теории. Согласно Р. Суинберну, законы, на которые указывают

¹ Кураев А. Ответы молодым. – Донецк: Тираж-51, 2008. – 1170 с.

² Карелин Р. (Архимандрит Рафаил). Вызов новомодернизма. – М.: Лествица, 1989. – 96с.

научные теории, – это просто моменты регулярности в проявлении свойств (т.е. неких способностей и предрасположенностей) тех или иных субстанций. В фундаментальных теориях не было и нет, не только научных доказательств, но даже никогда не было надежных объяснений причин явлений, позволяющих сформировать подлинную картину мира. Ученые достоверно изучают только вероятность проявлений свойств и закономерностей (упорядоченностей) для конкретных объектов или субстанций, находящихся в конкретных условиях. Если бы материальные объекты вели себя неупорядоченно, не было бы возможности предсказывать события. Но в мире как раз имеет место порядок - система наблюдаемых закономерностей. Наблюдаемая упорядоченность мира заставляет искать первопричину этого порядка вещей¹. Наука может объяснить свойства и закономерности поведения объектов, но не может объяснить, почему всякий объект обладает теми общими свойствами, которыми он обладает, не может объяснить первопричину организованного порядка мироздания. Если же допустить, что все в мире совершенно случайно, то тогда наука не в состоянии объяснить, по какому экстраординарному совпадению случайностей различные объекты, состоящие, в конечном итоге, из одних и тех же элементарных частиц, имеют совершенно различные свойства. Если у этого феномена отсутствует исходная причина (идея), то это экстраординарное совпадение случайностей слишком экстраординарно, чтобы рационально в него поверить. Например, если лягушки на земле образовались случайно, то в эту случайность труднее поверить, чем в случайность природного создания калькулятора, поскольку последний конструктивно будет намного проще этой самой лягушки. У нас нет никаких оснований предполагать, что случай мог создать такую чудесную и невероятно сложную организацию мироздания. Поэтому то, что материалистами представляется случайным совпадением, настоятельно требует своего объяснения. Без такого объяснения материализм есть не знание, а «чистой воды» особая вера. С другой стороны, сам успех науки в демонстрации того, насколько глубоко упорядочен естественный мир, дает основания считать, что у самого этого порядка есть еще более фундаментальная причина².

Любая научная теория зиждется на некоем наборе аксиом - принимаемых без доказательств (то есть на веру) положений (догм).

¹ Суинберн Р. Есть ли Бог? Пер. с англ. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 120 с.

² Там же.

Ученые выстраивают свои версии, используя ту теорию (обязательно основанную на тех или иных аксиомах), которая лучшим образом экстраполирует известные наблюдения. При этом они верят, что предсказания на основе такой теории, вероятно, более истинны, чем предсказания какой-либо другой теории. Начальные же условия явлений (принимаемые аксиомы) и первопричина самих наблюдаемых закономерностей (регулярностей) всегда остаются вне этих теорий, хранят свою тайну. Поэтому наше мировоззрение, каким бы оно ни было, – идеалистическим, материалистическим или смешанным, – на самом деле всегда представляет собой комбинацию тех или иных верований, накапливаемых (приобретаемых) в процессе жизненного опыта.

Таким образом, при формировании мировоззрения человека все зависит от того, во что он более склонен верить. Неверующих людей практически нет вообще. Например, одни верят в то, что душа и Творец есть, другие верят, что ни души, ни Бога не существует и всё в мире подвержено саморазвитию. Та или иная вера, таким образом, является естественной частью человеческого существования. Если бы человечество имело однозначную научную картину мира, то она могла бы стать надежной базой для единственной модели мировоззрения. Иное воззрение логично было бы в таком случае считать просто незнанием. Однако такой научной картины мира нет, и в нее при желании можно пока что только верить. Свою тайну хранит и мир, и человек в этом мире. Т.е. научно доказанных ответов на вопросы «Что есть мироздание?» и «Что есть человек?» никогда не было и ныне нет. Нет никаких оснований считать, что они могут появиться. Ответить на эти вопросы помогут только здравый смысл и логика, интуиция и совесть, принятые верования. Поэтому мировоззрение человека на самом деле представляет собой упорядоченную комбинацию его верований¹.

Помимо сказанного, особо следует отметить, что мировоззрение всегда несёт идеологическую «печать», поскольку его формирование никогда не происходит в условиях идеологического вакуума, а скорее, наоборот, мировоззрение редактируется (часто даже подсознательно) идеологической средой, в которой живёт человек. Редактируется, аргументируется даже когда мировоззрение индивида оппозиционно принятой в обществе идеологии.

Обобщение заявленного тезиса позволяет эксплицировать поня-

¹ Подробно вопрос формирования мировоззрения исследовался в работе Папаяни Ф.А. Смысл жизни. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2013. – 304 с.

тие «мировоззрение», убрав возможную его двусмысленность.

Мировоззрение – общественный феномен, во-первых, представляющий собой систему религиозных, научных, нравственных, этических, эстетических, философских, правовых, политических и др. взглядов, идей или норм, определяющих отношение человека к миру, другим людям и к себе; во-вторых, зависимый от актуальной государственной идеологии; в-третьих, являющийся жизненно необходимым и потому непреложным спутником каждого члена общества любого исторического периода; и, в-четвёртых, раскрывающий своё содержание в выполняемых ментальных и витальных функциях:

- оценочная функция. Ориентирована на выработку и принятие человеком этических и эстетических критериев;
- поведенческая функция. Направляет поведение человека в каждодневных ситуациях в зависимости от имеющегося набора знаний и принятых критериев морали, нравственности;
- функция целеполагания. Позволяет человеку уточнить свои цели в жизни, а также стратегию и тактику их осуществления;
- функция роста (нравственного/духовного/философского и иного). Может способствовать как расцвету личности, или тормозить её развитие;
- вероисповедная функция. Обеспечивает принятие на веру те или иные положения.

Остаётся только добавить, что формирование мировоззрения было и остаётся прерогативой идеологии.

§ 3 Экспликация ключевых понятий «мораль», «нравственность», «Нравственный закон» и «духовность»

В условиях тотальной глобализации мира философы пытаются обобщить накопленный опыт человечества. К XXI веку опыта стало ещё больше, а голоса о «кризисе разума», «кризисе человека», «кризисе философии» и даже о «конце философии» звучат все чаще. Причина кроется в том, что «знаний много, но не хватает мудрости и широкого, панорамного взгляда на суть вещей, то есть всего того, что идёт «от культуры души», от духовного опыта»¹. «Человечество переживает момент «самоисчерпанности» культурной истории, явившейся следствием длительного процесса релятивизации и плюрализации базовых смыслов и ценностей» в условиях разрыва единства культуры и цивилизации»², ибо «мы стали свидетелями того, как пограничная ситуация, в которой оказался современный человек, порождает некую «посткультурную» эпоху, когда истина и ложь, возвышенное и низменное, смысл и бессмыслица уже не выступают как твёрдо очерченные категории, а потому перестали быть опорой для человеческих поступков»³. Человечество тяжело болеет духовно-нравственной болезнью, о чём свидетельствует деградация населения в самых благополучных странах, утративших нравственные ценности и человеческие чувства (любовь мужчины и женщины, забота о стариках, сострадание, самопожертвование, взаимопомощь и солидарность), сопровождаемые трагичной дезинтеграцией личности в угоду неудержимого потребления⁴. Ныне «бал правят» те, кто формирует свои концепции на основе субъективной игры воображения. По устоявшейся традиции последних веков в философских текстах редко упоминаются в первоначальном значении такие понятия как «душа», «совесть как орган души», «дух», «духовный мир» и тем более – «Бог». Если и упоминается душа, то в качестве внутреннего мира человека, имеющего материальное измерение и включающего составные элементы психики, воли и жизненной энергии. В этом ус-

¹ Цветков А.П. Интеллигенция как смыслопорождающий субъект общества // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2011. – С. 241.

² Лазарев Ф.В. Антропологический кризис в современном мире: от глобальному к локальному // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2011. – С. 157.

³ Там же. С. 149.

⁴ Бабурин С. Борьба за духовные ценности России – решающий этап борьбы за здоровье всего человечества // Журнал международной славянской академии «Славяне». – 2017. – № 4(9). – С. 49-53.

матривается некоторая уступка идеализму. Для «научного подхода» считалось неприличным упоминать «душу» и «дух», как сущностные метафизические свойства человека, а «духовность», как свойство души, воспринявшей тот или иной дух. Засилье идей материализма в массовом сознании закономерно привело к «кризису философии» и «кризису человека». Достаточно вспомнить краткосрочный успех марксизма, как воинствующего атеизма, и последующее за ним разочарование в коммунистической утопии.

В современной философии приличнее рассуждать о внутренних тайных свойствах материи, которые привели к случайному образованию этого мира; рассматривать загадочную эволюцию форм жизни (от простых к сложным) и до сих пор считать, что «труд сделал из обезьяны человека» (кстати сказать, вопреки научным геномным данным об этом родстве). На самом деле, человек если и является интеллектуально развитым животным, то, прежде всего, он есть «верующее животное», а верования и духовность во многом определяют его сущностные свойства. Это обстоятельство свидетельствует о том, что человек начинается там, где заканчивается животное.

Нынче, в эпоху постмодернизма, философы занимаются индивидуальным этическим нормотворчеством (увлекаясь при этом словесной формой больше, чем содержанием, причём в условиях отсутствия единых нравственных критериев). От частого употребления, «духовность» рискует стать расхожим модным термином, дискредитируя потребность в определении духовного содержания конкретного человека, без которого внутренний мир человека остается «неоткрытой землей». Только через конкретное содержание духовности определяется мера человечности в облике и поведении конкретного человека. Социальная философия как одна из правопреемниц «любомудрия» настоятельно требует чёткого определения души, духа, духовности и обязательно – границы добра и зла хотя бы для тех, кто берётся философствовать по этим вопросам.

Общечеловеческих (в смысле вне-религиозных и наднациональных) ценностей «добра» не существует. Это лицемерная выдумка (точнее сказать, – ловушка) современного либерализма. На самом деле в качестве «общечеловеческих» ценностей на Западе давно уже приняты идеологические установки империи англосаксов. Например, события в Югославии, Ираке, Афганистане и Ливии объясняются западными моралистами от политики как добро во благо народов, поскольку установление демократического режима по западному шаблону и есть «абсолютное социальное добро». Такая общечелове-

ческая ценность весьма сомнительна, особенно глядя на телекадры расправы с М. Каддафи в Ливии, больше напоминающие сатанинскую оргию, чем акцию справедливости с ориентиром на торжество добра.

Философы эпохи постмодерна, рассуждая о духовности, о человеческих и мировых проблемах, старательно уходят от вопроса определения границы между добром и злом. Без обозначения этой границы этическое философствование становится бесперспективным или даже абсурдным, превращаясь в словесное (пусть иногда даже и остроумное) «жонглирование» словами исключительно по форме, а не по содержанию. Представляется весьма актуальным рассмотрение духовности в одной связке с сопряженным с ней вопросом определения границы добра и зла. Нравственный вызов человечеству в форме антропологического кризиса XX-XXI веков настоятельно требует своего ответа.

Духовность – многолика. Вся история развития человеческой мысли, история культуры, религии и философии – это поиск некоего духовного эталона для подражания или сравнения, жизненной гармонии и духовного опыта. На вопрос «что есть духовность?» – все отвечают по-разному. Иногда – слишком абстрактно и туманно, вкладывая в понятие «духовность» некий неопределенно-возвышенный смысл. В других случаях о духовности говорят слишком самоуверенно и конкретно, ограничивая столь необъятное и сложное явление субъективными рамками своих чувственных представлений. Поэтому пути становления и развития духовности у всех разные¹. Ситуация усугубляется неоднозначностью толкования феномена «духовность», что является одной из основных причин, порождающих различного рода заблуждения.

Во избежание недопонимания о чём идёт речь, автор считает задачей исключительной важности однозначное определение «духовности» и сопряженных с ним понятий. Возможности глоссария обеспечивают понятийный каркас предложенного текста. Претензии на абсолютность глоссария у автора отсутствуют, поскольку ограничены возможности языка и человеческих представлений о потустороннем мире. Как слепому сложно описать красный цвет, не видя его и не сравнивая с другими цветами, так и человеку с его весьма ограниченными возможностями духовного зрения в понимании того, что существует за пределами чувственного восприятия, невозможно точно (корректно) описать такие метафизические понятия, как

¹ Лещук И. Лабиринты духовности. URL: <http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/lab0.htm> (дата обращения: 04.04.2018).

«дух», «душа» и «духовность». Тем не менее, уточнить эти термины необходимо в рассуждениях о духовности хотя бы для того, чтобы было ясно, о чём именно идёт речь. Для этого воспользуемся глоссарием, приведенным в приложении. В данной главе из него, в частности, взяты такие исходные для последующих рассуждений понятия, как антропологический кризис, вера, вера религиозная, вера научная, вера философская, вера обыденного сознания, воля, высокодуховность, добро, дух, духовность светская, духовность христианская (православная), духовный мир человека, душа человека, зло, идеализм, истина, материализм, метафизика, нравы, нравственный закон, нравственная потребность, нравственное чувство, постмодерн, псевдодуховность, религиозность, религия, совесть и человек.

Предложенный глоссарий обеспечивает возможность перейти от представления о природе того или другого феномена к понятию его сущности, что позволяет рассмотреть историю эволюции понятий «дух» и «духовность».

Исходное представление о том, что такое «дух», возникло в религиозном сознании как метафизическая категория. Оно зародилось в мифологическом сознании в условиях становления культуры страха перед необъяснимыми силами природы, но сформировалось (прошло свое становление и развитие) в религиозном сознании. Согласно религиозному сознанию, дух представляет собой присущее живому организму существо (сверхъестественное, метафизическое, бесплотное), задающее ему изначальное движение. Дух личностен. Он атрибут каждого индивида. Духом является третья ипостась Святой Троицы, духами являются ангелы (например, Архангел Михаил), в том числе и падшие (например, демоны). Каждый человек имеет свою личностную духовную сущность (измерение), поскольку каждый характеризуется одному ему присущему духом, живущим в его душе. В Христианстве считается, что именно дух человека, сотворён Богом по «образу и подобию Своему». Иначе говоря, дух человеческий имеет начало в Духе Божиим. Влияние духов испытывает на себе не только отдельно взятый человек, но и любая человеческая общность. Они выступают своеобразным фактором, определяющим жизнь человека и жизнедеятельность людей в статусе народа.

Душа – нематериальное, духовное, бессмертное начало в человеке, определяющее его внутреннее чувство и совесть¹. В душе человека вырабатываются такие представления и качества, как честь, долг, са-

¹ Даль В. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Эксмо, 2003. – 736 с.

мопожертвование, отважность, решимость, трудолюбие и, наоборот, безнравственные начала, присущие личности. Поскольку Дух и душа человека нераздельно соединены в единую ипостась, то эти понятия, относимые к человеку, зачастую ошибочно отождествляются.

Автор предлагает различать Дух и душу, поскольку «дух человека отражает высшую искру Божества, стремление к небесному»¹, а душа – свойство человека. Взаимосвязь Духа Божьего и души в чем-то напоминает взаимосвязь Брахмана и Атмана в древнеиндийской философии, где «высокодуховность» Атмана – души человека определяется мерой его (ее) сопричастия с Брахманом, как Божественной силой, из которой все возникает и в которую все возвращается. Если субстанцией бытия мира является Брахман, то субстанцией бытия человека выступает Атман (душа человека).

Согласно христианству, душа может быть и падшей, что отражается народными поговорками: «грешное тело и душу съело», «одна душа и та не хороша». Дух в этом смысле выше души и именно дух человека, сотворенный как «образ и подобие Божие», прежде всего, отличает человека от животного. Животное имеет свои дух и смертную душу, но не имеет богоподобных свойств. Бессмертная душа человека метафизична по своей сути. Следует отметить, что сердце в христианском сознании выступает не только как биологический (иначе – физический) насос для перекачки крови, но и как метафизическое место (зона, область) пребывания души. Как сказал Иисус Христос: «Сердце есть хранилище добра и зла»². Не случайно, поэтому в русском языке укоренились фразы: «сердце подсказало», «чует сердце», «от всего сердца», «муки сердца», «сердечная привязанность», «любящее сердце», «сердце не стерпело», «скрепя сердце», «в сердцах сказать», «отлегло от сердца», «как Бог на сердце положит». П. Флоренский называл сердце очагом и источником духовной жизни человека. Сердце, как место пребывания души, предназначено не только для чувствования (согласно Святителю Луке, сердце – чрезвычайно тонкий, универсальный, центральный орган чувств), но и для общения с Богом. Священное Писание свидетельствует, что сердце есть орган желания и источник воли, добрых и злых намерений, орган познания (больше того – орган высшего познания), орган мысли и восприятия духовных воздействий³.

¹ Даль В. Толковый словарь русского языка. Современная версия.

² Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. Мф. 12, 34, 35.

³ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasnetskij/dukh-dusha-i-tele/ (дата обращения: 10.07.2018).

Душа, вмещающая в себя богоподобный дух личности, имеет все возможности для духовного развития. В идеале она может вплотную приблизиться к духовному совершенству Самого Бога. С другой стороны, душа человека интересна не только Богу, ожидающему от человека духовного роста, но и дьяволу, как олицетворению злых помыслов и их осуществления. Поскольку душа подвержена заинтересованному влиянию падших духов (демонов), поэтому она имеет равные возможности и для духовного возвышения, и для падения. Дух Божий и дух сатаны действуют повсюду, оказывая воздействие на весь род человеческий.

В душе человека происходит борьба добра (всё, что от Бога) и зла (всё, что от сатаны). В душе находится «рай» или «ад» (как их временная дислокация при жизни человека), то есть это не только некие обособленные места метафизического мира (как постоянная дислокация после смерти), но также конкретные состояния души, в которых уже при жизни может оказаться дух конкретного человека, ибо «ад имеет множество различных темниц»¹. В душе человека складываются нравственные суждения, что отражается таким качеством, присущим душе, как совесть. Совесть, как важнейшая функция души, должным образом развивается (формируется) только в нравственной атмосфере становления и развития человека.

Христианство рассматривает душу человека как бесплотное тело (футляр, хранилище) духа. Попробуем пояснить собственное понимание этих представлений по аналогии. Например, зерно, как аналог души, имеет генетический код – ДНК. ДНК выступает как аналог духа. Этот код сам по себе совершенен. При благоприятных окружающих условиях (аналог нравственной атмосферы) зерно прорастает в красивое растение благодаря гормону роста (аналог совести). При неблагоприятных условиях, при нехватке солнечного света, пространства или влаги происходят сбои в нормальном развитии, и из зерна развивается искривлённое, мелкое, уродливое растение. По этой аналогии можно понять, что не сложившаяся (не воспитанная) в нравственной среде совесть (аналог не выработанного в должном количестве гормона) может давать «сбой», что, в свою очередь, может привести душу к падению, к порабощению её злыми духами, несмотря на то, что дух человека (аналог ДНК) совершенен по своей Божественной природе. Пример, конечно, очень условный и, возможно, даже грубый. Он только лишь призван помочь пояснить представление автора о соотношении души и духа.

¹ Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/slova/2 (дата обращения: 12.07.2018).

Духовность в самом общем смысле можно рассматривать как совокупность проявлений Духа в мире и в человеке. Изначально под духовностью понималось всё относящееся к Духу, душе и вере. Человек всегда имеет ту или иную духовность, поскольку душа человека является полем битвы добра и зла. Личность может быть охарактеризована, как носитель, например, христианской или сатанинской духовности. Она может быть как по одну, так и по другую сторону «границы добра и зла». Духовность так же метафизична и беспредельна, как и сам Дух. Можно считать, что совесть является проекцией духовности в индивидуальном сознании, но остается открытым вопрос о содержании духовности.

В православном сознании восточных славян понятие «духовность» к XIX веку постепенно приобрело исключительно позитивный смысл. Духовность рассматривается как свойство воспринявшей Бога (Святой Дух) души, с очевидным ориентиром на христианское вероучение. «Христианская духовность – это не уход «в пустыню», это не самоцельное уничтожение тела и души (часто доходящего до юродства, воспеваемого некоторыми ревнителями), а подчинение тела и воли, разума и эмоций – высшей инстанции человека – духу, подчиненному, в свою очередь, Святому Духу. Духовность – это гармоничное и сбалансированное развитие человека, когда «дух, душа и тело во всей целости» демонстрируют единство, устремленное в гармонию своего развития»¹. Соответственно, бездуховность (антидуховность, псевдодуховность, бездушность) приписывались душам, отвергающим христианскую (как истинную) духовность. Такое представление о «духовности» постепенно укоренилось за столетия православного мировоззрения и обрело статус «православной духовности», «христианской духовности», «святодуховности» или «высокодуховности». Определяемая таким образом высокодуховность есть высшее достижение человеческой души, воплощенное единство души и Духа, человека и Бога.

Автор предлагает различать понятия «духовность» и «православная духовность», как это сделано в предложенном глоссарии. Такой подход не исключает принадлежности к духовности иноверующих, включая даже сатанистов, имеющих свою, отличную от православной, духовность.

Идеологи марксизма-ленинизма не смогли устранить понятие «духовности» из языка и культуры, поскольку православной духовностью были пронизаны вся русская дореволюционная литерату-

¹ Лещук И. Лабиринты духовности.

ра и искусство. Формально сохранив термин «духовность», идеология марксизма-атеизма заместила его суть, выхолостив из него православно-религиозное содержание. Духовность как синоним нравственности наполняется материалистическим содержанием. В социологии и культурологии, а ещё чаще в публицистике «духовностью», по советской традиции, часто называют объединяющее начало общества, выражаемое в форме моральных ценностей строителей коммунизма. Духовность рассматривается как «продукт и фундаментальное основание культуры, проявление «человеческого в человеке»¹. Светский гуманизм утверждал, что духовность – это содержание высших образцов (нравственных норм и ценностей) человеческой культуры (искусства, права, морали, философии). Укрепление такой духовности осуществлялось просвещением, идейно-воспитательной и патриотической работой соответствующих служб. Произошла подмена и понятия «дух».

Современные гуманисты рассматривают дух как любовь к качеству и волю к совершенству во всех областях жизни. Дух понимается как синоним сознания, как настроение и эмоциональное состояние человека или коллектива (сила духа, боевой дух, дух победы). Отказ духу в праве на субстанциальность шел со стороны популярного в XX веке позитивизма. Даже в философии идеализма понятие «дух» под влиянием антирелигиозных тенденций определяется как некое первоначало (идеальное начало или просто как нечто нематериальное, например, некий «источник той творческой силы, которая ведет человека и мир к совершенству»²), а не как сверхъестественная, бесплотная и личностная субстанция, определяющая бытие мира и бытие в мире.

Такова эволюция понятий «Дух» и «духовность». Автор предлагает сохранить понятия «Дух» и «духовность» в первоначальном смысле, поскольку нет объективной необходимости в дополнительных синонимах, таких как эмоциональное состояние, настроение, мышление, мораль, нравственность. Они не столько помогают человеку найти свое место в мире, сколько создают дополнительные трудности на этом пути, подменяя атрибут модусами его проявления.

Из представленных выше определений, получается, что религиозный человек обязательно верующий, хотя возможно и лицемер-

¹ Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече 2000; АСТ, 2003. – С. 132.

² Краткий философский словарь. / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев и др.; Под ред. А. П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 496 с.

рие, когда формально соблюдаются религиозные ритуалы без веры в Бога. Такое лицемерие автор не рассматривает как факт религиозности. Имеющий веру в Бога (верующий), не обязательно является приверженцем какой-либо религии, т.е. ещё не является религиозным человеком. Религиозный человек не обязательно является нравственным (вспомним организаторов крестовых походов или исламских террористов). Нравственный человек не обязательно является верующим, и тем более, религиозным (например, воин-атеист, жертвующий собой ради товарищей и Родины). Духовный человек является верующим по определению, но не обязательно религиозным или нравственным. Что касается высокодуховного человека, то он всегда является нравственным.

Большинство современных авторов употребляют термины «нравственность» и «мораль» как синонимы. Авторское понимание иное. Эти понятия близкие, но отнюдь не тождественные. Если нравственность понимается как ориентир на совесть, которая определяет поведение людей, то мораль можно рассматривать как форму общественного сознания, с претензией на норму регуляции жизни людей, которая обеспечивается общественным мнением.

Таким образом, мораль определяет собой должное поведение людей на основе общественного мнения и несет на себе печать своей эпохи и культуры. Критерием морали выступает долг на основе общественного мнения («что люди скажут!?»). Моральное поведение ориентировано на гражданскую законопослушность, нравы и обычаи конкретного общества. Что касается нравственности, то она исторически складывается на основе того или иного нравственного Закона, имеющего вневременной характер. Критерием нравственности выступает совесть человека, вне зависимости от того, «что скажут люди». Нравственное поведение возможно лишь в условиях пробужденной совести человека.

Здесь следует обозначить тезис принципиальной важности. Он состоит в том, что для нормального нравственного развития личности представления о добре и зле (как бинарной оппозиции) должны быть чётко зафиксированы. Так, бинарность «добра» и «зла» (или, иначе, «хорошего» и «плохого») следует предпочесть изошрённым постмодернистским стратегиям отказа от такой постановки проблемы, поскольку именно бинарными оппозициями заданы как основы, так и особенности всех существующих и ранее существовавших культур. Конкуренция между ними состоит в жёстком отстаивании своих норм и ценностей, а также в необходимости воспитания молодого

поколения. Иначе, с потерей поколения, своя культура не выживет: «что такое хорошо, а что такое плохо» детям следует внушать сзымальства¹. Бинарные оппозиции оставляют за собой прежнюю роль несущих осей организации мыслительного пространства. Попытаться изъять их из дискурсов культуры – значит лишить её исходных смысло-жизненных ориентиров. Оппозиция разрешённого и запрещённого сохраняет пространство нормативности. Отношения добра и зла конституируют ценностную сферу².

Борьба между добром и злом, между нравственностью и аморальностью, смыслом и бессмыслицей в человеческих душах и в обществе идёт столько же времени, сколько существует человек. В I веке нашей эры в мир пришел Иисус Христос. Категории добра и зла приняли ясные очертания для европейского сознания. С тех пор и поныне наблюдается жесткое противостояние двух фундаментальных этических концепций – христианской и богоборческой. Это противоречие постепенно приобрело ясные очертания для европейского сознания. С тех пор и поныне наблюдается жесткое противостояние двух фундаментальных этических концепций.

Сравнительный анализ двух противостоящих концепций позволяет определить христианский Нравственный закон как «идеальное добро», а богоборчество (всю многоликость явных или завуалированных антихристианских ориентаций) как «идеальное зло». Иначе говоря, любое представление или суждение (тем более действие), соответствующее христианскому Нравственному закону находится в плоскости «добра» по определению. Не соответствие Нравственному закону будет лежать по другую сторону границы, то есть в плоскости «зла». «Граница добра и зла» позволяет иметь строгую точку опоры в любых этических рассуждениях и позволяет понять нравственную суть любого авторского послания.

Идеологическая война добра и зла (христианства и богоборчества) продолжается уже более XX веков. В ней каждая душа – воин. Исход этой войны зависит от мировоззренческого выбора людей, от выбора, по какую сторону «границы добра и зла» видит себя каждый человек. Как чело своего времени, человек обретает человеческие качества (в том числе, разговорную речь и абстрактное мышление) только в обществе, впитывая с детства культуру, правила поведе-

¹ Шоркин А. Постбинарные структуры: живые игры бинарных оппозиций / Учёные записки национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (63). – 2011. – №3-4. – С. 9.

² Там же. С. 19.

ния своей семьи и своего общества. По своим правилам живут не только люди, но и все животные, птицы и даже насекомые. Регуляция сообщества живых существ является важнейшим фактором его жизнеобеспечения. Например, сообщество пчел без регуляции, т.е. без четкого распределения их функций и границ дозволенного, не имеет никакого шанса на выживание. Регуляция как программа, мотивирующая и ограничивающая поведение животного или насекомого, жестко фиксирована на генетическом уровне и дает сбои в исключительно редких случаях. Регуляцию отношений людей выполняет нормативная база общества, где особое место занимает мораль и нравственность, обеспечивая гуманизацию этих отношений через принятые нормы поведения, общения и взаимоотношения. Внутренняя регуляция человека обеспечивается исключительно его нравственным воспитанием, которое никогда не бывает одинаковым или идеальным. Эта регуляция нередко дает «сбои». Ситуация усложняется еще и тем, что мораль и нравственность в условиях слабого влияния Церкви выступают в качестве некоего традиционного неписаного закона, формально реализуя свою регулятивную функцию посредством обыденного сознания. В свою очередь, если закон регуляции четко и однозначно не прописан, то это повод возможной неоднозначности, индивидуальности его трактовки и сомнения в нем. Такое положение приводит к постоянному нравственному нормотворчеству индивида как творца своего бытия. Отсюда и все «сбои» в его практическом исполнении.

Люди стремятся выстроить свои отношения оптимально, понятными, гуманными и прогнозируемыми, но их субъективность заставляет вспомнить расхожую фразу времен Перестройки 80-90 годов: «Хотим, как лучше, а получается, как всегда». Чтобы осуществить это сокровенное желание и обрести оптимальное отношение к миру, следует ориентироваться на единый Нравственный закон, обрести единое нравственное поле становления и развития личности. Необходимость этого Нравственного закона диктует жизнь социума, а его сущность согласуется с оптимальной мерой должного, доброго и справедливого. Эта мера заявляет о себе в многообразных формах как общественной, так и личной практики.

Мораль общества может выполнять свою регулятивную, ценностно-ориентационную и социализирующую функцию, если она основана на постоянных, вневременных, имеющих абсолютный характер категориях Нравственного закона. Феномены милосердия и сострадания, благотворительности и добродетели составляют базовое ос-

нование морали. Разрушение этой основы неминуемо ставит под сомнение эффективность морали как одного из регуляторов жизни общества и жизнедеятельности личности в этом обществе. Это основание нельзя разрушать никому, ни при каких обстоятельствах, независимо от его веры. Речь идет не о различных верованиях, а о том, жить ли обществу с ясными установками на добро, на гуманное отношение друг к другу или уходить в небытие, приумножая зло. История свидетельствует, что бытие общества без Нравственного закона (например, в периоды революций) превращается в трагедию для народов. Чем продолжительнее такое бытие общества, тем значительнее его трагедия. Всякие попытки отменить этот закон или выхолостить его содержание (например, как это делали французские моралисты XVIII - XIX в.в.), прямо или косвенно способствуют сначала падению авторитетности религиозного Нравственного закона, а затем и гуманного отношения к ближнему. В итоге получают оправдания войны и революции с массовыми убийствами и неисчислимыми страданиями миллионов людей. В этом кроется вся, пусть даже кому-то неудобная, истина.

Ни совесть, ни высоконравственное состояние не являются жестко закреплёнными от рождения качествами индивида. Поэтому воспитание почитания к Нравственному закону религии своего народа (как в Китае, Индии и в средние века Европы) имеет первостепенное значение, как для общества, так и для личности этого общества.

В определённом смысле жизнь человека можно рассматривать, как выявление собственным опытом границ добра и зла. Так, прикосновение к любому серьёзному вопросу человеческой жизни, его реконструкция и аксиологическая интерпретация осуществляется через этическую оценку добра и зла. В основе этой оценки лежал и лежит некий эталон. В качестве этого эталона выступает принятый людьми Нравственный закон религии своего народа. Нравственный закон абсолютно необходим для нормального функционирования людей в обществе. Он объективен по своей сути, как и законы физики или биологии. Объективен настолько, насколько вообще объективны законы общественного развития. Нравственный закон «не прощает» нигилистического к себе отношения. Его исполнение обязательно для всех без исключения. Выходя из-под «опеки» Нравственного закона, игнорируя универсальные представления о добре и зле, пользе и справедливости, человек рискует утратить и саму нравственность как стержень человеческого бытия¹, как базовое основание челове-

¹ Муза Д.Е. Этика и эстетика. – Донецк: ДонНТУ, 2006. – С. 38.

ческого в человеке. Потеряв человеческое, человек деградирует и как личность, и как индивидуальность. Потеряв статус чела - века своего времени, человек возвращается в животное состояние, демонстрируя своими поступками наихудшую разновидность животного мира. «Похоже, что Нравственный закон постоянно присутствует в человеке в качестве его совести. Вопрос заключается в том, насколько совесть подавлена внешними возмущениями, неразвита или, наоборот, раскрыта в полном своем развитии. Выбор человека в серьезных жизненных ситуациях – это практический результат работы души»¹. Каждый человек рано или поздно осознаёт, когда его поступки праведны, когда неправедны. Это означает, что Нравственный закон, вложен в совесть каждого человека, составляет дисциплинарную матрицу его поведения. От конкретного человека зависит выбор: слушать или игнорировать голос совести, следовать ее императиву или разменять этот императив на сомнительную пользу текущего момента.

Нравственный закон, как способ утверждения человеческого в человеке, имеет ряд свойств. Среди этих свойств важнейшим является регуляция человеческого поведения. Закон существует в виде предписаний поведения, осуществляя воспитательную, ценностно-ориентирующую функцию. Он интегрирован во все сферы общественного бытия: политическую, производственно-хозяйственную, семейно-бытовую, досуговую, что позволяет оценивать отношение человека к действительности (каждой сфере бытия), обеспечивает регуляцию его поведения с точки зрения противостояния добра и зла, помогает реализовать становление и развитие духовного мира человека.

Логичным будет признание каждым человеком необходимости и целесообразности Нравственного закона. Признание того, что он являет собой «дисциплинарную матрицу» жизнедеятельности людей, выступая в качестве универсального эталона отношений людей в мире. Через призму категорий добра и зла, Нравственный закон позволяет определить, «что есть зло» и «кто есть кто».

Каково же отношение к Нравственному закону в современной (1991-2018) Украине? Согласно мнению Е. Головахи и Н. Паниной, в украинском обществе сохраняется феномен аномии (нарушение традиционных правил, когда людям кажется, что они живут в мире, где нет норм)². Со времени провозглашения независимости, население

¹ Лазарев А.С. Расшифрованная библия, или Реквием цивилизации. – К.: А.С.К., 2003. – С. 35.

² Головаха Е., Панина Н. Постсоветская аномия в России и Украине: современное состояние и пути преодоления // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5-10.

Украины живет в условиях общих представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, игнорируя императив принципов честности, порядочности, достоинства. Жить в условиях постоянного ощущения массовой аморальности нестерпимо для большинства людей. Поэтому состояние аномии не может продолжаться в обществе бесконечно. Более того, аномия сделала возможным распространение нацистского сознания на всей территории Украины после переворота (майдана) 2014 года.

В этой связи возникает вопрос, а может ли Нравственный закон обеспечить фундамент власти в Украине, морали в обществе, бизнесе и политике; в деятельности конкретного человека? Можно ли определить аналогичный закон на основе так называемых общечеловеческих, либеральных, демократических ценностей?

Так называемые «общечеловеческие, либеральные, демократические ценности» трактуются политиками в их корыстных целях. Они не точны в своем практическом приложении. Средства массовой информации, внушающие эти ценности, подконтрольны тем или иным политическим силам и выполняют их волю. Существующие либеральные демократии - лишь ширмы, скрывающие реальную «экономическую власть». Западная демократия предполагает выборы по партийным спискам, хотя хорошо известно, что партии отражают интересы олигархов, а не народа. Кроме того, эта «экономическая власть» руководствуется силами, которые не являются демократическими: НАТО, МВФ, ВТО. Народы лишены возможности решать, хотят они или нет, чтобы эти структуры вершили их судьбы. Поэтому нельзя возводить современную либеральную демократию в абсолютную ценность, наблюдая, во что она реально выродилась в современном мире.

Логика практического сознания подсказывает, что и человек, и общество обязательно должны принять единый Нравственный закон как объективную необходимость, которая выступает духовными «скрепами» общества, обеспечивая его перспективу. Этот Нравственный закон и собственная совесть, порядочность должны быть главными факторами психологической защищенности человека в социуме с его основополагающими ценностями жизни и свободы, равенства и справедливости.

Свобода является благом лишь тогда, когда не приводит к распаду человеческих взаимоотношений, регулируемых, прежде всего, Нравственным законом. Мало кем оспаривается и то, что ключевой общественной идеей является справедливость. Справедливость де-

монстрирует умение соизмерять ценности с внутренним эталоном (по совести). Вопрос заключается именно в том, что мы признаем в качестве «эталона» этой справедливости.

Есть представления о всеобщей справедливости у Маркса, Ленина, Наполеона и Гитлера. Иные они у Христа, Будды, Конфуция, Мухаммеда и Христа. Чтобы ответить на вопрос, чей эталон справедливости следует принять в качестве ориентира жизненного пути, необходимо обратить внимание на то, что религия теизма понимает справедливость как проекцию Нравственного закона, данного Богом. На этом зиждется вся авторитетность этого закона. Этим объясняется, почему религиозный Нравственный закон существует многие века, являя собой моральный стержень традиций и культуры конкретного народа.

В случае замены религиозного Нравственного закона той или иной философской концепцией можно получить взаимоисключающие мнения, а не ответ, который подготовлен единством разума и сердца. Из-за многообразия сомнительных, противоречивых мнений формируется моральная разновекторность общества. Общество, игнорирующее Нравственный закон, неизбежно теряет свою стабильность, неминуемо дезорганизуется.

Одним из основных признаков политической состоятельности государства является стабильное и эффективное законодательство. Однако люди, в отсутствие Нравственного закона, не могут выполнять гражданские законы. Гражданский кодекс любой страны имеет значение только в том случае, если он признается и выполняется обществом. Назначение судов – ограничивать проявления зла, а не потакать ему из корыстных побуждений. Доморощенные дельцы не боятся ни земного суда (ибо он подкупаем), ни небесного (в отсутствие веры). Это и есть основная причина социальных проблем и, в частности, не прекращающегося беспредела.

Любое абстрактное представление существует реально, пока оно живет в сердцах людей. Соблюдение правовых норм должно диктоваться не страхом наказания, а необходимостью. Поскольку так должно быть, поскольку это совершается ради общего, в том числе и моего блага, то этой норме необходимо и следовать. Демократическое общество выполняет гражданские законы, если они не противоречат Нравственному закону совести, ибо этот закон с детства «впитан с молоком матери».

Благо государства и состояние правопорядка находятся в зависимости от моральных и нравственных качеств граждан. В свою

очередь, благо государства выступает гарантом благополучия своих граждан. Поэтому следует максимально подчинить социально-правовые отношения нравственным началам. Идеалом может быть только тождество морали и права, морали и нравственности, права и закона. Суд собственной совести должен быть выше светского суда, не без оснований считает И. Кальной¹.

Людей условно можно разделить на три группы: на тех, кто имеет устойчивую склонность нарушать гражданский закон (например, воры, бандиты, насильники); на тех кто не склонен нарушать закон ни при каких обстоятельствах (честные, законопослушные граждане) и на тех (а их большинство), кто редактирует (т.е. приспособливает) своё поведение в зависимости от общей моральной обстановки в обществе, общественного мнения, от того, как себя ведет руководство, каковы существуют примеры для подражания, от того, какие риски существуют в обществе. Первые две группы демонстрируют устойчивость и обеспечивают стабильность, третья – подпитывает социальную напряженность, ставит под угрозу личную безопасность граждан. В силу своей многочисленности и риска третья группа определяет общее настроение общества. От того, как воспитывается у неустойчивого большинства уважительное отношение к Нравственному закону, от того, как это большинство придерживается его, зависят нравы и образ жизни конкретного общества.

Сложившиеся нравы текущего момента могут демонстрировать полное пренебрежение к этому правилу. В этом-то суть социальной проблемы. Никакой гражданский или уголовный кодекс не поможет, ибо, как показала практика, всегда находятся обманные, обходные пути любой статьи закона позитивного права. Согласно европейским нормам, суд априори считает обращение любого истца обоснованным и не ставит под сомнение порядочность его намерений. Однако такой подход ориентирован на определенный моральный уровень, который должен быть присущ обществу в целом. В противном случае взамен верховенства права неизбежно складывается верховенство судьи. Коррупционированность судебной системы в странах постсоветского пространства, о которой много и небезосновательно говорят, в данном случае является не столько причиной беззакония, сколько следствием того, что в обществе разрушены устоявшиеся моральные нормы, отсутствует уважительное отношение к Нравственному закону. Если в стране дефицит судей, отстаивающих справедливость,

¹ Кальной И. Философия права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 259 с.

на основании почтения к Нравственному закону, то откуда же возьмутся политики, отстаивающие интересы своего народа, своей страны, государства? За редким исключением, социально активная часть общества (а это умные, грамотные и сильные люди, умеющие через волю к власти подчинить обстоятельства и тех людей, что их обеспечивают) озабочена собственным краткосрочным интересом. Таковы наши нравы в условиях, когда старая шкала ценностных ориентиров обрушилась, а новая не сложилась; когда большинство населения не живет, а выживает. В этом-то и суть нашей беды. Следствие этой беды – повсеместные финансовые нарушения, воровство из бюджета, взятки, коррупция, уход от налогов, рейдерство, криминальные разборки, понижение порога ключевых ценностей, определяющих подлинную правоспособность, дееспособность и деликтоспособность граждан: жизнь и свободу, равенство и справедливость.

«Нравы – это люди, – отмечал О. Бальзак, – законы – это разум страны. Нравы нередко бывают более жестоки, чем законы. Нравы, часто неразумные, берут верх над законами»¹. С другой стороны, следует признать справедливость высказывания античного философа Менандра о том, что нравственные качества справедливого человека вполне заменяют законы². Но и в первом, и во втором случае это слова, красивая декларация, ибо неразумные нравы источник неразумных законов, торжество неправы, а в условиях, где бал правит аномия, искать торжество справедливости равносильно поиску «иголки в стоге сена».

Таким образом, беда нашего общества и в несовершенстве законодательства, и в моральном состоянии общества; в его нравах, точнее, в неприятии обществом Нравственного закона. Поэтому не могут работать должным образом законы позитивного права в обществе постсоветского пространства.

Если Нравственный закон для человека не существует, то и совесть у него молчит. Люди в этом случае живут не по гражданскому закону, а «по понятиям». «Понятия» всегда приходят туда, где нет подлинного права, где торжествует неправота. Следующий этап жизни такого общества – это аномия и смута, а затем – полный хаос. Самый вероятный финал такого состояния – тирания, а потом и охлократия. Неизбежность подобной цепи изменений в так называемом «демократическом» обществе подметил еще древнегреческий философ Платон. После переворота 1917 г., власть в России отделила государ-

¹ Большая книга афоризмов. Сост. Душенко К.В. Изд.8-е, испр. – М.: Эксмо, 2004. – 1056 с.

² Там же.

ство от Церкви, произошло фактическое отделение людей от существовавшего Нравственного закона. Реальностью стало отчуждение духовности. Все это завершилось кровавой диктатурой. Власть любой кровожадной диктатуры начинается с отмены Нравственного закона. По Ленину, «мы (большевики, – ред.) в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем»¹. Подобное заявлял и Геббельс: «я освобождаю вас (немцев, – ред.) от химеры, называемой совестью»². Уводя немцев в зону жесточайшего зла, Гитлер и Геббельс «освободили» их от совести.

Согласно словарю В.И. Даля, совесть есть нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда.

Уже древнегреческий мыслитель Аристотель называл совесть внутренним судом праведного человека. Только совесть открывает подлинный смысл жизни человека, редактирует его образ жизни, его отношение к миру. Иначе говоря, совесть является духовным средоточием нравственной жизни человека, инструментом практического проявления Нравственного закона.

Философское теоретизирование относительно общественной и индивидуальной морали, необходимости Нравственного закона ведется в Европе много веков. Это обусловлено тем, что религиозный Нравственный закон потерял свою легитимность в условиях транзитивного общества, когда свершался переход от традиционного общества к индустриальному; когда власть авторитета в лице Церкви уступила авторитету власти в лице государства; когда парадигма теоцентризма уступила место парадигме формальной рациональности. Сложилась проблемная ситуация для бытия общества и бытия человека в обществе, что и обусловило поиск альтернативы религиозному Нравственному закону. Один из ярких примеров нерелигиозного Нравственного закона предложил И. Кант. Многие годы он был занят поисками общезначимых, необходимых, вневременных законов человеческого существования, определяющих те или иные поступки

¹ Ленин В. Задачи союзов молодёжи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Библиотека газеты «Революция». URL: http://revolucia.ru/lenin_komsomol_41_298.html (дата обращения 04.04.2018).

² Сундюков И. Фабрики смерти и «химера совести» // День. 2009. URL: <http://www.day.kiev.ua/272844> (дата обращения: 04.04.2018).

людей. По И. Канту, практический разум опирается на волю, но воля сама себя определяет. Есть воля природы тела (человеческого организма) и есть воля разума, участвующая в становлении, развитии и функционировании общественного человека. В первом случае имеет место зависимость поступков человека от его витальных потребностей, а во втором случае воля заявляет о себе как проявление социальной свободы.

Дуализм необходимости и свободы рождает императив как «объективное принуждение к поступку». На уровне необходимости он ориентирован на удовлетворение витальных потребностей, на уровне свободы – на осуществление морального долга.

Воплощением морального долга являются три аксиомы:

- поступи так, чтобы правило твоего поведения могло стать правилом для всех;
- в своих поступках исходи из того, что всякий другой человек является высшей ценностью и его нельзя рассматривать в качестве средства осуществления своих целей (интересов);
- все поступки должны быть ориентированы на благо.

Средство преодоления дуализма природной воли и воли разумной Кант видит в просвещении, которое, по его мнению, является оптимальной дорогой самосовершенства. В работе «Критика способности суждения» он пишет: «Развивай свои душевные и телесные силы так, чтобы они были пригодны для всяких целей, которые могут появиться, не зная при этом, какие из них станут твоими»¹. Человек обретает статус совершенного человека лишь тогда, когда возводит в закон своих поступков долг перед человечеством. По И. Канту, нравственность никак не опирается на чувство, ибо она полностью разумна: «Чистый разум сам по себе есть практический разум и дает (людям) всеобщий закон, который мы называем нравственным законом»². Этот закон – суждение человеческого разума. Присутствие этого Нравственного закона можно ощутить в виде веления долга. Главным для И. Канта был поиск всеобщей формулы нравственного поведения людей, которая исключает саму возможность безнравственных поступков, зла и несправедливостей. Все это замечательно, но на уровне декларации, ибо демонстрирует отсутствие механизма осуществления заявленного императива в обществе, где интеллектуально меньшинству противостоит консервативное большинство.

¹ Кант И. Критика способности суждения // Собрание сочинений в 6 томах. – М.: Мысль, 1966. Т.6. – С. 434.

² Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений в 6 томах. – М.: Мысль, 1964. Т.3. – С. 348.

Нравственный закон по Канту напоминает нравственные нормы, которые, в той или иной форме, встречаются как в христианской традиции, так и у древневосточных мудрецов, и у античных греческих философов. Фактически И. Кант формулирует не новый закон нравственности, а всего лишь предлагает формулу интерпретации нравственных норм прошлой действительности. Вероятно, этим можно объяснить парадокс авторитетности И. Канта. Его идея категорического императива может вызывать восхищение, но осуществление этой идеи демонстрирует нулевой результат.

Если Нравственный закон берётся под сомнение, то тем самым признаётся, что он не абсолютен, а в его отсутствие, следовательно, «всё можно». Можно, например, придумать (каждый на свой лад) свой идеал атеистического или языческого гуманизма, но из этого ничего хорошего не получится. Уверен, что такие признанные философы и гуманисты, как И. Кант и многие, многие другие (от французских просветителей до декабристов, а также от А. Герцена, В. Белинского, Н. Чернышевского до А. Чехова и Л. Толстого) не представляли себе даже в самых кошмарных снах, что их гуманизм косвенно поспособствует подготовке почвы для кровавой братоубийственной войны 1917-1922 гг., а ныне на Донбассе. Похоже, они не предполагали, к чему могут привести даже незначительные отступления от религиозного Нравственного закона.

Признавая гений И. Канта, а также гуманизм устремлений других мыслителей, тем не менее, приходится констатировать:

- они невольно раскачивали лодку устоявшейся морали, что в итоге обернулось кошмарами революционных переделов;
- они предложили привлекательную форму своим гуманистическим идеям, но подняться в своем гуманизме выше учения Моисея, Христа или Будды никому не удалось;
- им не удалось возвести свои идеи в устойчивое массовое признание и почитание;
- гуманистические идеи принимались рассудком, но обеспечить энергию воли они были не в состоянии.

Следует понять и честно признать, что религия есть, прежде всего, хранительница Нравственного закона, являющегося азбукой нравственности. Игнорирование этой азбуки – путь к беде. Речь идет не об агитации вероисповедания, а об обосновании необходимости поддержки Нравственного закона своего народа. Говоря о христианском Нравственном законе для европейца, подразумевается, что дело тут вовсе не в том, верующий ты или нет. Все дело в твоём и

общественном признании христианского Нравственного закона как некоего эталона с ориентиром на проекцию «добра и зла». Стремление придерживаться этого эталона, означает стремление быть Человеком, челом своего времени, хранителем преемственности поколений. Главная цель христианской жизни заключается в приобретении индивидом ещё здесь, на земле, богоподобных духовных ценностей и свойств путем следования Нравственному закону. «Христианство предлагает человеку идеал, большего или равного которому не знала ни одна религия мира - чистая, бескорыстная любовь. Признание Христа, не отнимая ничего полезного и разумного у человека в этой жизни, в то же время даёт ему полную надежду на благобытие в вечности»¹. Так зачем же отступать нам от этого идеала?! Как и кому он может повредить?! Тем более что отступление от этого идеала, как наглядно продемонстрировала история, оборачивается трагедией.

Автор полагает, что религиозный Нравственный закон своего народа – это спасительный круг в водовороте современного морального разложения. Ухватившись за него, общество сохраняет шанс на будущее. Бесперспективно придумывать некий новый всеобщий нерелигиозный Нравственный закон. В силу своей искусственности его ожидает печальная судьба всеобщего языка эсперанто или чего-то в этом же духе. Нравственный закон обеспечивается религией своего народа, поскольку нравственность есть «грамматика» любой религии. Этот закон вписан красной нитью во всю человеческую деятельность. Религия во все времена являлась и является необходимым фундаментом не только мировоззрения личности, но моральных и правовых норм, традиций, культуры². Общество, которое зиждется на религиозном фундаменте, всегда прочное и стабильное, поскольку религиозный фундамент основан на абсолютности Нравственного закона. В этом проявляется его сила и дееспособность.

История СССР убедительно показала, что изменения моральных принципов, основанные на отступлении от Нравственного закона своей религии, постепенно приводят к моральной и нравственной деградации людей, идеологическому и духовному кризису общества, и даже к уродливому его перерождению. Традиционная классификация поступков на правильные и неправильные, а также обучение правильному поведению считались уделом религии. Религия

¹ Осипов А. Православное понимание смысла жизни // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/pravoslavnoe-ponimanie-smysla-zhizni> (дата обращения: 04.04.2018).

² Папаяни Ф.А. Мировоззрение. – Донецк: Изд-во «Донетчина», 2005. – С. 45.

существенно утратила свой престиж и влияние, а достойной замены ей так и не нашлось. Необходимости вести правильный образ жизни уделяется гораздо меньшее внимание, чем раньше, – справедливо считает Далай-Лама XIV¹. Этот факт является одной из острейших проблем современного общества. Именно поэтому для народов бывшего СССР наступил период переосмысления статуса Нравственного закона.

В XXI веке динамично развивающимися странами мира являются Китай и Индия. Одна из причин этого успеха в том, что подспорьем у них служат взаимодополняющие друг друга конфуцианство, буддизм и индуизм, обеспечивающие гармоничное сочетание трудолюбия, жажды знаний и усиление национальной государственности. «Причин для взлета лидирующих стран Азии достаточно», – считает Ю. Пахомов, но этот взлет вызван в основном спецификой культуры, т.е. моральными ценностями. Философия Запада свела весь смысл деятельности человека к обогащению до бесконечности, к потребительству. Жизнь во имя денег, порождая бездуховность, разрушила в личности гармонию разума, интуиции и чувств. А это – источник стрессов, деградации, массового распада семей, личностного отчуждения и болезненного изоляционизма»².

По мнению А. Солженицына, «весь «бесконечный прогресс» оказался безумным напряженным нерассчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце»³. Сегодня индивидуальное потребление значительно превышает биологические потребности личности. Мера этого потребления никем не воспитывается. Потребление культивируется как показатель жизненного успеха личности, что приводит к демонстративному увеличению потребления, истощающего ограниченные ресурсы окружающего нас мира. Поэтому наш мир может измениться к лучшему только тогда, когда человек будет жить, соблюдая меру во всем, когда перестанет гнаться любой ценой за удовлетворением своих все возрастающих потребностей (западный тупик развития), когда позаботится о развитии своего духа, о гармонии природы, общества и человека. Механическое заимствование запад-

¹ Далай-Лама, Катлер Говард К. Искусство быть счастливым. Руководство для жизни. URL: <http://www.elinahealthandbeauty.com/Books/dls.htm> (дата обращения: 03.05.2018)

² Пахомов Ю. Возможно весь мир уже через 25-30 лет будет жить по законам Азии / Бизнес. – 2006. – № 42. – С. 28-29.

³ Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. Изд-во: YMCA-PRESS, Париж, 1974. URL: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt (дата обращения: 04.04.2018).

ных форм жизнеустройства, игнорирование традиций отечественной культуры оборачиваются опасным хаосом, взлетом преступности и беспредела. Для возрождения Отечества следует отказаться от воровской экономики и переходить к нравственной экономике так, как это сделали в Китае, Индии, Корее и Японии, опираясь на свои вековые моральные ценности и устои. В противном случае не обрести желаемого благосостояния и духовной гармонии, не остановить растущую депопуляцию. Возрождение национального государства возможно только на основе вековых духовных, отечестволюбивых, родовых нравственных ценностей отеческой культуры, основу которой составляет честность и достоинство, справедливость и солидарность, служение Отечеству. Традиции общинности, соборности, артельности, предприимчивости, инициативы, глубоко сидящие в душе нашего народа, должны поощряться и возрождаться, избавляя исстрадавшиеся народы от анархии, преступности и коррупции¹.

Каждый народ, сохраняющий и оберегающий свою страну, исторически сложившуюся культуру, институт семьи (следовательно, и перспективу самого своего существования), свою духовность, должен в первую очередь оберегать Нравственный закон, которому учит своя традиция. Признание Нравственного закона, уважение к нему должно воспитываться с детства и сохраняться всю жизнь. Это касается буквально каждого человека, независимо от наличия и глубины его веры. Исполнение людьми Нравственного закона может стать искомым согласованием свободного человеческого разума и природных ритмов; согласованием материального и духовного миров, которое обеспечит становление и развитие подлинно гражданского общества, где будут осуществлены ключевые ценности человека: его жизнь и свобода, равенство прав и надежда на справедливость.

Одну из актуальных проблем человечества составляют бездуховные научные исследования и разработки биологического, химического, ядерного и иного оружия массового уничтожения, эксперименты на людях, насильственное использование людей как живых доноров. Человечество может погибнуть, если наука не признает нравственные нормы в качестве своего ограничителя, если наука будет оставаться бездуховной, если общество в лице государства реализует претензию науки на вторжение в область жизни и смерти. Любая человеческая деятельность соотносится с моралью и нравственностью, ибо «если Бога нет – значит, все позволено» (Ф. Достоевский). Человеку, воору-

¹ Троицкий Е. Русская этнополитология. – М.: АКИРН, Граница, 2001. Т. 1. – С. 55.

женному знаниями и технологиями, пока удавалось балансировать между консервирующей моралью и разрушительной аморальностью и, благодаря этому, выживать. Проблема тут не в самих знаниях или технологиях. Сами знания и технологии, как старые, так и новые, не несут в себе ни добра, ни зла. Все заключено в моральном и духовном состоянии человека и общества. Только духовным оружием человек может быть защищен от любых форм агрессивной экспансии извне и противостоять внутренним коллизиям противоречия между своими витальными потребностями на уровне организма и своими социальными интересами на уровне личности. Каждый человек должен быть подготовлен к такой защите соответствующим образом. Таковой защитой является Нравственный закон. Обществу нельзя допускать размыв нравственных ценностей в потоках политической пропаганды. Либерализм без берегов ведет к вседозволенности и, как следствие, к полной обреченности перед многочисленными внешними и внутренними угрозами. Людям необходим инструмент преодоления контроля ложных представлений над внутренним миром человека. Таким инструментом является вера своего народа. Как только вера ставится под сомнение, духовный вакуум заполняется извращенными представлениями, предрассудками и псевдонаучными идеями.

Цельность и дееспособность любой нации веками обеспечивались, в первую очередь, Нравственным законом, соблюдением его требований, что и являлось залогом (гарантом) единения семейных, духовных и государственных ценностей. Если во времена СССР коммунистическая партия обеспечивала это единение своими средствами, то в настоящее время в России, Украине и Белоруссии можно рассчитывать лишь на влияние православной Церкви, надеяться на возможность возврата к своим традиционным ценностным ориентирам. Назревает «поворот» в общественном сознании от нынешней социокультурной парадигмы к более традиционной. Лозунг новой парадигмы – «Назад, к традиции, к многоцветью культур и цивилизаций» обусловлен необходимостью глубокого переосмысления исторического времени и сущности самой традиции¹.

Жизнь любого человека может быть высокодуховной. Всегда открыты возможности идти по духовному пути, который обозначен своей культурно – религиозной традицией. Сохранение и личная поддержка религии своего народа не подразумевает и не предполагает враждебного отношения к носителям других религий, фило-

¹ Лазарев Ф.В. Антропологический кризис в современном мире: от глобальному к локальному. С. 158.

софских воззрений и культур. Напротив, предполагается обеспечение полилога, компромисса и терпимости, единства в многообразии; ориентир на разумное соотношение национальной специфики и наднационального Нравственного закона, который ничего общего не имеет с религиозным фанатизмом. Государство в системе конкретных координат общественного развития объединяет в себе не только представителей титульной культуры, но всегда и тех, кто себя отождествляет с другой этнической традицией. Чем, например, сильна российская культура? Тем, как считает И. Дзюба, что она никогда никого не отталкивала. Наоборот, всех, кого могла, она втягивала в орбиту своих интересов: евреев, украинцев, татар, грузин, армян¹. К классикам российской культуры принадлежат этнически разнородные выходцы: Н. Гоголь, В. Короленко, Э. Багрицкий, М. Булгаков, И. Бабель, И. Эренбург, С. Прокофьев, А. Куинджи и многие другие. Своими усилиями они внесли свой вклад в единение народов, в формирование идеологии Общего дела, направленного на защиту мира от любых проявлений бездуховности и псевдодуховности.

Мир прекрасен своим многообразием. Он прекрасен многообразием всех красок, форм жизни и явлений природы, рас, наций, человеческих лиц и характеров. Мир прекрасен и интересен многообразием культур, традиций и верований, философских и научных воззрений. Нравственной является поддержка баланса многообразия в мире. Поддерживая свое, не следует рушить чужого. Религия каждого народа просто обязана мирно сосуществовать с другими традиционными верованиями, культурами и научными воззрениями во имя благополучия, гармонии общества и природы, человека и общества.

Постижение метафизического внутреннего мира человека, включающего его духовные и душевные качества, позволит не только всестороннее исследовать внутренний мир человека, но и дать достойный ответ современному антропологическому кризису, обеспечив перспективу развития человечества. Всё сказанное позволяет эксплицировать понятия мораль, нравственность и духовность нижеследующим образом.

Мораль (от лат. *mores, moralitas* – общепринятые, негласные правила) – принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений. Мораль определяет собой должное поведение людей на основе общественного мнения и несёт на себе печать своей эпохи и культуры. Текущее состояние мо-

¹ Дзюба И. Интернаціоналізм чи русифікація? // Ізборник. URL: <http://litopys.org.ua/idzuba/dz.htm> (дата обращения: 04.04.2018).

рали, моральный уклад общественной жизни (отношений) принято называть «нравами». Чувственной опорой (критерием) морали является страх перед общественным мнением («что люди скажут!?»).

Нравственность – внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле, согласно собственным представлениям о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений. В традиционных культурах нравственность складывалась на основании Нравственного закона и носит вневременной характер. Чувственной опорой (критерием) нравственности является собственный стыд, укору совести, вне зависимости от того, «что скажут люди». Нравственное поведение свойственно человеку с пробуждённой совестью. В нравственности различают нравственное чувство и нравственную потребность. Нравственное чувство – свойство души, пробуждающее независимый от воли человека внутренний голос его совести, обличающий или одобряющий поступки, чувства и мысли. Нравственная потребность – проявляемое в нравственном чувстве врождённое влечение к добру и негативное отношение ко злу.

Духовность – понятие, имеющее несколько значений, в зависимости от контекста:

Духовность в светском понимании – доминирующая в жизни людей направленность нравственного сознания на высшие ценности гуманизма: жизнь, свободу, равенство, справедливость, солидарность. Термин духовность в светском понимании является намеренным искажением религиозного понятия духовности, поскольку исключает метафизический дух, представляется только как синоним нравственности, как фактор формирования внутреннего мира человека;

Духовность в религиозном понимании – это всё, относящееся к духу, душе и вере; свойство души человека, воспринявшей духовные образы потустороннего мира; душевный ориентир на приоритет Нравственного закона того или иного вероучения. Чувственной опорой (критерием) религиозной духовности является устремлённость к высшему духу-идеалу (Христу, Магомету, Будде или, наоборот, сатане). Духовность в христианском понимании – свойство души человека, воспринявшей Дух Божий; душевный ориентир на приоритет идеала Иисуса Христа и принципов христианского Нравственного закона. Чувственной опорой (критерием) христианской духовности является Любовь.

Исследование заявленной проблемы, помимо искомой эксплика-

ции понятий «мораль», «нравственность» и «духовность», позволяет сделать выводы:

- для стран с доминирующим христианским мировоззрением рекомендуется сохранить понятие «духовность» в первозданном смысловом значении, то есть как всё, что относится к духу, душе и вере;
- во избежание неточностей и разногласия в полемике по этическим вопросам, необходимо определиться с представлением о «границе добра и зла»;
- духовность человека может быть как по одну, так и другую сторону «границы добра и зла»;
- для государств с доминирующим христианским мировоззрением рекомендуется акцентировать внимание на понятиях «христианская духовность» и «православная духовность», чтобы не лишать факта принадлежности к духовности и неверующих (включая даже сатанистов), ориентированных на свою духовность;
- для нормального развития личности и культуры общества представления о «добре» и «зле» (как бинарной оппозиции) должны быть чётко зафиксированы (определены);
- для условий России (и других государств с доминирующим христианским мировоззрением) христианский Нравственный закон предлагается определить, как «идеальное добро», а богоборчество (всю многоликость явных или завуалированных антихристианских нравственных ориентаций), как «идеальное зло»;

Нравственный закон сохраняет за собой статус подлинного регламента (регулятора) жизнедеятельности людей, ибо он предопределяет систему ценностей с однозначной границей добра и зла;

- знание границы добра и зла позволяет иметь нравственную и духовную точку опоры, позволяющую сопоставлять наблюдаемые явления в жизни человека и общества;
- в результате такого сопоставления формируется мировоззренческая база человека, пробуждается совесть, совершенствуются качества души, определяется путь к высокодуховности, как той очевидности, которая становится реальностью после пробуждения и прозрения.

Подобные экспликации и выводы должны быть составной частью идеологии, предназначенной, в частности, выполнять морально-нормирующую (или нравственно-дисциплинирующую) функцию.

Резюме I главы

Анализ научных публикаций, посвящённых проблемам идеологии, а также обобщение результатов исследований позволили автору эксплицировать понятие «идеология», однозначно указывающее на её сущность, необходимость и непредотвратимость. Идеология имеет два основополагающих вектора воздействия: морально-этический и властно-политический. Она – необходимый и потому непреложный спутник каждого государственного образования любого исторического периода. Предложенная в главе развёрнутая дефиниция исключает априорную аксиологическую оценку, поскольку идеология может быть, как созидающей, так и разрушающей. В авторской экспликации был сделан акцент на функциональный подход, исключающий упрощение, сверх-обобщение, «групповой» (классовый) подход и аморфность известных дефиниций.

Эксплицированы также понятия «мировоззрение», «мораль», «нравственность», «Нравственный закон» и «духовность», поскольку морально-нормирующая функция является важнейшей в идеологии. В частности, «мировоззрение» представлено как феномен, являющийся жизненно необходимым и потому обязательным составным элементом каждого члена общества любого исторического периода, причём – феномен, зависимый от актуальной государственной идеологии.

В последующих главах будут рассмотрены конкурирующие имперские идеологии в России, её идеологическая перспектива, а также самое существенное из политической функции – формы правления и государственного устройства. Однако перед этим необходимо определиться с методологией исследования, которая и будет предметом рассмотрения следующей главы.

Глава II.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ XIX-XXI ВВ.

§ 1. О необходимости реабилитации аксиологических и мировоззренческих оснований гуманитарных исследований

Почему в социально-исторических, а точнее, – в социально-гуманитарных науках (особенно, – в социальной философии) на три исследования можно иметь триаду выводов, часто не согласующихся, противоречивых и даже оппозиционных друг к другу? Как получилось, что социально-гуманитарная наука превратилась по своей сути в некое собрание взаимоисключающих концепций, имеющих идейно-векторную результирующую, сходную с усилиями персонажей басни И.А. Крылова «Лебедь, щука и рак»? Заметим, что в естествознании (физике, химии, биологии и т.п.) или технической области такого нет. Возможно, проблема кроется в отсутствии адекватной для гуманитарного исследования методологии как совокупности и последовательности использованных методов? Или проблема заключена в субъективности выбора методологии, что и приводит к некорректности использования выбранных методов и вообще к «методологической анархии»? А может быть, проблема вовсе не в используемых методах и даже не в субъективности, а в противоречивости исходных аксиом, без которых никак невозможно исследование ни в одной из наук? Или суть проблемы ещё глубже – в разных мировоззренческих парадигмах, которым следуют учёные? А может статься, человеческие усилия потому тщетны, что за причинами проблем в гуманитарных науках онтологически стоит «причина причин», та самая метафизика, которая вообще исключена из научного дискурса?

«К концу XX века некогда единое научное мышление со строгой системой критериев научности, “точности”, “корректности”, “верифицируемости”, “доказуемости” и т.д., – отмечает А.Г. Дугин, – превратилось в довольно разнородную мозаику теорий, позиций, школ, отличающихся друг от друга не только по методологиям, но и по базовой, парадигмальной аксиоматике, в разных случаях совершенно

разной...»¹. Вполне естественно, что «многие современные ученые, занимающиеся прикладной наукой, историей и философией науки, поднимают вопрос о “конце науки”... Концепция “конца науки” согласуется с выводами таких критиков научного мировоззрения, как А. Бергсон, Р. Генон, М. Шелер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, К.Г. Юнг, М. Элиаде и др., настаивавших на исчерпанности гносеологического подхода, лежащего в основании научного мышления Нового времени, а также с мнением многих ученых и философов, свидетельствующих об утрате той социо-культурной и мировоззренческой функции, которую наука реализовывала в последние 400 лет в качестве регулирующей, нормативной инстанции при решении основных исторических, культурных, идеологических, гносеологических, философских и социальных вопросов (В. Гейзенберг, Ж. Делез, П. Фейерабенд, М. Фуко, Ф. Капра, Ф. Лиотар, Ж. Лакан, И. Пригожин, В. Паули и др....)»². Диагноз напрашивается более чем суровый: наступил гносеологический кризис с методологической анархией и прогрессирующей плюрализацией дискурсов.

Обозначенная проблема известна и актуальна. Автор осуществляет попытку разобраться или хотя бы что-то понять в этой сложнейшей гносеологической проблеме, приведшей к противоречивости социально-гуманитарных изысканий, проблеме, фатально преследующей исследователей и зачастую заводящей их в тупик.

Из философии науки известны, по меньшей мере, три главных компонента оснований научной деятельности: идеалы и нормы исследования, научная картина мира, а также философские основания науки³.

О первой компоненте оснований научной деятельности. Идеалы и нормы исследования включают такие формы, как: объяснения и описания; доказательность и обоснованность научного знания (отличного от иного типа знаний или просто суждений); построение и организация знаний. «В совокупности они образуют своеобразную схему метода исследовательской деятельности, обеспечивающую освоение объектов определённого типа»⁴. В свою очередь, схема метода (методология) должна быть конкретизирована применительно

¹ Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – С. 7.

² Там же.

³ Степин В.С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. Изд. 3-е. – М.: Академический проект, 2014. – С. 232.

⁴ Там же. С. 232-233.

к специфике предметной области социально-гуманитарной науки.

Говоря о методах, заметим, что общенаучные методы исследований (общелогические, теоретические, эмпирические) известны уже не одно столетие и достаточно результативны, например: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция, аналогия, компаративистика и др. Их эффективность подтверждена многими прикладными результатами научных изысканий. Особенно эффективны методы исследования отраслевых наук, так называемые специальные методы: математические, химические, биологические, медицинские и т.п. В числе последних и специальные методы социально-гуманитарного исследования, такие как идиографический, монографический, «вопросо-ответный», ценностный, проективный и др. Вместе с тем, в контексте методологии работа исследователя усложнена двумя основными проблемами, назовём их соответственно «субъективной» и «объективной».

Субъективная проблема. В методологии конкретного гуманитарного исследования исследователь самостоятельно, по собственному наитию (или по рекомендации научного руководителя) включает те или иные философские, общенаучные, частные и специальные методы познания. Причём заметим, что идеалы и нормы науки зависят от культуры эпохи в целом, от доминирующих в ней мировоззренческих (включая этические) установок и ценностей. Насколько можно говорить об оптимальности методологии конкретного гуманитарного исследования? Ровно настолько, насколько можно говорить о научном мировоззрении эпохи и квалификации исследователя. То есть, методология гуманитарного исследования всегда субъективна, как будет затем субъективна и оценка его результатов. Вероятно, поэтому П. Фейерабенд считал, что единственным универсальным принципом познания, не препятствующим прогрессу, может служить лишь принцип «всё дозволено» (*anything goes*)¹. Согласно этому принципу, современная наука должна быть внутренне плюралистичной и методологически анархичной в борьбе с однополярной общей картиной мира. Но наука лишь тогда может считаться наукой и лишь тогда имеет право на существование, когда она стремится к открытию однозначной истины, а не множества равноправных истин, предопределённых множественностью равноправных ценностных систем, что характерно для популярного нынче методологического принципа релятивизма. В последнем

¹ Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. Серия: Корпус гуманитарных дисциплин. – М.: БГК Им. И. А. Бодуэна Де Куртенэ, 1998. – С. 153.

случае методологический анархизм (как отражение перманентного фазиса в развитии науки) дискредитирует науку: «Методологический анархизм, превративший науку в игру, погоня за сенсациями и зряшная, ради самой борьбы, «борьба с мифами общественного сознания» оказали медвежью услугу науке»¹.

Объективная проблема. В отличие от общенаучных и специальных методов, философские методы (они же всеобщие, их, как известно, два – диалектический и метафизический), как вызывали, так и вызывают множество споров. Методология, если использовать научную метафору, является «рычагом», которым можно многое «поднять» и даже «перевернуть», но только в том случае, если есть «точка опоры», в качестве которой выступает мировоззрение, включающее представления, как о мироздании, так и антропологии. Причём если гуманитарные конструкции разными исследователями строятся на разных гносеологических и аксиологических фундаментах, то неизбежным следствием будут и разные выводы в исследованиях. Используемая методология вместе с обозначенными фундаментами становятся каноном нашего понимания. Принимая определённый канон, исследователь, как правило, отклоняет другие.

Подытоживая, отметим, что первая компонента, встречая на своём пути субъективную и объективную проблемы, столкнувшись с методологическим анархизмом и релятивизмом, тем не менее, сохраняет свою основополагающую значимость. Во-первых, потому, что, согласно И.П. Павлову, «метод – самая первая основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьёзность исследования. Всё дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных»². Во-вторых, поскольку методология – это тот инструмент, который конструируется индивидуально самим исследователем, то индивидуальный научный «прорыв», как показала практика, всегда возможен.

О второй компоненте оснований научной деятельности. Вне понимания картины мира исследование не может иметь завершённую форму³. Вместе с тем, научная картина мира, а в нашем случае – это исследуемая реальность социально-гуманитарной

¹ Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории. – СПб.: Питер, 2014. – С. 8

² Павлов И.П. Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.5. – С. 26.

³ Степин В.С. История и философия науки. С. 237-244.

сферы, является весьма проблематичной, ибо камнем преткновения остаётся фундаментальный антропологический вопрос: «Что есть человек, какова его природа, сущность и назначение?». Раскрытие этого вопроса происходило (и происходит) в борьбе, прежде всего, идей креационизма и эволюционизма. Несмотря на несомненные успехи науки в отдельных отраслях знаний, это раскрытие так не состоялось, оно не сформировало строгую научную концепцию¹. В тупик зашла сама основа основ современного материализма – теория эволюции. Согласно эволюционной теории, в мире происходит непрерывное образование всё более сложно организованных живых систем. Второе начало термодинамики (как научный факт) демонстрирует, отмечает В.С. Степин, что эволюция физических систем смещается к состоянию равновесия, т.е. не к усложнению, а к упрощению через непрерывный рост энтропии, разрушающей сложные системы². Кроме того, эволюционное происхождение человека от обезьяны или иного животного, не нашло своего подтверждения в современной генетике, в частности ДНК-генеалогии. Проблема усугублена ещё и отсутствием научно доказанной (имеется в виду не уровень гипотезы, теории или научной фантастики) общей картины мира: ни по одному из фундаментальных вопросов мироздания учёные также не пришли к консенсусу³. Консенсус научного сообщества отсутствует и в основополагающих вопросах философии («Что первично, материя или сознание?», «Что есть добро и зло?», «Что значит совершенствование человека и общества?»)⁴. Тогда как В.И. Ленин справедливо отмечал, что тот, «... кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натякаться» на эти общие вопросы»⁵. Таким образом, картина мира в её приложении к социально-гуманитарной сфере не может являться однозначной путеводной звездой, которая бы вывела в результате научного поиска на однозначный результат с претензией на научную истину.

О третьей компоненте оснований научной деятельности. «Научные картины мира (схема объекта), а также идеалы и нормативные структуры науки (схема метода), – отмечает В.С. Степин, – не только в период их формирования, но и в последующие периоды перестрой-

¹ Папаяни Ф.А. Смысл жизни. – М.: Библио-Глобус, 2013. – С. 169.

² Степин В.С. История и философия науки. С. 371.

³ Папаяни Ф.А. Смысл жизни. С. 210-212; 225-232.

⁴ Там же. С. 169-174.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1972. Т. 15. – С. 368.

ки нуждаются в своеобразной стыковке с господствующим мировоззрением той или иной эпохи, с категориями её культуры. Такую «стыковку» обеспечивают философские основания науки¹, под которыми понимаются идеи и принципы, обеспечивающие эвристику поиска. Сами философские основания науки гетерогенны, ибо они допускают вариации философских идей и категориальных смыслов, применяемых в исследовательской деятельности. Проблема усложнена тем, что онтологическая подсистема философских оснований представлена у разных школ мало того, что разными системами категорий (включающими, или, наоборот, исключаящими такие из них, как «сущность», «существование», «способы бытия», «материя», «сознание», «дух» и др.), так ещё и с разными дефинициями последних. Кроме того, проблема усугублена фактором «научного сообщества». Например, у Т. Куна «научное сообщество в контексте его теории выступает как логический субъект научной деятельности. Учёный, согласно концепции Куна, может быть понят как учёный только по его принадлежности к научному сообществу, все члены которого придерживаются определённой парадигмы. Последняя же в свою очередь характеризуется совокупностью знаний и особенностями подхода к решению научных проблем, принятых данным научным сообществом»². А если «научное сообщество» ошиблось с принятой парадигмой (что является обычным явлением в истории науки)? Если ошиблось, – то всё исследование, и соответственно, его результаты пойдут по ложному пути, тем не менее, сохраняя научный статус.

Итак, рассмотрев все три компоненты оснований научной деятельности, можно отметить, что, во-первых, все они исторически изменчивы, так как наука непрерывно дополняется/пополняется новыми данными, что может быть фактором пересмотра ранее принятых онтологических оснований. Во-вторых, в поиске гуманитарной научной истины можно уповать только на методологические подходы в надежде на то, что они всё-таки «вытащат» решение поставленной задачи. Надежда эта подкреплена и тем обстоятельством, что отсутствие всеобщей картины мира и, как следствие, «присутствие» разночтений в философских основаниях, может быть компенсировано соответствующим постулированием и аксиоматизацией. Более того, сам факт существования гуманитарных наук при отсутствии понимания всеобщей картины мира и, соответственно, феномена человека

¹ Степин В.С. История и философия науки. С. 245.

² Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. И.З. Налетова / общ. ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой, – М.: Прогресс, 1975. – С. 272.

также подкрепляет эту надежду. Из чего можно заключить, что поднятая проблема социально-гуманитарных исследований может быть сфокусирована исключительно на поиске методологического подхода пути решения поставленной задачи.

Здесь следует обозначить первый тезис принципиальной важности. Он состоит в особом кодирующем значении бинарных оппозиций. Этот феномен явно недооценен научным сообществом. Что достаточно странно, поскольку вполне самоочевидно, что социум фундирован бинарными оппозициями («добро и зло», «хорошо и плохо», «истинно и ложно», «полезно-вредно» и т.п.), без которых невозможно ни воспитать ребёнка, ни морально сориентировать общество, ни сформулировать нормы права, ни, тем более, построить государство и его институты.

Человек – прежде всего мысль, а его мыслительная деятельность – это движение в пространстве между полюсами-идеями бинарных оппозиций. Это движение, пользуясь научной метафорой, можно уподобить железному шарик, прокладывающему свой путь между притягивающими полюсами магнита. «Именно бинарными оппозициями, – отмечает А.Д. Шоркин, – заданы как основы, так и особенности всех существующих и ранее существовавших культур. Конкуренция между ними состоит в жёстком отстаивании своих норм и ценностей (по принципу «свой – чужой»), а также в необходимости соответствующего (на бескомпромиссности бинарных оппозиций) воспитания молодого поколения – социализации, инкультурации своих детей. Иначе, с потерей поколения, своя культура не выживет: «что такое хорошо, а что такое плохо» детям следует внушать сызмальства»¹. «Русская культура, – отмечает Ю.В. Лотман, – имеет бинарную структуру»², ибо «этическое и эстетическое противоположны и неразделимы как два Полюса искусства», причём «полярные начала осуществляют себя во взаимном конфликте»³. Кроме того, бинаризм свойственен гуманитарной науке, поскольку бинарные оппозиции «начало – конец», «жизнь и смерть» неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное⁴. Бинаризм, в частности, присущ исторической науке. «Челове-

¹ Шоркин А.Д. Постбинарные структуры: живые игры бинарных оппозиций / Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Том 24(63). – 2011. – №3-4. С. 19.

² Лотман Ю.В. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – С. 268.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 250.

ку свойственно – отмечает Ю.В. Лотман, – оценивать переломные моменты истории в присущих ему категориях положительных и отрицательных»¹, более того, «русской история настоящего века есть история с отчетливо бинарным самоосмыслением»², а многие события русской истории можно объяснить «диктатом бинарной исторической структуры»³.

Похоже, что бинаризм лежит в основе культуры, в основе понимания человечности («нравственно-безнравственно», «духовно-бездуховно») и, соответственно, в основе любого гуманитарного поиска.

В то же время апологеты постмодернизма прямо-таки ополчились на бинарные оппозиции как на универсальный метод движения мысли и подачи человеческим сознанием информации о мире. «Бинаризм следует преодолеть» (Э. Джердайн, Э. Уилден), «бинарные отношения должны быть релятивизированы» (А. Исхоуп) или «деконструированы» (Ж. Деррида). В противовес им А.Д. Шоркин убедительно обосновывает, почему бинарность следует предпочесть изошрённым стратегиям отказа от такой постановки проблемы. «Пытаться изъять их (бинарные оппозиции, – ред.) из дискурсов культуры – значит лишить её исходных смысложизненных ориентиров. Без оппозиции разрешённого и запрещённого стирается пространство нормативности»⁴. Это утверждение сохраняет силу, несмотря на то, что бинарные оппозиции вовлечены в трансформационные процессы порождения постбинарных структур⁵, и, несмотря на то, что небинарных структур не меньше, чем бинарных⁶. На самом деле «небинарные» структуры отнюдь не антибинарны, они постбинарны⁷.

Анализируя идеологические или религиозные концепты, невозможно отрицать их догматичность, фундированную своими представлениями о бинарных оппозициях «истина-ложь» и «добро-зло». Даже либерализм (казалось бы, теоретически толерантный и плюралистичный) в своей политической практике превратил свою идеологию в догму, «в свод установок и предписаний, основанных на видении либеральной демократии как единственно возможной

¹ Лотман Ю.В. Культура и взрыв. С. 35.

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 270.

⁴ Шоркин А.Д. Постбинарные структуры: живые игры бинарных оппозиций. С. 19.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же.

формы общества»¹. Либеральная догма породила свою бинарную оппозицию: демократичный (либеральный, гуманный, «друг открытого общества») – не демократичный (нелиберальный, негуманный, «враг открытого общества» по К. Попперу), исказив тем самым суть демократии.

Таким образом, бинарные оппозиции – это один из столпов, на которых должны стоять любые социально-гуманитарные построения (особенно это касается этики, морали и идеологии), которыми пронизана их суть и без которых невозможен их анализ, поскольку если «нет оппозиций и дихотомий, – стираются смыслы, гаснут символы и затухает всякая речь»².

Предлагаемый подход входит в противоречие с либеральными ценностями и с философией постмодернизма. Для примера можно предложить выдержку из словаря авторитетного адепта постмодернизма и либерализма А.С. Ахиезера. В словарь введено понятие «инверсия». «Инверсия – элементарная логическая клеточка мышления. Инверсия характеризуется абсолютизацией полярностей и минимизацией интереса к их взаимопроникновению»³. Инверсия архаична, а развитой формой логики представляется А.С. Ахиезеру другое, противоположное понятие – «медиация». «Медиация – развитая логическая клеточка мышления смыслообразования..., выработка качественно новых альтернатив в мысли и действии. Медиация совместно с инверсией составляет дуальную оппозицию. Медиация – логика процесса осмысления в рамках дуальной оппозиции, характеризующаяся отказом от абсолютизации полярностей и максимизацией внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга, что порождает новые смыслы»⁴. И далее А.С. Ахиезер пишет: «Развитие медиации оттесняет на задний план... культуру, инверсию, создаёт основу для развития утилитаризма, либерализма, ...ценностей прогресса, плюрализма»⁵, «медиация создаёт предпосылки для перехода к либеральной суперцивилизации»⁶.

¹ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – С. 114.

² Шоркин А.Д. Постбинарные структуры: живые игры бинарных оппозиций. С. 14.

³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том II. Теория и методология. Словарь. Изд. 2-е, пер. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – С. 195.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Там же. С. 273.

Инверсия (по А.С. Ахиезеру) не просто не развитая и архаичная логика, ещё ей «привешен ярлык» манихейства: манихейство есть «абсолютизация значения инверсии и отказ от медиации»¹. Что интересно, даже в доброжелательном предисловии к этому изданию С.Я. Матвеева явно противоречит автору: «инверсия – пласт любого мышления. Манихейская картина мира – ...двухосновная, добро и зло в ней – равноправные сущности, застывшие в статике постоянной и безнадежной и бескомпромиссной схватки. Об удачности использования в таком обобщённом терминологическом значении термина «манихейство» можно спорить...»².

Действительно, бинарные (дуальные по А.С. Ахиезеру) оппозиции, неизбежно рассматриваемые в каждой конкретной мировоззренческой системе (христианской, исламской, марксистской и т.п.), как и сам принцип дихотомии, не следует путать с дуализмом манихейства. Манихейство – это особое, сектантское вероисповедание, в котором дуализм несёт в себе не столько разно-этические, сколько высшие одномерные (или равноправные) религиозно-сущностные смыслы (двоебожие). В этом смысле позиция А.С. Ахиезера, в которой «любой нравственный идеал амбивалентен»³, как раз сама коррелирует с манихейством, поскольку выражается в двойственности (амбивалентности) любого идеала.

Позиция А.С. Ахиезера как апологета амбивалентности любого идеала характерна для многих адептов постмодернизма. Для них важно отсутствие единого смыслового центра и центра культуры, обобщающих и легитимирующих инстанций. Для адептов постмодернизма истина непостижима, её никто не знает и никогда не узнает. Поскольку истина непостижима, то её поиск – бессмысленное и бесперспективное занятие. А перспективно индивидуальное нравственное нормотворчество. Небессмысленным будет поиск личного счастья как максимальное удовлетворение всех своих запросов⁴. Образно говоря, постмодернизм – это многослойная смысловая паутина, в которой исследователь запутывается как мотылёк. Постмодернизм и запутал все смыслы до состояния «конца философии» и «конца человека». Наша задача, во-первых, – порвать эту паутину и чётко артикулировать смыслы и ценности. Во-вторых, обозначить:

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). С. 261.

² Там же. С. 34-35.

³ Там же. С. 198.

⁴ Словарь патриота Отечества. – СПб: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 83.

бинарные оппозиции как средство рационального описания должны занимать в науке особое место.

Второй принципиальной важности тезис обусловлен значением парадигмальности исследования, не подлежащей игнорированию. Парадигма (от греч. παράδειγμα, «пример, модель, образец») нами понимается как мировоззренческая модель (иначе – как некая совокупность фундаментальных мировоззренческих религиозных или научных установок и представлений), принятая в качестве исследовательской направленности решения гносеологических задач. Парадигма, как отмечает А.Г. Дугин, равным образом «является широким теоретическим концептом, обобщающим базовые установки человеческого мировидения, связанного с определенными типами сознания и рациональности, которые, в свою очередь, предопределяют структуру языка и всего спектра заложенных в нем дискурсов»¹. «Парадигма не идеология, но корневая подоплека идеологий, могущая сблизить одни идеологии с другими, внешне не просто различными, но противоположными, и, наоборот, показать фундаментальные различия в идеологиях, формально очень схожих. В таком понимании нельзя провести строгой грани между гносеологической и онтологической составляющими парадигмы»². Применяя в гуманитарных исследованиях парадигмальный метод, основанный на использовании и анализе парадигм, нельзя обойти вниманием и «метод сверхобобщающих парадигм», когда анализу подвергаются не сами парадигмы или их воздействия, а «парадигмальный источник их возникновения»³. Обозначенное выше понимание парадигмы несколько отлично от более узкой формулировки Т. Куна, в которой он под парадигмами подразумевает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу»⁴.

Говоря о сверхобобщающих парадигмах как об основных источниках возникновения разнообразных «дочерних» парадигм (конкретно тех или иных мифологических, религиозных или идеологических), мы точно так же, как и все до нас, сталкиваемся с классикой философского дискурса, с основным вопросом философии («Что первично: сознание или материя?») и, если точнее, – с религиозно-философской бинарной оппозицией «идеализм-материализм», а

¹ Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. С. 9.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 41-43.

⁴ Кун Т. Структура научных революций. С. 10.

ещё точнее, – с двоичной парой «бого-признание – бого-отвержение». Бого-признающая сверхобобщающая парадигма – это вектор мифологического и религиозного духовного мировоззрения, основанного на признании Бога или иных, эквивалентных Ему духовных сил. Бого-отвергающая сверхобобщающая парадигма раскрывается в материализме, атеизме, рационализме, позитивизме, основанных на непризнании Бога или Его умалении, а также в концептах, в которых человек ставит себя на место Бога, или когда признаётся и почитается антипод Бога – сатана.

Тут следует особо отметить, что при определении сверхобобщающих (т.е. предельно общих) парадигм А.Г. Дугин оперирует научными метафорами «сферы», когда Божество, Первоначало, Первопричина находятся внутри мифологического мира; «луча» как монотеизма и «отрезка» как атеистического механистического понимания природы реальности с главенствующим подходом дискретности, дробности, относительности¹. У А.Г. Дугина присутствует тринарное обобщение, отрицающее родственность, однополярность «сферы» и «луча». Однако, если сравнивать, индуистско-мифологическую «сферу» Индии и исламо-монотеистический «луч» Пакистана, можно увидеть, что парадигмы индуизма и ислама разные, но народ один (с 1947 г. разделённый Великобританией), причём одного цивилизационного уровня, у которых единой остаётся и «сверхобобщающая парадигма» с отличительными признаками идеализма, метафизики, духа. Поэтому наша дефиниция будет иная, не тринарная, а бинарная, с бóльшим, уровнем обобщения, а для различия, можно пользоваться вместо понятия «сверхобобщающая парадигма» термином «сверх-парадигма».

Поскольку строгих научных доказательств биологической эволюции человека и его мыслительных возможностей нет, то можно допустить, что сверх-парадигмы должны были быть заявлены в глубокой древности. Например, в Библии, если её рассматривать как древнейший письменный артефакт. В этом контексте повествование о ветхозаветной драме Каина, убившего своего брата Авеля, приобретает исключительно важный смысл рождения первой бинарной оппозиции сверх-парадигм, предопределивших в дальнейшем мировоззренческое (и идеологическое) раздвоение и противостояние; все кодирующие смыслы гуманитарных построений европейского сознания. Так, если первой сверх-парадигмой считать бого-признание, движимое Авелем, сыном первочеловека Адама (а

¹ Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. С. 43-50.

также Сифом, третьим сыном Адама), то второй, оппозиционной к ней сверх-парадигмой можно считать бого-отвержение (бого-умаление), движимое Каином, построившим первую цивилизацию, то есть, такое общественное устройство, которое «создаёт по своему разумению и своими собственными силами человек, отвергнувший Бога или поставивший себя вместо Бога и идущий по пути “эволюции” и “прогресса”»¹.

Подобный бинарный подход вполне применим при анализе истории цивилизаций как реконструкции былых смыслов, и, в первую очередь, – парадигмальных смыслов, а не обнаруженного набора археологических артефактов. Можно отметить ряд основных признаков бого-отвергающей каиновой цивилизации: это отпадение от Бога (замена Бога богатством и появление искусства и культуры, оторванных от Бога); эгоизм и индивидуализм; агрессия и желание убивать; «покорение» природы и др.². Можно согласиться с В.Ю. Катасоновым, что «все признаки каинской цивилизации допотопного периода, перечисленные выше, присутствуют и сегодня»³. Бого-отвергающая каинская (или каинитская) парадигма известна знаковыми цивилизациями-символами: это первый в истории город-цивилизация, который построил сам Каин, затем были построены «каинитами» Вавилон, Иерусалим и Карфаген, ещё позднее эту традицию продолжили Венеция, Генуя, Лондон и Нью-Йорк. С другой стороны, бого-признающая парадигма Авеля-Сифа-Христа отмечена в истории своими цивилизационными легендами: Афины – Рим – Второй Рим (Константинополь) – Третий Рим (Москва), представляющими собой полную и единственную цепь духовной и культурно-цивилизационной (шире, – сверх-парадигмальной) европейской преемственности. То есть цивилизационный дискурс также демонстрирует всю ту же бинарную оппозицию сверх-парадигм.

Анализируя проблемы гуманитарных наук (особенно философии и историософии), можно констатировать, что они к началу XXI века оказались почти под полным влиянием лишь одного полюса бого-отвергающей сверх-парадигмы. Именно поэтому возникли «научные пророчества» о «конце цивилизации», «конце человека», «конце философии», «конце истории» и, как выше от-

¹ Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. – М.: Благословение, Техинвест-3, 2016. – С. 10.

² Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / научн. ред. О.А. Платонов. Изд. 4-е, доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 1075-1076.

³ Там же. С. 1091-1096.

мечалось, о «конце науки». Это убедительное свидетельство того, что бого-отвергающая сверх-парадигма просто самоисчерпала себя. Ещё столетием ранее В.И. Вернадский справедливо обращал внимание на очевидную истину: «Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою и могут быть разделены только в воображении»¹. С подобным подходом солидарен П. Фейерабенд (известный своими ниспровержениями «научных мифов»): «Наука гораздо ближе к мифу, чем готова допустить философия науки. Это одна из многих форм мышления, разработанных людьми, и не обязательно самая лучшая. Она ослепляет только тех, кто уже принял решение в пользу определенной идеологии или вообще не задумывается о преимуществах и ограничениях науки...». И далее П. Фейерабенд рассматривает материалистическую науку как наиболее современный, наиболее агрессивный и наиболее догматический религиозный институт². Примерно об этом же пишет С. Кара-Мурза³ и многие другие современные мыслители. С другой стороны, попытки формирования общей научной картины мира к началу XXI века уже идут при активном взаимодействии с мировоззренческими универсалиями культуры⁴, что подтверждается развитием современной научной картины мира. Оно обосновывает в качестве своих мировоззренческих следствий новые способы понимания мира, которые перекликаются с забытыми достижениями традиционных культур⁵. А что есть традиционная культура? Это феномен, рождённый конкретной религиозно-нравственной идеей. То есть, выше обозначена явная тенденция к слиянию физики и метафизики в дискурсе миропонимания.

Третьим принципиальной важности тезисом является постулат о том, что нравственность, этика должны быть прежде науки, а не выводиться из неё. Во-первых, потому, что позитивистская на-

¹ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – С. 50.

² Фейерабенд П. Против методологического принуждения. С. 62.

³ Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.

⁴ Степин В.С. История и философия науки. С. 394.

⁵ Там же. С. 233.

ука, как выше указывалось, принципиально не в состоянии сама решить проблемы этики. Поэтому научное сообщество так и не смогло определиться в установлении «взаимосвязи нравственности и истины, достижение которой провозглашалось целью научного знания»¹. Во-вторых, потому, что наука есть составляющая культуры, наука формируется на фоне культуры, а не наоборот. Это касается всех без исключения традиционных культур, которые все были сформированы конкретными религиозно-нравственными идеями. «В каждой из ныне существующих культур, – отмечает А.П. Цветков, – можно указать доминирующие символы религиозного происхождения, которые и определяют смысл и характер культуры»². Мирозозренческие символы и смыслы определяют характер культуры, а поэтому в будущем невозможна безрелигиозная культура, хотя возможна безрелигиозная цивилизация, поскольку в культуре определяющую роль играют духовные ценности, а в цивилизации – технологические, предметные³. Подобный подход характерен вообще для русских мыслителей (Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и др.), которые «понимали религию как стержень культуры, как её конституирующую идею, как основу и оправдание нравственности. Они первыми указали на тот несомненный факт, что все до сих пор существовавшие культуры и цивилизации были религиозны по духу»⁴. Как справедливо пишет Л.А. Тихомиров, «цели истории и её философии мы не можем узнавать иным способом, как введя в решение вопроса показания религиозного сознания»⁵. В русской философии (от А.С. Хомякова, И.В. Киреевского до А.С. Панарина и А.А. Зиновьева) в качестве опорного момента всей системы знания была задействована определённая аксиологическая матрица. Когда речь идёт о «живознании», «цельном знании», «всеединстве», «творческом акте» (порождающем новое бытие), «первичных силах» и т.д., актуализирующих ценностно-акцентированное видение онтологических и эпистемологических аспектов, так и в социальной науке (прежде всего политологии, социологии, философии истории) в России сложилось чёткое представление о ценностной нагруженности получаемого знания, опыта, практики. Ещё

¹ Степин В.С. История и философия науки. С. 412.

² Цветков А.П. Религиоведение. – К.: Знание Украины, 2002. – С. 24.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. Изд. 2-е. – М.: Москва, 1998. – С. 17.

П.Я. Чаадаев отмечал: «Народы - существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы»¹. Более того, П.Я. Чаадаев полагал, что «обиходной истории», т.е. простому изложению фактов без какой-либо предваряющей нравственной установки, вообще не должно быть места в отечественной науке.

Аналог этой экспозиции имеется и в западной философии. Так, например, у Ф. Ницше структура философского знания опирается на этику, за которой следуют онтология и теория познания. У М. Шелера иерархизм ценностных рангов обеспечивает когнитивные стратегии («знание ради господства», «сущностное знание», «знание ради спасения»).

Следовательно, в качестве исходного основания социальных наук может и должна считаться этико-аксиологическая предпосылка, а значит, и коррелирующий с этой предпосылкой характер идеалов и норм науки.

Из справедливости трёх обозначенных выше тезисов логически вытекает необходимость реабилитации научным сообществом богопризнающей сверх-парадигмы. Последняя должна быть полностью восстановлена в статусе научного дискурса, то есть, восстановлена в правах быть аксиологической, этической и научно-философской основой гуманитарных исследований и построений. Гуманитарная наука оказалась в тупике, поскольку, с одной стороны, не смогла стать для бого-отвергающей сверх-парадигмы доказательной базой. А с другой – материалистический (бого-отрицающий) дискурс беспомощен в ответах на мировоззренческие вопросы «Что есть человек, душа, духовность, совесть?». Не имея достойных ответов на фундаментальные вопросы о человеке, позитивистская наука не в состоянии найти консенсусные решения проблем этики, эстетики и смысла жизни человека. Эти философские вопросы, как показала историческая практика, находят свои ответы лишь в сфере богопризнающей сверх-парадигмы, что нашло своё отражение в её «дочерних» мифологических и религиозных парадигмах (например, буддийской, христианской или исламской). У греческого и русского народов – в православной парадигме. Поэтому, если купировать православную парадигму из пронизанного высочайшей духовностью творчества А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других класси-

¹ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М.: Наука, 1991. Т.1. – С. 326.

ков русской литературы, то их произведения, теряя эту духовность, а вместе с ней – глубину духовно-нравственно-психологического погружения, на литературном «мелководье» теряются вообще, а русская культура, лишённая своих духовно-нравственных эталонов, попросту угасает. Реабилитация бого-признающей сверх-парадигмы позволяет совершить реальную «стыковку схемы метода» (по В.С. Степину) с мировоззрением, возведя нравственные, моральные и этические вопросы в априорную аксиоматику. В этом направлении и находится решение той задачи, за которую бралась, но с которой так и не справилась позитивистская наука.

Возвращаясь к вопросу гуманитарных исследований, к безнадёжной теме векторальности усилий персонажей басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак», можно отметить, что любые философствования могут иметь решения, иметь некую «гуманитарную стоимость» только в пределах одной сверх-парадигмы, а точнее, – в пределах той единственной её «дочерней» парадигмальной мутации, которой следует тот или иной автор исследования. Стало быть, проблема не в философских методах, и даже не в критериях «гуманитарной стоимости», а в мировоззренческой парадигме (идеологической, религиозной), которую выбрал и которой следует исследователь или автор. Например, тезис «нравственно всё, что делается в интересах пролетариата» (марксизм) или «нравственно всё, что делается в интересах нации» (национал-социализм) противоречит христианскому Нравственному закону, а последний – либерализму, определяющему эгоистичный индивидуальный интерес как приоритет над общественным или духовным (в частности над интересами и пролетариата, и нации, и христианской общины). Когда же речь идёт об общечеловеческих ценностях, то тут вообще непонятно, о чём идёт речь, ибо марксистские, нацистские, религиозные и либеральные ценности даже теоретически не могут найти общечеловеческий знаменатель, ибо аксиология всегда априори «заангажирована» некой авторской мировоззренческой парадигмой.

Любое гуманитарное исследование целесообразно (во всяком случае, это будет и честно, и научно) начинать с парадигмальной авторской декларации. Тут ставится вопрос о мировоззренческой позиции автора; речь не идёт о его публичной исповеди. Исследование потенциально может иметь ценный результат, но он будет настолько ценный, насколько ценна для «читателя» исходная мировоззренческая парадигма «писателя». Научная разработка не может выйти за пределы мировоззренческой парадигмы исследователя. Ценность

разработки будет всегда замкнута границами мировоззренческой парадигмы. Если последняя строго не детерминирована, то гуманитарно-философское теоретизирование превращается в словесное «жонглирование», в пустословие (пусть иногда даже яркое и талантливое, пусть даже с проявлениями любомудрия и фонтанами остроумия), и, даже страшно сказать, – превращается в «словоблудие», с потенциально нулевым результатом, а сборник гуманитарных статей (особенно по философии) – в идейную какофонию.

Воистину «нет ничего нового под солнцем»: как и 7-8 тысяч лет назад во времена Каина и Авеля, как и две тысячи лет тому назад во времена Иисуса Христа и лютых богоборцев с христианством, так и нынче наблюдается жёсткое противостояние, если не сказать – битва, охватывающая все без исключения гуманитарные сферы, битва всё тех же двух сверх-парадигм: бого-признающей и бого-отвергающей (бого-умаляющей). «Эта битва, – отмечает А.Г. Дугин, – последнее столкновение парадигм. Никто не может знать, чем она закончится. С нас достаточно того, чтобы мы распознали призывной сигнал своего войска, своего горна, своей армии. И в этом выборе окопа состоит глубинная миссия нового человечества, призванного усвоить и запечатлеть в решающем духовном акте великую силу, движущую временами и континентами, пространствами и душами людей»¹.

¹ Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. С. 383.

§ 2. Философский и исторический дискурсы в анализе и оценке идеологических концептов

Современные мирополитические процессы, движимые основными геополитическими акторами, впрочем, как и многими веками ранее, предопределены «волей к жизни» (иначе, – стремлением государств – субъектов геополитики отстоять свой суверенитет и свою безопасность), «волей к власти» (иначе, – стремлением государств – субъектов геополитики к политическому влиянию и доминированию) и «страстью наживы» (иначе, – борьбой за мировые ресурсы, финансово-экономический контроль, получение прибыли за счёт неправомерной торговли и т.п.). В этих процессах едва ли не решающую роль играют благопристойные идеологемы (например, «защита демократии» или «прав человека»), точнее, – такая идеологическая обусловленность, политический статус которой задаёт формат декларируемого усовершенствования социальности. И что парадоксально, это происходит на фоне идеологических установок «о конце идеологий» и вступления человечества в «пост-идеологическую эпоху».

Это обстоятельство не могло не отложиться в идеологической картине мира. Последняя, теоретически предназначенная выполнять нормативную функцию в конкретном социуме и в системе международных отношений, напротив, сама подвержена в последние десятилетия сверхдеформациям, если не сказать, – реконструкции.

Для анализа положения дел в области фундирования идеологией геополитических, политических и социальных процессов необходимы, как минимум, два дискурса.

Философский дискурс, используя философскую методологию, позволяет рассмотреть и проанализировать теоретические аспекты концептов, от исходных идей и далее их эволюции (мутации), – до окончательного нынешнего состояния (зачастую – проблемного). Дискурс сам по себе продуктивен, важен и необходим. Кроме того, он интересен настолько, насколько человеку интересна «социальная мысль» и её развитие. Философский дискурс традиционно опирается на авторов рассматриваемых идей, цитируя послы из их трудов. Авторы-философы, формируя идеологический тренд, являются как бы «композиторами» идеологии. Однако этот дискурс, анализируя составные части идеологической «композиции», не фокусирует своё внимание на заказчиках, как будто «композиторы», чувствуя общественные процессы, как вольные художники в пылу своего инту-

итивного жара «творят, что хотят», а талантливые «композиции», найдя общественное признание (о спонсорах – тут мало кто говорит), сами по себе обеспечивают авторов жизненными ресурсами. Эта логика проста: новые общественные условия предопределяют рождение новых идеологических трендов. Иначе говоря, «бытие определяет сознание». Философский дискурс, с одной стороны, совершенно необходим, а с другой, – явно недостаточен. Недостаточен он в следующем. Начало XXI вв. (а это время свободной интернет-доступности любой информации, чего никогда не было в истории) со всей очевидностью продемонстрировал, как устраиваются революции, как вбрасываются революционные идеологемы, как они «овладевают массами», какие политические силы финансируют, какие исполняют соответствующие идеологические вбросы, а также какие властные группы являются конечными бенефициарами. Ленинский принцип революционной ситуации, когда «верхи не могут, а низы не хотят» жить по-старому, требует исторического расследования. Так, изучение обстоятельств Русской пролетарской революции в Октябре 1917 года со всей очевидностью показало, что:

1) революционная ситуация создаётся грамотными целенаправленными действиями: «низы» доводятся до состояния агрессии (искусно разжигаемой ненависти пролетариата к буржуазии), а верхи – до состояния паралича власти.

2) революционный русский (марксистский) актив не был не только пролетарским, но ещё он не был русским, а финансировался он почему-то из-за рубежа. Движущей (то есть, решающей) силой революции пролетариат никак не являлся, последний скорее был соблазнен идеей общества без эксплуатации, впрочем, как и крестьянство, как и интеллигенция. Русский пролетариат никакую власть не завоевал, не стал гегемоном, а к РСДРП(б) и к большевистской диктатуре имел номинальное отношение (только по названию: «рабочая партия» и «диктатура пролетариата»).

Тут уместно рассмотреть и современный пример формирования русофобской идеологемы как основополагающей доминанты в идеологических построениях многих стран бывшего СССР, особенно Украины, Прибалтики и Грузии. Валовый внутренний продукт к 2018 году в этих странах сократился в несколько раз по сравнению с 1991 г., существенно сократилась численность населения, особенно молодёжи (в некоторых случаях – более чем на треть). Именно русофобская идеологема, прозападные настроения и их следствия (в частности, сокращение рынков сбыта и производства) привели к этому.

Насколько подобная русофобская идеологическая конструкция естественна? – Настолько, насколько естественен этнический суицид. Нет внутренних причин для самоубийства упомянутых национальных образований, но суицидальная тенденция налицо, и она может быть объяснена только факторами целенаправленного внешнего информационно-идеологического воздействия со стороны империи англосаксов, озадаченных геополитическим противостоянием с Россией.

Исторический дискурс, используя не только принцип историзма, а также хронологический, проблемно-хронологический, синхронический методы, но и ставший в последние десятилетия популярным подход исторического расследования (широко применяемый, например, В.Ю. Катасоновым, В.Н. Никольским, Н.А. Стариковым и др.), позволяет понять генезис идеологического концепта, точнее – выявить заказчиков и бенефициаров идеологических концептов, реальные (а не декларируемые) движущие силы революционных процессов (включая финансовые и информационные рычаги), и, кроме того, установить тайные теневые механизмы рассматриваемого процесса.

Чтобы подойти (с претензией на объективность) к анализу актуального состояния идеологической картины мира, её проблем и перспектив, необходим комплексный подход, включающий как философский, так и исторический дискурсы. Такой подход теоретически должен позволить провести анализ и оценку основных европейских идеологических концептов XIX-XXI вв. с целью оптимального выбора идеологии для России. Именно выбора, поскольку мы исходим из того непреложного факта, что «нет ничего нового под луной» и по-сему количество идей, пригодных для фундирования полноценных идеологий ограничено и детерминировано, более того, они все должны были прозвучать в XIX- начале XXI вв. – в период самых ярких и частых идеологических новаций (если не сказать, – экспериментов) за всю историю человечества.

§ 3. К вопросу о взаимосвязи истории и идеологии

Заявленная тема параграфа носит ярко выраженный междисциплинарный характер, причём дискурсы её рассмотрения, охват и глубина могут быть самые разные. Многочисленны исторические примеры подтверждают взаимосвязь истории и идеологии, но полное раскрытие заявленной темы возможно лишь при интеграции методологических программ всемирной истории, социальной философии, философии истории и политологии. Не претендуя на абсолютную целостность фиксации проблемы, в данной главе автор осуществил попытку использовать комплексный подход к решению вопроса взаимосвязи идеологии и истории.

«Человек есть мысль...то, что делает человека человеком – это мысль»¹. Мысль можно трактовать как некую часть процесса мышления, осознания, суждения или как некий результат размышления, такой, как представление, соображение, идея. Не подлежит сомнению, что история и идеология – это мысли, точнее, – это плоды интеллектуальной деятельности человека, рождённые мыслью. Мысль о прошлом – это и есть история. История – это осмысление опыта былых побед и поражений, достижений и ошибок, это концентрация мудрости прошлых поколений. История – это мысль о самоидентификации. Говоря об исторических смыслах, примечательно рассуждение о том, что «в нашем обществе распространено мнение, что история представляет собой знание фактов прошлого... Так вот, история – и история цивилизации, религии, страны, народа или отдельной личности – это, прежде всего, смыслы. Не факты, не прошлое, не знание – именно смыслы. Если мы знаем какой-то факт, смысл которого нам абсолютно непонятен, это не имеет ни малейшего отношения к истории. История начинается там, где начинается смысл. В конечном счёте, всякая история – как действительная, так и воображаемая, – это история мысли, это сама мысль, это свидетельство человеческого бытия. Ведь бытие человека исторично – в той мере, конечно, в какой оно осмыслено...»², ибо «с прошлого начинается мышление», а «прошлое становится историческим прошлым только в том случае, если мы понимаем его смысл».

Одна мысль рождает другую. Осознав себя, осознав общество себе

¹ Дугин А.Г. Всемирный день философии // КАТЕХОН. URL: <http://katehon.com/ru/directives/vsemirnyy-den-filosofi> (дата обращения: 06.04.2018).

² Дугин А.Г. Директива Дугина: Смыслы истории // КАТЕХОН. URL: <http://katehon.com/ru/directives/direktiva-dugina-smysly-istorii> (дата обращения: 25.07.2017).

подобных, мысль социального человека начала генерировать идеи об обществе. В.О. Ключевский об этом писал так: «Я не знаю общества свободного от идей, как бы мало оно ни было развито. Само общество – это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они — общество. Ещё труднее мне подумать, что идеи лишены участия в историческом процессе»¹.

В обществе мысль человека осознала необходимость единых правил поведения для всех членов социума, единых моральных ценностей, иначе говоря, – единого идейного (читай, – идеологического) пространства; мысль осознала необходимость в цели общественного развития. В общем случае, идеологию можно рассматривать как структурированный комплекс мыслей (взглядов, идей, в том числе философских, религиозных, научных, этических, эстетических, культурных, политических, исторических, правовых, и др.). Он позволяет оценивать отношение людей друг к другу, к обществу и к миру, формулировать цель развития общества. Идеология – это мысль о настоящем, устремлённая в будущее на фундаменте мысли о прошлом.

В свою очередь, мысль, идея, смысл, да и сам процесс осмысления (как узкопредметного, так и всестороннего) составляет существо предмета философии. «Философия – это область столь интенсивного мышления, что мысль обращается к самой себе и начинает мыслить мысль»². Процессы осмысления истории и процессы осмысления идеологии объединены одним и тем же фактором осмысления – философствованием. Генезис, как истории, так и идеологии, заключается в том, что мысль постигает мысли о прошлом, в том, она охватывает настоящее и строит планы на будущее, что и находит своё выражение во взаимосвязи истории и идеологии. Философия с её методами, плохими или хорошими, приближающими к сути, к истине или, наоборот, отдаляющими от неё, лежит в основе не только истории или идеологических построений. Философия – это фундамент любого исследования.

История знает великое множество философских систем, возникших в разных исторических условиях. Вопрос в том, как из этого разнообразия систем выявить ту (или те) из них, которая наилучшим образом подходит для исследования истории, идеологии и выявления их взаимосвязи.

¹ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. – С. 53.

² Дугин А.Г. Всемирный день философии.

На этот счёт философы-марксисты имеют свою достаточно чёткую дифференциацию в зависимости от того, «как та или иная философская система, тот или иной философ решают основной вопрос философии»¹ – вопрос о характере связи материального и духовного (что из них первично). В хрестоматийном учебнике марксистско-ленинской философии отмечается, что «вопрос об отношении мышления к бытию является основным в философии потому, что в зависимости от ответа на него решаются все другие философские проблемы: о единстве мира, о характере законов его развития, о сущности и путях познания мира и т.д. Поскольку, кроме материального и духовного, в мире ничего нет, создать философскую систему, нарисовать картину мира в целом, не решив основного вопроса философии, невозможно. Вдумавшись в содержание основного вопроса философии, нетрудно понять, что возможны только два в корне противоположных его решения: признать первичным либо материю, либо сознание. Вот почему в философии издавна сложились два основных направления – материализм и идеализм»².

Марксизм как теория, в целом весьма противоречив, но именно с этим его утверждением, основанным на бинарной оппозиции (материализм-идеализм) сложно спорить. Тем более, что «долгое время формой предпосылочного знания, структурировавшего познавательное поле и позволявшего судить о рациональности и актуальности исторической истины, были бинарные оппозиции. В макроистории они являлись основанием для истинностных умозаключений о “сущности” явлений прошлого» (И.Н. Ионов)³. Однако для идеологического дискурса рассмотрение «основного вопроса философии» будет хоть и необходимо, но явно недостаточно. Действительно, в основе идеологических построений обязательно должны лежать фундаментальные мировоззренческие представления о том, «что есть мироздание», «что есть человек» и «как человеку следует жить»⁴. При этом следует иметь в виду, что проблема любой философской школы в том и заключается, что мир хранит тайну своей сущности и происхожде-

¹ Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. Для слушателей школ основ марксизма-ленинизма. – М.: Мысль, 1966. – С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании (обзор докладов научного заседания) // Вопросы философии. 2012. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=562 (дата обращения: 13.07.2017).

⁴ Папаяни Ф. Смысл жизни. – М.: Библио-глобус, 2013. – С. 211.

ния. Например, В.Ю. Катасонов указывает на очевидный факт того, что вопрос о сущности мироздания, в частности, вопрос о «праматерии» трансформировался у философов в «мешанину различных предположений», игнорирующую первичный духовный мир. Это привело к восприятию «всех событий и процессов этого видимого мира как случайных, не имеющих какого-то смысла и цели», а «сама философия достаточно внятно не может объяснить, каковы её цели», имея лишь «плюрализм философских мнений (сколько философов, столько и теорий, представлений о мире)». Плюрализм, в свою очередь, привёл к тому, что «философы с упоением отрицают друг друга»¹.

Поскольку мироздание и человек (особенно его душа и мысль) остаются научными загадками, то мировоззрение человека (и, соответственно, идеология общества) не может основываться на строгих научных знаниях, то есть, научным быть не может, а представляет собой комбинацию идеалистических и/или материалистических верований². По аналогии с «основным вопросом философии», но существенно расширив последний, можно ввести более общее понятие – «основной вопрос мировоззрения», включающий следующую триаду: «Что есть мироздание?», «Что есть человек?» и «Как человеку следует жить?». Результаты исследования находятся в мировоззренческом поле исследователя, в рамках понимания им «основного вопроса мировоззрения». Чем выше уровень обобщения в исследовании, тем больше будет влияние этого поля. Результат исследования, его потенциал зависят от того, с каким мировоззрением, с какими мыслями исследователь приступил к научной работе.

В получении истинных знаний, как известно, заключен смысл любого научного исследования, смысл, вокруг которого шли и продолжают идти не утихающие споры. «Вопрос о том, могут ли историки высказывать истинные суждения, столь же стар, как сама история» (М.С. Бобкова)³. Процесс осмысления истинности в истории чрезвычайно затруднён, поскольку очень часто историки противоречат друг другу и отстаивают взаимоисключающую информацию об одном и том же событии (И.А. Гобозов)⁴. Эта проблема усложнена ещё и тем

¹ Катасонов В. Ю. О философии людской и Божественной // Русский дозор. Интернет-обозрение. 2017. URL: <http://rusdozor.ru/2017/07/22/o-filosofii-lyudskoj-i-bozhestvennoj/> (дата обращения: 22.07.2017).

² Подробнее см. Папаяни Ф. Смысл жизни. С. 215.

³ Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании ...

⁴ Там же.

обстоятельством, что современный постмодернистский плюрализм фактически привёл к методологическому анархизму гуманитарных наук. Кроме того, «сложность исторического исследования заключена в двойном несовпадении: «сущности и явления, истины и интереса. Постигание кем-то сущности социальной системы или властной организации, их истины и меры, как правило, не в интересах господствующих групп, они всячески препятствуют этому, ограничивая (в том числе институционально и дисциплинарно) реальные исследования уровнем явлений, причём трактуемых в интересах верхов. В результате социальный, классовый интерес верхов становится интересом обслуживающего их профессионального интеллектуального сообщества как корпорации и в известном смысле – его истиной в специфическом смысле слова»¹. Тем не менее, несмотря на все упомянутые сложности, наука не может не стремиться к приближению к истинности или хотя бы к историческому правдоподобию. Эта степень приближения зависит от ряда факторов.

Субъективно-профессиональный фактор обусловлен тем, что историческая интерпретация всегда субъективна, поскольку «процедура исторического исследования, претендующего на научность, должна учитывать своеобразную цепь, звеньями которой выступают субъективизм актора (основной политической силы минувшей исторической реальности, – ред.), субъективизм создателя исторического источника и субъективизм самого историка-исследователя» (В.В. Шевченко)². В частности, многое зависит от профессионального намерения исследователя «докопаться» до истины, а не идти на компромиссы, то есть не идти на поводу «общепринятых» научных установок, не согласующихся с результатами конкретного исследования, например, таких, по которым сложился консенсус авторитетов от исторической науки и, соответственно, благоприятно воспринимается соответствующим учёным советом. Так уж сложилось в исторической науке, что наиболее правдоподобными являются высказывания, по поводу истинности которых существует консенсус научного сообщества (К.В. Хвостова)³. Говоря о субъективном факторе, следует добавить, что «в исторической науке, как правило, истинными признаются научные высказывания, подтверждённые сведениями исторических источников, достоверность которых уста-

¹ Фурсов А. Конспирология // Криптополитэкономия капитализма как основа изучения западных элит / Журнал «Изборский клуб. Русские стратегии». – №4(40). – М., 2016. – С.10.

² Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании ...

³ Там же.

новлена результатами источниковедческого анализа. Однако, исторический источник субъективен, т. к. отражает взгляды, интересы и цели своих создателей. Эта субъективность определяет наличие субъективного компонента в историческом знании и исторической истине» (К.В. Хвостова)¹.

К субъективно-профессиональному фактору следует отнести и используемую исследователем методологию. Так, например, К. Маркс и Ф. Энгельс предложили свой метод познания общественных процессов – исторический материализм, так сформулировав его главное положение: «общественное бытие определяет общественное сознание». Они полагают, что народ (эксплуатируемые массы) является подлинным творцом исторического процесса и решающей силой общественного развития. Однако XXI век, выявивший заказной характер всех цветных революций, поставил под сомнения результаты исследований с использованием этого метода. Политическая практика показала, что общественное сознание вполне управляется методами ведения информационной войны, в частности – психоисторической².

К этому субъективному фактору можно отнести и квалификацию исследователя, проявляющуюся в том, насколько комплексно он подошёл к исследованию, то есть, насколько полно учёл все предпосылки исторического события, включая важнейшую, но часто опускаемую, конспирологическую детерминанту. «Далеко не все причины и мотивы происходящего в мире лежат на виду», – отмечает А.И. Фурсов, – наоборот, они скрываются; далеко не все цели декларируются открыто, и это естественно. Мы прекрасно знаем, что большая политика делается тайно, реальная власть – это тайная власть, а зона функционирования «высоких финансов» – тайна. Поэтому, как правило, поставить под сомнение реальный анализ скрытых механизмов истории пытаются либо люди недалёкие, профаны, либо, напротив, те, кто слишком хорошо знает о существовании тайных сил, структур и т.п., и стараются отвести от них внимание, сбить со следа, высмеивая такой серьёзный поиск как конспирологию. Под конспирологией имеется ввиду сфера знания, в которой история, особенно резкие её повороты, объясняются не историческими закономерностями и массовыми процессами, а перипетиями тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких

¹ Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании ...

² Словарь патриота Отечества. – СПб: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 41.

скрытых сил – орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций...»¹. С подобным подходом солидарен О. Вусатюк, утверждая, что теневые потоки истории (под которыми понимаются скрытые социокультурные процессы и социальные течения), сопровождают доминирующую линию отечественной истории². К важнейшим проявлениям теневых потоков О. Вусатюк относит «цветные революции, возникающие на местной почве, как выстраданная реакция на тотальную коррупцию и чиновничий произвол. Их направляют внедрённые теневые течения..., получающие негативную мотивационную, организационную и материальную подпитку извне»³. Эти теневые потоки способны существенно скорректировать ход развития истории, ибо в них накапливается весомый потенциал грядущих социальных трансформаций⁴. С подобным подходом можно согласиться, полагая, что в основе всех известных революций XIX-XXI веков лежат не столько системные экономические проблемы (проблем в любом обществе всегда хватало, однако Европа жила без революций тысячелетиями), а властные группы, заинтересованные в революции и её организующие; стихийная масса уличных активистов (толпа) может организовать лишь бунт (даже если он «беспощадный»), причём безрезультатный («бессмысленный») с точки зрения социального управления. Нельзя забывать, что «мир – понятие не количественное, а качественное, как любил говорить А. Эйнштейн. В мире небольшая, но хорошо организованная группа, в руках которой огромные средства (собственность, финансы), власть и контроль над знанием и его структурами, а также над СМИ весит намного больше, чем масса людей или даже целая страна...»⁵.

Таким образом, конспирологию, «теневые потоки» опустить при исследовании общественно-исторических процессов никак нельзя. Без них исследование не может быть полноценным, поскольку реальность социальной системы и официальная информация о ней могут не совпадать.

Субъективно-мировоззренческий фактор обусловлен тем, что «события передаются через восприятие субъекта – носителя опре-

¹ Фурсов А. Конспирология. С. 8.

² Вусатюк О. Теневые потоки российской истории XVII – начала XXI века // Свободная мысль. – №2 (1662). – М.: Политиздат, 2017. – С. 139.

³ Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании ... С. 150.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Фурсов А. Конспирология. С. 9.

деленных нравственных, идеологических, политических, конфессиональных установок своего времени и социума, к которому он принадлежит» (М.С. Бобкова)¹. Историческое познание всегда пристрастно, о чём свидетельствует интерес историка к предмету своего исследования. Кроме того, «неизбежно соотнесение историком этого предмета со своим мировоззрением, со своими многообразными групповыми принадлежностями (идентичностями)...»². Многое в исследовании зависит от того, какое мировоззрение «исповедует» сам исследователь, какое для него возможно нравственное оправдание события. Критерий собственной совести определяет нравственные компромиссы, на которые готов идти исследователь (они отличны от профессиональных компромиссов, о которых указывалось выше). Например, верующий в Бога исследователь, безусловно, идёт на нравственный компромисс, объясняя общественные процессы исключительно с материалистических позиций, используя аппарат исторического материализма, эволюционные теории и т.п. Историк в своей работе может использовать множество документов и цитат, включая воззрения, оппозиционные своему мнению, однако в целом его послание, его выводы всегда выстраиваются согласно его собственному миропониманию.

Объективно-профессиональный фактор демонстрирует полноту и достоверность исходных данных, которые находятся в распоряжении исследователя и на которые он опирается. «При изучении ранней истории славянства, – отмечает Е.Ю. Спицин, – необходимо очень бережно и по возможности точно соотносить между собой все эти виды источников (письменные, археологические, лингвистические и антропологические, – ред.), что, к сожалению, довольно редко делалось ранее, а во многих случаях и сейчас. Именно это обстоятельство значительно затрудняет поиск истины и приводит к тому, что многие ключевые аспекты этногенеза славян до сих пор являются предметом самых ожесточённых споров в науке и околонаучной среде»³.

Объективно-идеологический фактор обусловлен тем, насколько исследователь находится под откровенным идеологическим давлением, насколько он может выйти за пределы жёстких идеологических ограничений, присущих в данное время данному социуму. Например,

¹ Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании ...

² Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования. – Томск: ТГУ, 2006. – С. 14.

³ Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь IX-XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга I. – М.: Концептуал, 2017. – С. 8.

«партийный подход», точнее, запрет в СССР на метафизический дискурс вынуждал многих выдающихся учёных формулировать такие, якобы естественно-научные, а на самом деле метафизические теории, как «ноосферная» (В.И. Вернадский) или «пассионарная» (Л.Н. Гумилёв). Избегая мощнейшего давления «партийного подхода», они не нарушали жестких материалистических ограничений на философствование. Каждая из этих теорий – это выдающаяся смесь мысли, логики и интуиции, но чтобы лучше их понять, современному исследователю необходимо всё-таки делать поправки на объективные условия идеологического прессинга, в которых рождались эти теории. Проблема объективно-идеологического фактора в современных условиях либерального прессинга также ищет своего разрешения. «В связи с дискредитацией понятия «партийность» его предпочитают избегать в современной (читай, либеральной, – ред.) методологии истории. Было введено понятие “ценностный подход”, который можно определить как принципиальное требование учёта одним историком влияния мировоззрения других историков на создание образа событий, а также требование рефлексии по поводу собственных мировоззренческих оснований»¹. Однако и «ценностный подход» отнюдь не является решением проблемы, поскольку плюрализм несопадающих (иногда даже взаимоисключающих) исторических образов не приближает определение истинного образа, а, наоборот, отдаляет от него. Проблема объективно-идеологического фактора может быть решена только в случае конституционного принятия обществом конкретной идеологии, и эта идеология будет нравственна в традиционном понимании нравственности.

С учётом приведенных выше факторов императив приближения к истинности требует обязательного применения комплексного подхода к историческому исследованию как собиранию и учёту разносторонней информации об объекте (явлении) в максимально доступной её полноте. Этот же императив налагает не только общепринятые профессиональные и моральные требования к исследователю, но и необходимость обязательной артикуляции его мировоззренческой позиции. Эта необходимость засвечивает проблему истинности и ценности в идеологических построениях.

Истина и ценности в идеологических построениях. Может ли идеология, будучи в своей доминанте вектором этической направленности, опираться на естественно-научные данные и использовать

¹ Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования. С. 14-15.

их в качестве научных критериев истинности? Проблемы социума практически всегда связаны с нравственностью, моралью, с общественными идеалами, но нравственность, мораль и общественные идеалы – это всё грани религиозно-нравственной идеи, а никак не науки. Тем не менее, именно естественно-научные знания, именно наука являются опорой западных идеологий XIX-XXI веков. Об этом противоречии С.Г. Кара-Мурза пишет: «Любая идеология стремится объяснить и обосновать тот социальный и политический порядок, который она защищает, через апелляцию к естественным законам. “Так устроен мир” и “такова природа человека” – вот конечные аргументы, которые безотказно действуют на обычную публику. А формулы идеологии, как и её язык, создаются по образу научных формул и научного языка»¹. Именно здесь, как считает С.Г. Кара-Мурза, «совершается подлог: принятие решений, непосредственно касающихся и связанных с моральными ценностями, совершается под воздействием авторитета науки, в принципе неспособной эти ценности даже различить»². Этот подлог проявился, в частности, в том, что со второй половины XVIII века «резко, качественно выросла роль определённым образом организованной («упакованной»), подаваемой в качестве рациональной, научно-обоснованной, принципиально новой и направленной информации»³. Эти информационные потоки, имеющие откровенно идеологический характер, стали мощным оружием властных групп, делающих ставку на переформат сознания элиты, на вербовку адептов. Говоря об идеологическом псевдонаучном мифотворчестве, Г.В. Гивишвили пишет: «Нас не должна смущать кажущаяся разница в интеллектуальном материале, содержащемся, в частности, в таких, на первый взгляд, разнородных творениях разума, как сказки охотника-собиранья, экономическое учение Маркса и рекомендации астролога. И то, и другое, и третье, претендуя на истину в конечной инстанции, не отвечают критериям логического анализа, пасуют против критики, игнорируют опыт и содержат непреодолимые внутренние противоречия. Марксизм и нацизм представляют собой учения ничуть не более доказательные, чем, например, теория торсионных полей... Гитлер претендовал на то, что он дал своей партии “серьёзное научное обоснование всей расовой проблеме”»⁴.

¹ Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 10.

² Там же. С. 72.

³ Фурсов А. Конспирология. С. 21.

⁴ Там же.

Попыткой завуалировать упомянутый выше подлог можно рассматривать появление современного западного концепта мета-идеологии, предметом изучения которой является структура, форма и проявление различных идеологий. Последняя в полном соответствии с либеральной концепцией постулирует: идеологии не «истинны» и не «ложны», но являются релятивистскими интеллектуальными стратегиями. Такой подход сводит на нет потенциал мета-идеологии для рассматриваемого дискурса¹.

В целом, сложность научного анализа идеологической конструкции (как по критерию истинности, так и аксиологическому критерию) обусловлена тем, что идеология от своих адептов требует не научных, в частности, не исторических познаний, а веры в свои постулаты (например, веры в светлое коммунистическое будущее или веры в свою национальную исключительность). Более того, философия, аппарат которой используется в идеологических обоснованиях, также наукой не является, поскольку философы не пришли к консенсусу ни по одному из ключевых вопросов философии: «основному вопросу философии», «основному мировоззренческому вопросу» и даже по аксиологическим критериям. Таким образом, научные критерии не применимы к идеологическому концепту. Они не применимы в принципе. Если это так, тогда именно каноны веры, идеалистической или материалистической, осознанной или внушённой, на практике являются критерием истинности любого гуманитарного концепта. Отвергая каноны веры, «философы погрузились в изучение видимого (природного) мира, т. е. примерно в то же, чем занимались и естественные науки. Они также стали выискивать в природе устойчивые причинно-следственные связи (называемые законами). Стали строить цепочки причинно-следственных связей, которые становились все длиннее. Возникла некая “дурная бесконечность” без финальной цели и смысла»². Однако критерии, применимые для исследования естественных наук (где по части критериев истинности у учёных выработался консенсус, где такие дисциплины как методология, вполне подтверждены практикой), совершенно не применимы для оценки мировоззренческих/ идеологических построений.

Следует отметить, что аксиологическая оценка концепта всё-таки возможна, имея в виду то, что результат такой оценки будет иметь реальную ценность только в пределах одной мировоззренческой

¹ Кара– Мурза С. Евроцентризм: скрытая идеология перестройки. – М.: СИМС, 1996. – 143 с.

² Катаронов В. Ю. О философии людской и Божественной.

парадигмы (так, например, оценка нацизма адептами марксизма заранее предрешена, как и наоборот). В пределах одной выбранной мировоззренческой парадигмы вполне реально построить рейтинг основных политических идеологий новоевропейской цивилизации в соответствии с выбранными критериями из числа бинарных оппозиций («добро и зло», «естественность и искусственность», «цивилизованность и варварство»), например, на основе авторского метода бинарной дифференциации¹.

Для примера рассмотрим проблему истинности с православно-мировоззренческой парадигмы. Согласно святителю Николаю Сербскому, «Христианство обладает своим особым понятием жизни и мира, органичным и систематическим, отличным от всех других философий человечества, ... Христос сказал: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными». От чего свободными? Да именно от всяческих других религий, от людских философий, от мнений самозванцев о познании мира, от тирании любых заблуждений, противящихся Истине, как бы они ни назывались и кому бы ни служили». С точки зрения Николая Сербского, вера в Евангелие, вера в Церковь рассматривается как единственная абсолютная истина, «которая не нуждается ни в опоре, ни в поддержке философии или светской науки...»².

Можно соглашаться или не соглашаться с подобным мировоззренческим подходом, но нельзя не признать того факта, что только ясное представление об «основном вопросе мировоззрения», только принятие единой мировоззренческой парадигмы могут обеспечить возможность однозначной оценки идеологического концепта. Пока консенсуса в признании «основного вопроса мировоззрения» у философов нет, то нет и не может быть консенсуса в аксиологической оценке идеологии. В этом контексте вполне понятным и современным (возвращаясь к примеру православной парадигмы) является прочтение идеологического послания апостола Павла: «Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы вы все говорили одно и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях»³.

С учётом приведенных аргументов идеологический концепт сле-

¹ Папаяни Ф. Политические идеологии современного мира // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3(69). – 2017. – №1. – С. 80-90.

² Катасонов В. Ю. О философии людской и Божественной.

³ Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Кано-нические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. – 1233 с., 1Кор.1:10.

дует рассматривать как целостную (хотя и не научную) систему, состоящую из множества составляющих и взаимосвязанных факторов (исторического, мировоззренческого, политического, естественнонаучного, и аксиологического). Это налагает, как и в случае с историческими исследованиями, необходимость обязательной артикуляции исследователем его мировоззренческой позиции.

О влиянии идеологии на интерпретацию истории. История идеологична, ибо её понимание зависит от мировоззренческой ориентации, характерной для рассматриваемой исторической эпохи. Это наглядно демонстрирует философия истории, отвечая на вопрос об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства. Так, для греческой античности и древнего Востока «история есть процесс вечного возвращения, подобно круговороту вещей в природе или смене времен года». Это циклическая парадигма истории. Иное представление об истории как универсальном процессе впервые зародилось в Ветхом Завете. В Священном писании обозначилось мессианское «сознание исторического свершения, в отличие от того круговорота, которым процесс этот представлялся сознанию эллинскому»¹. Затем последовала иная мировоззренческая эпоха – Эпоха Просвещения с её рационализацией сознания и поведения, эпоха, начиная с которой «вместе с процессами секуляризации сознания секуляризировалась и вера в историю. Мыслители Просвещения хотели сохранить веру в смысл истории и ее счастливый, миротворительный финал, но при этом обойтись без Божественного вмешательства. В результате появляется идея исторической закономерности. В истории действуют объективные законы, но почему-то, в отличие от законов природных, космических, они считаются с нашими чаяниями и ведут в будущее, совпадающее с нашими представлениями о счастье и социальной гармонии»². Парадигма исторического прогресса развивалась Дидро, Д. Аламбером, Вольтером, О. Контом. Г. Гегелем и др. Апогеем исторической закономерности стал исторический материализм К. Маркса. Затем с крушением эпохи марксизма идеологическое европейское пространство было оккупировано либерализмом. «Современный сциентизированный либерализм, заявивший о себе в качестве нового всепобеждающего учения,

¹ Философия истории: Учеб. пособие / под ред. проф. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – Философия истории: Учеб. пособие / под ред. проф. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – С. 5.

² Там же.

перед которым должны ступать все остальные», утверждает следующие постулаты: «человеческая субъективность в лице морали и культуры, системы ценностей снова берется на подозрение и человеку приписывается одна обязанность – приспособляться к требованиям современности. Эти требования, якобы, олицетворяют рынок и поэтому приспособление к рынку становится высшим и даже единственным императивом»¹. Постмодернистская парадигма предоставила свой уровень интерпретации исторического процесса через установку на принципиальное разнообразие познавательных перспектив, радикальную инверсию в научной картине мира, через фрагментацию, индивидуализацию и релятивизм.

Принимая во внимание эту общую схему, можно сделать шаг в сторону динамического взаимодействия конкретных проявлений влияния идеологии на историю. История идеологична всегда, с момента своего начала и до сегодняшнего дня, ибо идеологический «ген» входит в состав «генома» исторической науки (как, впрочем, и любой общественной науки). Этот «ген» влияет на все жизненные процессы, которые потом становятся историей. Но особенно наглядно идеологический «ген» проявляется в общественно-исторической науке при смене политического строя. Так, после Октябрьской революции 1917 г. «идеологическому неприятию» подвергалось все, что не соответствовало большевизму. М. Горький тогда метко отразил это едкой фразой: «Все, что не по Ленину, – подлежит проклятию»². Очень скоро в большевистской России возник методологический феномен «партийности» в науке: «в советской исторической науке, подчинённой идеологии, принцип партийности сводился к раскрытию социально-политической сущности «ложной буржуазной историографии», которой противопоставлялась «истинная марксистско-ленинская историческая наука»³.

Аналогично идеологический «ген» проявил себя и при развале Советского Союза. Так, в начале 1990-х гг. некогда советские люди встретились с новым для себя феноменом ревизии истории, включающей набор фальсификаций и импровизаций, имеющих мало общего с исторической достоверностью. В формально деидеологизированных постсоветских странах новые учебники истории начали отражать либеральные концепты. В некоторых случаях они замеша-

¹ Философия истории. С. 7.

² Валентинов Н. Малоизвестный Ленин // PRPFILIB [электронная библиотека]. URL: <https://profilib.com/chtenie/149611/nikolay-valentinov-maloznakomu-lenin-29.php> (дата обращения: 17.07.2017).

³ Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования. С. 14.

ны на откровенной русофобии (в Литве, Латвии, Эстонии, в Грузии). Нормой стала критика царского времени (Российская империя как тюрьма народов), и, особенно, советского периода (концепция «советской оккупации»), а также национал-патриотические установки на возвеличивание своих народов и уничтожение русского. «Так, например, в некоторых псевдонаучных трудах утверждается, что вся мировая цивилизация создана кочевниками-тюрками; германцы-остготы и вестготы на самом деле были кочевниками-кипчаками; древние жители палестины, включая Иисуса Христа, были осетинами (скифами, аланами); германский император Барбаросса тоже был осетином; подобные «шалости» известны и в среде российских исследователей: так статус академика-математика А. Фоменко позволяет ему изрекать такую вопиющую ложь, на которую не отваживается ни один историк. Этот список игры на патриотических чувствах может быть очень длинным, он подтверждает слова А. Пушкина:

*Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман»¹.*

Близок к этому и дискурс украинского национализма: «в науке и околонучной среде...много различного рода спекуляций типа мифических «укров», ставших под пером нынешних украинских фантазёров и мракобесов националистического толка прародителями древних египтян, шумеров и других древнейших народов человечества»². Если в начале 1990-х подобные исторические фантазии вызывали у людей мало-мальски грамотных снисходительную улыбку, то после 2014 года гражданам Украины стало уже не до смеха, когда до сознания начало доходить, зачем это делалось и к чему это привело. Печальный пример Украины подтверждает, что «любая фальсификации истории смертельно опасна... Она приводит к мутациям исторической памяти народа, к подмене основанных на многовековом духовном опыте ценностей чужими, «генно-модифицированными» подделками, идеологическим «фастфудом». Заново сконструированная история народа, страны, края практически всегда – психологическая, идейная подготовка войны, репрессий, геноцида»³. Пример Украины – это очевидное свидетельство влияния на историческую интерпретацию политического заказа, обусловленного новой идеологической

¹ Гвишвили Г.В. Идеологические системы мира: Сны разума. – М.: Либриком, 2017. С. 314-315.

² Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь IX-XVII вв.

³ Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории. – СПб.: Питер, 2014. – С. 6-7.

парадигмой, являющейся частью идеологической войны, развязанной Западом против России. В рамках этой войны сформировался устойчивый фронт, недавно названный психоисторической войной, «предметом которой является ментальность покоряемых народов, перекодировка их сознания через искажение реальной исторической картины мира, с заменой её на картину, выгодную геополитическому оппоненту»¹. «Одной из форм глобального управления является психоисторическая война, распространяющаяся на такую важную сферу, как история, на знание и понимание прошлого, без чего невозможно знание и понимание настоящего и будущего. Одна из линий борьбы за прошлое – фальсификация истории, в частности, отрицание существования скрытых субъектов глобального управления. Тот, кто стремится к мировому господству, делает все, чтобы затушевать свои действия и представить их в качестве либо случайностей, либо неких системных массовых процессов, развивающихся якобы самих по себе. Для уничтожения в первую очередь России или для установления контроля над ее ресурсами и территорией были организованы две мировые войны XX в., а по сути одна Большая война 1914-1991 гг., из которой до сих пор не сделаны многие важные выводы. В частности, до сих пор эти события и их последствия анализируются без учета интересов, целей и деятельности главных поджигателей и бенефициаров – наднациональных структур, которые и сегодня продолжают вести психоисторическую войну против России и русских, планируя окончательное решение русского вопроса»².

В параграфе 1 главы I показано, что идеология имеет своим основополагающим вектором воздействия – морально-этический. Этот вектор, в свою очередь, раскладывается на несколько составляющих, одна из которых – историческое сознание, основанное на той или иной интерпретации истории. В идеале интерпретация истории должна быть едина, объективна и основана на беспристрастной исторической науке. Но вся проблема как раз в том и заключается, что история никогда не пишется в условиях идеологического вакуума. Наоборот, история всякий раз редактируется идеологической средой, в которой работает историк. Эта среда влияет на историка как минимум – морально (он может быть не понят или не признан),

¹ Словарь патриота Отечества. С. 86.

² Фурсов А. Психоисторическая война // Институт высокого коммунизма. URL: http://communitarian.ru/posts/istoriya_propagandy/ai_fursov_psihoistoricheskaya_voyna_chast_i_08012014 (дата обращения: 17.07.2017).

но чаще историка жёстко редактирует цензура (как, например, это было в СССР). В настоящее время (на постсоветском пространстве с 1991 г.) историк работает в условиях психоисторической войны и, одновременно, при отсутствии официальной идеологии. Часто, к сожалению, историк контролируется более изощрённо, а именно, либерально-рыночными механизмами – заказами, имеющими либерально-политический оттенок, зарубежными грантами и т.п. Например, если в современной академической литературе слышатся призывы к деидеологизации истории, то можно не сомневаться в их либеральности, ибо смысл любых либеральных исторических воззваний в замене единой исторической трактовки (например, по консенсусу профессионального сообщества) на множество её субъективных интерпретаций. Замена единой интерпретации на множество несогласованных мнений призвано не просто запутать, сбить с толку народ, но превратить его в политическую биомассу, лишённую чувства патриотизма. Народом, превращённым в биомассу, легко затем манипулировать, сделать его участником «цветных революций» во вред своему Отечеству и на пользу его врагам. Независимо от того, понимает историк или нет, он всегда является «бойцом идеологического фронта», формирующим политическое сознание, независимо от того, кто он: учитель в школе, публицист, аспирант, профессор или чиновник соответствующего министерства (информации, образования). Последнее обстоятельство накладывает в обществе особое требование к историкам (и шире, - ко всем, кто связан с общественными науками) – требование раскрыть личную мировоззренческую позицию. От того, какого мировоззрения придерживается историк, зависит его версия, его интерпретация общественно-исторических явлений.

О влиянии общественно-исторических процессов на идеологию. Согласно Н.М. Карамзину, «настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется...»¹. Предыстория каждого человека, родственная и культурная связь поколений, соблюдение исторически сложившихся традиций своего народа настолько существенны, что в русском языке даже сложился уникальный фразеологизм «Иван, не помнящий родства», отрицательно характеризующий человека, отрекшегося от своего прошлого, от своих родовых связей. Русский народ со стародавних времён понимал историчность своего бытия. «Через историю, – отмечает А.Г. Дугин, – мы постигаем

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Эксмо, 2005. – С. 991.

все: мысль, культуру, традицию, идентичность. История больше, чем профессия, история – это мы сами, это наша судьба»¹. Если так понимать историю, то она не может не влиять на самооценку, самоидентификацию и самосознание народа, следовательно, не может не влиять на мировоззрение личности и на идеологию общества.

Как известно, идеология формулирует стратегическую цель развития общества, раскрывает ответ на вопрос какое общество мы строим, то есть, идеология проектирует такое будущее, которое строится в настоящем с опорой на прошлое. Поэтому «прошлое должно быть осмыслено, чтобы и настоящее, и будущее также имели смысл. Оказавшись в мире без прошлого, без начала, без истока, мы не будем знать, ни кто мы, ни куда нам идти... Но когда прошлое обретает смысл, тогда мы знаем: мы народ, мы культура, мы цивилизация, мы церковь, мы государство. Историческое прошлое объясняет нам нас самих. Благодаря ему мы обретаем полноценное бытие – историческое бытие»². Исторические знания (например, о победах на полях сражений, о происхождении своего народа, о культурных памятниках, о формах государственности и т.п.) являются составной частью любой идеологии. Если исторические знания противоречат новейшим идеологическим построениям, то тем хуже для этих построений. Например, исторические знания соотечественников о Великой Отечественной войне привели к неприятию в России и ДНР либерального концепта и украинского национализма, умаляющих победу наших предков и искажающих военно-исторические факты.

Самобытность русской истории предопределяет мировоззренческие признаки, отличительные от западных, о которых А.С. Пушкин писал так: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой, ...история её требует другой мысли, другой формулы...»³. Самобытный Русский Мир начал своё формирование в IX веке. Своеобразие Русского Мира в том, что он сформирован духом народа, его духовностью, особым мировоззрением. Возникло созидательное движение от христианской идеи до построения идеологического концепта православной империи. Русские властные группы (аристократия, купцы и промышленники) и народ были сплочены этой идеей. Русское «сознание» (христианское мировоззрение, затем и идеология) определило русское «бытие» на десять веков вперёд. На Западе,

¹ Дугин А.Г. Директива Дугина: Смыслы истории.

² Там же.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819-1834. – 1949. – С. 127.

наоборот «общественное бытие определяет общественное сознание» (К. Маркс). То есть, все западные идеологии XIX-XX вв. (бонапартизм, марксизм, нацизм, либерализм) развивались в контексте конкретных общественно-исторических процессов, а точнее, в контексте таких потребностей в новых идеологических установках, которые обеспечивают западным властным группам конкретного исторического периода возможность «покорять» новые властные олимпы, уничтожать все текущие препятствия на пути этого политического «альпинизма». Так, например, марксизм с середины XIX века был полностью профинансирован и внедрён в жизнь континентальной Европы империей англосаксов (Великобританией и США) с целью развала двух конкурирующих империй, Германской и Российской. Эти цели были достигнуты. Однако сталинская мутация марксистского проекта, возродившего даже более мощное государственное образование, чем была Российская империя, создала англосаксам новые проблемы. Властные группы англосаксов в противовес советской России создали конкурирующий проект германского национал-социализма. Империя англосаксов (США и Великобритания) использовали идеологему социализма и диалектический метод Гегеля для реализации своих политических планов¹. Под влиянием масонского ордена «Череп и кости» империя англосаксов сначала спонсировала советский социализм (тезис: «интернационализм и общественная собственность»), а затем и германский национал-социализм (анти-тезис: «нацизм и частная собственность»). Далее англосаксами было организовано столкновение этих систем (1941-1945 гг.), дабы на руинах этого мирового побоища установить свою власть (синтез: «новый мировой порядок»). Этот пример иллюстрирует: идеология всегда привязана к конкретным историческим условиям её появления. В этом смысле идеология всегда исторична. Или другой пример: на наших глазах Западом рождён проект украинского нацизма в парадигме русофобии, совершенно невозможный к внедрению в 1991 году, но реализованный с целью ослабления России через 23 года.

Последовательный общественно-исторический процесс, логика развития капитализма на Западе, последовательность циклов накопления капитала привели к новой исторической реальности – формированию сверхорганизованной мировой финансовой олигархии как основной властной группы, занятой борьбой за мировую геге-

¹ Саттон Э. Орден «Череп и кости». Документы, история, идеология, международная политика. Пер. с англ. О.Г. Новиков, В.Е. Тулаев. – М.: Самотека, 2009. – 360 с.

монию. Эти структуры и стали заказчиками всех известных идеологий последних двух столетий, демонстрируя подчинение объективных общественно-исторических процессов Запада потребностям властных групп. Этим же обстоятельством объясняется и успех внедрения упомянутых идеологий в политическую практику. Здесь следует отметить, что в таких сложных и трудно просчитываемых системах, как социумы, после идеологических «инъекций» общественно-исторические процессы часто потом шли не по первоначальному сценарию.

Таким образом, логика рождения новых идеологических парадигм XIX-XX вв. видится по цепи: общественно-исторический процесс → историческая последовательность циклов накопления капитала → историческое формирование властных групп (как мировой финансовой олигархии) → конструирование властными группами новых идеологических концептов, впоследствии влияющих на ход исторического процесса. Эта цепь является иллюстрацией взаимозависимости идеологических новообразований и общественно-исторических процессов.

Взаимосвязь истории и идеологии обнаруживается через генезис; мировоззрение исследователя; историчность идеологии и идеологичность истории.

Генезис, как истории, так и идеологии состоит в том, как философская мысль постигает знания о прошлом, в том, как она охватывает настоящее и строит планы на будущее.

Общность исторического или идеологического анализа проявляется в мировоззрении исследователя. Результаты исследований не могут не находиться в рамках понимания исследователем «основного вопроса мировоззрения». Императив приближения к истинности результатов исторического исследования требует не только применения комплексного подхода, не только налагает общепринятые профессиональные и моральные требования к исследователю, но и выявляет необходимость в обязательной артикуляции его мировоззренческой позиции. Императив оценки идеологического концепта (включая приближенность к истинности его постулатов) требует не только обязательного применения системного подхода, но и, как в случае с историческим исследованием, той же мировоззренческой артикуляции.

История идеологична. Описание общественно-исторических процессов всегда (в большей или меньшей степени) несёт в себе идеологическую «печать» за исключением тех редких случаев, когда

либо сам объект исторического интереса безразличен, либо когда исторические исследования объекта «за сроком давности» идеологически индифферентны. В рамках гибридной войны, развязанной Западом против России, сформировался устойчивый фронт, недавно названный психоисторической войной, которая сфокусирована на ментальность народов-объектов, народов-жертв, на перекодировку их сознания путём целенаправленного искажения или подмены реальной истории.

Идеология исторична. Интерпретация истории входит составной частью в идеологические построения. Рождение новых идеологических концептов XIX-XX вв. также исторично, что иллюстрируется вышеуказанными звеньями одной цепи: общественно-исторический процесс → историческая последовательность циклов накопления капитала → историческое формирование властных групп (как мировой финансовой олигархии) → конструирование властными группами новых идеологических концептов, впоследствии влияющих на ход исторического процесса.

История идеологична, а идеология исторична. История и идеология взаимосвязаны и взаимообусловлены. Эта истина должна быть учтена государственной идеологией, претендующей на полноценность и адекватность. Тем более, что «истинный защитник России – это история, ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу» (Ф.И. Тютчев)¹.

¹ Цит. по Башкиров А.Н. Не изменяй себе, Великая Россия! Ф. Тютчев и Н. Рубцов – поэты Святой Руси // Русская стратегия. URL: <http://rys-strategia.ru/publ/2-1-0-926> (дата обращения: 01.05.2018).

§ 4. О методологии анализа современного идеологического пространства

Трагедии, постигшие Россию в 1917 и 1991 годах, напрямую связаны с потерей идеологического ориентира. В наши дни США навязали России информационную войну, избежать в ней поражения можно лишь имея добротную идеологию, пробуждающую энергию воли наших народов. Тем не менее, идеологический дискурс на удивление мало представлен в отеческом политическом пространстве. В данной главе делается попытка восполнить этот пробел, рассматривая эвристические возможности метода бинарной дифференциации. Метод позволяет корректно анализировать и классифицировать все известные идеологические системы XX-XXI вв., существенно повлиявшие на европейское сознание и политическую практику.

Теоретико-методологическая основа

В данном параграфе использованы историко-философский, системный, диалектический и компаративный методы, образующие стратегию современного социально-политического дискурса. В частности, использованы такие философско-методологические принципы и средства рационального описания, как «бинарно-сопряжённые дифференциации»¹ и «бинарные оппозиции»², в которых одновременно рассматриваются две противоположные категории.

Вся история государств – это воплощение тех или иных идей правления (монархических, демократических, аристократических и их мутаций) и тех или иных нравственных идей (мифов, религий, идеологий). Вся история человечества пронизана нескончаемой борьбой идей, а в этой борьбе за умы государство без идеологии обречено на развал или поражение в схватке с противником. Без идеологии жизнь государства, может быть, и возможна, но только кратко-срочно, переходно и неустойчиво.

В этой связи уместно вспомнить положение, высказанное К. Мангеймом в отношении природы идеологии: «мышление всех партий

¹ Геодакян В.А. Бинарно-сопряжённые дифференциации, информация и культура // «Информация, время, творчество» Тез. докл. Межд. конф. «Новые методы в исследованиях художественного творчества» и Межд. симп. «Информационный подход к исследованию культуры и искусства» / ред. В. М. Петров, А.В. Харуто. – М., 2007. – С. 204.

² Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: «Граф», 2009. – С. 48 - 49.

и всех эпох идеологично...»¹. Немецкий философ и социолог связывал генезис идеологии с парадигмальными и структурными изменениями Нового времени: становлением капитализма, научно-технической революцией, образованием европейских наций, принципом разделения властей и формированием представительной демократии. На самом деле, как будет показано ниже, подобный подход, иллюстрирующий закономерную эволюцию идей, отражает необходимость завуалировать искусственность идеологических новообразований. Так, например, неонацизм XXI века в странах постсоветской Прибалтики и на Украине не имеет никаких эволюционных обоснований, предопределённых структурными изменениями, кроме откровенного заказа США, исходя из их геополитических интересов.

Из дефиниции идеологии² вытекает, что она имеет своим основополагающим вектором воздействия – морально-этический. В дальнейшем можно исходить из простой, хотя и несамоочевидной посылки: идеология – это, прежде всего, вектор морально-этической ориентации граждан. Генетически-мировоззренчески-структурирующий характер идеологии проявляется в вопросе «Что есть добро, а что зло?». Он является главной догмой во всех традиционных культурах, основанных на той или иной религиозно-нравственной идее. В этом смысле идеология либо является опорой культуры, традиций (консерватизм, традиционализм), либо, наоборот, фактором, их разрушающим (реформизм, революционизм). И тогда «добро» воспринимается по-разному: либо «добро» – это когда сохраняются традиции, устои; либо, наоборот, «добро» – если устои ломать как замшелые, не отвечающие духу времени. Без принятия государством идеологического концепта с его однозначными этическими критериями, гражданин теряет эту главнейшую мировоззренческую ориентацию, она утрачивается и в других важнейших вопросах: «Что истина, а что ложь», «Что нравственно, что безнравственно?», «Чьей исторической интерпретации событий верить?», «Какую правду доносить учащимся школ и студентам?», «Нужна ли политическая и нравственная цензура?» и т.д. и т.п. Без добротной, конструктивной идеологии эти вопросы не решаются. Не имея мировоззренческой ориентации, гражданин теряет статус субъекта социальной активности. Он становится управляемым объектом («лёгкой добычей») субъектов, манипулирующих сознанием, особенно тех, кто ведёт профессиональную информационную войну.

¹ Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 71.

² См. Глава I. § 1.

Классификация идеологических систем

Устоявшейся классификации политических идеологий к настоящему времени не существует ввиду сложности рассматриваемого феномена. Это обстоятельство объясняется нечёткостью представлений об основаниях деления общего политико-идеологического поля на классы.

К. Мангейм подразделяет идеологии на частичные и тотальные¹. Наиболее популярна классификация идеологий на «правые» (те, что против перемен: консерватизм, традиционализм) и «левые» (те, что за перемены: реформизм). В свою очередь реформизм можно разделить на течения радикального и умеренного толка. К радикальным «левым» политическим идеологиям можно отнести анархизм (ратующий за немедленное уничтожение государства как органа управления обществом) и марксизм (выступающий за постепенное полное отмирание государства) и др. К умеренным «левым» политическим идеологиям можно отнести либерализм, социал-демократизм и их модификации. «Левые» поэтому могут делиться на «лево-левых» и «лево-правых». В свою очередь, «правых» (консерватизм) можно подразделить на монархизм, империализм, клерикализм, национализм и др.

Подобная классификация идеологий имеет свои аргументы «за» и «против», свою обоснованную логику, свою критику оппонентов и заявленные благозвучные цели развития общества. С другой стороны, эта идеологическая «палитра» основательно запутывает вопрос оценки, поскольку не проясняет их коренную суть, а также истинные мотивы, цели субъектов (заказчиков и разработчиков) этих концепций. Тем более, что время редактирует принципы классификации до неузнаваемости. Например, если в начале XX века в России под «правыми» подразумевались монархисты², то в начале XXI века «Союз правых сил» уже обозначал откровенных сторонников либерализма. Или другой парадокс: все современные европейские монархии либеральны, а Либерально-демократическая партия России (В. Жириновский) артикулирует монархические парадигмы...

Не проясняет вопрос и современная западная мета-идеология (как бы базовая идеология, находящаяся над другими, постулирующая человека высшей ценностью, формально изучающая структуру, форму и проявление идеологий), поскольку утверждает, что идеологии не

¹ Мангейм К. Идеология и утопия.

² Правая Россия // Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. – СПб.: Царское Дело, Русская народная линия, 2015. – С. 8.

«истинны» и не «ложны», но являются релятивистскими интеллектуальными стратегиями. Релятивизм мета-идеологии, однако, не мешает ей концентрироваться на либерализме и евроцентризме: «лежащий в глубине социал-дарвинизма расизм стал одним из оснований общей идеологии Запада (его мета-идеологии) – евроцентризма»¹. Отмеченное нивелирует потенциал мета-идеологии для рассматриваемого дискурса.

Ниже рассмотрены идеологические системы XX-XXI вв., которые были практически реализованы и имели существенное влияние на человечество:

(1) – православный империализм (византизм, ромеизм, идеология православной империи, идеология Российской империи);

(2) – марксизм (коммунизм, социализм, пролетарский империализм; СССР периода 1917-1924 гг. Примечание: сталинско-советская мутация марксизма анализируется в параграфе 2 главы V, поскольку этот феномен заслуживает отдельного рассмотрения;

(3) – национал-социализм (германо-нацистский империализм 1920-40-х гг.);

(4) – фашизм (итало-олигархический империализм 1920-40-х гг.);

(5) – либерализм (англосакский империализм Великобритании и США. Примечание: либерализм, как идеология «поглотил» европейский социал-демократизм, христианский демократизм и все прочие мутации «демократизма», которые поэтому отдельно не рассматриваются);

(6) – русофобия – (Примечание: существуют польская, австро-венгерская, немецкая, французская и англосакская версии, но рассматриваться будет только их незаконнорождённое дитя – украинский нацизм);

(7) – исламо-сектантский империализм (идеология ИГИЛ. Примечание: эта идеология принципиально отлична от исламского империализма Османской империи, которая не рассматривается в данной работе).

Суть метода бинарной дифференциации

Метод сводится к последовательной реализации четырёх этапов, в одном из которых использован итерационный принцип.

Этап I. Все значимые бинарные оппозиции, так или иначе сопряжённые с рассматриваемыми идеологическими концептами, анализируются на предмет формирования представительной выборки. Выборка распределяется по уровням иерархической вертикали:

¹ Кара-Мурза С. Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 53.

(а) аксиологическое основание

↓

(б) генезис

↓

(в) характеристики

Под аксиологическим основанием понимается сопряжение рассматриваемой идеологии с одной из фундаментальных (основных) категорий бинарной оппозиции «добро-зло», как фундирующей основы любого мировоззрения и, соответственно, любой идеологии.

Под генезисом понимается сопряжение рассматриваемой идеологии с одной из категорий бинарной оппозиции «естественность – искусственность», как определяющих «естественное» происхождение идеологии (отражение эволюции идей в той или иной традиционной культуре) или «искусственное», ориентированное на «слом» традиции, на борьбу с ней. Иначе говоря, сложившаяся традиция (включая культурную) и её эволюция понимаются как естественный ход вещей. Борьба с традицией (её резкий слом) понимается как искусственная парадигма.

Под характеристиками понимаются такие сопряжения рассматриваемой идеологии с категориями из числа прочих бинарных оппозиций, которые определяют идеологемы, политические лозунги и программы, декларации конкретных целей (не важно, утопические или реальные) и т.п., так или иначе отличающие идеологические концепты.

Рассмотрим иерархическую вертикаль подробнее.

Уровень (а) – аксиологическое основание. Как показано выше, идеология – это, прежде всего, вектор этической ориентации граждан. Если так понимать идеологическую доминанту, то высший уровень (а) по праву займёт бинарная оппозиция «добро – зло», поскольку именно она инициирует идеологическую догматику. В европейском сознании, особенно в русско-российском, несмотря на современную популярность идей социализма и либерализма, категории «добро» и «зло» традиционно, более тысячелетия, артикулируются христианской аксиологией как имеющей не только религиозную, но и культурно-нравственную опору. Обусловлено это тем, что становление культур всегда проходило на основе тех или иных религиозно-нравственных идей, а современные европейские культуры, с IV века н.э. воспринявшие христианскую аксиологию, на сегодняшний день всё ещё не полностью разрушены либеральными концептами. Поэтому правомочно трактовать категории «добро» и «зло» традиционно, то

есть, в формате аксиологии христианства. «Добро» как объединяющая идея милосердной любви, распространяемая на всех людей, без какого бы то ни было исключения, ибо понятие «добро» обеспечивается, подкрепляется понятиями: «любовь» и «равноправие». «Зло» понимается как разъединяющая идея ненависти, обусловленная представлением о той или иной исключительности (превосходстве, избранности) одних перед другими, то есть, понятие «зло» усиливается понятиями: «ненависть» и «исключительность».

Такое понимание категорий «добро» и «зло» теоретически должно быть приемлемо не только для христиан, но и для иноверующих (Конфуций: «Учение моё состоит единственно в том, чтобы иметь чистое сердце и любить своего ближнего, как самого себя»), а также материалистов (М. Горький: «Любовь – это желание жить»), поскольку соответствует аксиологии абсолютного большинства существовавших и существующих ныне культур. Более того, любовь – это не только нравственное и эмоциональное благо человека, она не в меньшей степени является и совершенным «инструментом» познания Истины и мира живых существ¹.

Уровень (б) – генезис. На следующем, более низком уровне иерархической вертикали, расположена бинарная оппозиция «естественность – искусственность», исходя из важности идеологического генезиса. Одно дело, когда мыслитель находится в добросовестном поиске истины, генерируя по доброй воле и по велению совести те или иные идеологемы, даже если впоследствии выяснится их ошибочность. Назовём такую генерацию идей естественной (примеры «естественных генераторов»: Сократ, Диоген, Платон, Аристотель и сотни других мыслителей). Совершенно иное дело, когда политические силы нанимают или используют талантливого мыслителя с целью генерации заказных идеологических концептов, которые востребованы этими силами: А. Герцен, К. Маркс, В. Ленин, Э. Бернштейн, З. Фрейд и др. Подобную генерацию идей назовём искусственной, поскольку добросовестность поиска истины замещена намеренным планом идеологического влияния на страны-объекты-жертвы воздействия, что предопределяет их идеолого-методологические основы (например, псевдонаучность с заведомо ложной аксиоматикой и сомнительной аксиологией). Таким образом, если рассматриваемая категория «естественность» отражает и продолжает эволюцию идей в той или иной традиционной культуре, то «искусственность»

¹ Осипов А. Православное понимание смысла жизни // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/pravoslavnoe-ponimanie-smysla-zhizni> (дата обращения 04.04.2018).

ориентирована на «слом» традиции, становясь её антиподом (анти-традицией).

Уровень (в). На нижнем уровне (в) – «характеристики» – предполагается всё множество оставшихся бинарных оппозиций, в той или иной мере, сопряжённых с рассматриваемым идеологическим концептом. Это множество в той или иной мере отражает второстепенные особенности и отличия (характеристики) одних идеологий от других (например, марксизма от социализма, социал-демократизма от христианского демократизма и т.п.).

Итоговая иерархическая вертикаль, таким образом, принимает следующий вид:

(а) добро – зло

↓

(б) естественность – искусственность,

↓

(в) цивилизованность – варварство; миролюбие – агрессия; идеализм – материализм; интернационализм – национализм; капитализм – социализм; эволюционизм – революционизм; консерватизм – реформизм; демократизм – тоталитаризм; умеренность – радикализм и др.

Некоторые из расположенных бинарных оппозиций на уровне «в» формально представляются достаточно общими (то есть, первостепенными, в зависимости от дискурса), чтобы претендовать на уровне «б» или даже «а». Например, бинарная оппозиция «идеализм – материализм» находится «во главе угла» основного вопроса философии. Она, безусловно, является коренной и важнейшей для философского дискурса. Однако в рамках политологического анализа эта же бинарная оппозиция «идеализм – материализм» детерминируется как второстепенная для идеологического дискурса, как и бинарная оппозиция «интернационализм – нацизм». Обоснование такой детерминации заключается в том, что одни и те же политические силы могут делать ставки как на материалистические концепции и интернационализм, так и, наоборот, на религиозный экстремизм и нацизм, в зависимости от текущей политической обстановки, мировоззренческой конъюнктуры, от времени и места. Руководствуясь подобной логикой, на уровне «в» можно расположить все остальные сопряжённые бинарные оппозиции. Ниже будет рассматриваться только бинарная оппозиция «цивилизованность – варварство» (как предопределяющая особую статусную характе-

ристику, привлекающую повышенное внимание мыслителей ещё с античных времён), а остальные оппозиции рассматриваться не будут, так как они определяют второстепенные особенности идеологий.

Этап II. Включает ряд итераций, соответствующих уровням (а), (б) или (в). Сначала для анализа выбирается категориальная пара высшего уровня (а), затем, по очереди, пары нижеследующих уровней из множества бинарных оппозиций, рассмотренных на I этапе. Производится дифференциация (распределение) каждой из известных идеологий по сопряжению с той или иной опорной категорией (например, «революционизм») из рассматриваемой бинарной оппозиции (например, «революционизм – эволюционизм»). Иначе говоря, на данном этапе идеологическая выборка как бы «просеивается» на две фракции, каждая из которых привязана к своей опорной категории.

Объектом рассмотрения на этом этапе может быть любая из перечисленных бинарных оппозиций любого из уровней (а), (б), или (в), в зависимости от конкретного дискурса. Рассмотрение идеологического концепта через призму определённой (избранной) бинарной оппозиции приведёт к конкретному умозаключению, фундированному его опорной категорией. Для общности выводов рассматриваются наиболее общие категории из выборки бинарных оппозиций. Таковыми на уровне (а) является «добро – зло», а на уровне (б) – «естественность – искусственность». Именно они станут первоочередными объектами анализа. Остальные опорные категории будут конкретизировать (при необходимости, причём в впоследствии) рассматриваемый идеологический концепт или его идеологическую мутацию. При этом идеологический мутагенез трактуется как отклонение от коренной категории (например, вариации социализма как отклонения от марксизма) или как объединение категорий: социализм и демократия (социал-демократия); национализм и социализм (национал-социализм); объединение христианства и социализма (христианский социализм); либерализма и демократии (либеральный демократизм); христианства и демократизма (христианский демократизм); капитализма и социализма («социалистический» капитализм, например, Швеция, Норвегия; «капиталистический» социализм, например, Китай, «одна страна-две системы») и т.п.

Этап III. – «компаративное суждение». Проводится компаративный анализ рассматриваемых идеологических концептов. Этап включает тот же ряд итераций, что и на этапе II, соответствующих уровням (а), (б), или (в). Выносятся компаративно-аксиологическое

суждение по рассматриваемым идеологическим концептам в контексте их дифференциаций, сопряжённых с той или иной опорной категорией рассматриваемого иерархического уровня.

Этап IV. Общий компаративный анализ рассматриваемых идеологических концептов. Выносится компаративно-аксиологическое суждение по всем рассматриваемым идеологическим концептам в контексте установленных дифференциаций всех уровней (а), (б) и (в).

Практическая реализация метода бинарной дифференциации

Этап I реализуется единожды, его итоги приведены выше.

Этап II. Итерация II (а), где индекс «а» указывает на выборку первого, наиболее общего уровня. На этом уровне, как показано выше, расположена бинарная оппозиция «добро и зло», фундирующая идеологическую догматику. Она и выбирается для первоочередного анализа. Ниже производится дифференциация каждой идеологической системы на сопряжение с той или иной опорной категорией (добро, или зло) из рассматриваемой бинарной оппозиции «добро – зло»:

(1). Православный империализм (идеология православной империи) своими корнями уходит к византизму (ромеизму) как системе государственно-имперских, церковных, общественных и нравственных идей¹. Эта идеология включает величественную государствообразующую имперскую концепцию и Православие как религиозно-нравственную концепцию. Основным в православной империи является принцип «симфонии властей» (император Юстиниан, VI в.), при котором светская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии). Этическая составляющая этой идеологии основана на *идее милосердной любви к своему ближнему без какого-то либо исключения*. С одной стороны, любовь есть суть христианства, главные заповеди Христа: «Возлюби Бога...» и «Возлюби ближнего своего...»². С другой стороны, согласно христианству, все этносы и социальные группы нравственно равноправны: «...нет ни Эллина, ни Иудея,... варвара, Скифа, раба, свободного...», – писал Апостол Павел в Послании к Колоссянам³. Форма государственного устройства – империя – рассматривается как лучшая из известных форм многонационального и многоконфессионального образования⁴. Предназначение (месси-

¹ Малер А. Идеология византизма // Журнал «Северный Катехон», – 2007. – №1. – С. 7-49.

² Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. – 1233 с.

³ Там же.

⁴ Папаяни Ф. Быть или не быть идеологии Отечества? С. 360-366.

анское служение) православной империи – служение отечеству и человечеству, сдерживая мировое зло – мировое богоборчество. Внутренняя задача – обеспечение нравственной атмосферы для всех населяющих империю этносов (империя как форма государственного устройства рассматривается как комфортный, родной дом, общий для множества равноправных народов), воспитание духовности, высоких моральных качеств, пробуждение и воспитание совести в человеке, почитание национальных традиций¹.

(2). Марксизм (пролетарский империализм, коммунизм). В его основе **идея классовой ненависти**. Предполагается **исключительность роли рабочего класса** в беспощадной борьбе с классом эксплуататоров (буржуазией и аристократами) и строительстве коммунизма. Классовая ненависть в России, выраженная в форме репрессий, помимо капиталистов распространялась большевиками на интеллигенцию (даже в большей степени, чем на буржуазию), дворянство и духовенство, а позднее и на зажиточное крестьянство. **Ненависть** касалась русской культуры и русских духовных традиций. **Исключительность** рабочего класса проявилась в России формально – в виде диктатуры пролетариата (учение о диктатуре пролетариата), а фактически в форме диктатуры нового господствующего сословия – партийной номенклатуры. В данном контексте – это «грандиозная утопия – эксперимент по построению бесклассового и безбожного общества»². Цель – построение коммунизма во всём мире, начальным этапом которого провоцировалась социальная (в идеале, – мировая) революция.

(3). Фашизм (Италия, 20-40-е гг. XX века). В его основе **идея ненависти к коммунизму (социализму) и к социальной справедливости**. Идеология рождена, как реакция местной олигархии (крупной буржуазии и аристократии) на марксизм и являлась инверсией марксизма. Фашизм предполагает милитаризацию экономики и **исключительность олигархии**, проявляемую в форме её диктатуры. Цель – абсолютная власть олигархии, искоренение идей коммунизма-социализма.

¹ Папаяни Ф. К вопросу идеологии Отчизны // Идеология Отечества. Сборник. – М.: «Этносоциум», 2015. – С. 119.

² Расторгуев В.Н. Цивилизационная миссия и стратегический выбор России: прогностическая теория А.С. Панарина и геополитический контекст // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / МГУ имени М.В. Ломоносова. Философский факультет. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. – С. 114.

(4). Национал-социализм (Германия, 20-40 гг. XX века). В его основе **идея национальной ненависти**. Предполагается милитаризация экономики и **исключительность немецкой нации** (так называемой «арийской расы») как мирового супер этноса. Цель – силовое достижение господства немцев над другими народами и освобождение мира от коммунизма (марксизма-ленинизма), при полном уничтожении еврейства как основного носителя идей марксизма.

(5). Либерализм (США, Великобритания и все подконтрольные им страны). В его основе **ненависть к любой Традиции (кроме своей), любым антилиберальным взглядам, любому неповиновению империи англосаксов**. Ненависть распространяется на христианские нравственные ограничения, мешающие свободе наживы, на Православие (как нерушимой скале христианства) и на русскую политическую нацию как его единственно мощного носителя, реально противостоящего давлению США. В этом смысле либерализм англосаксов парадоксален – он совсем нелиберален по своей сути. Поскольку реальной формой правления в США является диктатура финансовой олигархии (иначе говоря – фашизм), то более точным названием идеологического концепта англосаксов будет – «либеральный фашизм». Концепт предполагает **исключительность политической нации англосаксов**, которая открыто многократно заявлена в 2015-16 гг. президентом США Б. Обамой, кандидатом в президенты Х. Клинтон, президентом Д. Трампом и др. Цель либерального фашизма – править миром на основе гегемонии англосаксов, чтобы жить за счёт ресурсов и труда народов планеты. «Либерализм в лице теории глобального открытого общества стал основанием американского экспансионизма и гегемонизма, с его требованием открытых границ для беспрепятственных “воспитательных” акций в отношении стран с недостаточно хорошим поведением и ликвидации суверенитетов, мешающих “здоровому естественному отбору” в масштабе планеты»¹.

(6). Русофобия **как ненависть ко всему русскому, России** (доминирующая идеологема усечённого варианта неонацизма). Предполагается милитаризация экономики и **исключительность украинского этноса**, проявляемая поначалу в форме дискриминации по отношению к русским и ко всему русскому (включая язык, культуру и историческую память, ко всему советскому), а с 2014 года ещё и в форме операции на Донбассе с использованием регулярных войск Украины и батальонов украинских неонацистов. Всё это проис-

¹ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 214.

ходит на фоне максимально обострённых отношений с Российской Федерацией. Цель – противостоять – России (Украина как проект «анти-Россия»), чтобы её ослабить в угоду геополитическим интересам США.

(7). Исламо-сектантский империализм (иначе, – исламский терроризм; Ирак, Сирия, XXI век) как религиозная **ненависть** ко всем, не исповедующим сектантский религиозный экстремизм ИГИЛ, включая не только неверующих или иноверующих, но и инаковерующих мусульман, а также ко всему инокультурному бытию. Предполагается милитаризация экономики и **исключительность исламских сектантов** (политической нации империи ИГИЛ, многонациональной по своему составу). Практика ИГИЛ – генерация кровавого хаоса. Идеология ИГИЛ расходится с традиционными представлениями об исламском государстве (например, Османской империи). Даже малейшие отклонения мусульман от предписаний ИГИЛ превращают их в неверных, а всех неверных ждёт смерть, причём часто жестокая и мучительная. Идеология ИГИЛ практически сводится к парадигме «от массовых убийств к исламскому социализму». Она проявляется в форме террора, распространяемого на подконтрольных территориях, причём на всех, не разделяющих мировоззрение этих сектантов, а также в форме терактов на неподконтрольных территориях. Цель – силовое достижение господства исламо-сектантской империи сначала в Ираке и Сирии, а затем во всех исламских странах Евразии (а в далёкой перспективе – и в не-исламских странах) при полном уничтожении всех непокорных носителей иных взглядов.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (а) можно свести в таблицу:

Таблица № 1, этап II (а)	«Добро» («любовь» и «равноправие»)	«Зло» («ненависть» и «исключительность»)
(1) православный империализм	+	–
(2) марксизм	–	+
(3) фашизм	–	+
(4) национал-социализм	–	+
(5) либерализм	–	+
(6) русофобия	–	+
(7) исламо-сектантский империализм	–	+

Этап III (Итерация (а)) – «компаративное суждение». При рассмотрении первого уровня общности, то есть, наиболее общей би-

нарной оппозиции «добро – зло», все рассмотренные идеологии распределяются на две дифференциации: **«добро»** (**«любовь и равноправие»** – идеология православной империи) и **«зло»** (**«ненависть и исключительность»** – идеологии 2 – 7 из таблицы №1). Иначе говоря, корневых (основополагающих, опорных) дифференциаций, связанных с рассматриваемой категорийной парой, две: идеология «любви и равноправия» (православный империализм) и идеология «ненависти и исключительности» (идеологии 2 – 7 из таблицы). Это коммунизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобия, исламо-сектантский империализм. Их можно классифицировать как мутации корневой идеологии «зла» («мирового зла»).

Аналогичным образом далее каждая идеологическая система распределяется на дифференциации по признаку сопряжения с одной из категорий бинарной оппозиции следующего по убыванию уровня иерархической вертикали.

Итерация II (б). Выбирается оппозиция **«естественность – искусственность»**, соответствующая идеологическому генезису.

Ниже производится дифференциация каждой идеологической системы на сопряжение с одной из опорных категорий «естественность» (естественность генезиса как внутренняя эволюция идей, составляющих суть идеологии) и «искусственность» (внедрение идеологии как внутривластного или внешнеполитического заказа):

(1). Православный империализм (Ромейская и Российская империи). В Древней Греции (а затем и в Римской империи) в качестве идеологических моральных догматов выступала мифология, повествующая о своеобразном (мифологическом) происхождении и устройстве мира. В этом устройстве сосуществуют люди и боги, а миф выступает в качестве символической реальности, нравственно ориентирующей людей. Позднее развивается натурфилософия, ориентированная на познание природы, складывается категориальный идеологический каркас, включающий в себя категории: «космос» и «хаос», «материя» и «идея», «тело», «душа» и «ум», «добро» и «зло», «прекрасное» и «безобразное», «свобода» и «необходимость»... Натурфилософы, материалисты, идеалисты, софисты, эпикурейцы, киники, стоики, скептики, пифагорейцы, платоники, пантеисты и др. явили миру генерацию, «брожение» и эволюцию уникального множества идей, акцентируя внимание на духовном начале, и подготовили теоретическое основание для христианства¹.

¹ Кальной И.И. Философия. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 448 с.

Оно и возникло в Римской империи в I в., изменив на тысячелетия мировоззрение и духовный мир людей, дифференцировав истину и ложь, праведность и греховность. Язычество, основанное на древней мифологии, имело множество национально-провинциальных форм. Это обстоятельство плюс разнообразие философских школ предопределяло противоречивость морально-этических посылов, что стало цивилизационным ограничителем для Римской империи, осознавшей свою вселенскую сущность и миссию. Уяснив значение единой идеологии, римский император Константин Великий сделал христианство официальной религией всей Римской империи. Так, на естественных началах брожения, конкуренции и эволюции античных идей и идеологием, возник уникальный идеологический феномен византизма (ромеизма). Византизм, как выше показано, включает величественную государствообразующую имперскую концепцию и христианство как религиозно-нравственную концепцию. Основным в византизме является принцип «Симфонии», при котором светская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии). Церковь и государство поддерживают друг друга, оставляя за собой право на свою сферу деятельности. После разделения христианства на католиков и православных, византизм более корректно следует называть как «православный империализм», чтобы отличать его от «христианского империализма» (Священной Римской Империи германской нации или другой империи – Австро-Венгерской). Таким образом, православный империализм является идеологией, прошедшей своё становление в IV веке н.э. на естественной эволюции греко-римских идей. С падением Константинополя в 1453 г. идеологема «Второй Рим» эволюционировала в парадигму «Москва – Третий Рим». Российская империя к началу XX века осталась единственной преемницей Ромейской империи (Византии), в полной мере унаследовав принципы её государственного устройства, культурную и духовную традиции, и даже герб.

(2). Марксизм (пролетарский империализм, коммунизм). Основатели марксизма – К. Маркс и Ф. Энгельс. Заказной характер марксизма иллюстрируется следующими обстоятельствами. Масон (орден иллюминатов) и сионист М. Гесс свёл Маркса с масоном Энгельсом, который обеспечил финансовую поддержку Марксу, по официальной версии самих историков-марксистов. В Музее Лондона по сей день хранится чек иудейского олигарха Н. Ротшильда, выписанный на имя К. Маркса. Сами идеи марксизма можно рассма-

тривать как мутацию древней иудейской традиции строительства сельскохозяйственных коммун (кибуц). Этот фактор, а также самое активное участие сионистов в марксизме делало его привлекательным для иудейских общин. Всё вместе перекликалось с иудейской религиозной мечтой «править миром» и политикой хазарского каганата (диктатура иудейского меньшинства плюс «экспроприация» собственности богатых неиудеев). На втором съезде РСДРП (Лондон, 1903 г.) один из главных вопросов состоял в том, оставаться ли российскому марксизму еврейским национальным движением или, наоборот, быть ему интернациональным¹; победила формулировка интернациональности В. Ленина, а фракция сионистского движения «Бунд», покинула съезд в знак протеста. К. Маркс получил покровительство Великобритании. В Лондоне ему были предоставлены все необходимые условия для жизни с семьёй и разработки своей революционной идеологии. Первые съезды российских марксистов (партия РСДРП) проводились исключительно в Лондоне. Президент России В.В. Путин на выступлениях перед лидерами иудейских общин (в Еврейском центре Толерантности в Москве, 2013 и 2016 г.) отмечал, что в среде российских революционеров евреев было около 80%. Таким образом, марксизм – это искусственная идеология, заказанная масонскими иерархами, политиками Великобритании и иудейско-сионистским олигархатом, – сокращённо МАС: масонство, англосаксы и сионисты². Все вместе они представляли (и представляют) собой объединённую политическую силу, экспортировавшую марксизм в страны-объекты-жертвы (в первую очередь, для обрушения конкурирующих империй – Германии и России). «Призрак коммунизма бродил по Европе», пока указанная политическая сила МАС его щедро спонсировала. Отсутствие финансирования практически свело марксизм на нет в Европе уже к концу XX века. В самой Великобритании марксизм не получил сколько-

¹ Солженицын А. Двести лет вместе. Часть вторая. – М.: Русский путь, 2001. – С. 512.

² Тут следует отметить, что евреи (как народ) сами регулярно становились жертвой политических экспериментов МАС. Так, многие евреи Российской империи, не принявшие большевизм, пострадали от большевиков. Об этом свидетельствует и геноцид евреев во времена германского национал-социализма, – режима, установленного при поддержке МАС. То есть, когда речь идёт о МАС, в т.ч. о сионистах и их вождях – это не касается еврейского народа в целом. Аналогичным образом обстоят дела с англосаксами, под которыми понимается не народ, а политическая нация, руководимая МАС. Англосаксы как народ в планах МАС всегда были и остаются расходным материалом, как, впрочем, и любой иной народ.

нибудь существенного политического влияния, что лишний раз доказывает его заказной, экспортный и искусственный характер.

(3). Фашизм (Италия 20-30-ых годов XX века). Распространённость учения марксизма в Европе, благодаря усилиям объединённой политической силы МАС, а также успех революции в России привели в 1920-ые годы к чрезвычайной популярности марксизма в Италии. Олигархию Италии (высших аристократов и крупных буржуа) страшил российский революционный сценарий «экспроприации экспроприаторов». Под руководством бывшего социалиста Б. Муссолини была рождена идеология фашизма. С одной стороны, она была реакцией местной олигархической элиты на марксизм и являлась его инверсией. С другой стороны, в планах объединённой политической силы МАС было сравить СССР и Германию, чтобы на руинах военного столкновения обеспечить свой «Новый мировой порядок». Социалистическая Италия (как потенциальный союзник СССР) в этом контексте была недопустима. Б. Муссолини и его фашистские идеологемы были поддержаны не только местным олигархатом и масонством, но и англосаксами, а позднее и Германией. Поскольку марксизм-социализм, как показано выше, является экспортной искусственной идеологией, а его инверсия (фашизм) получила поддержку Великобритании и Германии, то фашизм также следует отнести к искусственным идеологическим концептам. Так одна ненависть (классовая) породила другую (олигархическую), соответственно, один политический заказ – породил другой. Позднее поддержка фашизма была востребована политическими силами Запада (точнее, МАС) в конкретных исторических условиях как защитный механизм от влияния Советского Союза (примеры: Испания 30-х гг., Аргентина 70-х).

(4). Национал-социализм (Германия 20-40-ые годы XX века). Марксистская революция в России 1917 года вполне удалась по плану МАС (к этому плану подключилась и Германия, которая на тот момент была в состоянии войны с Россией). Однако с приходом к власти И. Сталина, процесс пошёл совсем не по задуманному «троцкистскому» сценарию. Вместо разжигания мировой революции, СССР стал индустриально подниматься из революционных руин как «отдельна взятая» держава, причём небывало высокими темпами, постепенно превращаясь в советскую империю, более мощную, чем некогда была царская империя. У англосаксов (Великобритании и США) возник новый нежелательный геополитический конкурент. Его нужно было уничтожить, причём чужими руками (классическая

тактика англосаксов). Такими «руками» была назначена Германия, которую предстояло индустриально восстановить и вооружить новой идеологической парадигмой. Что и было сделано. А. Гитлер, изложивший свои идеологические концепты в книге «Майн Кампф», исключительно подходил и как идеолог, и как харизматический лидер. Великобритания и США вкладывают мощные инвестиции в новую партию национал-социалистов А. Гитлера. Возрождение Германии англосаксами совпало с интересами немецкой олигархии и надеждами большинства немцев, пребывающих в депрессивном состоянии после поражения в Первой мировой войне. Резонанс поддержки обеспечил успех национал-социализма. Захват им власти в Германии стал оглушительным и быстрым. Идеология национал-социализма, щедро спонсированная англосаксами, явилась реакцией последних на возрастающее могущество СССР. Англосаксы успешно «натравляют» Германию на СССР. Цели англосаксов частично были достигнуты: послевоенная Западная Европа оказалась полностью под контролем империи англосаксов. Таким образом, идеология национал-социализма является заказной разработкой англосаксов, а потому искусственной по своей сути.

(5). Либерализм (точнее – либеральный фашизм США, Великобритании) – идеология политической культуры англосаксов, распространённая на весь подконтрольный им мир вследствие процессов явной или скрытой колонизации. Идеи либерализма получили первое воплощение в Конституции США (1787 г.), в нетрадиционном (искусственном) государстве, созданном МАС с целью править миром («Новый мировой порядок»). Идеологические критерии истинности в либерализме формально отрицаются. Критериями истины являются только мнения лидеров МАС. Все страны, принявшие идеологический концепт либерализма (Западная Европа, Канада, Австралия, Япония и др.) являются вассалами империи англосаксов. Они лишены идеологического, военного или внешнеполитического суверенитета. Таким образом, идеология либерализма так же является заказной разработкой МАС для экспансии интересов империи англосаксов, навязываемой силовым образом, а потому искусственной по своей сути для всех без исключения народов.

(6). Русофобия как ненависть ко всему русскому, России (основная идеологема Украины) – парадоксальный украинский (исторически точнее – австро-венгерско-польско-англосаксонский) идеологический феномен, представляющий собой гибрид фашизма,

нацизма и либерализма. Парадокс заключён в том, что предполагаемая национальная исключительность украинцев заявляется находящимися у власти представителями не украинской национальности, а евреями, кавказцами и иностранцами (прибалтийцами, канадцами и др.). Украинских фашистов (олигархов-диктаторов), нацистов («Правый сектор», батальоны «Айдар», «Азов» и др.) и либералов (интеллигенцию, живущую на гранты или состоящую на службе НКО, финансируемых США) объединяет русофобия как ненависть ко всему русскому и России, нацеленную на разрушение России и Русского мира. Украина с 2014 года находится под внешним управлением США и рассматривается ими как часть глобального американоцентричного проекта¹, поэтому все её идеологемы и политика подконтрольны англосаксам, в результате чего русские убивают русских в интересах англосаксов. Русофобия имеет на Украине заказной характер: США открыто признают своё спонсорство и полную политическую поддержку. Поскольку русофобия Украины имеет заказной (внешний) характер, постольку она искусственна и даже абсурдна для украинцев-малороссов, являющихся частью русского народа.

7). Исламо-сектантский империализм (иначе – исламский терроризм) идеологический исламо-сектантский феномен, соединяющий лозунги исламского экстремизма на базе салафизма, Халифата (на основе исламского государства) и социальной справедливости с элементами социализма. Исламское государство Ирака и Леванта (сокращённо – ИГИЛ) было создано бывшими офицерами спецслужб Ирака, оставшимися не у дел после разгрома Ирака армией США, а также представителями разведки БААС, Сирии, Турции, Саудовской Аравии, Катара и США, при доминирующей роли последних. Цель – создание квазигосударства, провоцирующего управляемый спонсорами хаос в исламских странах-объектах-жертвах для контроля поставок углеводородов и решения геополитических задач. Именно составом спонсоров объясняется тот факт, что ИГИЛ получило быстрое развитие и экспансию. Формально ИГИЛ объявлена вне границ и наднациональной. Фактически оно имеет вполне определённые границы, обозначенные спонсорами ИГИЛ. Всё это позволяет отнести ИГИЛ к тоталитарной террористической исламской секте, имеющей внешний (заказной) и потому искусствен-

¹ Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / предисловие С.Ю. Житенева ; Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьёв А.В., 2016. – С. 151.

ный характер для исламских стран и общин.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (б) можно представить в формате таблицы:

Таблица № 2, этап II (б)	естественность	искусственность
(1) православный империализм	+	-
(2) марксизм	-	+
(3) фашизм	-	+
(4) национал-социализм	-	+
(5) либерализм	-	+
(6) русофобия	-	+
(7) исламо-сектантский империализм	-	+

Этап III (Итерация (б)) – «компаративное суждение». При рассмотрении второго уровня общности (б), то есть, бинарной оппозиции «естественность – искусственность», все рассмотренные идеологии распределяются на две дифференциации: «*естественная*» (как внутренняя эволюция идей) и «*искусственная*» (как внутривнутриполитический или внешнеполитический заказ). Иначе говоря, корневых (основополагающих, опорных) дифференциаций, связанных с рассматриваемой категориальной парой, две: естественная идеология православного империализма и искусственные (заказные) идеологии (марксизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобия, исламо-сектантский империализм).

Далее каждая идеологическая система распределяется на дифференциации по признаку сопряжения с одной из категорий бинарной оппозиции следующего по убыванию уровня иерархической вертикали (в).

Итерации II (в). Ниже производится дифференциация каждой идеологической системы на сопряжение с опорной категорией из рассматриваемой бинарной оппозиции «цивилизация – варварство». Рассматриваются государственные образования, которые являются многонациональными, многоконфессиональными и неоднородными по своим экономическим, географическим условиям и культурным традициям. Такие образования предлагается условно подразделить на варварские и цивилизационные¹. В этом контексте варварство – это такой архетип государственного образования, который признаёт цивилизацию только стержневого государственного ядра или этноса; к этому типу, например, принадлежат империи, эксплуатирующие, подавляющие периферию (провинции), т.е.

¹ Папаяни Ф. К вопросу идеологии Отчизны. С. 79.

«берущие» (например, колониальные империи). Варварство уничтожает традиции периферийных (или колониальных) этносов. В этом же контексте цивилизованность рассматривается как такой архетип государственного образования, который предоставляет условия и добровольную возможность «подтянуться» народам периферии (провинций) до уровня цивилизации стержневого государственного этноса¹. При этом цивилизованность характеризуется уважением и сохранением традиций провинциальных этносов (средних и малых народов, входящих в цивилизационное поле рассматриваемого государственного образования).

(1). Православный империализм предполагает наличие титульного (то есть, стержневого, главного культурного) этноса (будь то греки или русские), корнем культуры которых является православная христианская традиция. Эта идеология предоставляет условия и добровольную возможность «подтянуться» народам провинций до уровня цивилизации стержневого этноса империи. При этом все культурные традиции народов периферии (провинций, регионов) сохраняются и поддерживаются. Этноты живут своими устоявшимися укладами. Бережное отношение к традициям народов позволяет отнести православный империализм к цивилизационному идеологическому архетипу. К последнему принадлежали империи, развивающие провинции, т.е. «дающие»: Римская («Рим»), Ромейская («Второй Рим»), Российская («Третий Рим») с присущими идеями права и справедливости.

(2). Марксизм (пролетарский империализм, коммунизм). Первородный марксизм (повторимся, что его сталинско-советская мутация в рамках данного раздела не рассматривается) отличается варварскими разрушающими тенденциями любых традиционных устоев: «разрушим всё до основания...». Речь идёт о полном варварском разрушении экономических, религиозных, культурных (даже семейных) традиций, включая все формы управления государством и полную смену элит.

(3). Фашизм. Варварство олигархии проявлялось не только в форме её диктатуры, меняющей образ жизни итальянцев, но и в репрессивном искоренении идей социальной справедливости. Концепт слабый, неустойчивый, он мог существовать, опираясь только на внешнюю силу. Поначалу – на силу МАС, а позднее, на силу Третьего Рейха. В известной степени, варварство фашизма солидаризируется с варварством германского национал-социализма.

¹ Папаяни Ф. К вопросу идеологии Отчизны. С. 79.

(4). Национал-социализм. Силовое достижение господства немцев над народами мира сопровождалось невиданным за последние столетия европейским варварством: разрушением традиционных укладов жизни, а также полным уничтожением приговорённых идеологией народов (евреев, цыган а также частично – славян) и коммунистов, разрушением городов и посёлков, концлагерями с крематориями для сжигания миллионов людей, блокадой Ленинграда, умертвившей миллионы мирных жителей, и откровенным грабежом оккупированных территорий.

(5). Либерализм, точнее, как выше показано, – «либеральный фашизм». Колониальная империя – Великобритания – в своё время дала миру образец варварского отношения к своим колониям (а это несколько десятков стран). Англосаксы, ведомые этой идеологией, уничтожили позднее несколько десятков миллионов индейцев, чтобы построить неоимперию – США. С тех пор отношение США к народам мира, находящимся за пределами этой империи и её периферии, – такое же расистско-варварское, как к индейцам. США отличились варварской работоторговлей негров, коих завезли миллионами, при этом большая часть из африканцев погибла в трюмах кораблей. Революции (1905 и 1917 гг.) в России, провоцирование двух мировых войн, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (без военной необходимости, а устрашения ради), цветные революции, арабский терроризм, локальные войны во Вьетнаме, Афганистане, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, Украине – это неполный перечень варварства англосаксов за 100 последних лет.

(6). Русофобия как идеологическая парадигма проявилась не только в форме дискриминации по отношению к русским, всему русскому и кровавым государственным переворотом февраля 2014 г. в Киеве. Позднее она проявилась ещё и в варварском обстреле мирного населения населённых пунктов Донбасса (в результате чего погибли и получили увечья несколько тысяч людей, в том числе детей), блокадой городов Донбасса, массовым демонстративным сожжением около сотни протестующих одесситов 2 мая 2014 г. в Доме профсоюзов и т.п.

(7). Исламо-сектантский империализм. Варварство идеология ИГИЛ проявляется вполне конкретно в форме массового террора и терактов, демонстрации массовых казней, уничтожении в Ираке и Сирии культурных памятников, разграблении музеев, разрушении существовавших традиционных устоев.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (в) сведём в

таблицу:

Таблица № 3, этап II (в)	«цивилизованность»	«варварство»
(1) православный империализм	+	-
(2) марксизм	-	+
(3) фашизм	-	+
(4) национал-социализм	-	+
(5) либерализм	-	+
(6) русофобия	-	+
(7) исламо-сектантский империализм	-	+

Этап III (Итерация (в)) – «компаративное суждение». При рассмотрении уровня общности (в), то есть бинарной оппозиции «цивилизованность – варварство», все рассмотренные идеологии распределяются на две дифференциации: «цивилизованность» (идеология православной империи) и «варварство» – идеологии 2 – 7 из таблицы №3). Иначе говоря, корневых (основополагающих, опорных) дифференциаций, связанных с рассматриваемой категорией парой, только две: цивилизационная идеология (православный империализм) и варварские идеологии (идеологии 2 – 7 из таблицы). То есть, коммунизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобию, исламо-сектантский империализм можно классифицировать как мутации варварства.

Этап IV. Общий компаративный анализ. Из реализации метода бинарных дифференциаций следует, что все семь рассмотренных идеологий подразделяются на два корневых (основополагающих) класса. Первый – православный империализм с опорными категориями: «любовь» и «равноправие», «естественность» (на основе внутренней эволюции идей) и «цивилизованность». Второй класс (как подмножество мутаций – марксизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобия и исламо-сектантский империализм) с опорными категориями: «ненависть» и «исключительность», «искусственность» (на основе внутривнутриполитического или внешнеполитического заказа) и «варварство».

Подытоживая, можно сделать следующие выводы:

1. Устоявшейся классификации известных (и существенно повлиявших на европейское сознание и политику) идеологических систем XX-XXI вв. к настоящему времени не существует ввиду сложности рассматриваемого феномена. Общепринятым является т.н. «спектральный» подход к классификации идеологий на «правые» (те, что против перемен, консерватизм, традиционализм) и «левые» (те, что за перемены, реформизм). В свою очередь, как «правые», так

и «левые» подразделяются на течения радикального и умеренного толка. Составленное таким образом «дерево вариантов» идеологий не только не проясняет, а, наоборот, усложняет их аксиологическую оценку, тем более что полярность «правых» и «левых» исторически не однозначна.

2. Метод бинарных дифференциаций позволяет не только анализировать все известные идеологии, но и давать им однозначную аксиологическую оценку, в соответствии с которой становится целесообразна их классификация. Из реализации данного метода следует, что все дифференциации подразделяются на два корневых (основополагающих) класса: первый – православный империализм (с опорными категориями: «любовь» и «равноправие», «естественность» и «цивилизованность», соответствующими бого-признающей сверх-парадигме) и второй класс (как подмножество мутаций – марксизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобия и исламо-сектантский империализм) с опорными категориями: «ненависть и исключительность», «искусственность» и «варварство», соответствующими бого-отрицающей сверх-парадигме.

3. Православный империализм как идеологический концепт совершенно не представлен в отеческой академической и справочной литературе философской, социологической и политической направленности, что свидетельствует о прискорбно-традиционной зависимости наших гуманитарных наук от западных шаблонов. Сегодня России необходим не только внешнеполитический суверенитет, но ещё и идеологический. В этом контексте идеология православного империализма должна быть восстановлена в своём статусе как все-ленская сущностная парадигма.

Резюме II главы

В главе дан анализ критического состояния методологии гуманитарных исследований. Установлено, что основная проблема – в мировоззренческой парадигме (идеологической, религиозной), которую выбрал и которой следует исследователь, поскольку ею всегда априори «заангажировано» любое исследование. В современном мире, как и тысячами ранее, наблюдается жёсткое противостояние (охватывающее все без исключения гуманитарные сферы) двух сверх-парадигм: бого-признающей и бого-отвергающей (бого-умаляющей). Поэтому в основе любого гуманитарного исследования, в том числе при анализе идеологий и их оценке, представляется рациональной парадигмальная авторская декларация.

Для анализа актуального состояния идеологической картины мира, её проблем и перспектив, необходим комплексный подход, включающий как философский, так и исторический дискурсы, поскольку история идеологична, а идеология исторична. Рождение новых идеологических парадигм XIX-XXI вв. объясняется следующей исторической последовательностью: общественно-исторический процесс → циклы накопления капитала → формирование властных групп → конструирование властными группами новых идеологических концептов, впоследствии влияющих на ход исторического процесса.

Анализ идеологических концептов возможен и целесообразен на основе парадигмального подхода. Предложенный метод бинарных дифференциаций позволяет анализировать все известные идеологии, давать им однозначную аксиологическую оценку и провести парадигмальную классификацию. Из реализации данного метода следует, что все дифференциации подразделяются на два корневых (сверх-парадигмальных) класса: первый – православный империализм (с опорными категориями: «любовь» и «равноправие», «естественность» и «цивилизованность») и второй класс (марксизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобия и исламо-сектантский империализм) с опорными категориями: «ненависть и исключительность», «искусственность» и «варварство». Православный империализм, исключённый из научного дискурса, должен быть восстановлен в своём статусе вселенской идеологической парадигмы.

Глава III.

К РЕВИЗИИ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ

Поскольку идеология имеет одним из двух основополагающих векторов воздействия – властно-политический, то последний должен быть подвергнут отдельному анализу. И здесь вопросом перво-степенной важности является понимание (выбор/обоснование/апо-логия/легитимация) оптимальной формы правления для России.

Форма правления – это важнейший атрибут социума, поскольку «власть – это основание для выстраивания всех без исключения отношений»¹. «Власть следует понимать как угодно, – считает М.Ю. Савельева, – и как свободу, и как подчинение, и как управление, и как ответственность, – но понимать так, чтобы предусматривать все смыслы одновременно»². При этом необходимо иметь в виду, что полного консенсуса научного сообщества в понимании формы правления нет. «Одни, анализируя основы организации государственной власти, употребляют термин «форма правления», другие – «государственный режим», третьи ставят знак равенства между понятием «форма правления» и «форма государства»³.

История становления и развития каждого государства, как не без основания отмечает Л.Р. Симонишвили, без исключения связа-на с поисками оптимальной для неё модели правления, модели вла-сти⁴, ибо этот поиск, в свою очередь, обуславливается расстановкой социально-политических сил и результатом борьбы между ними; историческими особенностями отдельных стран; особенностями культуры народа, аккумулирующей исторической и политической опыт, обычаи и навыки в условиях того или иного государства; влиянием в стране тех или иных политических процессов⁵. К этому

¹ Савельева М.Ю. Монархия как форма самоопределения лично-сти. Российский опыт становления феномена «сакральное». – К.: Издатель ПАПАЯНИ, 2007. – С. 11.

² Там же. С. 9.

³ Симонишвили Л.Р. Организация государственной власти в со-временном мире. – Sardrücken, Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2012, – С. 8-9.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

«джентльменскому набору» следует добавить зарубежное влияние, включая деятельность агентов зарубежных стран, в числе которых – спонсируемые из-за рубежа некоммерческие организации, фонды, заказные СМИ и др., а также масонские и иные тайные или теневые организации и структуры. В любом случае, вопрос о форме правления приобретает не только теоретическое, но и первостепенное практически-политическое значение. От того, как организована государственная власть, зависят эффективность государственного руководства, действенность управления, престиж и стабильность правительства, состояние законченности и правопорядка в стране¹.

Форма государственного правления – это система организации высших органов государственной власти, включающая: порядок их образования, сроки деятельности и компетенцию, порядок взаимодействия структурно-организованных органов между собой и с населением, степень участия населения в этой системе организации². Близкое по сути определение этого понятия дано и у Л.Р. Симошвили: «Современная наука под формой правления определяет, кто и как правит, осуществляет государственную власть в государственно-организованном сообществе; как устроены и организованы и действуют в нём государственно-властные структуры (органы государства); каковы основы их взаимоотношений с населением; а также какова степень участия населения в формировании государственных структур»³. «Форма правления, – отмечает Л.Р. Симошвили, – это не просто теоретическая, абстрактная категория науки, как скажем суверенитет или народовластие, а тот ключ, с помощью которого определяется сущность системы органов государственной власти, выражающейся в той или иной государственно-правовой модели. Форма правления является ведущим элементом формы государства. Именно она, в конечном счёте, определяет форму государственного устройства, а также разновидность политического режима»⁴.

Классификация форм правления государством была дана ещё античными философами Аристотелем (а до него – Платоном и другими): власть одного – монархия, власть сословия лучших – аристо-

¹ Симошвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 5.

² Словарь патриота Отечества. – СПб: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 134.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 8.

кратия и власть всего народа – демократия¹. Мыслитель древности полагал, что любая форма (монархия, аристократия и демократия) приемлема, имеет свои сильные и слабые стороны. Самой слабой стороной любой из форм правления являются их искажения (иначе, — уродливые отклонения), такие как: тирания (власть одного себялюбца), олигархия (власть эгоистической группы богатых) или охлократия (власть толпы, «улицы»). С античных времён существует три формы правления и три их искажения. Человечество жило с этими тремя видами и с теми же тремя искажениями, которые принимали различный облик – исторический, культурный, имели разные национальные черты². Попытки найти четвёртую форму правления (власти) были всегда неубедительными, поскольку четвёртого вида власти, видимо, не существует. Человечество за тысячи лет своего исторического существования его не выработало. Зато этими тремя варьировало много раз. При этом следует помнить, что аристократия (как форма власти) весьма неустойчива, что отмечал ещё Платон, поскольку ведёт к тому, что появляется частная собственность на землю и рабовладение. Она последовательно превращается в тимократию (когда государственная власть находится в руках у привилегированного меньшинства, обладающего высоким имущественным цензом), а затем и в полноценную олигархию³. Подтверждением правоты Платона является тот факт, что современный мир не может представить примера аристократической формы правления, а вот олигархической – сколько угодно. Аристократия как форма правления отдельно рассматриваться не будет, ибо таких современных прецедентов мир не знает. Отметим лишь социально-историческую значимость аристократии: «начало аристократическое даёт национальную волю в её качественном состоянии, через посредство лучших по тем или иным признакам людей, способных самостоятельно произвести политическую рефлексию и выдвинуть хорошо обдуманное и интеллектуально глубокое мнение⁴. Аристократическое начало будет ниже рассматриваться толь-

¹ Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. – М.: АСТ, 2010. – 393 с.

² Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения: 15.02.2018).

³ Платон. Государство / пер. с древнегреческого А. Н. Егунова. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.

⁴ Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / под общ. ред. А.Б Кобыкова и В.В. Аверьянова / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – С. 318.

ко как историческая память, прокладывающая дорогу к монархической форме правления, и как органическое дополнение последней.

Форму правления можно и нужно рассматривать в аксиологическом/идеологическом контексте. При её рассмотрении следует руководствоваться самоочевидной истиной: историческое своеобразие формирования народов, политических наций и их государств предопределяют соответствующие индивидуальные особенности форм правления, государственного устройства и конституций. Эта истина подтверждается особенностью законодательств государств мира. Например, в Великобритании конституция отсутствует, а в США конституции придан статус почти священного документа.

Итак, в данной главе будут рассматриваться три основных вида правления: демократия, олигархия и монархия. Демократия, поскольку декларируется как основная форма правления в странах Европы, США и многих других. Монархия (во всём множестве её вариаций) – как естественная, причём далеко не отжившая, и, безусловно, самая популярная форма правления в мире до Великой французской революции. Рассматривается и олигархия, как фактическая форма правления во многих государствах, позиционирующих себя как демократические.

§ 1. Олигархия как историческая форма правления

Олигархия (др.-греч. ὀλίγη-αρχία – власть немногих; от ὀλίγος – небольшой, малый, и ἀρχή – начало, власть) – форма правления государством, при которой власть находится в руках малочисленной группы богатейших граждан (например, представителей крупного монополизированного капитала). Она обслуживает их личные и групповые интересы, а не интересы всех граждан. Иначе говоря, власть и капитал сосредоточены в одних руках. Олигархи правят либо сами (став, например, членами правительства или президентами), либо оказывают решающее влияние на формирование и принятие решений¹.

Олигархия – понятие, пришедшее из глубокой древности. Древние греки под ним понимали такую форму правления, когда государственная власть принадлежала группе богатых граждан. Олигархами в древности считались коррумпированные чиновники, влиятельные военачальники и все те, кто разбогател сомнительным способом. Аристотель считал, что олигархия – это уродливое искажение аристократии как формы правления лучших. Государство идеально, – считал философ, – если им правят лучшие сыны Отечества. Но достижима ли такая форма правления? Греко-римский философ Полибий, например, считал, что ввиду недостижимости, неустойчивости как демократии, так и аристократии, лучшей формой правления является комбинация монархии, аристократии и демократии. В царской России эта «Полибиева схема» проявилась в том, что монархия включала в себя демократические элементы (земские собрания, управы) и аристократические (дворянство как служивый Отечеству класс)². С другой стороны, история свидетельствует, что правят всегда богатые, а бедные – никогда. Даже если в редкие моменты истории бедные совершали восстания (перевороты), они, получив власть, быстро становились богатыми, и всё возвращалось «на круги своя». Так почему же мудрецы прошлого (Платон, Аристотель, Полибий и многие другие), а также современные философы и политологи, все единодушно ополчились на олигархов? В чём заключается феномен олигархии, определяющий её как категорию абсолютного политического зла?

Природа олигархии. Для начала надо разобраться, в чём отличие

¹ Словарь патриота Отечества. – СПб: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 76.

² Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <http://www.proza.ru/2015/01/23/2263> (дата обращения: 15.02.2018).

олигарха от просто богатого человека. Богатый – это человек, обладающий богатством. В свою очередь, богатство – это большое имущество, точнее, – это большая совокупность материальных ценностей (активов), которая может быть продана за деньги или обменена на иные блага. Вопрос: «Быть богатым, – это хорошо или плохо»? Вот как на него отвечает народная мудрость: «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». С другой стороны, богатство становится явным злом, когда стремление к нему «пожирает» душу человека, превращаясь в ненасытную страсть. Для этого случая у народа есть другая поговорка: «Богатому черти деньги куют». Иначе говоря, богатство часто становится как источником, так и следствием пороков. Как известно, количество переходит в новое качество: большой капитал постепенно превращает богача в олигарха. На вопрос, какая величина капитала перерождает предпринимателя в олигарха, нельзя найти однозначный ответ, ибо всё очень относительно как с самой величиной, так и с её привязкой к месту и ко времени. В разные периоды времени это могли быть миллионы долларов, затем десятки миллионов, но в современных условиях, чаще всего, речь идёт об активах в сотни миллионов и выше. Огромный капитал магически воздействует на сознание его владельца, преображая личность, и увь, не в лучшую сторону. Когда все помыслы человека сконцентрированы на богатстве, он озабочен сначала, как его приумножить, а затем, как его сберечь. Человек с такими помыслами постепенно становится ненасытным, эгоистичным, властолюбивым и жестоким. Логика ненасытности скоро приводит к мысли о том, что полезно подобраться к бюджету (как самому мощному ресурсу) и организовать переток капитала в личных интересах. Для этого нужно завести «дружбу» (то есть наладить коррупционную схему) с чиновниками, распоряжающимися бюджетом. Чтобы не досаждали проверяющие, нужно завести «дружбу» (через взятки) и с правоохранительными органами. Обходя законы при приватизации, необходимо обеспечить лояльность судов по той же схеме. А ещё лучше, когда парламент принимает законы под твои интересы. Так возникает «дружба» и с законодателями. Свой банк нужен для надёжного вывода капитала за рубеж и для того, чтобы делать деньги из денег. Ещё желательно купить средства массовой информации, это помогает формировать нужное общественное мнение об олигархе. Вот, наконец, олигарх, обладающий огромным политическим и экономическим влиянием, окончательно сформировался. Его бизнес отныне ориентирован на максимальное привлечение ресур-

сов и возможностей государства. Теперь можно идти во власть или заслать туда своих агентов. Этим же путём идут другие олигархи, а их группа (или властная группировка) постепенно формирует в стране олигархический режим правления. «Договорняк» между олигархами получил красивое название – «консенсус элит». Олигархи в борьбе за ресурсы и власть могут бороться друг с другом, но – никогда с олигархическим режимом как таковым. Последний отличается тем, что олигархи по аналогии с мафиозными структурами дробят державу на сферы своего влияния, а в идеале стремятся к максимальной автономии от государства. Постепенно могущество олигархов растёт, а само государство со всеми его институтами увядает.

Международная (мировая) олигархия (МО). Современная МО своей традицией восходит к далёкой древности. Условно историю развития МО можно разделить на дохристианский период (с финансовыми центрами в Карфагене и Иерусалиме) и христианский (с финансовыми центрами в Венеции и Генуе, а позднее, в Лондоне и Нью-Йорке). В дохристианский период иудейские секты (которые с ветхозаветным иудаизмом имеют мало общего) разработали вполне успешную схему накопления капитала на ссудном проценте и, одновременно, – олигархического влияния на общественные процессы¹. Эта схема, развиваясь и совершенствуясь, к началу XIII века (период финансового могущества Венеции и Генуи) привела, наконец, к формированию международной олигархии, призванной править миром через финансовые инструменты. Для начала МО следовало сконцентрировать мировой капитал в своих руках, но он в те времена находился в Ромейской империи (Византии). В Константинополе было больше золота, чем во всей Европе вместе взятой. В это время финансовым центром Западной Европы была Венеция (аналог Нью-Йорка XIII века) со своими финансовыми магнатами, в основном, иудейскими. Алчный Запад с финансовой подачи этих магнатов и по благословию Папы Римского Иннокентия III вероломно напал на Константинополь и разграбил его. Так в 1204 г. под натиском рыцарей-крестоносцев пала Ромейская империя и по-настоящему более уже не восстановилась. Из разграбленного Константинополя было вывезено всё ценное, но в первую очередь, – всё золото и серебро².

¹ Катасонов В. Иерусалимский храм как финансовый центр. – М.: ИД Кислород, 2015. – 320 с.

² Добыча крестоносцев составляла около 30 т. золота, бюджеты европейских государств на порядок уступали этой сумме. См.: Гибель империи. Византийский урок / Архимандрит Тихон (Шевкунов). Изд. 3-е. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. – С. 77-78.

Они свозились в Венецию и Геную, что привело к накоплению первых огромных (соизмеримых с бюджетами многих европейских государств) частных капиталов, что предопределило впоследствии всё переустройство Европы. Постепенно Западом начали править именно финансовые магнаты – потомки средневековых олигархов. Позднее они переселились в Англию, Францию, Голландию, Германию и США, откуда начали своё победное шествие по всему миру. Эту олигархию принято называть международной или мировой. По своему составу современная международная олигархия условно подразделяется на политико-религиозную и финансовую олигархию. Основным методом влияния и преуспевания мировой олигархии – в максимально возможном контроле всех денежных потоков (в первую очередь, – банковских), всех материальных потоков (торговли) и всех информационных потоков (СМИ), используя возможности тайных (закрытых, теневых) обществ и иудейских общин.

Особенность российской олигархии. Олигархи досаждали государственному организму во все времена. Олигарх А. Меншиков, выдающийся сподвижник Петра Великого и одновременно казнокрад, взяточник, властолюбец и интриган, умудрился вывезти из России в Голландию золота больше, чем было в этой небольшой европейской стране. Голландия разбогатела, а Россия навсегда обеднела на величину этого капитала. Выводом капиталов в офшоры занимаются все без исключения современные российские олигархи. В отличие от князя А. Меншикова, героически отличившегося в ратных схватках за Россию, сделавшего много для державного строительства, современные российские олигархи ни в каком героизме во имя Родины замечены не были. Олигархи в России поднялись на развале СССР и разграблении его ресурсного наследия. Воровская приватизация, распродажа за рубеж сырьевых ресурсов, операции с бюджетными деньгами, залоговые аукционы, заработки на высокой инфляции – составляющие фундамента богатства «новых русских» олигархов. История зарождения российских олигархов такова: крупнейшие банкиры-предприниматели: Б. Березовский («ЛОГОВАЗ»), В. Виноградов («ИНКОМ-банк»), В. Гусинский (группа «МОСТ»), В. Потанин («ОНЭКСИМ-банк»), А. Смоленский (банк «СТОЛИЧНЫЙ»), М. Фридман («АЛЬФА-банк») М. Ходорковский («МЕНАТЕП-банк») молниеносно переросли из коррупционеров в олигархи в канун президентских выборов 1996 года. Олигархи профинансировали президентские выборы Б. Ельцина, наняли А. Чубайса как менеджера той избирательной кампании. Журналисты окрестили то время «семи-

банкирщиной». Именно тогда срослись теснейшим образом взаимоотношения «семибанкирщины» с властью, когда государственные решения принимались в пользу банкиров. Позднее полноценным олигархом стал Р. Абрамович («СИБНЕФТЬ»), который раньше был в тени Б. Березовского, и М. Прохоров – партнёр В. Потанина. Затем к этой группе примкнули Р. Вяхирев и другие нефтегазовые магнаты. Статус олигарха определялся финансовыми и информационными возможностями влияния, а также близостью к «семье» президента Б. Ельцина. О негативной роли олигархов «разлива 1996 года» писали многие: произошло крупнейшее в истории человечества разграбление ресурсов державы. Страна еле удержалась от дальнейшего распада, который смог остановить лишь следующий президент В.В. Путин, обладающий масштабным государственным мышлением.

«Главный враг сегодняшней России — не Госдеп и не польский сейм. Это олигархический капитал, который ради своего преуспеяния готов отдать Крым Украине, кинуть Донбасс под ноги киевских карателей, устранить президента Путина, передать американцам российский ракетно-ядерный щит, сделав из России этнографический заповедник, где десяток девиц в кокошниках и лихих парней в красных рубахах навывпуск танцуют «Кадриль» на потеху новым хозяевам русских нефтяных полей, железных и медных рудников. На потеху хозяевам русского Байкала и Георгиевского зала Кремля, где бело-мраморные плиты с именами гвардейских полков, батарей и экипажей будут плакать, источая слёзы павших русских героев»¹.

В настоящее время в России наблюдается вялотекущий процесс медленной деолигархизации власти. Самые одиозные олигархи, открыто претендовавшие на высшую власть (Б. Березовский, В. Гусинский и М. Ходорковский), уже в начале 2000-х были выдворены из державы; остальные вчерашние олигархи «построены» президентом, они относительно послушны Кремлю (а не наоборот), они вынужденно затаились (правда, надолго ли?), вещают о своём патриотизме (искренне ли?), активно участвуют в правительственных программах (добровольно ли?). Во главе российских регионов постепенно становятся не ставленники олигархов, как часто бывало в 90-ые, а служивые люди; уже не олигархи дирижируют процессами партийного строительства. Это вселяет осторожный оптимизм в будущее великой России без олигархов.

¹ Проханов А.А. Заговор олигархов и крупной чиновничьей знати против Путина весьма вероятен // Русская народная линия. 2017. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/avgust/4/zagovor_oligarhov_i_krupnoj_chinovnichej_znati_protiv_putina_vesma_veroyaten/ (дата обращения: 10.04.2018).

Особенность украинской олигархии. Её рождение проходило на фоне абсолютно тех же процессов распада СССР и дикой приватизации («прихватуизации»), что и в России, но была и существенная разница.

Во-первых, в отличие от России, у президентов Украины (как, впрочем, и у чиновничьего аппарата) начисто отсутствовало государственное мышление. Это отсутствие ментальной государственной составляющей привело к тому, что президенты Л. Кравчук, Л. Кучма и В. Ющенко, поддавшись на коррупционное искушение, обустроили в стране олигархическую форму правления. Строительство олигархии закономерно подошло к ситуации, когда президентами стали сами олигархи – сначала В. Янукович, затем П. Порошенко. Многих олигархов первой волны 90-х отсеял естественный отбор. Они уходили из олигархической группы по-разному: кто в тюрьме посидел, кого застрелили, кого отодвинули (П. Лазаренко, В. Жердицкий, М. Бродский, В. Гетьман, Е. Щербань); иные пытаются продолжать бороться за «место под солнцем». К началу 2018 года олигархат Украины представлен следующим списком в алфавитном порядке: Р. Ахметов, В. Балого, Ю. Бойко, Г. Боголюбов, А. Веревский, К. Григоришин, К. Жеваго, И. Коломойский, Ю. Косяк, С. Левочкин, В. Новинский, В. Пинчук, П. Порошенко, В. Рабинович, Ю. Тимошенко, Д. Фирташ, А. Ярославский. Список этот, правда, весьма неустойчив и подвижен, ибо борьба кланов за оставшиеся ресурсы государства в самом разгаре. На Украине шесть олигархов владеют основной частью средств массовой информации. Парламент в основном решает задачи обеспечения олигархического «консенсуса». Коррупционная юридическая система также полностью подчинена олигархии. Олигархия накопила опыт разграбления ресурсов Отечества, который не пригоден для государственного строительства, а потому состояние нынешней Украины весьма плачевно. Начиная с 1991 года понятно, кто представляет интересы олигархических кланов, но совсем непонятно, кто представляет интересы государства. Похоже, таковых не было, и нет.

Во-вторых, отличительной особенностью Украины является влияние криминалитета. В России, например, если и формировались олигархи на основе классического криминального капитала, то уровнем ниже банковского, активами поменьше и влиянием поскромнее, всё больше на местном уровне. В Украине донецкий криминалитет, образовавший властную группировку, оказался более расчётливым и организованным, чем все остальные олигархические группы, взра-

щённые в 90-ые годы. Это сделало «донецких» в 2000-ые главной политической силой. Но обнаружилось, что они – суровые тяжеловесы бизнеса – оказались политическими пигмеями, когда вылезли на властный олимп. Получить власть на Украине им удалось, обманув своих избирателей обещаниями восстановить права русского языка и утраченные связи с Россией. Придя к власти во времена президентства В. Януковича, не понимая суровых законов геополитики, донецкие олигархи тут же начали лавировать, метаться между Западом и Россией, шантажируя обоих, выторговывая для себя ту или иную выгоду. С выгодой для себя усидеть на двух стульях – вот генеральная линия их порочной и полностью провальной политики.

В-третьих, украинские олигархи (имея, в основном, иудейские корни) опустили в своей безнравственности до поддержки украинского нацизма, из-за чего появился парадоксальный политический термин «жидобандеровцы». Они при поддержке США организовали переворот против «донецких» на волне русофобской истерии с последующей кровавой гражданской войной на Донбассе.

В целом, Украина даёт всему миру урок, к чему ведёт олигархическое правление. Некогда самая промышленно развитая республика СССР, теперь, управляемая олигархами, она находится в самом бедственном положении с самыми неутешительными перспективами полного развала.

Борьба с олигархией. Олигархия – это, образно говоря, раковая опухоль в организме государства. «Злокачественная болезнь» прогрессирует. Взятничество развивается в устойчивую коррупцию, которая затем перерастает в олигархию. Как только государство перестаёт жёстко бороться с этой «болезнью», деньги в статусе капитала, контролируемые олигархами, начинают выступать главной ценностью, ведя к деградации все сферы общественной жизни. Раз так, то олигархию как явление желательно профилактически не допускать, но коль скоро она сформировалась, то с ней нужно бороться радикальными методами. В цепочке «богатство – взяточничество – коррупция – олигархия» достаточно удалить звено «взяточничество», чтобы профилактика стала эффективной. Современный Китай даёт такой уникальный положительный опыт. Ежегодно десятки (если не сотни) госчиновников получают за взяточничество высшую меру наказания. Жестоко? Да. Но гуманно ли? Настолько гуманно, насколько гуманно действия хирурга по удалению (а это очень больно) злокачественной опухоли. Речь идёт о благополучии остального трудолюбивого миллиарда честных китайцев. В итоге,

Китай без олигархов стал за короткий срок процветающей великой державой с ведущей экономикой мира, заняв место одного из трёх ведущих субъектов геополитики.

Со сложившимся олигархатом бороться сложнее, ибо борьба приобретает масштабный характер с очень высокими ставками. Однако и тут история даёт примеры такой успешной борьбы. Ромейский (византийский) император X века Василий II понял, что империя увядает, казна пуста, армию содержать не на что, социальные программы свёрнуты. В то же время могущественная группа олигархов владеет всеми активами государства, не делясь с ним даже налогами. И вот император пригласил всех олигархов во дворец, сообщил о бедственном положении государства и предложил новые правила игры. Олигархи отныне будут платить все налоги (в том числе и ранее не уплаченные) и полностью отлучаются от власти. «Кто согласен, – предложил, император, – пусть отойдут направо, кто не согласен – налево». «Левые» олигархи были казнены, а их имущество было отписано государству, что восстановило казну (стабилизационный фонд, как нынче говорят). «Правые» олигархи превратились в законопослушных (просто очень богатых) граждан. Империя была спасена. Два столетия после этого Ромейская империя (Византия) была самым могущественным, богатым и культурно развитым европейским государством¹. В России тоже есть немалый опыт успешной борьбы с олигархами. Царь Иван IV (Грозный) даже создал опричнину и с её помощью ликвидировал княжеский олигархат, после чего, укрепив державу, распустил опричнину. С княжескими олигархами «разобрался» и Петр Великий, оставив своим наследникам великую империю. Аналогично в XX веке поступил И. Сталин с троцкистским красным олигархатом, выстроив на руинах царской России мощнейшую советскую империю. Подобный опыт весьма жесток, но иных, менее радикальных и успешных примеров борьбы с олигархами нам история, к сожалению, не предоставила.

Рецепты борьбы с олигархией есть, они таковы: 1) не допускать олигархию как явления профилактическими мерами, например, увеличением доли госсобственности и числа госмонополий, а также жёсткой борьбой со взяточничеством и коррупцией; 2) если олигархат уже сформирован, то его нужно «построить» в интересах государства, то есть: заставить платить налоги, возратить средства из офшоров и полностью отлучить от власти (для этого заменить суще-

¹ Гибель империи. Византийский урок / Архимандрит Тихон (Шевкунов). Изд. 3-е. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. – 240 с.

ствующую партийно-олигархическую выборную технологию на народное представительство); 3) если олигархи не согласны с п. 2, то следует вести с ними открытую и жёсткую политическую борьбу, как с иными непримиримыми врагами Отечества.

Люди всегда будут стремиться стать богатыми. Это нормально. Не нормально, когда стремление к материальному успеху или власти становятся смыслом жизни человека, поработая его душу. Богатство не должно быть целью, но результатом труда рабочего, инженера, служащего, врача, учёного, актёра или предпринимателя. Тогда всё в порядке. Необходимо помнить, что богатство отнюдь не эквивалентно счастью. «Богатые тоже плачут» и тоже лечатся от депрессии. Чтобы депрессии не было, надо осознать простую истину, что богатство всегда относительно и что «богат не тот, у кого всего много, а тот, кому меньше нужно». Многие богатеи стремятся стать олигархами. Это также нормально, как нормально раковым клеткам пожирать здоровый организм. Общество, если надеется быть здоровым, должно быть настроено на борьбу против олигархии как явления, разрушающего все основы государственности и благосостояния подавляющего большинства граждан.

В заключение этого параграфа можно отметить, что Донецкая Народная Республика сделала важнейшие шаги по пути реального освобождения от засилья олигархов. Указом главы республики въезд олигархам в ДНР запрещён. Партийно-олигархическая система заменена на политические движения с народным представительством. Депутаты ДНР – не олигархи и не их наёмники, а люди из трудовых профессиональных «сословий», но борьба далеко не закончена. Олигархи не оставят попыток восстановить на Донбассе своё влияние. К этому надо быть готовым.

§ 2. О новом мировом порядке

Новый мировой порядок (от лат. «Novus ordo seclorum» – новый порядок навеки – фраза на оборотной стороне Большой печати США) – это режим правления, установленный в империи англосаксов (США, Великобритания и их вассалы) и во многих подконтрольных ей странах мира. Режим этот носит название «демократического», поскольку есть формальные признаки такового: официально провозглашено господство закона, разделение властей, выборность органов государственной власти и т. п. Однако суть этого проекта имеет скрытый (замаскированный, лицемерный) характер. Проект сводится к мировой диктатуре (гегемонии) международных олигархов (далее, – МО). Состав МО двухчастный:

1). политико-религиозная олигархия возглавляется масонскими иерархами; управляет партийным строительством и одновременно оппозиционными движениями во всех подконтрольных государствах; выполняет функцию «отдела кадров» для политиков и чиновников высшего звена, контролирует практически все современные религиозные секты и протестантские Церкви, СМИ, некоммерческие, общественные и международные организации, частные военные компании; имеет значительное влияние на Ватикан и иудейские общины. Идеология носит скрытый религиозный характер. Она ориентирована на поклонение антихристу, своими корнями уходящая к секте фарисеев, Каббале (что частично объясняет востребованность термина «современные фарисеи», «империя фарисеев»¹), орденам Тамплиеров и Иллюминатов.

2). финансовая олигархия возглавляется родовыми кланами (в основном, иудейскими) владельцев ФРС США. Контролирует МВФ, МБРР, ЕБ, ЕБРР, центробанки, нацбанки и крупные частные банки, промышленные гиганты, трансатлантические корпорации, биржи и т.п. Идеология носит скрытый религиозный характер. Она ориентирована (явно или скрытно) на поклонение «золотому тельцу», своими корнями уходящая к Карфагену, что объясняет использование термина «новый Карфаген»².

¹ Нарочницкая Н.А.. «Пророки» империи фарисеев // Информационно-аналитический портал НАРОЧНИЦКАЯ.РУ. URL: <http://narotchnitskaya.com/in-archive/«пророки»-империи-фарисеев.html> (дата обращения: 09.02.2018).

² Витренко Н.М. Новый Карфаген – США // Прогрессивная социалистическая партия Украины [сайт партии]. URL: <http://www.vitrenko.org/article/20335> (дата обращения: 09.02.2018).

«МО – это высокоинтеллектуальная группа хищников, которая мыслила и мыслит в масштабах всего мира и на столетия вперёд»¹. Разделение МО на две части условно, поскольку для них характерны родственные связи, совмещение «должностей» и постоянное перетекание «кадров». Действия МО обусловлены задачей править миром, чтобы жить за счёт труда и средств народов планеты.

Видимым фундаментом современного мирового либерального порядка являются финансы, как смысл и цель общественного развития. Капитал выступает как главный инструмент деловой и политической активности и как двигатель масштабных преступлений в любой стране. Современная западная цивилизация считается только с прибылями и убытками своих олигархов, но никак не с чужими культурами, народами и их интересами или чужой государственностью. Эта цивилизация, включая открытые и тайные политические структуры, управляется деньгами не только во имя власти и денег, но ставит и метафизические цели. Все известные на Западе политические структуры, все три «независимые» ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная) и «независимые» СМИ на самом деле очень даже зависимы и управляются МО по единому стратегическому плану. В единстве стратегии заключена колоссальная мощь Нового мирового порядка. Единый источник управления на вершине пирамиды власти над миром позволяет обеспечивать, когда и где нужно политическую стабильность, а когда и где нужно дестабилизировать обстановку (например, путём цветной революции или вооружённой оппозиции неудобному режиму). Чаше и проще всего политические процессы управляются банками через кредиты, денежную эмиссию и другие финансовые инструменты. Особенно в этом деле преуспел МВФ, навязывая политические условия государствам при выдаче займов. Полностью зависимы от Запада банки России, Белоруссии и Украины. Они вынуждены вести такую кредитную политику, при которой бизнес может кредитоваться на условиях многократно худших, чем на Западе. Но бизнесу нужны оборотные деньги, как кровь живому организму, и, не имея доступных кредитов, не стоит удивляться низким темпам постсоветского развития. Россия, Белоруссия и Украина должны оставаться недоразвитыми по плану мировой олигархии, поскольку сохраняется угроза имперского воссоединения восточных славян.

Если финансовые инструменты управления государствами не сра-

¹ Стариков Н.В. Хаос и революции – оружие доллара. - Петербург: Питер, 2011. – 230 с.

батывают (как, например, в Сирии или Украине), то в работу включаются протестные движения и террористы-наёмники (которых Запад благочестиво называет «революцией», «майданом», «вооруженной оппозицией», «повстанцами», «свободной армией»). Если и организованные внутренние беспорядки не помогают, то работу в деле утверждения мирового господства МО довершают открытым военным насилием (Югославия, Ирак, Ливия) и даже угрозами очередной мировой войны.

В известном смысле, МО и её структуру управления можно вполне классифицировать как клановое надгосударство в империи англосаксов с их вассалами (Западной Европой, Израилем, Японией, Канадой, Австралией, Саудовской Аравией, Катаром и проч.). Структуры МО имеют полный контроль над США и Великобританией, что позволяет заявить, что они полностью поглотили последних и поэтому включают в себя эти государства. В истории близкий пример кланового надгосударства был в Хазарском каганате, когда меньшинство иудеев имело полную власть над большинством хазар – степняков, что частично объясняет востребованность термина «новая Хазария», «глобальная Хазария»¹ применительно к империи англосаксов. Идея либеральной демократии является лицемерным прикрытием власти МО для «профанов» (т.е. непосвящённых на языке масонов). Прикрытие необходимо потому, что МО однажды укрепились в представлении, что рабы лучше работают, когда думают, что они свободны. Опыт показал эффективность такого прикрытия. Когда люди осознают своё рабство, то идея свободы начинает доминировать и изрядно тревожит рабовладельцев. Люди на Западе пребывают в полной иллюзии своей свободы, участвуя в выборах, не понимая того, что выбирают они всегда из тех, кто взращён и является марионеткой МО.

Говоря о реальной свободе личности, необходимо отметить, что в империи англосаксов фактически нет свободы в самом главном для человека – в возможности развиваться в нравственной и, тем более, – в высокодуховной атмосфере. МО понимает, что, даже захватив политическую и экономическую власть над миром, добившись экономического и политического лидерства, они не смогут стать полновластными лидерами, если не завоюют власть духовную. Только упразднив традиционные религии, они смогут на руинах человеческой духовности создать универсальную религию для всего мира, чтобы человечество не только приняло масонского иерарха как правителя мира (т. е. на языке христианства – антихриста), но и страстно захотело его

¹ Грачёва Т.В. Последнее искушение России. – Рязань: Зёрна-слово, 2013. – 384 с.

прихода как «спасителя» от того хаоса, который империя англосаксов уже устроила в экономике и государственности многих стран (в том числе, на Украине в 2014-2018 гг.). МО и её структуры в настоящее время – самое могущественное образование. Пользуясь своей силой и безнаказанностью, эти структуры активно наступают, захватывают или ставят под контроль всё новые и новые территории, через подконтрольные государства ведут агрессивные войны, окружают Россию и Китай военными базами. Военная сила и давление империи англосаксов становится всё чаще её основным и решающим аргументом. Эта империя ориентирована на уничтожение всех конкурирующих империй, при этом сохраняет и усиливает свою. Претензия на мировое господство не осуществима без полного покорения России и Китая, а значит, миру не избежать дипломатических, экономических, идеологических, политических и военных столкновений. Новый мировой порядок – это специализация на революциях и мировых войнах как методах достижения могущества МО (стратегия «разделяй и властвуй»). Так, революции 1905 и 1917 гг. в России, провоцирование двух мировых войн, цветные революции, арабский терроризм, локальные войны во Вьетнаме, Афганистане, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, Украине – вот неполный перечень преступлений, к которым причастны МО и империя англосаксов всего-то за 100 последних лет. Насаждаемая ими в мире либеральная демократия со всеми её институтами (партиями, выборностью, судами, банками, биржами, СМИ, институтами гражданского общества) – это политическая машина по управлению миром. Она идеально обслуживает интересы МО, позволяя подчинять государства и покорять народы, опираясь на масонство и иудейские общины. Без такой опоры либеральная демократия вообще не работоспособна. Искусственно прививаемая в странах третьего мира, она, как правило, приводит к хаосу.

Таким образом, новый мировой порядок – это скрытая диктатура МО под прикрытием мифов о свободном рынке, демократии и либерализма. Эта диктатура одухотворена масонским (тайным) культом антихриста, держится на тайных структурах управления, лицемерии, «двойных стандартах» и лжи. Новый мировой порядок вполне заслуживает названия «Третий Карфаген», считая, что «Вторым Карфагеном» была средневековая Венеция (с подачи которой была разрушена и разграблена Ромейская империя – Византия), а первым – тот самый Карфаген, который открыто поклонялся «золотому тельцу» и был разрушен Римом.

§ 3. О необходимости переосмысления феномена «демократия»

Распад СССР, как известно, – это следствие его поражения в холодной войне. Демократизация России навязана победителем – США. В 1990-х годах очень многие вопросы (конституция РФ, закон «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и другие) решались только при участии советников из США, что едва удержало Россию от дальнейшего развала. С 2000-х ситуацию во многом удалось переломить. Россия начала возрождаться, но многие из установок 90-х остались прежними. Их предстоит переосмыслить, если не изменить. В том числе и форму правления – демократию по Западному образцу. В условиях гибридной войны с объединённым Западом этот вопрос резко актуализировался.

Современные взгляды на характер правления исходят из двух общих типов: автократии (когда политические решения принимаются одним лицом, а общество отстранено от власти) и демократии (когда политические решения принимаются коллективно). В отличие от автократии, «демократия – один из немногих политологических терминов, который не вызывает стойких негативных ассоциаций. Во всем мире большинство людей признают преимущества демократии перед авторитаризмом и тоталитарной системой»¹. Поэтому «демократия является одним из самых востребованных политических феноменов современности»².

Демократия (др.-греч. δημοκρατία – «власть народа», «народовластие» от δήμος – «народ» и κράτος – «власть»,) – форма правления государством, основанная на признании народа в качестве источника власти³. Однако единого определения этого понятия по сей день не существует, что до сих пор вызывает многочисленные дискуссии среди учёных⁴. Тем не менее, различают демократию прямую (когда основные решения принимаются непосредственно всеми гражданами на собраниях или посредством референдумов) и представительную (когда решения принимаются выборными органами). Формой

¹ Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная. Удачи и провалы демократизации на рубеже тысячелетий // Вопросы философии. – 2006. – №9. – С. 38-41.

² Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России: автореф. дис. ... докт. полит. наук. СПГУ. – СПб., 2008.

³ Словарь патриота Отечества. – СПб.: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 18.

⁴ Дьяченко Ю.В. Конституционализм как основа культуры демократии: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2013.

реализации демократии зачастую выступает республика, хотя в Европе можно встретить «демократические монархии» (Великобритания, Швеция, Норвегия и др.) с выборами, с разделением и взаимодействием властей, а в Азии – «монархические демократии» (КНДР, Азербайджан, Казахстан и др.), то есть, республики с явными признаками единоличной власти.

Можно согласиться с Н.А. Барановым в том, что «модели демократического устройства каждой страны своеобразны, так как демократия не сводится к какому-то единственно возможному, унифицированному набору институтов и правил. Поэтому нужно вести речь только о конкретной форме демократии в конкретной стране, которая зависит от социально-экономических условий, от традиционного устройства государства, от политической культуры, от сложившегося в обществе восприятия власти»¹. К этому можно добавить, что экспансия демократии (демократизация) имеет не «линейный», а некий «волновой» характер (концепция «волн» предложена в 1991 г. С. Хантингтоном)², что также добавляет демократии особую специфику, отличительность в зависимости от эпохи/времени, когда именно «волна» демократизации «накатывает» на рассматриваемое государство.

Несмотря на то, что современные демократические формы правления отличаются разнообразием оценочных эпитетов (народная, молодая, зрелая, развитая и т.п.), у них всех есть общие декларируемые принципы: власть большинства, равноправие граждан, защищённость их прав и свобод, верховенство закона, конституционализм (выступающий основным регулятором общественных отношений), разделение властей, республиканская форма реализации, плюрализм (отражающий национальное, социальное, культурное и иное многообразие), и самый важный принцип – регулярная выборность главы государства и представительных органов.

Исследователи феномена демократии не могут не задаваться вопросами: «Каким образом обретается демократия?» и «Можно ли процесс демократизации описать единой последовательностью действий?» «Попытки выявления причин перехода к демократии из всех возможных соединений экономических, социальных, культурных, национальных и международных факторов до настоящего времени не привели к созданию алгоритма демократизации».

¹ Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России.

² Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная.

Более того, создание такого алгоритма невозможно по причине того, что демократизация носит субъективный характер, а в этом процессе «нет компонентов, гарантирующих переход к консолидированной демократии»¹. Соглашаясь с тем, что упомянутый алгоритм действительно сложно формализовать, тем не менее, используя метод исторического расследования можно выявить истоки процесса демократизации. Понимая генезис этого процесса, в свою очередь, можно обнаружить общие модели установления демократии, а разнообразие её форм рассматривать как вторичный и естественный фактор, обусловленный разнообразием исходных условий демократизируемой страны.

Согласно методу исторического расследования, эффективно используемому В.Н. Никольским², Н.В. Стариковым и другими, нетрудно установить, что большинство современных европейских стран обрело демократию под внешним влиянием. На это указывает общность первых акций победивших революций. Анализ исторического материала показывает, что демократические революции, даже если между ними проходят целые столетия, совершают поразительно одинаковые действия³. После очередной волны демократизации 90-х гг. XX века стало просто очевидным, что данный процесс инициирован и координируется извне⁴.

Рассмотрим кратко истоки демократизации Европы. Реальная демократия как республиканская форма правления появилась в древнем мире и своего апогея достигла в Афинской, а затем в Римской республиках. Республиканская форма правления также имела место в средние века в городах, имевших право на самоуправление (Новгород, Псков, Генуя, Венеция, Кёльн, Любек, Гамбург и др.). Вполне реальна была вечевая демократия, сложившаяся в России раньше Запада. Однако заметим, что демократия как форма правления (а не её отдельные элементы, которые присутствуют при любом правлении) с I века и до XVIII в Европе присутствовала, в основном, только

¹ Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России.

² Vladimir Nikol'skij Die "Kulakkenoperation" im ukrainischen Donbass / Die Massenaktion aufgrund des operative Befehls №00447. – Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2010. – P.613-640 ; Никольский В.Н. К вопросу о степени заселенности степей Северо-Восточного Причерноморья в золотоордынское время // Исторические и политологические исследования. – 2006. – №3/4 (29/30). – С. 74-82.

³ Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. – СПб.: Питер, 2014. – С. 81.

⁴ Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная.

в упомянутых вольных городах, причём непродолжительное время, не выдержав конкуренции с монархической формой правления. Все вольные города были поглощены монархиями. Макромасштабное возрождение демократии (почти забытой к тому времени формы правления) началось лишь в XIX веке по инициативе политических сил, занявшихся революционным переделом власти в свою пользу.

Во Франции демократия окончательно установилась с принятием конституции в 1875 г. Какова эта французская демократия, ставшая впоследствии всеевропейским республиканским образцом? Чтобы понять сущность этой демократии, нужно понять реальные движущие силы французской революции, понять, в чьих интересах они действовали, и только после этого можно обнаружить бенефициара этой знаменитой демократизации.

«После Реставрации Англия сделала экспорт революции в другие страны своим главным оружием. И пользуется им до сих пор»¹. Французские масонские общества, действуя в интересах англосаксов и мировой олигархии, оказались в авангарде Великой французской революции и последующих революционных потрясений². Их девиз «Свобода, равенство, братство» стал популярнейшей идеологемой и той, и последующих демократических революций. Для определения сути последних, очень важно понять, как сами масоны понимали смыслы своего девиза. «Свобода» означала «свободу воли, которая не подчиняется никакой власти, которая не признаёт ни монарха, ни папы, ни Бога...», а «равенство» достигается уничтожением права наследования и экспроприацией собственности (для уничтожения национальных элит, – ред.). Что касается «братства» – это такое братство в масонстве, чтобы «образовать государство в государстве, государство над государством»³. Смыслы масонов явно расходятся с представлениями обывателей, соблазнённых этим заманчивым лозунгом.

В целом, масонство, – это тайное общество, учение которого основано на каббале. Оно ставит своей целью соединение государств в одно всемирное, а также соединение всех существующих религий в единую синкретическую систему вероучений⁴. В

¹ Стариков Н.В. Спасение доллара – война. – СПб.: Питер, 2012. – С. 97.

² Благовещенский Г. Полная история тайных обществ и сект мира / Г. Благовещенский, Лин фон Паль, В. Спаров. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб; Владимир, ВКТ, 2010. – С. 295-298.

³ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т.1. – М.: Русский Вестник, 2000. – С. 557-558.

⁴ Таицкая А.И. Энциклопедия заблуждений. Суеверия. – М.: Изд-во Эксмо; Донецк: Изд-во СКИФ, 2004. – С. 124.

клятве масонов значителен признание универсального отечества и борьба против государственных границ, Храмов и института семьи¹. Масоны возглавили процесс «революционной демократизации» в начале XX века, являясь главным исполнителем процесса демократизации, как марксистского, так и либерального толка. «В 99 % случаев революционеры обязательно связаны с врагами своей родины, получая от них помощь деньгами, оружием, дипломатией или советами»². Революционеры последовательно уничтожали все европейские монархии, нанося им вред и ослабляя их мощь, но не причиняя никакого ущерба Великобритании³, при этом «уничтожая не только армию, но и элиту страны, включая научную»⁴.

Теперь об основном выгодоприобретателе Великой французской революции, которая была в равной степени антимоноархической и антихристианской. Уже со второй половины XX века французские газеты регулярно используют формулу французской политики «RF=RF», что означает République Française=Rothschild Frères (Французская Республика=Братья Ротшильды). Это уравнение фактически зафиксировало полную власть над Францией олигархического клана Ротшильдов. Стремительное выдвижение на политическую авансцену молодого и малоизвестного ещё в 2016 г. Э. Макрона, тем не менее ставшего президентом в 2017 г., логично объясняется политологами именно этой формулой, точнее, – предьсторией работы Э. Макрона в парижском отделении банка Ротшильдов⁵. То есть, французская демократия – это номинальная форма, имеющая все признаки реального олигархического правления могущественным кланом Ротшильдов.

Послевоенная оккупация Соединёнными Штатами Западной Европы позволила англосаксам быстро установить нужные формы правления на подконтрольных территориях. То есть, большинство современных европейских стран обрели демократию после революционных и военных потрясений XX века⁶. К XXI веку из 190 стран

¹ Платонов О.А. Терновый венец России. С. 558.

² Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. С. 61.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Максименко В. Ротшильды и Макрон, ужасы сионизма могут похоронить Францию // Русское агентство новостей. 2017. URL: <http://ротшильд.ру-an.info/новости/ротшильды-и-макрон-ужасы-сионизма-могут-похоронить-францию> (дата обращения: 16.02.2018).

⁶ Симионшвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. – Sadržken, Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2012, – С. 64.

мира более 140 стали республиками¹. К этой исторически достоверной ретроспективе можно и нужно добавить, что упомянутые революции и войны XX века были организованы властной триадой «мировая олигархия, империя англосаксов и масонство», что, собственно, и привело их, бенефициаров этих потрясений, к мировому господству к концу XX века. Не случайно, именно Соединённые Штаты возглавили движения глобалистов. Это «полностью соответствует масонским устремлениям: единое мировое правительство во главе с единым руководителем, единая мировая идеология»². События конца XX – начала XXI века показывают, что в реальности масонская цель создания универсального всемирного государства свелась (хотя, возможно, временно, лишь как этап) к однополярности, американоцентричности, к мировой гегемонии США.

Необходимым элементом современной демократии является обязательное формирование оппозиции, которая в нужный момент может использоваться англосаксами для протестов и замены тех или политиков (например, как это было сделано с Ш. Де Голлем во Франции в 1968 г.). Если мирная замена не удаётся, то организуется хаос путём полной дестабилизации политической обстановки, но уже вооружённой оппозицией (Сирия 2011-2018 гг.). Постоянная оппозиция необходима для постоянной смены власти. Это основа основ современной демократии. Но в странах без глубоко укоренившейся элиты, без продуктивной, незастойной стабильности – постоянная смена власти самоочевидно губительна³.

Рассматривая «демократию в действии» второй половины XX века, Н.В. Стариков отмечает: «Всюду, куда приходят США, они приносят с собой хаос. Лучше не становится нигде»⁴. Тем самым, демократия, навязанная миру силой по англосаксонскому проекту, сама себя дискредитировала. «Сталкиваясь с попытками «продвижения», «насаждения» или «экспорта» демократии, можно видеть, как они дискредитируют не только тех, кто их предпринимает, но и сами демократические практики»⁵. Такая насаждаемая современная демократия принципиально отличается от естественной демократии в её древнегреческом понимании.

¹ Симонишвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 71.

² Таицкая А.И. Энциклопедия заблуждений. С. 248.

³ Аверьянов В. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. – М.: Книжный мир, 2014. – С. 21.

⁴ Стариков Н.В. Хаос и революции – оружие доллара. – СПб.: Питер, 2015. – С. 56.

⁵ Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная.

Древние греки жили в небольших полисах-государствах. Избиратели знали избираемых, что позволяло выбирать на государственные должности лучших. Однако уже тогда Сократ и Платон (а до них – Гераклит) указывали, что идеал народовластия труднодостижим. Демократия является самой слабой и неустойчивой формой правления, поскольку неизбежно перерастает сначала в охлократию (власть толпы); по Гераклиту, это когда «правит толпа и нет места лучшим», отчего царит своеволие и безначалие, а затем перерастает в тиранию.

Одной из причин нежизнеспособности демократии, Платон, повторяя Сократа, видел в моральном факторе. Платон утверждал, что справедливость в обществе и счастье граждан в нём являются производными от моральных устоев¹. Источником гибели любого общества является его «определяющий принцип», которым при демократии является свобода. Безудержная свобода, в свою очередь, отвергает любую форму социальной иерархии. Смесь дурного воспитания и свободы побуждают граждан разрушать моральные барьеры, а затем и традиционные институты власти. Появление тирана становится логичным завершением этого процесса. Иными словами, демократия в своём последовательном развитии свобод, по мнению мыслителей древности, неизбежно ведёт к рабству тирании.

Современная демократия, как и во времена Сократа и Платона, означает известную степень реальной политической и экономической свободы. Нарисованная классиками картина носит универсальный характер и легко прослеживается в истории всех государств, когда-либо глотнувших «демократической» свободы. «Все они подчиняются одной и той же железной закономерности: демократия раскрепощает частную инициативу и создает стимулы для производительной деятельности, однако плоды свободы – материальное благополучие, освобождающее от необходимости бороться за жизнь и, соответственно, избыточный досуг – неизбежно ведут к подрыву моральных устоев общества, ослаблению его духовной стойкости и сползанию к тирании»². В разное время и в разных странах, в зависимости от обстоятельств, этот процесс может протекать по-разному, ускоряться или тормозиться, но общий вектор непреложен.

Демократия, как бы это ни звучало парадоксально, не в состоянии

¹ Платон. Государство / пер. с древнегреческого А. Н. Егунова. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.

² Вольский В. Три статьи о демократии. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Volsky1.php> (дата доступа: 17.02.2018).

обеспечить нравственную атмосферу в обществе. Моральное разложение современного Запада тому наглядное доказательство: моногамные браки, половая распущенность, наркомания, разрушение института семьи, культивирование всего низменного – стали с конца XX века нормой жизни. Согласно Л.А. Тихомирову, «демократия, основанная на верховной власти количественной силы, по существу, враждебна влиянию нравственной силы как в её аристократических формах, так и в формах единоличного влияния. Единства народной воли почти никогда не существует, а потому верховная власть в демократическом государстве, как правило, имеет те недостатки (шаткость, переменчивость, неосведомлённость, капризы, слабость), которые в монархии являются как исключение»¹. К этому можно добавить удивительную недемократичность Западной демократии в области нравственности: насильственно насаждаются анти-ценности ЛГБТ-меньшинств, без учёта мнения абсолютного большинства сторонников традиционных ценностей. Отсутствие нравственной силы в современных демократиях неизбежно ведёт к возрастанию влияния денег (как высшей ценности) на все общественных процессы, поскольку рынок становится регулятором всех процессов. Но рынок – это деньги... Поэтому владельцы денег становятся хозяевами положения, а демократия логично трансформируется в олигархию. Так, процесс олигархизации со всей очевидностью проявился к концу прошлого века в России, на Украине и в Средней Азии.

Таким образом, свобода, как определяющий принцип демократии, несёт в себе угрозу морального разложения, олигархизации, а затем, как следствие, и гибель государства (что и происходит сейчас на Украине). Поэтому все современные демократии обречены.

Демократии слабы структурно. Они легко трансформируются в диктатуру, ибо «демократия является хрупкой системой, и если не создавать соответствующих условий для ее поддержания, то она будет разрушена»². Тут показателен пример демократического прихода к власти, а затем её быстрой узурпации А. Гитлером в 1933 году. Исторический опыт Древней Греции, имеющей феноменальную череду всех форм правления, также подтверждает слабость и неустойчивость демократической формы правления в мирные времена, и полную её неспособность в условиях войны. В последнем случае демократия фактически трансформировалась в монархию, когда

¹ Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии / Составление, вступительная статья и примечания М.Б. Смолина. – М.: Москва, 1999. – С. 628.

² Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России.

диктатор выбирался как необходимый верховный и единоличный правитель на время боевых действий. Пример недееспособности хорошо иллюстрируется Второй мировой войной: под тоталитарным напором нацистов Третьего Рейха французская демократия пала за месяц, не оказав сколько-нибудь существенного сопротивления, несмотря на примерно равный оборонный потенциал.

Кроме того, демократии неэффективны при управлении обширными территориями. Тут характерен пример политики Г.Ю. Цезаря в Риме, который, объединив демократические должности, подготовил условия для смены демократии монархией. Эта смена формы правления была оправдана всей историей небывалого расцвета Римской, а затем Ромейской (Византийской) империй.

Далее попытаемся найти ответ, насколько возможна реальная демократия в современных условиях и как её основополагающий признак – регулярная выборность главы государства и представительных органов – отражает факт народовластия. Народ при демократии должен, голосуя, выбирать власть. Для совершения сознательного выбора нужны добротные знания. Однако дать народу знания, достаточные для выбора, невозможно в принципе. Тем более, что многие из этих знаний составляют государственную тайну. Поэтому европейские выборы де-факто представляют собой конкурсы видеороликов кандидатов, рекламных щитов и соответствующей публицистики, но не как осознанный выбор лучшего кандидата из списка профессионалов¹. «Круг замкнулся: у народа нет знаний; без знаний нет выбора; без выбора нет демократии. Во Франции, России или США нет никакой демократии. Миф о демократических выборах в этих странах – сознательная ложь»². Ни в одной стране демократия не смогла создать других орудий управления, кроме своего «представительства», которое повсюду, где достаточно развилось, обнаружило неудержимые стремления к узурпации власти в руках новой «аристократии» профессиональных политиков. Политические способности демократического принципа в новых условиях современных обществ оказались также недостаточными. Предположить наличие каких-либо прочных аристократических сил, которые бы сумели удовлетворить современное общество, почти невозможно³. Выборы руководства осознаны, если выборщики получили необходимые для этого зна-

¹ Шалыганов Ю. Проект Россия. Полное собрание. – М.: Эксмо, 2012. – С. 21.

² Там же. С. 92.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – С. 627.

ния, имеют достаточную компетенцию. Например, в Православной Церкви Архиерейский собор (церковная аристократия) выбирают патриарха, что в высшей степени разумно, поскольку архиереи действительно имеют для этого выбора достаточную компетенцию.

Проблема необходимых знаний является краеугольной и при проведении всенародных референдумов. Так, например, переименовать или нет площадь им. В.И. Ленина в г. Донецке вполне могут решить сами дончане на городском референдуме, а вот послать или нет «вежливых людей» в камуфляже в Крым в 2014 г. для его присоединения нельзя было решить никаким демократическим способом. Более того, попытка вынесения этого вопроса на демократическое обсуждение повредила бы России, дав противнику (США) возможность действовать в Крыму на опережение.

Проблема необходимых знаний остаётся краеугольной при использовании любых современных форм и методов прямой демократии. Эту проблему не решает такая форма прямой демократии как «политические сети» («policy networks»). «Политические сети» стали популярным понятием при поиске решений «активизации демократии» (solutions to revitalize democracy), особенно на местном уровне. Однако этот метод не решает проблему отсутствия демократической легитимности и подотчетности¹. Горизонталь коммуникативных связей теоретически может компенсировать недоработки властной иерархии, но может и усугубить их, если политические знания и политическая ответственность остаются «за кадром».

Кроме того, в крупных сообществах (тем более, когда речь идёт о масштабном государстве) сама возможность демократии как формы правления вызывает много вопросов. «Демократические принципы возможны в малых коллективах, вроде древнегреческого полиса или современной деревни, где люди осознанно выбирают, потому что знают друг друга, знают не по клипам и листовкам, а по жизни. Эти знания позволяют сознательно выбирать старосту своей деревни. Выбирать руководителя армии или экономики народ не может, а руководителя сразу над всем – тем более»². В этом контексте выборы президента РФ в 2018 году выглядят исключением из правил Западной демократии. В.В. Путина, как главу государства, народ России знает 18 лет и может сравнить, какая Россия была в 2000 г. и какой

¹ Bordovskikh A., Boussier R. An efficient and effective democracy at the local level: new alternatives to policy networks // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 206-223.

² Шалыганов Ю. Проект Россия. С. 92.

стала в 2018 г. Поэтому В.В. Путин и победил на выборах с огромным перевесом. Но по всем Западным стандартам демократии В.В. Путин не должен был править так долго. Соответственно, он не должен был успеть сделать то, что ему удалось сделать. Если же представить, что В.В. Путин отказался бы от последних выборов, то всенародные выборы из оставшихся претендентов напоминали бы игру в политическую «русскую рулетку».

В современных странах Запада демократия существует номинально, являясь прикрытием фактического правления международной олигархии. Там присутствуют лишь кажущиеся элементы демократии. В «цитадели демократии» – США вполне за демократическим камуфляжем, подчеркнутой примитивностью и управляемостью просматривается неумолимая технология жесткой власти¹. Мировой гегемон – империя англосаксов имеет скрытую форму авторитаризма, точнее, – олигархической диктатуры, проводимую в жизнь масонством, партийной системой и другими институтами теневой или открытой власти. «Демократия» в США выступает лишь ширмой для «профанов». Эта модель власти достаточно эффективна, поскольку имеет постоянный, передаваемый по наследству, центр – международную олигархию. Наследственность и абсолютная централизация власти обеспечивают её преемственность. «В США функционирует постоянная власть. Меняется только её видимая часть. Силы, задающие генеральное направление, остаются неизменными, сохраняют преемственность и наследственность. Примерно также, как это было в СССР, утверждавшем, что власть выбирается народом. Разница только в том, что выборный спектакль в США качественнее продуман»². Все известные на Западе политические партии, все три «независимые» ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная) и «независимые» СМИ на самом деле зависимы и управляются международной олигархией по единому стратегическому сценарию. Нужно быть фанатично верующим в демократию, чтобы не замечать, что фактические институты власти, обеспечивающие Новый мировой порядок (ФРС США, МВФ, МБРР, НАТО, ВТО, Римский клуб и другие закрытые организации) отнюдь не демократичны. Таким образом, «демократия» движется в «тандеме» с олигархией. Тут уместна цитата Р. Михельсона³, отражающая «железный закон олигар-

¹ Таицкая А.И. Энциклопедия заблуждений. С. 244.

² Шальганов Ю. Проект Россия. С. 23.

³ Цит. по: Ларина Е. Война элит во времена перемен // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2016. – №4(40). – С.32

хии»: «любая форма социальной организации, вне зависимости от её первоначальной демократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных – олигархию или номенклатуру».

Современная демократизация имеет разнообразные формы. Так, можно говорить об «имитационной демократизации» (это форма, которая приводит к номинальной демократии, как в странах Средней Азии и Латинской Америки), «соблазняющей демократизации» (эта форма, примененная Западом на Украине, в Турции и Грузии, соблазн тут – приём в ЕС), «теневой демократизации» (использование закрытых структур, а также негосударственных фондов¹), «внешней демократизации» (имеющей явные признаки насаждения или управления извне) и «управляемой демократизации» (номинальная демократия, полностью подконтрольная местным властям). Нельзя сбрасывать со счетов проверенную и самую жёсткую форму «революционной демократизации» (например, Октябрьская революция 1917 г.), которая, правда, может приводить, наоборот, к дедемократизации (майдан на Украине 2013-2014 гг., например), а также «оккупационную демократизацию», осуществлённую США в ФРГ (капиталистическая демократизация) и СССР в ГДР (социалистическая демократизация).

В настоящее время существуют разновидности республики, характеризующиеся нелегитимностью власти. Например, когда в стране происходит государственный переворот. При этом форма правления может оставаться республиканской, но её демократическая суть выхолащивается².

Современные формы демократии в большей степени связаны с феноменом «пост-демократии» (К. Крауч) и дедемократизации (Ч. Тилли), а перспективы развития демократии связаны как с её трансформацией, так и дедемократизацией. Эта тенденция обусловлена неуклонным снижением доверия граждан к институтам современной демократии. Падение доверия, в свою очередь, приводит «к атомизации общества, к его превращению в совокупность автономных информационных сообществ, порождая, с одной стороны, «демократию меньшинств», а с другой, демократическое гло-

¹ Так, по утверждению В. Нуланд, на демократизацию на Украине США вложили более 5 млрд. долл. См. Нуланд В. Виктория Нуланд: Мы вложили 5 млрд \$ в революцию на Майдане // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JbeyqEiRYP8> (дата доступа: 17.02.2018).

² Симошвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. – Sarldrüken, Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2012, – С. 65.

бальное правительство». В последнем случае запускается «процесс дедемократизации»¹. К сказанному можно добавить неизбежность перерождения «внешней» демократии во всех тех случаях, когда в обществе не приживаются чуждые демократические институты по причине их неэффективности в местных условиях устоявшихся традиций. «Институты эти перерождаются в ширму, за которой пышно расцветает «управляемая» демократия»².

На Западе можно говорить о реальных проявлениях демократии, но только тогда, когда речь идёт об олигархических кланах. Не случайно в 70-80 гг. XX в. возникла теория «элитарной демократии» как соединение элементов теории элит и теории «плюралистической демократии». «Если на Западе демократия сейчас и существует, то она сильно повреждена, во-первых, бюрократией и, во-вторых, различными олигархиями – олигархическими корпорациями богатых, корпорациями тайных обществ, корпорациями масс-медиа»³. На Западе демократия есть, если её понимать, как консенсус олигархических элит. Именно такую «демократию» и обеспечивает Западная партийная система, когда борьба партий по сути отражает политическое противоборство элит по взаимной договорённости. Партии содержатся олигархами для обслуживания только своих интересов. Они служат олигархам, а нанятые партийцы-профессионалы всегда отстаивают интересы самой партии, но не народа, поэтому партийная система власти, управляемая олигархическим капиталом, по своей сути в принципе не демократична.

Ещё один весомый аргумент не в пользу современной западной демократии. Этот проект является эффективным инструментом мировой олигархии по управлению миром. Так, нет ни одной демократической страны Западной Европы, которая в настоящее время не была бы по-вассальски зависимой от мировой олигархии и её метрополии – империи англосаксов. Именно это обстоятельство мотивирует США оставаться «оплотом демократии» для всего мира. Американская демократия (через партийную систему, масонские структуры и СМИ) позволяет своим надёжным вассалам (страны

¹ Горбунова М.А. Демократия в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2011.

² Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная.

³ Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / под общ. ред. А.Б Кобякова и В.В. Аверьянова / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – С. 319.

Западной Европы, Канада, Япония, Австралия и др.) обеспечить стабильность, а ненадёжным (Украина, Молдова, Сирия, Ливия, Ирак) – дестабилизацию. Из этого следует, что демократия для империи англосаксов – это ширма, прикрывающая власть международной олигархии, а для всех остальных стран – это политический проект их подчинения империей англосаксов, проект неизбежного расставания европейских государств со своими былыми суверенитетами (каковые ещё имели место в 1930-ые годы во Франции, Германии и др. странах Запада). Для мира «профанов» международная олигархия разработала такой проект «демократии», который через выборную систему уничтожает преемственность власти. В этом – слабость перед лицом империи англосаксов всех её вассалов и прочих государств, которым навязана эта модель. Это и есть причина потери своих суверенитетов современными европейскими странами, ибо если нет преемственности, то рано или поздно нивелируются силы, заинтересованные в суверенитете.

США – назначили себя главным «экспертом» демократии. Они решают, что демократично, а что нет. Если есть послушание США (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ и др.), то к демократии в этих странах вопросов нет. Если нет послушания, то такие страны становятся «ревизионистами»-изгоями (Россия, Китай, КНДР, Иран). Именно так сформировался в США пресловутый эффект двойных стандартов. Только себе США «выписали лицензию» на насилие во имя демократии. Всех, кто не согласен с американским пониманием демократии, ждёт наказание (санкции, блокада, информационная и дипломатическая война, военное насилие), подобно тому, как Римом наказывались взбунтовавшиеся провинции.

Следует обратить внимание на парадокс американского экспорта демократии. С одной стороны, мировая победа демократии – это номинальная цель США. «Бастион международного масонства – Соединённые Штаты Америки – поставили своей задачей насильственно установить так называемую демократию во всём мире. Это подразумевает подчинение всех государств мира Соединённым Штатам и Мировому правительству. Во имя демократизации или американизации насилуют Ирак, Афганистан, готовятся силовые акции против Ирана и других непокорных государств...»¹. С другой стороны, фактическая цель США оказывается прямо противоположной. «Демократия не может победить во всём мире. Более того, демократия

¹ Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии. – М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. – С. 461.

не должна победить во всём мире ни в коем случае! Иначе каждому станет ясно, что она вовсе не цель США и их друзей, а средство подчинения и организации для себя безбедного существования за счёт остального мира. Вечное движение к демократии обеспечивает вечное доминирование на планете англосаксов и их приспешников, даёт им вечно высокий уровень жизни»¹. Посему процесс установления реальной демократии в России не может не вызывать множество вопросов и споров.

Сущность демократии, ее формы, модели, векторы развития исследовали как западные, так и российские ученые, однако незавершенность и дискуссионность имеющихся подходов применительно к России дают основание данную проблему определить как «проблемное поле»². Иначе говоря, процессу демократизации в современной России присуща неопределенность с различными вариантами траектории развития. В настоящее время Россия проходит свой путь демократического транзита с элитарной моделью демократии³. В этом смысле Россия, по выражению Ю.В. Дьяченко, представляет собой «срединную» страну⁴. С этой «элитарностью», «срединностью» и «транзитностью» модели российской демократии солидарен В.Л. Иноземцев, полагающий, что в России после выборов 1996 г. утвердилась «олигархическая модель и ее перерастание в авторитарную и авторитарную стало вопросом времени. В постсоветских республиках Средней Азии и Закавказья сформировались режимы, основанные на личной власти авторитарного лидера, и наметились тенденции ее наследственной передачи. В 2000 г. несколько более цивилизованный сценарий «наследования» был реализован в России, дав старт переделу собственности и свертыванию демократии. Однако эти события не подорвали позиций сторонников проведения «демократизации извне»⁵. Российская демократия извратила само понятие народовластия, о чём свидетельствуют неэффективные парламентские механизмы, скопированные с западных образцов, – справедливо считает С.Н. Бабурин. В России место органов народного представительства занимают партийно-олигархические круги»⁶.

¹ Стариков Н.В. Спасение доллара – война. С. 54.

² Горбунова М. А. Демократия в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2011.

³ Там же.

⁴ Дьяченко Ю.В. Конституционализм как основа культуры демократии.

⁵ Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная.

⁶ Бабурин С. Возвращение русского консерватизма / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – С. 785.

Следует ли из всего вышесказанного, что демократия должна быть полностью отторгнута Россией? И да, и нет. Номинальная демократия по западной модели (фактически, это подчинение мировой олигархии) совершенно неприемлема для суверенной России. Об этом свидетельствует печальный опыт 90-х гг. XX века. В России может состояться иная демократия, имеющая свои исторические корни. В данном случае можно вести речь о местном самоуправлении, о низовой демократии, имеющей русские стародавние традиции. «Если мы признаём необходимость своей русской демократии, духовно суверенной, вызванной внутренними потребностями нации, то эта демократия должна существовать и развиваться без всякой оглядки на происходящее “у них”» (на Западе, – ред.)¹.

Самобытная демократия была спутником стародавней российской традиции. Речь идёт о местном самоуправлении, как о таком виде низовой демократии, при котором население административно-территориальной единицы самостоятельно управляет местными делами. Местное самоуправление осуществляется исходя из интересов всех жителей данной территории через выборные органы в пределах прав, установленных государством². В царской России, например, органы самоуправления местного территориального социума были представлены общинами, земскими собраниями и земскими управами, а в советской России – районными (поселковыми) советами народных депутатов. Русская община – это первичная политическая ячейка нации, обладающая территориальной обособленностью, социальной устойчивостью и относительной самостоятельностью в хозяйственно-экономическом отношении. Поэтому там, где есть население, но нет общины, не бывает и реального местного самоуправления³. Говоря о реализации такой низовой русской демократии, следует отметить, что наиболее эффективна демократия в условиях делегирования “выборщику”, “гласному”, “представителю” права передавать высшему представительному органу государства – Земскому собору – волю своей общины⁴.

Демократия в виде местного самоуправления в России всегда была не враждебной, а, наоборот, дополняющей структурой государственной власти (будь то монархической или партийно-советской). Кроме того, демократия – часть российской традиции, если её понимать и как принцип русской соборности, имеющей глубокие духовные и эт-

¹ Русская доктрина. С. 319.

² Словарь патриота Отечества. С. 62.

³ Русская доктрина. С. 333.

⁴ Там же. С. 323.

нополитические смыслы. «Демократия должна быть неотъемлемой составляющей национального самодержавия в России. Так было издавна и в вечевую эпоху, и в эпоху земских соборов, и местного «губного» управления. Для формирования полноценной государственности монархия должна включать элементы демократии как учёта «совокупного мнения тех, кто становится объектом приложения тех или иных политических решений»¹.

Демократия в России приемлема, если под ней понимать русскую соборность, имеющую глубокие духовные и этнополитические смыслы². Демократически земским собором был избран на престол в 1613 году Михаил Романов. Соборность можно понимать как органическую доктрину государства, рассматривающую «политический народ как совокупность прошедших, настоящих и будущих поколений, образующих государство как исторический субъект. Соборность предполагает солидарное стремление к общему благу средствами государственной власти. Политическая воля народа в духе соборности – это не механическое большинство голосов, а выражение мнения нации как органического единства, в котором ни одна из образующих его групп не получает превосходства перед другими в силу численности или богатства. Соборная демократия исключает узурпацию мнения нации мнением какой-то одной, пусть даже количественно наибольшей её группы и безусловное подчинение меньшинства большинству, если только это меньшинство не исключило само себя из соборного единства нации»³.

И, наконец, демократия приемлема, если под ней понимать не выборные шоу, а реальное равноправие, то есть, как равные права на образование и здравоохранение, на карьерный рост, на «социальный лифт». Понимать, как такой тип солидарности, при котором каждый гражданин, воспитанный на традиционных ценностях, ощущает себя нужной клеткой единого государственного организма, именуемого Россией.

Таким образом, Западная демократия – это номинальная (т.е. фиктивная, являющаяся таковой по одному лишь названию и некоторым признакам) форма правления. Реальной формой правления на Западе является олигархия. Западная демократия – это инструмент борьбы с суверенными государствами, инструмент подчинения США. Поэтому в мире наблюдается «резкий взлет популярности

¹ Русская доктрина. С. 317.

² Троицкий Е. С. Русская этнополитология. – М.: АКИРН, Граница, 2003. Т.3. – С. 5-75.

³ Русская доктрина. С. 318.

традиционалистских и антизападных сил». Это привело к тому, что в России «взяли верх антизападные силы, видящие величие страны в ее военной мощи и энергетическом потенциале и ищущие союза с другими недемократическими странами – прежде всего с Китаем и государствами Центральной Азии»¹.

Сегодняшняя Западная демократия трансформируется в нечто тоталитарное. На наших глазах начался новый раунд борьбы за мировое господство. «Впереди у всех жителей планеты – отказ от высокого уровня жизни, толерантности, прав человека и прочих «изобретений», которые помогли США в борьбе с Советским Союзом»². В том числе – отказ от уже привычных демократических свобод.

Если впереди война, то философы, историки и политологи России обязаны сделать упреждающий информационный удар по навязываемой Западом демократизации, раскрывая истинную суть современной Западной демократии и её полную непригодность для России. Необходимо осознать и разъяснить, что демократия, навязанная России по современным Западным лекалам, означает:

- структурную неустойчивость в мирное время;
- нежизнеспособность в военное время;
- падение нравственной атмосферы в Обществе;
- неэффективность при управлении обширными территориями;
- исключение преемственности власти;
- перерастание в олигархию.

Такая, насильственно навязанная демократия, совершенно непригодна для России. В XXI веке уже не реальны и формы демократии древнего мира, когда люди небольших городов-полисов знали друг друга. Если Россия – «Отечество наше свободное» – суверенная держава, то ей нужна демократия, принципиально отличная от древней и номинальной Западной. Решение, возможно, видится в том сочетании, где форма правления включает элементы не только демократии, но и реальной монархии.

¹ Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная.

² Стариков Н.В. Хаос и революции – оружие доллара. С. 2.

§ 4. О сущности и особенностях феномена «монархия»

Монархическая форма правления в представлениях соотечественников часто ассоциируется с нечто отжившим, с чем-то из очень далёкого и уже не нужного прошлого. Зачем же «вытаскивать» монархию «из нафталина», тем более что реальных монархий в современной Европе как бы и нет? Они – скорее декорация, дань традиция, чем реальная форма власти. А, может быть, наоборот, современные европейские страны поспешили расстаться с проверенной тысячелетиями монархической формой правления? Более того, демократии в Европе установлены насильственно. Они молоды, слабы и не дали Европе ожидаемой политической стабильности. К тому же демократии постсоветских республик (всех, кроме России) идеологически основаны на гипертрофированном восприятии только своих национальных особенностей, что привело к повсеместной русофобии (в угоду Западу и во вред себе), а также к обречённости на полную потерю суверенитетов (Литва, Латвия, Эстония), неизбежные конфликты (Армения с Азербайджаном), и даже распад (Украина, Грузия, Молдавия).

Отношение соотечественников к монархии

Согласно опросу «Всероссийского центра изучения общественного мнения» ВЦИОМ-Спутник, «28% наших сограждан в принципе не против монархии, в большей степени этот подход разделяют молодые респонденты. Главное для “голосующих” за монархию – порядок и преемственность. Доля россиян, которые говорят, что не против или даже за монархию, находится на уровне четверти опрошенных: в 2006 г. – 22% (в т.ч. 3% говорили, что они “за монархию” и могут назвать человека, подходящего на роль самодержца, 19% - что они “в принципе не против монархии, но не видят человека, который мог бы стать монархом”), а в 2017 г. – 28% (в т.ч. 6% и 22%, соответственно). Категорически против существования монархической формы правления в нашей стране сегодня 68% россиян. Условно к тем, кто терпимо относится к монархии (“не против” или “за монархию”), чаще, чем в среднем по выборке, можно отнести молодых людей (среди 18-24-летних в принципе не против монархии 33%, среди 25-34-летних – 35%), жителей Москвы и Санкт-Петербурга (37%), активных интернет-пользователей (33%), сторонников непарламентских партий (34%). Респонденты, которые могли бы поддержать восстановление монархии в России, чаще всего объясняли свою позицию желанием видеть у власти одного человека (чтобы никто не тянул одеяло на

себя) тем, что это традиционный строй для России, характеризуемый большим порядком и стабильностью. Основные аргументы противников монархической формы правления: приверженность демократическим принципам, негативная оценка эпохи самодержавия в России»¹.

Анализируя приведенные статистические данные, можно сделать предварительные выводы:

Проведение опроса ВЦИОМ свидетельствует об актуальности для современной России темы монархии самой по себе. Кроме того, опрос свидетельствует и о том, что власть РФ интересуется отношением граждан к монархии.

Молодёжь приемлет монархию как допустимую форму правления в значительно большей степени, чем старшие поколения, жившие в зрелом возрасте в Советском Союзе и имевшие «антимонархическую прививку» советской идеологией. Так, согласно мнению директора Департамента исследований ВЦИОМ С. Львова: «В сознании молодежи монархия уже не противопоставляется свободе и демократии, но при этом привлекательна своей рациональностью и эффективностью»². Следует отметить, что сама перспективность монархического концепта (как и всякого иного) определяется настроением именно молодого, а не старшего поколения.

Несмотря на то, что монархическая тема практически не освещается в СМИ, нет её и в учебных программах средних и высших учебных заведений, несмотря на четвертьвековое засилье на телевидении и в прессе пропаганды либерально-демократических ценностей, тем не менее, очевидна тенденция увеличения числа сторонников монархии: с 22% в 2006 году до 28% в 2017 году. Анализируя эти цифры, необходимо учитывать тот факт, что Россия 100 лет живет без царя, что никто из опрошенных ВЦИОМом при царе не жил. О царях современное общество в своем большинстве знает по советским школьным учебникам, в которых монархи представлены как главные антигерои русской истории. Тем не менее, на фоне всего этого даже те цифры, которые приводит ВЦИОМ удивляют. Откуда у этой части общества ностальгия по монархии? С учетом этих обстоятельств, результат опроса положительный, ибо в нём есть основание для исторического оптимизма³. «Не исключено, – отмечает С. Львов, – что

¹ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3334 от 23 марта 2017 г. // ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116126> (дата обращения: 29.03.2017).

² Там же.

³ Беловолов Г. В воздухе веет «Монархической весной» // Русская наордная линия. 2017. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/25/v_vozduhe_veet_monarhicheskoi_vesnoj/?commsort=back (дата обращения: 27.03.2017).

“антимонархическая прививка” советского периода через поколение перестанет действовать»¹.

К этому можно добавить тенденцию увеличения числа современных исследователей (и их трудов) в области православного монархизма (Т.В. Грачёва, А.Г. Дугин, В.М. Коровин, В.Е. Ларионов, А.М. Малер, Д.Е. Муза, В.Н. Осипов, А.С. Панарин, М.Б. Смолин, А.Д. Степанов, Ю.В. Шалыганов, В.Е. Матвеев и многие другие), являющихся последователями «умов редкой силы» (по выражению Л.А. Тихомирова), таких как М.Н. Катков, И.С. Аксаков, И. Киреевский, А.С. Хомяков, Н. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.Е. Казанский, И.А. Ильин и сам Л.А. Тихомиров. Очевиден и рост числа монархических организаций. Это: «Русское собрание», «Союз Христианское возрождение», «Российское Дворянское Собрание», «Всероссийский монархический центр», «Высший монархический совет», «Всероссийское земское движение», «Всероссийское Соборное Движение», «Византийский клуб» и др., но тут следует признать, что современное монархическое движение как политическое явление находится ещё в стадии своего становления. Оно не является единым и однородным. Стало нормой, когда депутат Госдумы РФ Н.В. Поклонская открыто выступает за монархию, а другой депутат Госдумы РФ В.В. Жириновский (2014 г.) публично предлагает В.В. Путину стать императором. Известный артист Г.В. Хазанов (2015 г.) дарит президенту РФ на день рождения макет короны Российской империи, а председатель Изборского клуба А.А. Проханов называет имя нынешнего президента как возможного первого русского монарха (2017 г.).

Итак, Монархия (от греч. *μοναρχία* – единовластие) – это такая старейшая форма правления государством, при которой верховная власть принадлежит единоличному правителю. Есть и другие формы правления: демократия (правление народа) и аристократия (правление лучших). Следует заметить, что «верховная власть основана на одном из трёх существующих принципов: монархическом, аристократическом или демократическом», причём она «неразделима и в своём трояком проявлении: законодательном, судебном и исполнительном. Все эти три проявления истекают из единой верховной власти»². Иначе говоря, при монархии «монарх – единственный источник власти» с юридической безответственностью (он не несёт

¹ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3334 от 23 марта 2017 г.

² Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии / Составление, вступительная статья и примечания М.Б. Смолина. – М.: Москва, 1999. – 480 с.

юридической, а также политической ответственности за результаты своего правления)¹.

Монархия – это единовластие. Поэтому спорным и не корректным является утверждение, что «единоличность верховной власти якобы не характерный признак монархий», ибо в истории России было время, когда престол занимался двумя царями одновременно (имеется в виду период правления Петра I и Ивана V с 1668 по 1696 г.)². Последний период корректно называть «диархией» (правлением двух), но никак не монархией (правлением одного). Периоды диархии и даже тетрархии (правления четырёх) встречались и в Римской империи. Это были периоды, скорее, как отклонения от монархического принципа. Они не получили ни признания, ни распространения.

Некорректным, по нашему мнению, является вольное использование термина «коллективная монархия»³ с ссылкой на Объединённые Арабские Эмираты, где верховная власть принадлежит Совету эмиров. Здесь более уместен термин «аристократия».

Монархия имеет ряд особенностей, раскрывающих её сущность, признаки и достоинства.

Особенность № 1: вариативность видов. Монархии, с одной стороны, имеют общую характеристику – концентрацию власти в одних руках, поскольку источником власти является монарх. С другой стороны, монархии, как и государства, имеют много видов, они не похожи друг на друга. Не похожи степенью концентрации единоличной власти, не похожи традицией, национальным укладом жизни, культурой, непохожи цивилизационным или колониальным отношением к перифериям, не похожи духовной ориентацией. Кроме того, монархии часто не имеют даже основных признаков данной формы правления, являясь по существу номинальными монархиями⁴.

Монархии бывают с полной единоличной властью, когда все три ветви власти находятся в одних монарших руках, и с ограниченной властью, при которой власть монарха конституционно ограничена парламентом.

По Л.А. Тихомирову, «монархия с полной единоличной властью» имеет три основных формы:

¹ Симонишвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. – Sadržken, Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2012, – С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 40.

Монархия истинная составляет Верховенство народной веры и духа в лице Монарха. Это – монархия Самодержавная;

Монархия деспотическая (самовластие) представляет монарху власть верховную без обязательного содержания;

Монархия абсолютная обеспечивает монарху все власти управления, за исключением Верховной власти, которая остаётся в полной потенциальной силе у народа, но без употребления.

Л.А. Тихомиров отметил, что «потускнение религиозно-нравственных идеалов может превращать монархию Самодержавную в деспотическую, или, наоборот, просветление религиозных идей может повышать деспотию до истинного Самодержавия. Все эти комбинации оттенков могут проявляться в истории одной и той же монархии»¹. Другими словами, монархия может перерождаться. И Самодержавие может вырождаться сначала в некий абсолютизм или «цезаризм», а затем – в «общее дело», республику². Без признаков вырождения самодержавная монархия была в России до 1917 года, но через революционное насилие её сменила демократия, реализованная советско-республиканской формой.

В XXI веке редкостью является абсолютная монархия, когда в руках монарха сосредоточены все ветви власти. Ватикан, например, является абсолютной монархией, хотя и теократической. Современные Западные монархии являются, как правило, конституционными, при которых реальная законодательная власть принадлежит парламенту, а исполнительная – правительству. Поскольку верховная власть при конституционной монархии не у монарха, то такая форма власти есть номинальная монархия. К деспотичной форме можно отнести некоторые монархии стран Персидского залива (Саудовская Аравия, например).

Подчёркивая отличительность монархий, Л.Р. Симошвили отмечает, что «правильнее различать монархии реальные (неограниченные и ограниченные, абсолютные и дуалистические) и номинальные (парламентарные)»³, где дуалистическая монархия (при которой верховная власть разделена между парламентом и монархом – главой исполнительной власти) является переходной формой от абсолютной к парламентарной.

Особенность № 2: вариативность правопреемства. Монархия

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: ГУП Облиздат, ТОО Алир, 1998. – С. 105.

² Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии.

³ Симошвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 44.

бывает наследной (когда власть передаётся кровным родственникам в соответствии с порядком престолонаследия) или выборной, избирательной (из элиты/аристократии, например). Большинство монархий современности – это династические монархии, власть в которых монархам передаётся по наследству. Совсем редко, но встречается наследно-выборный «тип монархий, где совмещаются наследование трона и выборность монарха» (например, в Малайзии монарх избирается из числа наследственных султанов)¹.

Каждый из этих типов монархий имеет свои достоинства и свои недостатки. Преемственность вектора развития теоретически лучше обеспечивает наследная монархия. Выборная монархия обеспечивает (теоретически) лучшую кандидатуру монарха как личности (как бы выбирается лучший из кандидатов). Но это только теоретически. Практически бывает по-всякому. Так или иначе, одного монарха всегда сменяет другой монарх. Передача власти может быть законной, если новый монарх получает власть в соответствии с принятым порядком преемственности власти (например, престолонаследия). Когда монарх по тем или иным причинам не выполняет должным образом свои функции (в числе которых – обеспечение внутренней и внешней безопасности, а также достижение консенсуса элит), тогда его может сменить другой монарх незаконно, например, путём дворцового переворота или революции.

Особенность № 3: вариативность названий. Монарх – это глава монархического государства, это общее название фараонов, императоров (августов, цезарей), царей, кайзеров, королей, герцогов, султанов, эмиров, шахиншахов, шахов и т.д. Монарх может быть таковым по сути, но при этом называться иначе. Иногда монарх назывался председателем Совета Народных Комиссаров (В. Ленин), иногда генеральным секретарём компартии (И. Сталин), иногда председателем партии (Мао Цзэдун), иногда великим руководителем (Ким Чен Ир) или высшим руководителем (Ким Чен Ын), иногда лидером Джамахирии (М. Каддафи), иногда канцлером (О. Бисмарк) или рейхсканцлером (А. Гитлер), иногда председателем государственного совета (Ф. Кастро), иногда председателем правительственной хунты (А. Пиночет), иногда предводителем (Ф. Франко), иногда премьер-министром (Б. Муссолини), иногда президентом (Саддам Хусейн), иногда иначе. Название высшей должности в государстве не меняет сути монархического правления, при котором в одних руках сконцентрирована огромная власть.

¹ Симионишвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 37.

Особенность № 4: несовершенство. Идеальных, совершенных форм правления вообще нет. Исключать «человеческий фактор» при монархии (как, впрочем, и при любой иной форме правления) абсурдно. Несовершенство монархии коррелирует с несовершенством человека, но не более того.

При любой форме правления разных исторических периодов имелось множество не решённых социальных проблем, не редки были и социальные кризисы. Таковые имели место и в монархической России. Указывая на слабые стороны русской монархической государственности, Л.А. Тихомиров отмечал недостаток политической сознательности, недостаток политически просвещённой мысли, несовершенство управительных учреждений, периоды «подрыва» аристократии (при Иване Грозном, например), «проявления бюрократии», «кризис московского мирозозерцания (церковный раскол)», «европейское умственное иго» (процесс западного «просвещения», отрицающий православие и самодержавие, привнесший протестантские и римо-католические понятия; в политической области конституционные идеи и смешивание самодержавия и абсолютизма), «отрешение сознания русской элиты от всего своего»¹, «подражательность управительной системы»², «бюрократические проблемы»³, а также «расслабление национальных сил и государственного управления»⁴. Эти слабые стороны русской монархической государственности привели Россию к 1905 г. в «самое смутное положение». Однако имевшие место проблемы обусловлены не столько самой формой государственной власти как таковой, но её конкретной специфической реализацией (человеческим фактором), характерной для периода правления Николая II.

Говоря о потенциальных недостатках собственно монархии как формы власти, прежде всего, следует отметить её уродливое искажение – тиранию. Демократия тоже может иметь своё искажение – охлократию (власть толпы), а аристократия искажается олигархией (власть немногих и очень богатых). При этом отличие монархии в том, что она может не перерасти в тиранию веками. Она – самая устойчивая форма правления, а вот аристократия – самая неустойчивая форма правления, так как она всегда и очень быстро перерастает в олигархию. Реальная демократия тоже всегда перерастает в охлократию, это подметил ещё в древности Платон, не случайно

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 261-289.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 324-338.

⁴ Там же. С. 373-380.

имевший невысокое мнение о демократии¹.

Говоря о причинах падения, начиная с XVIII века, авторитета института монархии в Западной Европе, рассуждая об «эволюции государственности» того времени, следует особо отметить, что речь, как правило, шла не о монархии вообще, а об её абсолютистском искажении, коррелирующем с древнегреческим понятием «тирания». На это, в частности, указывают промонархические взгляды графа Мирабо, Вольтера, Руссо и других видных общественных деятелей того времени, чьи антиабсолютистские взгляды были использованы заказчиками Великой французской революции в борьбе с монархической формой власти вообще. «Прежде всего то, что было осуждено эволюцией государственности Европы, вовсе не было действительно монархией. Не монархия в ней была упразднена или ограничена, а абсолютистский произвол, оказавшийся не способным служить организации усложнившихся социальных сил и охранять свободу личности»².

Особенность № 5: включение элементов аристократии и демократии. Самая совершенная форма правления, отмечал греко-римский историк Полибий, – это та, которая объединяет в себе элементы монархии, аристократии и демократии. Эту форму выразил Л.А. Тихомиров, введя в обиход термин «сочетанная форма правления». Такая форма предполагает гармоничное сочетание основных форм государственного устройства в единый политический механизм. Оптимальному сочетанию аристократии, демократии и монархии древние приписывали исключительные военные и политические успехи Рима³. Адекватно оценивая это сочетание, В.Л. Махнач назвал его «полибиевой схемой»⁴.

«Полибиева схема» оказалась естественной формой. Она сложилась на Руси ещё в домонгольский период, причём повсеместно, как устойчивая матрица общественно-государственного устройства. Эта тройственная форма Верховной власти характеризовалась структурой: князь (монархическое начало), боярская дума (аристокра-

¹ Платон. Государство / пер. с древнегреческого А. Н. Егунова. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 627.

³ Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / под общ. ред. А.Б Кобякова и В.В. Аверьянова / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – С. 319.

⁴ Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения: 15.02.2018).

тическое начало), вече (демократическое начало)¹. Но это не было аналогом сегодняшнего разделения властных полномочий между судебной, законодательной и исполнительной властью. Власть мыслилась единой, и этот принцип составлял существенную черту древнерусского вечевого уклада. «Русское начало единомыслия» характеризовало весь политико-юридический быт как Руси домонгольской, так и Руси Московской².

По Л.А. Тихомирову, всякая здоровая, сильная социальная жизнь непременно развивает все эти три элемента власти: единоличную, аристократическую и демократическую. Вопрос выбора государственного типа решается тем, которая из них будет признана народным сознанием за верховную, и что отойдёт на второстепенную управительную роль. В России вопрос решился в пользу самодержавия³. Борьба аристократических (княжеско-боярского слоя) и демократических (народные вече) начал сама способствовала развитию самодержавия. Идея наследования, развивавшаяся в народном быту, естественно отражалась в политике с соответственным типом наследственности княжеской власти⁴.

Вплоть до 1917 года Россия демонстрировала сочетание всех трёх форм правления, являясь, по выражению В.Л. Махнача, и др. исследователей, «сословно-представительской»⁵ монархией. Это была Самодержавная монархия. Она дополнялась аристократией (самое широкое участие дворян на чиновничьей и военной службе) и демократией (наличие выборных органов местного самоуправления, таких, как земские собрания и земские управы). Монарх заинтересован быть заботливым попечителем всего народа. Его обязанность – уравнивать разнонаправленные социальные и национальные энергии. Чтобы народ чувствовал себя комфортно, чтобы обеспечить стабильность в своём государстве, чтобы избежать волнений и переворотов, монарх обязан был учитывать интересы разных социальных слоёв населения и обеспечивать мирное сосуществование входящих в государство народов. Именно поэтому для достижения всенародного согласия и единства политической нации монархия, как правило, подключает в

¹ Ларионов В.Е. Православная монархия. Национальная монархия в России. Утопия или политическая реальность. – М.: Издатель Быстров, 2007. – С. 165.

² Там же. С. 170.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 211-212.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ Махнач В. Империя. Православное царство.

тех или иных пропорциях элементы двух других форм правления. И в современных условиях «национальной властью России должна стать совокупность трёх государственных начал – демократии, компетентной аристократии и единоначалия в их конкретных политических формах. Примитивизация этих принципов – узурпация единоличной власти, «демократическая» демагогия или формирование кланов – наносит ущерб согласованному национальному порядку»¹.

Особенность № 6: распространённость. Монархия не случайно является основной и самой распространённой формой правления в истории государственных образований. Этот факт объясняется закономерностями исторического развития. «Человеческая общественность эволюционирует от Адама и Евы, от союзов семейных и родовых к союзам профессионально-сословным, а с развитием человеческих потребностей и интересов дорастает до возникновения высшей силы, объединяющей все социальные группы общества, – государства»². Все без исключения народы живут в своих государствах, ибо государство – единственная форма жизни социума, другой просто нет. «Неизбежность государства, – отмечает Л.А. Тихомиров, – это консервативная политическая аксиома. Государство появляется как высший этап развития общества для охраны внутриобщественной свободы и порядка»³. Монархия, в свою очередь, олицетворяет государственность/государственничество. Все народы мира прошли естественную монархическую «школу», двигаясь от власти авторитета (род, племя) к авторитету власти (государству). В обществах, вынужденных объединяться посредством централизованной государственной власти, естественным выбором является монархия⁴. Это объясняет причину того, что «история государств мира была в течение тысячелетий связана по преимуществу с монархическим принципом»⁵.

Монархическая государственность в Европе – это опыт нескольких десятков столетий, обеспечивший становление и расцвет государств. Её конструирующая форма – демократия – это продукт, ставший самым популярным в XX столетии, причём чаще всего экс-

¹ Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / под общ. ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – С. 322.

² Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии.

³ Там же.

⁴ Симоновили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 5.

⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 626.

портированный империей англосаксов насильственно (через революции и войны) для подчинения себе всей континентальной Европы. Результат налицо: к XXI веку нет ни одной демократии в Западной Европе, не находящейся в вассальной зависимости от США. Парадокс заключается в том, что современный «демократический» Запад – это номинальная демократия, это ширма, прикрывающая фактическую власть финансовой олигархии с некоторыми элементами демократии. Современная западная демократия – это придумка олигархов, которые поняли, что рабы лучше работают, когда уверены, что свободны и сами выбирают себе лидеров, форму правления и политику. Народы Запада обмануты, ибо в той системе они ничего не решают, а когда выбирают, например, президентов (или премьеров), то только из тех, кого им предлагают (точнее, – навязывают) олигархи. Жёсткое олигархическое правление через сеть масонских организаций, пронизывающих все политические структуры и СМИ, временно сделало западную номинальную демократию относительно устойчивой. Однако XXI век демонстрирует признаки заката этой формы правления на Западе (финансовые кризисы, уличные беспорядки, потоки беженцев, социальное отчуждение человека, деформация и деградация семьи как ячейки общества и т.п.).

Формально конкурирует с принципом монархизма идея анархизма (отрицание любой власти, государственности и законов). Анархия – это разрушение своего государства в пользу его врагов. Не случайно российские анархисты начала XX века спонсировались Великобританией (впрочем, как и социал-демократы, и социал-революционеры). Анархия – причина беспорядка и смуты, поскольку осознанно создаёт хаос с целью разрушения своего государства. Анархия – это социальное самоубийство политической нации. Поэтому анархия ни в одном государстве не была (да и не могла быть) реализована, как цель. Она всего лишь средство сомнительных целей.

Что касается такой формы правления, как аристократия (правление лучших), то очевидно, что она также не конкурентоспособна монархии, поскольку слабость, неустойчивость этой формы не даёт даже прецедентов для её рассмотрения. А вот уродливое отклонение аристократии в форме олигархии (правление кучки богачей) – это столь же серьёзное, как и тревожное явление. Мировая олигархия борется с неподвластными ей монархиями, как с оплотами национальных суверенитетов, как с препятствиями на пути к безраздельному мировому господству.

Особенность № 7: естественность. Монархическая власть яв-

ляется одновременно и следствием общественного развития, и необходимым условием для этого развития¹, поскольку монарх – это естественная вершина пирамиды власти. Сообщество живых существ (включая не только человеческие общества, но и волчьи стаи, колонии мышей, термитов и т.д.) структурируется, то есть в обязательном порядке формирует устойчивую иерархию. Любая власть дееспособна, если соответствует этой структуре. Любая социальная иерархия имеет вид пирамиды, в основании которой трудовой народ, в середине – элита (аристократия, олигархия, чиновничество и т.п.), а на вершине – глава. Вертикаль власти естественна, поскольку «в любом сколько-нибудь масштабном обществе образуются пирамиды властвующих и подвластных»².

Социальную иерархию/централизацию/вертикаль/пирамиду отменить нельзя, ибо тогда общество дезорганизуется. Но если всё-таки попробовать искусственно её отменить (например, на основе идеи всеобщего равенства), то система очень быстро выстроит новую иерархию. Так, в 1917 г. в революционной России декретом была «отменена» сословная иерархия и провозглашено равенство граждан (Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11 (24) ноября 1917 г.). Спустя очень короткое время выстроилась новая иерархия. Сословия не исчезли, они просто видоизменились. Приведём их по возрастанию прав: рабы (заключённые), земледельцы (колхозники), интеллигенция, гражданские служащие, рабочие, военное сословие, служащие спецорганов и, наконец, высшее сословие – партноменклатура, возглавляемая «красным монархом».

В этом смысле монархия – это естественный, исторически сложившийся структурно-иерархический порядок, а любые искусственные эксперименты по его разрушению обречены на формирование новой монархической иерархии. Древнейшие корни иерархии монархической власти в Европе лежат в древнейших функциях князя. «Первоначальной формой княжеской власти, которая являлась повсеместным институтом языческих, раннеклассовых обществ, была власть племенного предводителя – военачальника, ... со временем к нему стали переходить и верховные жреческие функции ... (не случайно в польском языке слово «князь» со временем стало обозначать священнослужителя – ксендза)»³.

Особенность № 8: нравственность. Демократия принципиально

¹ Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии.

² Ларина Е. Война элит во времена перемен / Изборский клуб. Русские стратегии. – 2016. – № 4(40). – С.30.

³ Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 167-168.

не в состоянии обеспечить нравственную атмосферу в обществе. Она скорее демонстрирует произвол, а не порядок. Моральное разложение современного Запада тому убедительное доказательство: моногамные браки, половая распущенность, наркомания, разрушение института семьи, культивирование всего низменного – стали привычной нормой жизни, ибо «демократия, основанная на верховной власти количественной силы, по существу, враждебна влиянию нравственной силы как в её аристократических формах, так и в формах единоличного влияния. Единства народной воли почти никогда не существует, а потому верховная власть в демократическом государстве, как правило, имеет те недостатки (шаткость, переменчивость, неосведомлённость, капризы, слабость), которые в монархии являются как исключение»¹.

Монархия, наоборот, не только в состоянии обеспечить приемлемый уровень нравственности в обществе, но и стремится повысить этот уровень, поскольку это в интересах стабильности всей властной вертикали. В вопросах морали монарх – со-работник традиционных институтов, поскольку монарх, не признаваемый своим народом в качестве представителя Бога, превращается в тирана. Непризнание рождает абсолютную власть. Чтобы этого не произошло, монархия востребует религиозное воспитание для просветления души. В этом направлении монархия выстраивает свою стратегию и тактику. «Монархия заинтересована дать народу религиозные ориентиры. Но что такое религия? Это выполнение заповедей Бога. Что такое заповеди Бога? Это «не убий», «не укради», «чти отца и мать» и т.д. На светском языке это означает честь и совесть»². «Монархия, - отмечает Ю.В. Шалыганов, – кровно заинтересована воспитывать в своих гражданах понятия чести и совести. Люди получают единый ориентир, единые правила поведения, единое понятие о том, что такое хорошо и что такое плохо. Каждый начинает руководствоваться не своим мнением, а мнением Бога, зафиксированным в Библии, Торе, Коране и т.д. Религия чётко фиксирует понятие морали и нравственности. Если члены общества начинают сочинять собственные понятия морали и нравственности, монархия умирает»³. До насильственной демократизации XX века монархи позиционировали себя не как полномочные представители народа, а как представители той высшей силы, которая есть источник религиозного народного идеа-

¹ Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии. С. 628.

² Шалыганов Ю. Проект Россия. Полное собрание. – М.: Эксмо, 2012. – С. 176.

³ Там же. С. 177.

ла. Для того, чтобы монархия могла быть подлинной верховной властью Божественного нравственного начала, она должна покоиться на истинной вере в существующего Бога. «Монарх – не деспот, не самовольная власть, руководствуется не своим произволом и властвует не для себя, и даже не по своему желанию, а есть Божий слуга»¹.

Особенность № 9: эстетически совершенное творчество. Заинтересованность монархии в нравственно-духовном развитии проявляется и в том, что она способствует высоконравственному творчеству. Искусство при этой форме правления достигает своего апогея. Так, если бегло рассмотреть перечень выдающихся деятелей русской культуры царского времени, в котором А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, П.И. Чайковский и М.П. Мусоргский, И.И. Шишкин и И.Е. Репин, и многие другие классики русской культуры, то обнаруживается их высочайший творческий и нравственный уровень (часто недостижимый). Этот уровень невозможно объяснить совпадением случайных факторов. К этому можно добавить достижения прошлого времени в областях балетного, оперного и фольклорного искусства. Всё это объясняется нравственной атмосферой и духовной ориентацией культуры. Государство при монархической власти наилучшим образом обеспечивает качественную сторону коллективного творчества, отделяя истину от игры в истину. Тогда как существующие демократии к XXI веку скорее можно охарактеризовать термином «антикультура», если принять во внимание нравственные послы, а также художественную примитивизацию массовой культуры, уничтожающей традиционные ценности.

Особенность № 10: единоличная ответственность. Ответственность монарха сродни ответственности капитана корабля, командира полка, ректора университета или директора фирмы. Нельзя не согласиться с М.Ю. Савельевой в том, что «монархия может и должна рассматриваться как метафизическое основание любого единовластия, как символ безусловной необходимости власти одного над другими»². Иначе говоря, «монархия – это не преданье старины глубокой, а принцип единовластия. Он есть во всякой здоровой структуре»³. Но ответственность монарха ещё выше – он отвечает не только за жизнь и процветание подопечного государства, но и за духовность (веру) его народа, мировоззрение, мораль, культуру, политический и пси-

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 101.

² Савельева М.Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное». – К.: Издатель ПАРАПАН, 2007. – С. 6-7.

³ Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 9.

хологический климат. Прототип монархии напоминает власть главы семьи, ответственного за всех и за всё в своём доме. Апологеты монархии убеждены в том, что монархия строится по модели большой семьи, создавая развитые и прочные над-этнические институты, основанные на определённом праве, равно понимаемом всеми соотечественниками¹. Аналогия с ответственностью главы семьи означает то, что монархия в государстве – это единоличная ответственность, а демократия, как показал исторический опыт, – это коллективная безответственность и безнравственность. России, нужен не временщик, а хозяин, не диктатор, а Отец.² Он будет смотреть на страну с позиции ответственности перед Богом, а не с позиции приближающихся выборов, когда бал правит демагогия тех, кто преследует свою корысть. Об этом же, но столетием ранее писалось: «Пока будет стоять русское Самодержавие, оно будет охраной равноправия русского народа, защитой слабых, убогих и малых от сильных, богатых и больших, которые господствуют в западноевропейском, аристократическом, буржуазном или псевдодемократическом конституционном строе»³.

Особенность № 11: суверенитет и преемственность. По определению, монарх – единственный субъект государственного суверенитета. Он лично заинтересован в укреплении суверенитета вверенного ему государства. При монархии преемственность курса внутренней и внешней политики обеспечивает чиновничий аппарат, ориентированный на стабильность государства, также в ней заинтересованный. Преемственность традиций и национальной культуры обеспечивает интеллигенция и аристократия. Преемственность духовности обеспечивает соответствующий институт церкви, ограждающий свой народ от деструктивного влияния ересей, тоталитарных сект и мasonicкого влияния.

Демократия, наоборот, разрушает любую преемственность. Демократия антонимична преемственности политического курса. Новый демократически выбранный руководитель («Халиф на час») подстраивает все процессы государства именно под свои интересы на отпущенное ему короткое время правления, чтобы успеть получить побольше дивидендов. Так, два предпоследних президента Франции (Н. Саркози и Ф. Олланд) довели мощную, ядерную, развитую экономически Францию до почти полной потери суверенитета, до вакханалии потоков эмигрантов, а их преемник (Э. Макрон), атлантист

¹ Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 168.

² Шальганов Ю. Проект Россия. С. 174.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. – М.: Изд-во журнала «Москва», 1999. – С. 414.

и глобалист, считает, что главным становится лозунг «Наш суверенитет – Европа», и даже не стесняется заявлять о том, что понятие «французская культура» уже не актуально для Франции¹, ибо «нет французской культуры. Во Франции есть культура, и она разнообразна». Подобный взгляд, а потом и политический вектор лишает страну не только политической, но даже культурной преемственности с былыми поколениями.

Другой пример: демократы довели Украину до полной потери суверенитета, привели к полному отказу от былых советских и царских традиций, экономическому, коллапсу и к хаосу гражданской войны. Глядя на вышеприведенные примеры демократии, напрашивается вывод о том, что «возрождение России – и духовное, и социальное, и экономическое, наконец, – лежит исключительно на путях воссоздания в стране преемственной авторитарной, исключительно национальной власти, каковой, по природе вещей, может быть только монархия»². Если у первого лица государства нет суверенитета (пример А. Меркель в оккупированной Соединёнными Штатами по сей день Германии), то его нет и у государства (ФРГ). Реальный, а не номинальный суверенитет не может быть у демократии, исключаящей политическую и культурную преемственность курса. А если такое и случается (период президентства Ш. Де Голля во Франции), то как временное и скоротечное для демократии явление.

С 1991 года народ России убеждают, что в стране строится суверенная демократия. На самом деле, став участниками всевозможных международных организаций, Россия утратила часть своего государственного суверенитета. Об этом постоянно и научно аргументированно говорят и пишут экономисты С.Ю. Глазьев, В.Ю. Катасонов, политики Н.В. Стариков, С.Н. Бабурин, Е.А. Фёдоров и многие другие. В отличие от современной «суверенной демократии», русское «самодержавие принимало в разные эпохи разные формы, оставаясь по существу тем же самым единением Царя и народа и юридическим и фактическим суверенитетом Царя»³ и, соответственно, суверенной была сама Россия. Возвращаясь к современной России, следует прояснить: курс В.В. Путина, явно наметившийся в 2014-2018 г., окончательно преломил тенденцию десоверенизации 1990-х гг. В по-

¹ Тьерри Мейсан. Эммануэль Макрон: эпоха народовластия закончилась // ПРАВОСУДИЯ.НЕТ [блог Т. Волковой] URL: <http://pravosudija.net/article/terri-meysan-emmanuel-makron-epoha-narodovlastiya-zakonchilas> (дата обращения: 06.03.2018).

² Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 9.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 462.

литическом курсе России всё больше стали просматриваться черты явной суверенизации и признаки «сочетанной формы правления».

Очевидно, что суверенным может быть только такое государство, лидер которого независим от внешних влияний и минимально зависим от влияния внутренних властных (олигархических) групп: «Эффективная власть – это независимая власть. Учесть состояние всех частей и принять решение, ориентированное на благо целого, можно только при условии полной независимости и недоступности»¹. Достоинство монархии состоит именно в том, что «монарх представляет максимально независимую власть. Ему нет нужды мараться в грязи бюрократических игр и брать на себя обязательства перед теми, кто помог ему прийти к власти»². **Особенность № 12: стабильность.** Монархия значительно стабильнее, более устойчива от распада, чем демократия, поскольку единство власти обеспечивается не просто стечением обстоятельств, а пожизненным доверием монарху («законы монархии не предусматривают отстранения монарха от власти ни при каких обстоятельствах»³), а также единством государственной силы, которую представляет монарх. «Монархическое правосознание всегда стремится к консолидации вокруг государя, который олицетворяет центр государственного механизма»⁴. Наоборот, демократия с её постоянными перевыборами, скандалами и компроматами на кандидатов создаёт атмосферу поляризации общества, частичного или полного недоверия к власти. Показательны скандальные выборы в США (2016 г.) и во Франции (2017 г.), до предела спровоцировавшие общественную конфронтацию.

Аргументируя стабильность монархии, можно привести потенцию качества управления. Монарх не боится доверять высокие должности умным и талантливым руководителям (здесь уместно вспомнить выдающегося премьер-министра П.А. Столыпина в царской России) в отличие от президента-демократа, который зачастую побеждается того, кто умнее его или лучше смотрится на его фоне и может «подсидеть» (достаточно характерен пример Б.Н. Ельцина, который постоянно «тасовал колоду» высших управленцев).

История свидетельствует: демократии не стабильны, неустойчивы и недолговечны. История Греции была процессом развития демократии, закономерно завершившимся (хоть и не надолго) «всемирной монархией Александра Македонского, который явился представи-

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 172.

² Шальганов Ю. Проект Россия. С. 173.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 41.

телем культурного дела, подготовленного предшествовавшим периодом развития демократии»¹. Другой пример. Римско-республиканская форма I века до н.э. с её демократическими институтами теряла качество и устойчивость при управлении множеством удалённых провинций. Поэтому представляется вполне закономерным то, что Римская республика, включившая в себя множество разноукладных провинций, в 27 году до н.э. стала монархией. Римский опыт вполне переносим и на Россию. «В Наказе Екатерины Великой читаем: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединённая в Его особе, власть не может действovati сходно с пространством столь великого государства. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Всякое другое право ещё не только было бы России вредно, но и вконец разорительно», ибо «...лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим»².

Демократия предполагает коллегиальность, когда решения принимает не самодержец, а некая властная группа (некая коллегия) демократов. Это может быть сенат, парламент, конгресс, временное правительство, реввоенсовет, совет народных депутатов, верховный совет и т.п. Сколько членов во властной группе демократов – столько же бывает разногласий в понимании того, как решать тот или иной насущный вопрос. Поэтому демократия всегда ведёт к беспорядку, охлократии и хаосу. В хаосе вызревает тоска по порядку, который может обеспечить только правитель, имеющий большую концентрацию власти. На руинах демократии рано или поздно, согласно Платону, вызревает тирания. Иллюстрацией подобного сценария является Германия 1920-х – начала 30-х гг., пребывающая в экономическом упадке и демократическом хаосе. В 1933 г. немцы вполне демократически избрали А. Гитлера, ставшего тираном для народов Европы. Напрашивается риторический вопрос: нужны ли были Германии испытания демократией, чтобы, устав от неё, обернуться к худшему варианту монархии – тирании?!

Показателен опыт и современной Турции. Постоянные демократические беспорядки XX-XXI вв., постоянные государственные перевороты (и их попытки) привели в апреле 2017 г. к тому, что на демократических выборах президент Турции Р.Т. Эрдоган получил фактические полномочия султана.

Китайские депутаты 11.03.2018 г. на пленарном заседании Всеки-

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 626.

² Там же. С. 415-416.

тайского собрания народных представителей одобрили поправки к Конституции страны, отменяющие ограничение пребывания на посту председателя КНР и его заместителя. По сути это означает одобрение возможности пожизненного (читай, – монархического) правления.

Поучителен и корейский пример. В современной Северной Корее (фактической монархии) народ недоедает, лишён многих материальных благ, тех, что имеют корейцы в демократической Южной Корее, но политический режим в КНДР более устойчив и консолидирован, чем в значительно более богатой Корейской Республике. Случись война – и Северная Корея одолеет Южную за несколько дней, как считают военные специалисты, поскольку бойцы КНДР сплочены, горды своим суверенитетом, значительно лучше мотивированы своим «солнцеподобным» верховным лидером КНДР, фактическим монархом.

Опыт блестящих царствований показал, что русское Самодержавие – достаточно эластичная и жизнеспособная форма¹. Монархическая власть управляет народом через принуждение и убеждение, а власть, именующая себя демократией, решает свои проблемы через манипуляцию сознанием и соблазнение². Современные либеральные демократии, в конечном счёте, лишают людей всяких форм идентичности, всяких традиций, в итоге – лишают чести и достоинства. Современные демократии – это медленная смерть наций, их традиций и культур. Смерть почти незаметная, почти безболезненная, почти приятная, поскольку в её затянувшемся процессе народы получают достаточно «хлеба и зрелищ».

Особенность № 13: насильственность обрушения. Монархии могут разрушаться, как могут распадаться любые государства с любыми формами правления и как могут исчезать народы (например, древние египтяне, скифы, хазары, печенег и др.). В материальном мире рано или поздно разрушается всё и всегда. В этом контексте крушение Российской империи в 1917 году – это отнюдь не проблема формы власти как таковой, но резонанс иных причин. К этим причинам можно отнести: непрофессионализм, слабость служб безопасности того времени (с революционерами боролись слабо, а с либералами – вообще никак не боролись), плюс человеческий фактор (личные деловые качества последнего царя и его недалёковидного окружения), плюс успешная прозападная пропаганда (при очень слабой своей), плюс внешнее англо-германское влияние (включая финансирование и поставку оружия), плюс потеря элитой нравственной и духовной ориентации.

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 465.

² Шалыганов Ю. Проект Россия. С. 95.

Таким образом, чтобы понять, почему умирает та или иная монархия, нужно исследовать комплекс внутренних и внешних условий и факторов, особо обращая внимание на то обстоятельство, что все европейские демократии были установлены насильственно. В любом случае можно констатировать: «История знает множество случаев перехода от одной формы правления к другой, в частности, свержение монархий и установление республик в России, Франции, Греции, Турции, Германии. Однако в ряде случаев, в частности в Испании, наблюдается и обратный процесс – реставрация института монархии, которая существует и поныне»¹.

Особенность № 14: реальность. Монархии в современной Европе – это отнюдь не миф, а данность. В Западной Европе существует 12 монархий, в их числе: Великобритания, Швеция, Норвегия, Нидерланды, Дания, Испания, Бельгия, Люксембург, Лихтенштейн, Андорра, Монако и Ватикан. В основном это ограниченные конституционные монархии. В Ватикане – абсолютная монархия. При конституционной монархии полномочия монарха могут быть достаточно существенными, как в Великобритании. Без одобрения монарха не может быть утверждён ни премьер, ни министр обороны или финансов. Кстати сказать, как и в Канаде, и в Австралии и других якобы «независимых» от британской короны странах. «Британский монарх на деле обладает почти не ограниченной (вернее ограниченной только традициями, которые можно и поменять) властью»². Его полномочия могут быть быстро и легитимно расширены до уровня абсолютной монархии. В Великобритании, Бельгии, Норвегии имеются «спящие» полномочия монарха, которые могут «просыпаться» в необходимый (например, кризисный) период³.

За редкими исключениями европейские монархии являются номинальными. Тем не менее, монархическое влияние может быть и весомым, и эффективным даже в её номинальной форме. Несмотря на конституциональную ограниченность упомянутых монархий, само их наличие позволяет, сохраняя народный суверенитет (всё-таки демократия), быть посредником, не зависящим от народа, поскольку монарх царствует по праву, а не по выбору) между разными

¹ Симионишвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 34.

² Ищенко Р. Ростислав Ищенко: Сюрплас и артобстрелы // Военное обозрение. 2015. URL: <https://topwar.ru/74458-rostislav-ischenko-cyurplyas-i-artobstrel.html> (дата обращения: 06.03.2018).

³ Симионишвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 59.

социальными и политическими силами¹.

Особенность № 15: враждебность со стороны масонства и США. Монархическая государственность (любая реальная, кроме своей англосаксонской версии) ненавистна масонам – тайным агентам (если не сказать, – диверсантам) мировой олигархии и империи англосаксов. Соединённые Штаты, как известно, построены несколько столетий назад и с тех пор управляются масонами. Большой частью мира правят масоны, которые, помимо монархий, ещё очень не любят традиционные церкви. Два века тому назад масоны объявили войну «престолам и алтарям». Эта война привела к тому, что все конкурирующие англосаксам империи (Франция, Германия, Австро-Венгрия и Россия) постепенно были разрушены, а западные церкви до неузнаваемости отделились от изначального христианства. Оставшиеся континентальные европейские монархии стали по-вассальски зависимы от империи англосаксов. Малым европейским странам позволено оставить лишь видимость монархий. Номинальные монархии приемлемы, но лишь при полном подчинении масонству, штаб которого в начале XX века перебрался из Великобритании в США.

В этой связи становление собственной формы правления в самих США весьма и весьма поучительно, принимая во внимание её хитроумное масонское исполнение. Итак, XVIII век был периодом временных разногласий между британской аристократией – с одной стороны, и американскими олигархами вкупе с масонами – с другой. Разногласия привели к войне за независимость США от Британской короны. После победы американских повстанцев над британской армией, уже через несколько месяцев стало очевидным, что коллегиальное правление конгресса США (сравнимое по эффективности с усилиями «лебедя, рака и щуки») неработоспособно, и посему Дж. Вашингтон был провозглашён единовластным правителем – первым президентом, де факто – монархом. То есть речь шла о фактической конституционной монархии, при которой конгресс оставлял себе законодательную власть только для того, чтобы правление президента-монарха не превратилось в деспотию. Более того, сама инаугурация (от лат. *inauguro* – «посвящаю») – церемония вступления в должность президента США – не случайно заимствована из европейской церемонии коронации монархов. Поэтому не удивительно и то, что избранный в 2016 г. президент США Д. Трамп откровенно демонстрирует монархические признаки. Так, высокоточные крылатые ракеты класса «Томагавк» по его личному приказу разрушили объекты в Си-

¹ Симионишвили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 34.

рии, самая большая неядерная бомба была показательно сброшена на Афганистан, военно-морские силы в 2017 г. вплотную подходили к берегам КНДР, угрожая войной (провоцируя новую мировую), – и всё это без необходимой демократической процедуры согласования с Конгрессом. Монархические замашки Д. Трампа вполне логичны. Де-факто президент США – монарх, назначаемый олигархатом при внешней форме прямого народного избрания. Поэтому естественно звучат заявления политологов о том, что Д. Трамп – ставленник олигархического клана Ротшильдов, а Б. Обама представлял интересы клана Рокфеллеров. Президент США (как и все прочие ветви власти) реально ограничен олигархатом, формально же – конституцией и Конгрессом США. Президент может игнорировать Конгресс (как это сделал Д. Трамп), но не может игнорировать олигархат. Хотя и такие попытки были. Так, президент Д. Кеннеди попробовал было уменьшить военные расходы (читай, – доходы олигархов) и лишить олигархов контроля над производством мировой валюты – дело закончилось для него трагично. Наверное, более уместным и точным названием формы правления в США будет не «демократия», а «олигархически ограниченная монархия».

США планомерно уничтожают одного за другим независимые режимы, имеющие реальные монархические формы правления: уничтожено государство Ирак (а его единовластный правитель С. Хусейн повешен), уничтожено государство Ливия (а его единовластный правитель М. Каддафи зверски убит), приложены все усилия для аналогичного уничтожения Сирии и КНДР. Так мировая «олигархически ограниченная монархия» уничтожает последовательно все неподвластные ей региональные монархии. Англосаксы, имея для себя твёрдую наследную олигархическую власть (добавим, руководимую иудейскими олигархами, поставившими себе на службу масонов), насаждают для всего мира управляемую ими «демократию», пороча при этом всеми доступными средствами институты единоличной власти. Англосаксы сделали всё, чтобы в сознании современников монархия ассоциировалась с чем-то скверным, отталкивающим. Всякий раз, когда мы слышим о диктатуре, авторитаризме, тоталитаризме, автократии или теократии, о нарушениях прав человека, о демократических ценностях и т.п., то, скорее всего, речь идёт о масонской (демократической, антимонархической) пропаганде. Всякий раз, когда мы слышим о пропаганде революции, – надо искать её заказчика – империю англосаксов. Назначение русских революций разгадал ещё в начале XX века П. Сто-

лыпин: «Вам (господа масоны, – ред.) нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия». Конечная цель масонов – организация всюду в мире (за пределами империи англосаксов) хаоса¹, чтобы народы устали от беспорядков настолько, что с восторгом бы приняли масонского (англосаксонского) монарха (президента, Мошиаха и т.п.) как избавителя от хаоса, как глашатая мира и мирового правителя. Их конечная цель неизменна – править миром. Эта цель оправдывает в их глазах любые средства и любые жертвы.

Особенность № 16: военная необходимость. В последнее время гибридная война между США и Россией всё больше перетекает в свою «горячую» фазу. На войне можно победить лишь при жёсткой централизации власти верховного главнокомандующего. То есть – единовластного правителя. Это касается и любого воинского подразделения. В противном случае конфликт между, например, командиром и комиссаром приведёт к потере боеспособности полка. Понимая это, большевики во время гражданской войны упразднили равноправие комиссаров, оставив всю полноту власти командирам, несмотря на их совсем не рабоче-крестьянское происхождение. У американских индейцев на время войны вся полнота власти переходила от совета старейшин к вождю. Таким образом, война практически реанимирует институт абсолютной монархии во имя боеспособности государства., например, Развязав фактически мировую войну, Наполеон объявил себя императором. Успехи Третьего Рейха в европейских баталиях напрямую связаны с де-факто монархической формой правления (точнее, – тиранией) А. Гитлера. Европейские демократии рассыпались, как карточные домики, от ударов германской тирании.

Могла ли русская политическая нация победить в Великую Отечественную войну без единовластного правления («красного монарха») И. Сталина? – очень большой вопрос. С XIX века знаменитая уваровская триада «Православие, Самодержавие, Народность» стала основополагающей идеологемой, консолидирующей патриотические силы, выступающие за свой, самобытно российский (отличный от Западного) путь исторического развития. Это путь – бдительной, неустанной защиты от бесконечных нападений и нападков Запада, желающего уничтожить или подчинить Россию. Вспоминается знаменитая триада «За Веру, Царя и Отечество!», иницирующая энергию воли и ставшая знаменем побед наших

¹ Старииков Н.В. Хаос и революции – оружие доллара. – СПб.: Питер, 2015. – 336 с.

предков. Таким образом, монархия в России востребована и с военно-патриотической точки зрения.

К этому можно добавить, что монархия оптимальна и для урегулирования иных (помимо войны) чрезвычайных ситуаций, в которых может оказаться государство. Не было и нет свода законов на все случаи жизни, иногда нет времени на созыв парламентариев. Только монарх, независимый от законодательных недоработок (а также от партий или иных влияний) может оперативно решать важнейшие вопросы в чрезвычайных ситуациях. «Московское государство не было «договорно-правовым» (как на Западе, – ред.), – отмечает В.Е. Ларионов, – но строясь и вырастая, среди упорной борьбы за своё существование, представляло собой вооружённую Великороссию, боровшуюся на два фронта. В боевом стане, которым было Русское государство, на первый план выдвигались не права сословий, цехов, корпораций, но обязанность всех и каждого бороться за веру и Отечество. Одни служили с оружием в руках, другие платили подати в казну...и над первыми, и над вторыми возвышалась власть московского государя, неизбежно большая по объёму, чем власть современных ей монархов Европы, приобретая религиозную санкцию и своеобразный отечески-покровительственный оттенок»¹.

Особенность № 17: условие расцвета государства. Монархия в России (как бы единовластие ни называлось формально, как бы оно ни камуфлировалось в угоду Западу) – это необходимое условие расцвета. Наоборот, демократия в России – это «буревестник» краха. В начале XIX века Н.М. Карамзин писал, что «самодержавие основало и воскресило Россию... Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей (государственной, – ред.) машине производить единство действия?»². В начале XX века Н.И. Черняев отмечал: «Русский человек, вкусивший от древа образованности, должен быть монархистом не только по влечению сердца, по преданию или привычке, но и по ясно сознанному убеждению»³. Уже в начале XXI века ему вторит В.Е. Ларионов: «Россия как национально-политическое явление была создана сильной государственной властью. Власть сама по себе есть общественно обособленная и организованная сила. В этом её сущность и назначение. Власть и сила в этом контексте синонимы»⁴.

¹ Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 171.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С.1004.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 456.

⁴ Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 200.

Россия имела возможность процветать только в парадигме единовластия – монархии, сплотив разрозненные славянские племена в единую русскую политическую нацию. Вполне успешное, самое большое по территории государство мира – Российская империя четыре столетия была монархией. До этого семь веков Русь была конфедерацией монархических княжеств (или, по А.В. Ишину, полиэтничной конфедерацией племенных союзов¹), за редким исключением, вроде демократической Новгородской республики, в конечном итоге включённой в состав Великого Княжества Московского.

История свидетельствует: период правления временного правительства 1917 года, периоды демократизации, проводимой М.С. Горбачёвым и Б.Н. Ельциным – это периоды поражения, предательства, разложения и упадка. После февральской («белой» или «цветной», выражаясь современным языком) революции 1917 года либерально-демократическая элита свела фактически выигранную войну с Германией к поражению, привела к потере территорий, к всеобщей смуте и хаосу. Эта элита очень быстро отказалась от провозглашённой ею же демократии. Уже через несколько месяцев после революции обсуждался вопрос, кому стать единовластным диктатором: А. Керенскому или Л. Корнилову. Но большевики определили либеральных демократов и диктатором (периода «диктатуры пролетариата» и «красного террора») стал большевик В. Ленин. Впоследствии фактически «красными монархом», восстановившем мощь России, стал И. Сталин, стянувший на себя больше власти, чем имели русские цари.

Особенность № 18: отражение «коллективного бессознательного». Монархия в России отражает «коллективное бессознательное» русского народа. Оно включает в себя свой архетип Отечества и его многовековую форму правления. Русские любят, как никакой народ в Европе, своё Отечество, они готовы сражаться и умирать за него, ими от предков унаследован архетип патриотизма. Так сложилось исторически, что у русских Отечество ассоциируется с сильной властью, но сильная власть может быть только монархической. «Неограниченная монархия есть та форма правления, которая наиболее подходит к психическому и бытовому складу русского народа»², ибо монархическое начало росло на Руси одновременно с русским народом, единодержавие выработано тяжким процессом: трудом и борьбой всей русской истории, так что коренится не только в инстинктах

¹ Ишин А.В. Цивилизационное измерение Русского мира // Проблемы постсоветского пространства (Москва). 2015. № 3. С. 5.

² Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 447.

народа, но и в его сознании, как народа исторического, как политического организма¹. Самодержавие на Руси установлено не каким-либо единым указом и не волей какого-нибудь человека². Основы русской самодержавной власти выработаны историей, они сформированы внутренним укладом жизни и внешними обстоятельствами, они полностью поддержаны народом, осознавшим необходимость этой формы правления³.

Под воздействием монархического архетипа русских, уничтоженная было «белая» царская монархия, восстановилась, но уже в своей «красной» мутации, возглавляемой диктатором И. Сталиным. Это может быть объяснено тем обстоятельством, что коллективное бессознательное руководит нами независимо от нашего понимания, и русских оно ведёт к монархии, поскольку русские охотно подчиняются только единоличной власти. По причине монархического архетипа «русский по характеру своей души может быть только монархистом или анархистом. Если он почему-нибудь утратил веру в монархию, то делается или политическим индифферентистом или анархистом»⁴.

В этой связи, к удовлетворению большинства граждан России политика В.В. Путина (в Крыму, Донбассе, Сирии и т.п.) демонстрирует признаки монархического правления. Судя по поддержке гражданами России политики В.В. Путина (около 80%) и, наоборот, судя по народному неприятию политиков – либеральных демократов, «коллективное бессознательное» русской нации ориентировано на самодержавие, на воссоздание отеческой империи. В российских реалиях сильное, почти самодержавное, правление В.В. Путина более отражает чаяния народа, уставшего от пустых партийных дразг, от демократических шоу-выборов, по результатам которых то и дело президенту приходится менять проворовавшихся губернаторов на людей служивых. Монархия в России желанна с позиции коллективного бессознательного.

Идеология и политика Запада столетиями осознанно направлены на ломку монархического архетипа русского народа, но тщетно, поскольку коллективное бессознательное русских (архетипы Отечества, Веры, патриотизма, монархии, империи) – это непреодолимая сила. С ней лучше считаться. Речь В. Путина 01.03.2018 г. (послание к Федеральному собранию) не оставляет Западу иных шансов, кроме

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 446.

² Там же. С. 469.

³ Там же. С. 448.

⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 384.

как смириться с архетипами русских, «услышать» Россию, увидеть её мощь (как военную, так и духовную) и, наконец, сесть за стол переговоров как с равноправным партнёром, отказавшись от практики многолетних санкционных унижений и оскорблений России.

Особенность № 19: Самодержавие. Монархия в России означает Самодержавие. Это особое, исторически сложившееся типично русское явление, отличное от иных монархий. «Слагаясь в разных государствах из разных элементов: нравственного авторитета, религиозного значения, экономической силы, физической мощи и пр., – отмечал П.Е. Казанский, – оно в русском праве вылилось в величественное учение о Царском самодержавии. Поэтому-то самодержавие и считается особенностью именно русского государственного строя и должно быть предметом особого внимания со стороны исследователей его»¹. «Самодержавная Верховная Власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой её силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилии всех сынов её охранять, оберегать эту власть, сковавшую Россию и оберегающую её от распада»².

Русское Самодержавие – это «диктатура совести» (В.С. Соловьёв) в отличие от Западного абсолютизма, более коррелирующего с понятиями «тирания», «насилие», «деспотия», «самовластие». Абсолютная монархия Западного образца отличается от российского самодержавия тем, что в ней воля монарха не имеет объективного руководства. В западных монархиях «личная Верховная власть основана на ложных религиозных концепциях, и они тогда порождают из этой личной власти произвольную, то есть деспотичную. Что он хочет, то и есть закон»³.

«Самодержавие – для народа, а не наоборот», ибо оно выражает «государственный дух народа» (И.А. Ильин), народное устремление к правде и справедливости. Самодержец является универсальным символом, живым воплощением нравственного идеала на земле⁴. «Для древнерусских правителей высшей похвалой было, когда в посмертном летописном слове о нём писали, что он «любил правду» и что «правда же и истина с ним ходила»⁵. Самодержавие – это ещё и особая сословно-представительская монархия, основанная на свя-

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 26.

² Там же. С. 462.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 103.

⁴ Симоновили Л.Р. Организация государственной власти в современном мире. С. 41.

⁵ Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии.

тоотеческой культурной традиции, на возвышающем нравственном идеале. Самодержавие русских императоров складывалось исторически. Его основанием является не какой-либо юридический акт, а всё историческое прошлое русского народа, его становление и развитие.

История становления Самодержавия охватывает большой период. Домонгольская Русь, выражаясь современными категориями, представляла собой конфедерацию русских княжеств. Первым среди равных в этой конфедерации фактически был Великий киевский князь. Заметим, что «первым среди равных» (с лат. «Primus inter pares») называл себя и римский император Октавиан Август. Киевский князь имел значительно больший вес, чем князь любого иного города, поэтому за киевское княжение велась экстраординарная борьба. Эта борьба по всей логике исторического развития должна была завершиться изменением статуса Великого князя («Первого среди равных») на монархический титул. «Идея единоличного самодержавия на Руси домонгольской созревала настолько быстро, что уже при внуке Мономаха могла иметь такого представителя, как знаменитый Андрей Боголюбский»¹, который «собственной волей, вопреки общему мнению князей..., заявил фактически, что власть – в нём самом, а не в земле и не в князьях». С Андрея Боголюбского, великого князя Владимирского, «впервые высказывается возможность перехода родовых отношений в государственные»². Несмотря на то что заговор и убийство в 1174 г. не позволили князю реализовать свой монархический проект, отложенный по ряду причин на несколько столетий. Разумеется, реализации этого проекта не способствовало вторжение войск Монгольской империи на территорию русских княжеств в 1237-1240 гг., закончившееся монгольским игом (1238 г.).

Монгольский разгром Руси произошёл немногим позднее погрома, разграбления и оккупации западными рыцарями Константинополя (1204 г.). Несмотря на то, что Ромейская империя уже более не восстановилась в прежнем великолепии и могуществе (хоть и отчасти, она всё-таки восстановилась и просуществовала до 1453 г.), ромейские монархи уже тогда давали Руси «пример «собираения» земель под единой монархической властью. В свою очередь, татаро-монгольское иго способствовало появлению на Руси окончательно созревшей идеи монархии, «как власти единоличной, верховной, Богу подчинённой, но безграничной для народа. Эта

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 222.

² Там же. С. 224.

власть, по всему своему содержанию, не имела ничего общего с ханскою. ...монархия родилась из христианских идеалов жизни и из византийского влияния»¹.

Ведя речь о специфике становления русской монархии и подчёркивая уникальность её исторических условий, Л.А. Тихомиров отмечает: «Русская монархия своими первоначальными корнями связана с наиболее первобытным языческим строем, а косвенными условиями возникновения – с империей Римской; могущественными и прямыми влияниями она связана с христианством и византийским самодержавием; а окончательно сложилась в эпоху огромного внешнего влияния на нас монгольского Востока, а затем в борьбе с аристократическим польским строем. По завершении же эволюции в этих сложных условиях, наша монархия подверглась всей силе влияния западноевропейских идей как монархических, так и демократических, одновременно с чем получила своей задачей устройство огромной империи, составленной из весьма различных обособленных народностей, перейдя наконец в эпоху усиленного промышленного развития, до чрезвычайности осложнившего задачи государства»².

Говоря об истоках становления русской монархии, следует отметить, что стихийно выработанная народными массами русская Верховная власть пережила много коллизий, проявляясь в разнообразных типах, пока не установился её теперешний тип, её современная организация: тип Князя-дружинника (Владимир Святой), тип Князя – члена всего княжеского рода, коллективно представлявшего единство русской земли, ограниченного в своей власти то дружиной, то вечем (Ярослав), тип Князя-вотчинника (Андрей Боголюбский), расширившийся в тип московского Князя-вотчинника – собирателя русской земли (Иван Калита), тип земского Царя-домовладыки, усвоившего византийские черты, преподаанные Церковью (Иоанн Грозный), тип Императора – опекуна и руководителя культуры своего народа, усвоившего западноевропейские черты (Петр Великий), тип Императора сословного (Екатерина II), усвоившего сословно-монархическую доктрину Монтескье, тип Императора земского (Александр II)³. К сказанному можно добавить тип международного арбитра (кстати, намного более эффективного, чем современная ООН или международные трибуналы) и хранителя мира (ибо без разрешения Александра III ни одна пушка в Европе не стреляла⁴), а также тип до-

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 216.

² Там же. С. 205.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 461.

⁴ Махнач В. Империя. Православное царство.

брого, любящего отца империи и православного искупителя их грехов (Николай II). С каждым новым царствованием царская власть в России не ослабевала, а возрастала и не потому только, что с течением времени Россия увеличивалась и требовала, в силу своих географических особенностей, всё более и более твёрдых скреп, но потому, что каждое сколько-нибудь крупное историческое событие в России имело своим необходимым последствием возвышение царской власти. Русские монархи были самодержцами, но самодержавие каждого из них имело свои оттенки. Эти оттенки зависели от духа времени и индивидуальных качеств того или другого Государя¹. Вне зависимости от оттенков, Самодержавие в России уникально и исторически объяснимо. Самодержавие русских Царей есть одно из величайших религиозно-нравственных могуществ на земле². Оно выгодно отличается от Западных абсолютистских монархий, более соответствующих терминам «тирания», «насилие».

Особенность № 20: легитимность. Монархия в России легитимна, она выражает «правовую волю народа» (И.А. Ильин) и отражает доверие, народное стремление к свободе, правде и справедливости. Обусловлено это тем, что народ не верит, что можно справедливо обустроить жизнь общества, опираясь лишь на формальное право и юридические нормы, поскольку «Закон что дышло – куда повнёшь, туда и вышло». Монархия была воспитана, выкована в русской истории, как «власть правды», как идеал правильного православного государства³. Правовая воля народа выражается и в том, что в монархе русский народ видит начало, которое стоит вне частных интересов и партий, третейского судью, необходимого для всех и каждого, великого печальника и работника на общую пользу, Царя православного, Царя – батюшку. Русский народ совершенно определённо осознаёт, что только в руках Царя его насущные интересы в надёжных руках, ибо Царь есть надежда⁴.

Власть царя есть, прежде всего, доверие подданных. «Власть монарха возможна только при народном признании, добровольном и искреннем⁵. Доверие обретается только в случае, если народ признает власть достаточно справедливой. М.Б. Смолин подчёркивает, что Л.А. Тихомирову «удалось соединить в категории «Верховная власть» такие основы правопорядка, как «справедливость» и «госу-

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 196.

² Там же. С. 413.

³ Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии.

⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 452.

⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 101.

дарева воля». В его трактовке, если Государь в своей государственной деятельности адекватен той идее власти, которую он представляет, то и его «государева воля» выражает традиционное представление о справедливости, которое сложилось в данном национальном социуме. Что, собственно, и есть представление о справедливой власти или о справедливости власти¹. И сегодня, как столетиями ранее, востребовано «восстановление такого политического порядка, в котором русский человек будет уверен, как в порядке, отражающем его представление о праве и правде»².

Сильная власть способна даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности и различных свобод. Только по недоразумению можно считать, что монархия и самодержавие исключают свободу. На самом же деле она обеспечивает её более, чем всякий шаблонный конституционализм, ибо собирая и сосредотачивая власть, государство тем самым создаёт свободное общество. Власть над властями. Верховная Власть над всякой властью – это и есть начало подлинной свободы³.

В этом смысле особое значение имеет нынешнее народное доверие к В.В. Путину, основанное не только на его таланте геополитического игрока (он изящно и уверенно переигрывает внешних врагов Отечества), но и на его освободительной православно-имперской справедливой политике, которая читается в контексте его дел. Традиционно для православных императоров нравственная суть внешней политики заключалась в «удержании мирового беззакония», в стремлении сохранить жизненность международного права. По доброй отеческой традиции нынешний российский президент ориентируется на силу международного права, а не на право силы, как это делают англосаксы. Вступив в неравный бой с США, проявляя волю, выдержку и побеждая, он доказывает истину: «Бог не в силе, а в правде». Мужественная и нравственная международная политика президента В. Путина реанимирует утерянное в 90-ые годы чувство достоинства русского и других народов России, чувство справедливости, а значит, можно надеяться и на возрождение монархии как воли народной.

В 2016 году В.В. Путин на святом Афоне был принят так, как мо-

¹ Смолин М.Б. Монархия — идеал правильного государства // Русский дозор. 2018. URL: <http://rusdozor.ru/2018/02/01/monarxiya-ideal-pravilnogo-gosudarstva/> (дата обращения: 06.02.2018).

² Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 72.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 463.

жет чувствоваться только православный император. И это логично, ибо, с одной стороны, монархическая легитимность первородна, образцова и прототипна. Она единственная является первоначальной и в скрытом виде она присутствует во всех других формах (Ортега-И-Гассет). С другой стороны, «полная и безоговорочная легитимность власти – это всегда только монархия»¹. Развивая эту мысль, заметим, что с правовой точки зрения отречение царя Николай II абсолютно не легитимно: во-первых, сомнительна подпись, сделанная карандашом (!) на Высочайшем манифесте об отречении (документ более похож на низкокачественную подделку). Во-вторых, документ не был оформлен подобающим для приказного делопроизводства образом. В-третьих, процедура отречения не предусматривалась вообще Сводом Законов Российской Империи. И, в-четвёртых, речь шла не об упразднении монархии, а о том, что передаётся трон («наследие наше» по дословному выражению Николая II) своему брату – Великому князю Михаилу Александровичу. Процедуры упразднения монархии не могло быть в принципе, поскольку, «монарх, обладающий Верховной Самодержавной Властью, отменить самодержавия не вправе... верховная самодержавная Власть не может быть отменена даже Монархом, так как она – установление не только юридическое, но и религиозно-нравственное, так как она исторически сложилась как национальное установление русского народа, органическая часть его жизни. Для изменения формы правления в России надо, чтобы русский народ перестал существовать или перестал быть таким, каким его сделала и знала тысячелетняя история»².

Таким образом, в России может быть восстановлена легитимная форма правления – монархия, как с юридической, так и с точки зрения «правовой воли народа».

Особенность № 21: сакральность. Монархия в России несёт в себе глубинные сакральные смыслы. Их содержание и значение исследуют многие учёные. «С летописных времен монархическая, тогда ещё княжеская, власть представлялась как властвование духа Государя над духом и плотью Русского народа, над материальным «естеством» Земли Русской. Монархическая власть с древности воспринималась орудием утверждения господства христианства на Руси»³, потому что в православном сознании воля монарха подчинена истинному Богу, а народ видит в монархе Божьего слугу, который стал

¹ Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 67.

² Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 466.

³ Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии.

«Монархом Божьей милостью»¹. Поэтому народ верил своему царю, поэтому взывал: «Боже, Царя храни!», поэтому «народ жаждал отдать свою волю царю, Божию служителю, и не рассуждая делать всё, что он прикажет, под тем одним условием, чтобы не человеку подчиняться, а самому Богу, ... чтобы Господь спас Родину»².

В русском сознании сакральна не только форма правления, но и сама государственность Руси. «На Руси, – отмечает А.Л. Казин, – государство начинается не «снизу» (демократия), не «сбоку» (плутократия, олигархия) и не «снаружи» (варяги, хазары), а сверху – от Бога. Имя «Святой Руси» и указывает на это обстоятельство, а вовсе не претендует на всеобщую праведность и святость»³.

Царь в России становился Божьим помазанником (мессией) после возведения его на престол. Помазание елеем при коронации было обязательной частью церемонии, аналогичной посвящению священников в сан. Даже демократ и атеист В.Г. Белинский признавал, что «достоинство монарха есть священство, и в таинстве помазания совершается непосредственная передача власти Царю от Бога»⁴. Эта непосредственная передача власти Царю от Бога несёт в себе основополагающий сакральный смысл, предопределяющий авторитет власти Царя. Вот как об этом пишет Ю.В. Шалыганов: «Если верить в Бога, то Он и есть Высший Авторитет. Если народ верит в Бога, то Его авторитет распространяется на тех, кому Он доверил власть над людьми. Поэтому «нет большего авторитета, чем власть от Бога. Вне зависимости от того, верим мы в Бога или нет, этот вывод абсолютен. Самым большим авторитетом пользуется власть, которую люди считают данной от Бога. Никакие человеческие достоинства не могут дать такой уровень авторитета»⁵. С древнейших времён и вплоть до падения царской власти, в России считалось, что именно через сакральную фигуру Царя, в котором видели олицетворение божественного архетипа единоличной вселенской власти, и благодаря наличию на троне Царя, народ обретает блага Свыше. Царь, а не кто-то другой, является гарантом того, что эти божественные благодеяния по отношению к народу не прекратятся⁶.

Именно поэтому монарх становился оплотом духа нации, опло-

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 404.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 215.

³ Казин А. Народная монархия и многоукладный социализм / Изборский клуб. Русские стратегии. – 2018. – № 1(57). С. 27.

⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 405.

⁵ Шалыганов Ю. Проект Россия. С. 171.

⁶ Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 170.

том духовных традиций, попечителем и со-работником православной Церкви. «Христианская идея, воскресшая во всех душах с потребностью в Божией помощи, подсказывала облечение государственной власти значением Божьего служителя»¹. Так понимал свою миссию и царь Николай II, стоически приняв предательство своего окружения, а затем и мученическую смерть, подобно многим святым. Это была сакральная искупительная жертва последнего православного царя, закономерно причисленного к лику святых. Это было искуплением грехов за потерю подданными веры, чести и совести, искуплением за их бесовское наваждение. Трагедия Государя состояла в том, что он как раз был «последним из могижан», он не только верил в символ самодержавия, но и максимально воплощал в себе священный архетип христианского монарха. Он ушёл в вечность как святой мученик за национальный идеал государственности, неразрывно связанный с верой народа².

В православном мире бытует убеждение, что убийство царя Николая II носило ритуально-мистический (точнее, – сатанинский) характер. Приказ на убийство был отдан кабалистом Я. Свердловым и исполнен другим иудеем, Я. Юровским, вдохновлёнными деянием иудейского Синедриона двухтысячелетней давности и славой Иуды, предавшего Христа. С тех пор более ста лет в России не было царя, и сто лет православные люди ждут его появления. Монархия в России желанна и оправданна с духовной точки зрения.

Особенность № 22: византизм (ромеизм). Монархия в России – это это продолжение ромейской (византийской) традиции власти. Влияние ромейской доктрины инициировало идею самодержавной монархии. Духовенство, явившееся из Греции и в деле распространения христианства работавшее на княжескую власть, не могло не приносить ромейских идей власти³. Позднее женитьба Владимира Равноапостольного на ромейской принцессе создала в России мысль о царственном праве на Верховную власть⁴.

К настоящему времени Россия, даже несмотря на формально демократическую форму правления, имеет более чем достаточно свидетельств ромейской преемственности: российский герб – это двуглавый ромейский орёл; алфавит (кириллица) составлен ромеями Кириллом и Мефодием; русская политическая модель развития – это

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 215.

² Ларионов В. Е. Православная монархия. С. 69.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 218.

⁴ Там же. С. 220.

византизм=ромеизм (стало быть, прежде всего, – вера, монархия и империя); русская величайшая культура является во многом национальной интерпретацией ромейской культурной школы, а русская Вера – это ромейское Православие.

Таким образом, монархическая государственность в России – это преемственность византизму (ромеизму) в его русско-российской национальной редакции. Православие (как Вера) и монархия (как форма правления) – это две головы имперского орла-герба, составляющие всё сакральное, всё глубинно русское. Вера выступает оплотом духовности (для верующих) и нравственности (для всех, включая материалистов), а единовластие – оплотом порядка для всех национальных и социальных слоёв населения. Одновременно с этим двуглавый имперский орёл демонстрирует симфонию культур всех народов России и пресечение национальной розни. Монархическая православная империя – это все русско-российские духовные, нравственные, исторические, культурные, правовые, патристические и иные смыслы.

Особенность № 23: неизбежность возрождения. Монархия, как бы она иначе ни называлась, была и остаётся естественной, самой распространённой в исторической ретроспективе и устойчивой формой правления. Вековая ложь о монархиях потеряла силу своего воздействия, мир начал открывать глаза на реальность, а не на её искажённую интерпретацию.

«Призрак монархизма явно бродит по России»¹. Причём бродит со всей очевидностью потому, что только монархическая имперская модель создаёт условия для стабильности, преемственности курса, суверенитета, ответственности и необходимой концентрацией власти в условиях нынешнего экономического кризиса и гибридной мировой войны. Монархическую форму можно рассматривать как реализацию естественного права на защиту жизни нации. Корона Российской Империи не потеряла своей священной огненной природы и, содержась под охраной в Алмазном фонде, являла и являет собой «временно задержанный до выяснения обстоятельств» символ неоконченной Русской истории. Истории, которая может быть продолжена исключительно на путях абсолютного возвращения на свой, единственно возможный исторический путь².

¹ Беловолов Г. В воздухе веет «Монархической весной» // Русская народная линия. 2017. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/25/v_vozduhe_veet_monarhicheskoj_vesnoj/&?commsort=back (дата обращения: 27.03.2017).

² Ларионов В.Е. Православная монархия. С. 69.

Если российской монархии быть, то тут же возникают два очень деликатных вопроса: «Кто будет царём?» и «Как обеспечить преемственность власти?»

Для начала рассмотрим вариант династического наследования. Династическая преемственность в России прервана, но подобрать монарха из ныне здравствующих родственников последнего русского царя теоретически возможно. Тем более, что в Российской империи последние три столетия довольствовались представителями династии Романовых. Но, монарх как минимум должен иметь соответствующий масштаб геополитического мышления и волю. Проблема кроется в том, что наследники иногда не имели этих качеств, оказывались весьма слабыми лидерами. Как быть, например, если законный наследник слаб здоровьем, глуп, мал по возрасту или воспитан на Западе в презрении к своему народу или Отчизне? Перспектива однозначна – быть беде. Беда ещё и в том, что династическая «богоизбранность» не комплементарна христианской морали. Согласно христианству, не может быть «богоизбранных» по рождению ни народов, ни династий, ни персон. Избранность перед ликом Божиим можно заслужить лишь своими благими делами. Поэтому выборность императора отвечает в большей мере православному мировоззрению, позволяет учитывать мнение элит и мнение народа. Так, в Римской империи выборы базилиуса (императора) были обязательными. Причём только около половины всех базилиусов были греками, а остальные не принадлежали к титульному этносу империи. Это нормально для цивилизационной православной империи.

Следует особо отметить, что в нынешних российских реалиях возможна только выборная монархия в связи с вековым пресечением династической преемственности и устоявшейся в сознании избирательной традицией. Нечто подобное уже было на Руси при соборном избрании Михаила Романова на царство в 1613 году. А.А. Проханов поэтому предложил вспомнить библейское изречение «Изберите царя из народа своего», считая, что «избрание царя вне догматических и династических норм, в сущности, возможно. И монархический проект православной церкви, по-видимому, будет ориентирован на такое избрание нового царя...»¹, который получит необходимую полноту власти. Монарх, имеющий всю полноту власти, может в условиях современной гибридной войны выполнить функции по спа-

¹ Проханов А. Александр Проханов: Венценосный Путин // Изборский клуб [сайт клуба]. URL: <https://izborsk-club.ru/13646> (дата обращения: 07.07.2017).

сению государства от внешних и внутренних угроз. Основные из этих монархических функций перечислены ниже.

Во-первых, – это функция верховного главнокомандующего в условиях гибридной войны между США и Россией, которая всё больше перетекает в свою «горячую» фазу. Без единоначалия нет шансов отстоять свой суверенитет и безопасность.

Во-вторых, функция главного идеолога, а именно: контролировать и направлять социальную энергию народных масс и интеллектуальной элиты на служение Отечеству и народу. Пропагандисты империи англосаксов в первую очередь обрабатывают сознание элиты противника, поэтому часто представители элиты становятся сначала объектами пропаганды, а затем проводниками интересов этой империи. Нельзя забывать, что именно по такой информационной технологии элита (дворянство и интеллигенция) предала царя и Отечество в 1917 г.; элита (партноменклатура и интеллигенция) предала советское Отечество в 1991 г. С одной стороны, царь обязан поставить барьер на пути вражеской пропаганды, запретить финансируемые из-за рубежа общественные организации, исключить либералов и религиозных сектантов (как вражеских агентов влияния) из правительства, руководства государственных корпораций и СМИ. С другой стороны, монарх должен заинтересовать госчиновников (в том числе – испытанной системой поощрений и наказаний) в нравственном служении Отечеству.

В-третьих, функция обуздания олигархов. Сущность последних (вне исторической привязки) – в стремлении к подчинению себе государства, распределению в собственных интересах ресурсов государства и даже к его делению на подвластные вотчины. Только монарх может и потому должен исключить олигархов из политической жизни державы. Рождённая Западом партийно-выборная система обслуживает крупный капитал и международную олигархию, поэтому русскому монарху такую систему необходимо заменить на профессионально-корпоративное представительство. Только так можно слышать голос народа, обеспечить реальность народовластия. Когда борьба с олигархией успешна, государство процветает. Когда не получается обуздать олигархов – наступает крах, как, например, в Римской империи (Византии) XV века.

Кому стать первым монархом возрождённой Российской империи должно определиться уровнем профессиональной пригодности и народного доверия к конкретному лидеру на момент избрания. На текущий момент выбор однозначен ввиду рейтинга популярности и

доверия к нынешнему президенту РФ, на деле доказавшему свой созидательный уровень, масштаб геополитического мышления и волю. По доброй отеческой традиции нынешний российский президент ориентируется на силу права, а не на право силы, как это делают англосаксы. Мужественная и нравственная политика президента реанимирует утерянное было чувство достоинства народов Отчизны, чувство торжества справедливости и солидарности, а значит, можно надеяться и на возрождение духовной силы. А духовная энергия народа – победный ресурс России, которому нет равных на планете. «В кругах, близких к патриархии, в кругах, мечтающих о монархии, сознающих всю сложность восстановления монархии в России, – отмечает А.А. Проханов, – всё чаще называется имя нынешнего президента Владимира Владимировича Путина как возможного первого русского монарха...»¹. Выборность первого руководителя из круга профессионалов всегда возможна. В прошлом так было при избрании императоров в Римейской империи. Это же подтверждает процедура избрания православных патриархов. Другим примером совмещения выборности и преемственности государственного курса в настоящее время может быть Китай.

В этой связи сохраняет свою актуальность прогноз В.Д. Каткова, сделанный ещё в 1906 г.: «Русское самодержавие, ещё не сказало своего последнего слова. Оно не есть законченное: оно живёт и развивается и, несомненно, имеет долгую и блестящую будущность»². С этой позицией солидаризируется и Л. А. Тихомиров: «Властвующим принципом будущего всегда явится тот, который наиболее способен осуществить задачи органического развития нации, и, рассматривая современный процесс культурных стран, весьма вероятно ожидать возрождения монархического принципа»³.

Таким образом, феномен «монархия» должен быть переосмыслен, ибо он являет собой самую перспективную властно-политическую доминанту возрождения великой России.

¹ Проханов А. Александр Проханов: Венценосный Путин.

² Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 466.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 627.

Резюме III главы

Рассмотрены три основополагающих вида правления: олигархия, как фактическая форма правления во многих государствах, позиционирующих себя как демократические; демократия, как официальная (но номинальная) форма правления империи англосаксов и подконтрольных ей стран; и монархия как естественная и самая популярная форма правления в мире до революционных и военных потрясений XIX-XX вв.

Олигархия антигосударственна. Если государство не борется с олигархами, деньги, ими контролируемые, начинают выступать главной ценностью, ведя к деградации все сферы общественной жизни. История даёт ряд примеров борьбы с олигархией. Они сводятся к недопущению олигархии превентивными мерами: жёсткой борьбой с взяточничеством и коррупцией. Но если олигархи реально властвуют, то с ними следует вести бескомпромиссную борьбу, как с врагами государства и народа. Проблема этой формы правления в том, что международная олигархия фактически правит Западом с претензией на «Новый мировой порядок», который основан на тайных структурах управления, лицемерии, «двойных стандартах» и лжи. Этот порядок отражает скрытую диктатуру международной олигархии под прикрытием мифов о свободном рынке, демократии и либерализме.

Демократия – самый популярный и востребованный политический феномен современности, поскольку создаёт иллюзию народовластия. Историческое расследование даёт однозначный вердикт: все демократии в Европе установлены насильственно в интересах империи англосаксов. Современная демократия – это номинальная форма, имеющая все признаки реального олигархического правления. Демократия, навязанная России по современным Западным лекалам, означает: структурную неустойчивость в мирное время; нежизнеспособность в военное время (а Россия всегда на войне); падение нравственной атмосферы в обществе; неэффективность при управлении обширными территориями; исключение преемственности власти; перерастание в олигархию. В России приемлема только низовая демократия (земские управы, районные советы) и соборность.

Монархия – это старейшая форма правления государством, при которой верховная власть принадлежит единоличному правителю, имеющая ряд особенностей, раскрывающих её сущность. В их числе: вариативность видов, правопреемства и названий; несовершенство (ввиду «человеческого фактора»); включение элементов

аристократии и демократии; распространённость; естественность (монархическая власть является одновременно и следствием общественного развития, и необходимым условием для этого развития); нравственность (монархия, в отличие от демократии, не только в состоянии обеспечить приемлемый уровень нравственности в обществе, но и стремится повысить этот уровень) и высоконравственное творчество; суверенитет и преемственность (монарх – единственный субъект государственного суверенитета, лично заинтересованный в укреплении суверенитета вверенного ему государства); стабильность (монархия значительно стабильнее, более устойчива от распада, чем демократия); насильственность обрушения; реальность (только в Западной Европе существует 12 монархий); военная необходимость (на войне можно победить лишь при жёсткой централизации власти верховного главнокомандующего). В России монархия – это условие расцвета (периоды демократизации – это демократические периоды поражения, предательства, разложения и упадка); отражение «коллективного бессознательного» русского народа; Самодержавие как особое, исторически сложившееся типично русское явление, отличное от иных монархий; сакральность; византизм (ромеизм) (в его русско-российской национальной редакции). Монархия легитимна в России как с юридической, так и с точки зрения «правовой воли народа».

Призрак монархизма бродит по России, поскольку монархическая модель создаёт условия для стабильности, преемственности курса, суверенитета, ответственности и необходимой концентрации власти в условиях современного экономического кризиса и гибридной мировой войны. Монархическую форму правления можно рассматривать как реализацию естественного права на защиту жизни русской нации. Поэтому политическая функция идеологии России должна иметь ориентир на монархию, возможно, с переходными этапами (диктатуры, авторитаризма).

Глава IV.

К РЕВИЗИИ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Как отмечалось в § 1 главы I, идеология имеет одним из двух основополагающих векторов воздействия – властно-политический, который должен быть подвергнут отдельному анализу. В этом векторе, определяющем политическую функцию идеологии, помимо формы правления, второй важнейшей компонентой является понимание (выбор/обоснование/апология/легитимация) формы государственного устройства. В этой связи необходимо рассмотреть все существующие формы государственного устройства с целью определения оптимальной из них для России. Ниже используем дефиниции «форм государственного устройства», а также их типов (без претензии на уникальность) сформулированных ранее¹ при участии автора.

Форма государственного устройства – это способ территориальной организации государства (страны или нескольких стран), в том числе, образующих тот или иной по форме союз. Она определяет внутреннее строение государства, деление его на составные части (территории) и принципы их взаимоотношения между собой в рамках указанного союза. В зависимости от наличия либо отсутствия суверенитета у составных частей государства государственное устройство делится на: империю, конфедерацию, федерацию, унитарное государство, содружество (сообщество), межгосударственный договор. Строго говоря, содружество и межгосударственный договор часто политологами не относятся к форме государственного устройства, но всегда рассматриваются в рамках её обсуждения с учётом их значимости². Поскольку содружество и межгосударственный договор всё-таки не относятся к форме государственного устройства, а также очевидно то, что эти формы скорее относятся к политике или политологии, чем идеологии, то они рассматриваться не будут.

Итак, форм государственно устройства совсем немного. По

¹ Словарь патриота Отечества. – СПб.: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – 152 с.

² Там же. С. 134.

В.В. Аверьянову, история знает три интегративные формы, в которых возможно социальное сосуществование индивидов¹.

- «этнократия». Она основана на принципе «крови», этнического родства, непременным атрибутом которых является ксенофобия или, по меньшей мере, этническая сегрегация;

- «империя». Она базируется на универсальном, надэтническом принципе «подданства»;

- «нация». Она основана на гражданско-территориальном принципе.

В отличие от империи, нация формируется в той мере, в какой в «плавильном котле» межэтнического взаимодействия участвует гражданское общество. Империя объединяет людей через «службу себе» (через «государево дело»), а нация — через взаимосвязь «каждого с каждым» на основе гражданского права.

Унитарное государство (в известном смысле, государство-нация, национальное государство) – форма государственного устройства, предполагающая простое, единое, цельное государство, не имеющее в своём составе государственных образований низшего порядка (например, автономных республик или областей). Унитарное государство предполагает единые, общие для всей страны высшие представительные, исполнительные и судебные органы, которые осуществляют верховное руководство соответствующими местными органами. На территории унитарного государства действует одна конституция и одна идеология, единая система законодательства, одно гражданство, а в идеале — один государственный язык и одна вера (как, например, в Польше). В нём функционирует единая денежная система, проводится обязательная для всех административно-территориальных единиц общая налоговая и кредитная политика. Унитарные государства (страны) относительно небольшие по территории и имеют, как правило, мононациональный состав подавляющего большинства населения (Швеция, Италия, Польша). Что касается России, то она не просто многонациональна (там проживает около 190 народов и народностей). На всём протяжении своей истории она представляет собой общий для входящих народов и народностей проект совместного исторического развития. В этом международном проекте бережно сохранялись языки и культуры входящих народов и народностей, а иногда даже региональные валюты (Касимовское ханство)

¹ Аверьянов В. Империя и воля. Догнать самих себя // Электронная библиотека bookz.ru. URL: https://bookz.ru/authors/vitalii-aver_anov/imperia-199/1-imperia-199.html (дата обращения: 11.04.2018).

и воинские формирования (казачество). По этой причине унитарное государство не может рассматриваться как приемлемая для России форма государственного устройства.

Конфедерация – форма государственного устройства, предполагающая временный союз государств, образуемый для достижения политических, военных, экономических и прочих совместных целей; самая редкая форма наднационального сотрудничества. Конфедерация не обладает собственным суверенитетом, ибо отсутствует общий для объединившихся субъектов центральный государственный аппарат и отсутствует единая система законодательства. В рамках конфедерации могут создаваться союзные органы, но лишь по тем проблемам, ради решения которых они объединились. На сегодняшний день ни одно государство нельзя назвать строго конфедеративным. Развитие признаков конфедерации чаще всего происходит в результате объединения государств. Конфедерации существуют сравнительно недолго: они либо распадаются (как это произошло с Сенегамбией — объединение Сенегала и Гамбии), либо преобразуются в федеративные государства (как это, например, было со Швейцарией или с США). История свидетельствует, что конфедерация является значительно менее прочным, устойчивым и долговечными многонациональным образованием, чем федерация. А с учётом того обстоятельства, что она сеть временный союз государств, образуемый для достижения текущих политических или иных совместных целей, конфедерация также не будет рассматриваться как приемлемая для России долгосрочная форма.

Для России среди известных форм государственного устройства для серьёзного рассмотрения остаются две: федерация и империя. Обе формы испытаны Россией, давая исторический материал для сравнения и выбора наилучшей из них.

§ 1. Федеративное государственное устройство: *pro et contra*

Федерация (от лат. *foederatio* – объединение, союз; фр. *féderation*) – форма государственного устройства, форма наднационального сотрудничества, предполагающая сложное, союзное государство, территория которого состоит из территорий её отдельных субъектов. Отдельные субъекты федерации обладают в той или иной мере признаками государственности, в том числе – собственные конституции. Наряду с высшими федеральными органами и федеральным законодательством, в федерации могут существовать высшие органы и законодательство субъектов федерации, как, например, в Германии, Индии, Мексике, Канаде. Компетенция между федерацией и её субъектами разграничивается союзной (федеральной) конституцией. Федерации могут быть построены по национально-территориальному или по территориальному принципу. Федерации, основанные на территориальном принципе, оказались более прочными и устойчивыми (США, ФРГ), в то время как образованные на национально-территориальной основе или распались (СССР, Чехословакия, Югославия), или испытывают большие трудности. В настоящее время в мире существует 26 федеративных государств. В их числе: Австралия, Австрия, Бразилия, Германия, Индия, Канада, Мексика, Нигерия, Россия, США, Швейцария. Федеративная природа ряда государств обусловлена многонациональным составом населения.

После Октябрьской революции 1917 года Россия из империи была превращена в Российскую Советскую республику, которая с 1918 года именовалась как Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР); позднее, с 1936 года – как Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (аббревиатура РСФСР сохранилась), а с 1991 года как Российская Федерация. В 1922 году большевики разделили территорию великой Российской империи на ряд советских социалистических республик. Россия была искусственно «сжата» до границ РСФСР (совпадающих с границами нынешней Российской Федерации), входящей на правах других республик в СССР (1922-1991 гг.). При этом исконные русские земли Малороссии, Новороссии, Белоруссии, севера Казахстана, г. Нарва в Эстонии и прочие перешли под юрисдикцию других союзных республик, что ныне создало ряд серьёзных проблем для русского (и русскоязычного) населения в этих республиках. Одна из них – гражданская война на Донбассе, немыслимая в имперской парадигме.

Термин федерация (*fédération*) появился недавно, в XVIII в. во Франции во время процесса насильственной демократизации. До этого монархические союзы были в форме империй. История свидетельствует, что федерации являются менее прочными, устойчивыми и долговечными многонациональными образованиями, чем империи.

Федерация состоит из отдельных субъектов. В Европе все субъекты федераций имеют демократические формы правления. Следовательно, для европейской федерации характерны как преимущества, так и все недостатки, свойственные демократической форме правления. В § 3 главы III перечислены недостатки демократии, несовместимые с жизнеспособностью для российских реалий.

Федерация в России объединяет республики. Республики – это форма реализации демократии. Такая федерация, по сути своей, является демократической формой государственного устройства. Но демократия, являющаяся прикрытием олигархии, не вселяет надежд в вопросе желанного обустройства России.

Здесь, правда, возникают вопросы: «Как же тогда федеративный союз – СССР победил объединённый Запад во главе с Германией в Великой Отечественной войне?» Ответ очевиден. Авторитарный режим правления И.В. Сталина («красного монарха») имел фактически все имперские признаки («красная империя», «советская империя») при номинальной федеративности.

§ 2. Актуальность и сложность имперской парадигмы

Другой, помимо федерации, формой государственного устройства, достойной рассмотрения для России, является империя. Во-первых, потому, что империя имеет более продолжительный срок присутствия в истории России. Во-вторых, потому, что имперское строительство в России, впрочем, как и в Риме, носило естественный эволюционный характер, в отличие от федеративной республики, установленной насильственно большевиками в ходе Октябрьской революции 1917 года при поддержке Великобритании, США и Германии. Так, с 1918 года часть России (т.е. России в её нынешних урезанных границах) была названа как Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР) и стала с 1991 г., уже без «советов» и «социализма», просто Российской Федерацией. Иначе говоря, нынешней (Западной) формой государственного устройства – федерацией Россия обязана насильственному нелегитимному перевороту 1917 года, точнее – Западу, его организовавшему.

Несмотря на демократизацию Европы и почти повсеместное установление республиканской формы правления, несмотря на монтаж федеративной формы государственного устройства, у ведущих европейских политических акторов (США плюс Великобритания, Россия, ФРГ), к XXI веку резко возрос, особенно в России, интерес к имперской теме. Более того, с 2000-х годов российская политическая элита ввела в свой лексикон ранее не употребляемые в положительном контексте понятия, такие, как патриотизм, родина и империя. Это была своеобразная попытка с помощью слов из другого идеологического лексикона спасти падающий престиж демократических идеологов: «либерализм», «коммунизм», «права человека», «свобода» и т.п. «Все силы, желающие и дальше оставаться в политической жизни России, признали, что воля нации состоит в желании построения великого государства, а значит, восстановления именно имперской по масштабу государственной традиции. Либералы и коммунисты лишь подставляют к ведущему слову «империализм» свои прилагательные «советский», «либеральный», что подчеркивает их попытку встроиться в большой государственный проект по возрождению России ради сохранения своего политического влияния на процесс. Россию будущего русские видят Государством-Империей¹. Тем не менее, следует обратить внимание на то, что одновременно с имперской рефлексией либеральная общественность продолжает антиимперскую

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 48.

пропаганду, трактуя имперскую рефлексию по-своему. Таков, например, взгляд В.К. Кантора: «неожиданная актуальность имперской темы в сегодняшней России связана с неизжитыми советскими амбициями, с чувством государственной ущемлённости»¹.

Кроме указанного, есть ещё важный фактор, объясняющий возрождение моды на имперский дискурс. С развалом СССР временно установился однополярный мир, возглавляемый США. К середине 1990-х всему миру казалось, что мировая однополярная гегемония англосаксов установлена навсегда. А раз так, то теперь США решили более не лукавить с понятием «империя», а постепенно приучать мир к тому, что США – это империя, причём «империя добра», «демократии» и «свободы». США как бы дали «добро» на понятие «империя». Так, понятие «империя» в академической и публицистической литературе обрело свой ренессанс, стало нормой, если не сказать – новомодным трендом, чего не было на Западе весь XX век. Задающий политические тренды «Новый мировой порядок» во главе с США до развала СССР сам внедрявший в сознание тождественность империя=«империя зла»=СССР, всё чаще и чаще стал использовать термин «империя» для концептуализации и анализа своего собственного «порядка». Тождество «империя=зло» резко инверсивно превратилось в равенство «империя=добро», под которым уже понимался именно этот глобальный «Новый мировой порядок» с гегемонией США. Так сформировался манихейский имперский дуализм без консенсуса научного сообщества, но с его очевидным интересом к данной теме. «Начиная с 2002 г., – отмечает А.Г. Дугин, – широкая американская пресса стала использовать этот термин применительно к той роли, которую США должны играть относительно прочего мира в новом столетии (возможно, тысячелетии). В американском обществе всюду пошел спор об империи. Как всегда, в таких спорах, понятие это понималось разными кругами по-разному, но само понятие стало центральным»².

Влиятельный политик и политолог США З. Бжезинский в 1997 г. позволил себе откровенно писать, что глобальное господство Америки напомунает прежние империи³. Он также указал, что Амери-

¹ Кантор В. К. Санкт-Петербург. Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 13

² Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 217.

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 20.

канская гегемония подразумевает оказание решающего влияния в мире так же, как это делали прежние империи. Но в отличие от них, не использует непосредственное управление¹. Более того, боясь, но подсознательно предвосхищая возрождение Российской империи, З. Бжезинский отмечает, что без Украины реставрация Российской империи – «не жизнеспособное дело»², а Украина, как известно, получила Западный вектор развития. Сомнения в этой имперской реставрации России он объясняет ещё и тем, что в России «в настоящее время на горизонте не видно никакого Ататюрка»³ (заметим, что в 1997 г. З. Бжезинский не мог знать, что через три года в России появится политическая фигура, многократно превосходящая значимость Ататюрка...). Всё это указывает на откровенную имперскую рефлексию З. Бжезинского.

С другой стороны, имперский дискурс предельно усложнён тем, что «западная традиция во многом истолковывает имперский опыт как негативный антипод либерально-демократического строя и национального государства, что находило и находит выражение, в особенности, в «советологических» и россиеведческих исследованиях западных авторов. Господство определённых идеологизированных представлений об империи в западной традиции приводит к тому, что в ней представление об империи остаётся недостаточно концептуализированным, а подчас поверхностным. Об этом свидетельствует господство историко-релятивистских и номиналистских подходов, отрицающих возможность обнаружения определённой «феноменальной» природы империи. На наш взгляд, современное империоведение продолжает оставаться во многом в рамках националистического и либерально-демократического дискурса, что мешает более глубокому пониманию империи и подчас ведёт к отрицанию её определённой феноменальной, политико-философской, политико-правовой и мировоззренческой сущности»⁴. С этой позицией солидаризируется и Д. Ливен, утверждающий, «что господство в теории и практике модели демократического национального государства (что закреплено в большинстве конституций современных стран) не способствует глубокому концептуальному анализу империи. Положение осложняется тем, что ни одно современное

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 48.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 145.

⁴ Дамирчев Э.И. Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2010. – 173 с.

государство из тех, которые имеют ярко выраженные имперские черты, не идентифицирует себя как империю, и, соответственно, не прописывает это в своих законах. Поэтому политической науке необходима более глубокая разработка имперской тематики, в том числе путём отказа от нациецентрического подхода»¹. С подобным выводом трудно не согласиться.

Тем не менее, несмотря на указанные выше сложности имперского дискурса, он становится предметом исследовательской практики с конца XX века. Об этом, в частности, говорит появление в 2000 году американского международного журнала “*Ab Imperio*”, финансируемого несколькими фондами США (в частности фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Маккартуров), а также количественный рост научных исследований, посвящённых феномену «империя». Исследователи имперской проблематики фиксируют лавинообразное увеличение публикаций на имперскую тему². Здесь уместно упомянуть такие издания, как журнал «Имперское возрождение», книги «Россия. Проект империя»³, «Движение России к неоимперии»⁴, «Россия на пути к империи»⁵ и др. А.И. Фурсов указывает на такие резонансные издания, как: пятитомник “*The Oxford history of the British Empire*” (1998–1999 гг.), “*The Cambridge Illustrated History of the British Empire*” (2001 г.), “*Empires*” (2001 г.), монография Д. Ливена “*Империя*” (2000 г.). Последняя является попыткой исследовать имперскую проблематику сквозь призму опыта Российской империи и СССР (в международном геополитическом контексте) в рамках «сравнительной империологии» (*comparative empire studies*)⁶. С.И. Каспэ выделяет имперскую проблематику в этнополитических исследованиях как одну из самых значимых: «Оживившийся в науке (и, может быть, в еще большей степени – в актуальной публицистике)

¹ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI в. до наших дней. – М.: Европа, 2007. – С. 42.

² Матвеев В.Е. Концепт «империя» в современной научной литературе: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2008. – 27 с.

³ Гусаров Е. Россия. Проект империя. – М., 2012. – 272 с.

⁴ Троицкий Е.С. Движение России к неоимперии. Русская нация. Славянская цивилизация. Евразийство. – М.: АКIPH, ООО «Издательская группа «Граница», 2013. – 182 с.

⁵ Коровин В. Россия на пути к империи. – СПб.: Питер, 2016. – 320 с.

⁶ Фурсов А.И. «Империология» без теории, или «хлопок одной ладонью» // Русский интеллектуальный клуб [электронный информационный портал Московского гуманитарного университета]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4185/> (дата обращения: 18.12.2017).

интерес к имперскому типу политической организации и политической культуры, видимо, является одним из наиболее заметных эффектов новой проблематизации этнополитики в целом»¹. Появилась даже новая научная дисциплина «империология», отражающая как имперскую рефлексию, так и имперскую перспективу.

Другим фактором, стимулирующим возрождение имперской проблематики, стали усиливающиеся проблемы унитарных стран, особенно, их межэтнические конфликты. Эти проблемы не могли не усиливаться, поскольку в своё время «карта национализма была разыграна для уничтожения власти империй»². Так, М. фон Хаген отмечает: «вспыхнувшие не только в Европе, но и в Евразии в целом этнические и национальные конфликты пробудили ностальгию, по крайней мере, по некоторым многонациональным династическим империям, которые, как видится в ретроспективе, умели лучше регулировать долгосрочные межэтнические отношения и проводить национальную политику с менее апокалиптическими последствиями, чем современные национальные государства, созданные на обломках великих империй, развалившихся во время и после Первой мировой войны. Национальное государство уже не воспринимается как оптимальный и единственно возможный в современном мире вариант политического оформления крупных человеческих сообществ»³. С.И Каспэ выдвинул гипотезу о том, что «имперские системы представляют собой способ разрешения конфликтогенных напряжений, возникающих при столкновении универсалистских культурно мотивированных политических ориентаций с реальным разнообразием и разнородностью представленных в конкретном политическом пространстве политических культур»⁴. «Одна из главных причин оживления интереса к империям, – отмечает А.И. Фурсов, – ослабление нации-государства..., и чем дальше от центра, от ядра капиталистической системы, тем больше... все это порождает кризис национально-государственной идентичности и поиски альтернативных фокусов (и форм) коллективной идентификации». Проблемы слабеющих унитарных наций-государств логически подводят граждан к тому, что ими вспоминаются империи

¹ Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика // FEDY. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5945 (дата обращения: 17.12.2017).

² Матвеев В.Е. Концепт «империя» в современной научной литературе.

³ Каспэ С.И. Империя и модернизация.

⁴ Там же.

с их длительным существованием, с их опытом сосуществования в рамках единого целого множества этно-религиозных групп. Сосуществования далеко не бесконфликтного, но – существования. Под таким углом зрения империи прошлого видятся не столь уж в мрачных тонах. Да и сама глобализация с её наднациональными структурами ещё более подогревает интерес к переосмыслению империи как феномена¹.

Таким образом, в обобщенном политологическом и социологическом понимании империя и ее принципы приобрели особую актуальность для нашего времени², о чём свидетельствует тот факт, что «термин «империя» стал популярным сегодня не только в американском истеблишменте. Его активно используют и даже делают синонимом своего главного идеологического проекта ярые противники капитализма, либеральной демократии и США — крайне левые философы и политики-антиглобалисты. ...категория «империя» становится во главе угла идеологических конструкций мирового левого движения, антиглобализма и альтерглобализма» (альтерглобализм по А.Г. Дугину звучит так: надо не бороться с глобализацией, но использовать ее капиталистические и империалистические формы для антикапиталистической революционной борьбы)³. Подтверждением актуальности имперской темы для России служит рост числа исследователей (и, соответственно, их публикаций), а также монархических организаций, упомянутых в параграфе 4 главы III (русские монархисты, за редким исключением, всегда империалисты).

Вместе с тем, в отличие от понятия «федерация» и «республика», а также в отличие от всего предшествующего периода I-XIX вв., термин «империя» в XX-XXI вв. потерял свою строгую определённую, стал спорным. Более того, из множества запутанных научных понятий, самым многострадальным стало именно понятие «империя»⁴, став «одним из самых десемантизированных в современном языке». Утратив прежнее содержание, оно превратилось в общепринятое наименование нечистой силы. Между тем, принципиально важно обратиться к первоначальному смыслу этого понятия⁵. Солидаризируясь с В.Л. Мохначом, А.К. Секацкий за-

¹ Фурсов А.И. «Имперология» без теории, или «хлопок одной ладонью».

² Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 217.

³ Там же. С. 219-220.

⁴ Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения: 15.02.2018).

⁵ Махнач В. Империи в мировой истории // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996, – С.34.

мечает, что современные представления, сложившиеся об империи, далеки от объективности уже хотя бы потому, что в них слишком явно чувствуется затаённое недоброжелательство, а имперское сознание неизменно рассматривается как некоторое заблуждение¹.

Неоднозначность, путаница имперских смыслов обусловлены тем, что империя англосаксов – враг любой империи, кроме своей, ибо любая иная империя – потенциальный геополитический противник. Поэтому в начале XX века англосаксы создали негативный образ империи, ибо всех геополитических имперских конкурентов англосаксов нужно было уничтожить. Именно такова геополитическая реальность, постигшая судьбы России и Германии в XX веке. Но этого было недостаточно. Англосаксами, их вассалами, всеми подконтрольными СМИ и, конечно, западным научным сообществом делась всё возможное для полной дискредитации самой имперской парадигмы. В ход шли любые приёмы идеологической войны. Главный из них – полная подмена понятия, полностью меняющая смысл. К такой подмене понятия можно отнести и работу В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В ленинском определении империализма не просто провозглашалось, что сущность империи следует искать в экономических отношениях, а не в политической сфере. В нём прямо отрицалось то, что современный капиталистический империализм имеет что-либо общее с великими аристократическими, военными и религиозными империями прошлого. Поскольку это определение оказалось в центре полемики вокруг понятия «империя», то запутаться в сути этой полемики очень легко². В наше время проблема только усугубилась. Поскольку постмарксизм приобрёл постмодернистские черты и вторгся в область истории культуры, он так далеко увёл от имперских проблем, по которым обычно спорят историки, что конструктивный диалог между этими двумя группами исследователей стал практически невозможным³.

К антиимперским приёмам идеологической войны следует отнести и софизм, вроде «Все империи – рушатся», как будто есть что-то в мире, не разрушаемое.

¹ Секацкий А.К. Оружие империи // Измененные состояния сознания. Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 159.

² Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // SciCenter.online. URL: <https://scicenter.online/books-mirovaya-istoriya-scicenter/dominik-liven-imperiya-istoriya-sovremennyyi-103606.html> (дата обращения: 16.12.2017).

³ Там же.

Проблема усугубляется и тем, что СССР, нелегитимно занявший пространство Российской империи, видел в разрушенной им империи (и империализме) абсолютное зло. Тут уместно вспомнить крылатое определение Российской империи А. де Кюстина: «Российская империя – тюрьма народов». Как без такого очернения можно оправдать многомиллионные жертвы гражданской войны и почти полное уничтожение русской элиты?! После развала СССР неолиберальная российская элита также не испытывала симпатий к феномену «империя». ««Демократическая» власть и ее пропаганда уже без всяких воспоминаний о прошлом страны, без всякой связи с реальностью, продолжили «дело Ленина». Если у выдуманного Марксом пролетария не должно было быть Отечества (у реального оно обычно имелось), то у выдуманной «демократами» Российской Федерации не должно быть нации, а у населения, лишившегося в результате «демократизации» национального чутья, – представлений о собственном государстве, исторически сложившемся и существовавшем как Империя»¹.

А.И. Фурсов справедливо считает путаницу и «заблуждения» в содержания понятия «империя» (как, впрочем, и многих других понятий) преднамеренными. «Практически вся история капиталистической эпохи и современности (XIX–XX вв.) и – косвенно – “докапиталистической эпохи” в Европе и история неевропейских обществ написаны, по сути, с англосаксонских (англо-американских) позиций, на основе англосаксонских ценностей, понятий, следовательно, ... и интересов, т.е. интересов двух гегемонов мировой системы (Великобритания, 1815–1873/1914 и США, 1898/1918 — по наши дни). История современности написана победителями, они назначили героев и антигероев, и на повестке дня – ревизия этой интерпретации»². В качестве примера А.И. Фурсов приводит монографию Д. Ливена «Империя», в которой автор преднамеренно отказывается от четкого определения термина «империя». Д. Ливен стремится показать, что «империя» – многосмысловое понятие, полное идеологических ловушек³. Устоявшийся подход «многосмыслового понятия» закономерно подвёл В.Е. Матвеева к логическому заключению о том, что «универсального определения содержания концепта

¹ Кольев А. Империя – судьба России // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С.59.

² Фурсов А.И. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладошкой».

³ Там же.

«империя», действительно применительно к любой исторической эпохе, не существует»¹. В.Е. Матвеев делает вывод, что «научный интерес к проблеме не привел к созданию универсального определения, в том числе, по причине привнесения в исследование империи философских, политологических, культурологических и иных начал», поскольку «наполнение концепта «империя» тем или иным смыслом оказалось в зависимости от философских и политических взглядов исследователей», а также от «конкретных условий их работы, научной дисциплины, избранной автором методологии исследования, а также от многих других факторов, к которым можно отнести и существование моды на данное понятие».

Полемика показала, что к империи можно относиться по-разному, но это есть название совершенно определенного типа государства, государства отличного и от унитарного типа государства, и от федерации². Поэтому автор данной работы предпринял попытку разобраться в этой форме государственного устройства, уточнив все её характерные признаки и эксплицировав на этой основе само понятие «империя».

¹ Матвеев В.Е. Концепт «империя» в современной научной литературе.

² Махнач В. Империя. Православное царство.

§ 3. О типологии империй в аксиологическом контексте

Неоднозначность смыслов, показанная в предыдущем параграфе, распространяется на все смысловые производные понятия «империя», включая, разумеется, и её типологию.

В отечественной и зарубежной научной литературе последней четверти века предлагалось множество различных вариантов классификации империй в зависимости от тех или иных отличительных признаков. Наиболее значимые различия между империями, – считает О.Б. Подвинцев, – заключены в особенностях подчинения «периферии» «центру», которое может быть прямым и косвенным, опосредованным и непосредственным, формальным и неформальным, явным и завуалированным и т.д. Это, в свою очередь, во многом зависит от географической удалённости основных элементов «периферии» от «ядра», степени их разнородности, характера предшествовавшей экспансии и т.д. Возникшее в новое время деление на «континентальные» и «колониальные» империи приобретает решающее значение. «Континентальные империи представляют собой единый территориальный массив. Присоединение новых владений в таких империях рассматривается просто как расширение существующей страны. В колониальных империях периферия отделена от «ядра» значительными пространствами (океаном). Владения представляют собой не продолжение единой страны, а отдельные подчиненные образования – колонии. В современных условиях деление на «континентальные» и «колониальные» может быть дополнено «неформальными» империями», в которых периферию составляют не «провинции» и не «колонии», а формально независимые государства¹. Согласно данному подходу, логичной представляется классификация колоний в зависимости от характера освоения и выполняемых в рамках имперской системы функций. Таковы «переселенческие», «туземные» и «колонии-форпосты» в колониальных империях. А в континентальных империях элементы периферии представлены «провинциями», «национальными окраинами, округами» и т.п. При этом О.Б. Подвинцев справедливо указывает, что «ни одна из империй не может представлять какой-либо тип в абсолютно чистом виде. В ней всегда в той или иной мере сочетаются черты разных типов»². К этому можно доба-

¹ Подвинцев О.Б. Политические процессы в постсоветском пространстве // Учебники онлайн. URL: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_258.html (дата обращения: 18.12.2017).

² Там же.

вить, что в одной империи в разные исторические периоды можно наблюдать, то колониальные, то континентальные черты (пример Великобритании по отношению к Ирландии).

Многие авторы не считают колониальные империи полноценными. Так, С.Н. Гавров, подразделяя империи на колониальные и идеократические (традиционные), считает, что «Колониальные империи являются, скорее, квазиимпериями, когда метрополия, как правило, географически удалена от колоний. В колониальной империи проявление имперскости во многом заключается в эксплуатации и ограблении колоний, а также, в качестве побочного эффекта, осуществление в определённых рамках цивилизаторской миссии «белого человека»¹. Близкая позиция и у В.Л. Махнач: «Колониальные державы не есть империи, даже если они так называются»². Однако, если не считать, например, Великобританию империей, то как быть с тем, что мир столетиями признавал её именно империей? Тем более что отношение современного Соединённого Королевства к своим бывшим колониям (Ирландия, Канада, Австралия) вполне континентально-имперское. Если не считать Великобританию империей, то рухнет геополитический концепт «империи моря». То есть, согласиться с подходом, не признающим имперскость за колониальными державами, никак нельзя.

В геополитике возобладал свой уникальный подход деления империй. Геополитика, как некая система знаний, рассматривает динамическое соотношение государств к наличной географии, а также такую стратегию государств, которая исходит из их интересов, распространяемых на всё пространство планеты Земля. Амбиции, распространяемые на всё мировое пространство, по определению могут быть только у мощных держав – империй (как бы они иначе не назывались). Поэтому геополитика подразделяет мировое политическое пространство на «империи суши» (Россия, Германия, Китай) и «империю моря» (империя англосаксов). Этот подход достаточно убедительно описывает многовековую борьбу за ресурсы и мировое влияние двух цивилизаций, океанской и континентальной, представленных соответствующими империями³. Как всякое деление, гео-

¹ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 42-43.

² Махнач В. Империи в мировой истории // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А.Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С.43.

³ Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики XX век. Сб. / сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ, 2003.

политическое также условно. Империя англосаксов действительно сформировалась на Британских островах, прежде всего, как морская держава. Два титульных этноса империи (англосаксы и евреи) во имя мирового господства исторически стоят на путях всех материальных и торговых потоков (отсюда необходимость мощного флота и военных баз, прежде всего, для контроля морских торговых путей), всех финансовых потоков (контроль за производством и распределением мировых денег, банков, бирж) и всех информационных потоков (контроль СМИ, образования, культуры). То есть, в современной «империи моря» контроль «моря» составляет лишь часть имперского могущества. С другой стороны, Россия, являясь «империей суши», всё более и более приобретает черты «империи моря». Об этом говорит рост морского могущества (увеличение военной флотилии и торговых судов), освоение Северного морского пути (с использованием новейших атомных ледоколов) и Арктики (о чём свидетельствуют арктические форпосты как военные, так и промышленные для добычи углеводородов). Лидер Китая (т.н. «империи суши») Си Цзиньпин 12.04.2018 публично поставил задачу создать в ближайшее десятилетие сильнейший в мире флот¹. То есть, и Китай планирует не просто иметь черты «империи моря», но быть на море ведущей державой.

Подобные подходы к имперской типологии, можно считать вполне общепринятыми (заметим, что деление империй на «континентальные» и «колониальные», в основном, совпадает с делением геополитического подхода на «сухопутные» и «морские»²). Проблема этих подходов в том, что в них «за скобки» выносятся имперская аксиология. На это прямо указывает О.Б. Подвинцев, считая, что в типологии «необходимо делать упор на чертах сходства и отличия в структуре различных империй, а не на их идеологическом оформлении, господствующем политическом режиме и прочих вещах...»³. В противовес такому подходу А.И. Фурсов указал, что «исследоваться должна не форма – имперская, а содержание, которое у разных империй разное»⁴. Солидаризируясь с А.И. Фурсовым заметим, что поли-

– С. 7 – 30. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея-центр, 1997. – 928 с. Стариков Н.В. Геополитика. Как это делается. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.

¹ Си Цзиньпин решил создать сильнейший в мире флот // Newstobe 15.04.2018. URL: <https://www.newstube.ru/media/si-czinpın-reshil-sozdat-silnejshij-v-mire-flot> (дата обращения: 01.05.2018).

² Подвинцев О.Б. Политические процессы в постсоветском пространстве.

³ Там же.

⁴ Фурсов А.И. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ла-

тическая функция любой идеологии должна легитимировать форму государственного устройства, в том числе, – приемлемость имперской формы вообще и её конкретного типа в частности. Следовательно, необходимо определиться с такой типологией, основанием которой будет имперская идея солидарности народов и соответствующая имперская аксиология. Близкий к этому подход у В. Видеманна. Он основан на том, что *солидаризирующие нацию принципы* составляют основу всякого государства. «Эти принципы находят свое выражение как в духовной, так и в материальной жизни нации, представляясь в первом случае каноном традиции, в во втором – законодательным кодексом...всякая государственность есть манифестация единения Духа и Почвы в знаках исторической традиции и актуального гражданского самосознания нации»¹.

«Солидаризирующие нацию принципы» есть составная часть любой имперской идеологии. Однако и они могут быть построены на совершенно разных ценностных основаниях (христианство, ислам, марксизм, нацизм, сионизм и других). Поэтому первостепенной является задача определения этих оснований имперского строительства. Для этого, как минимум, понадобится определить сущность имперского феномена, а затем эксплицировать «солидаризирующие нацию принципы».

Как человек, согласно христианству, обязательно имеет тело, душу и дух, – отмечает А.Г. Дугин, – так и структура идеальной Империи трихотомическая, она имеет пространство, народ и религию². Однако рассматривая реальные имперские образования (а не только идеальный тип), обнаруживается, что в одной империи религий может быть несколько (например, католицизм и протестантизм в Германской империи 1871—1918 годов), да и народов (как титульных имперских этносов) тоже может быть несколько (как это было в Австро-Венгерской империи). Поэтому, разделяя и развивая мысль о тройственной природе империи, нужно уточнить её содержание: «пространство, политическая нация и имперская идеология». Под политической нацией здесь будем понимать такую историческую

донью» // Русский интеллектуальный клуб [электронный информационный портал Московского гуманитарного университета]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4185/> (дата обращения: 18.12.2017).

¹ Видеманн В. Дух и почва русской государственности // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А.Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 14.

² Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 110.

социально-экономическую и культурно-политическую общность людей, которая сложилась в ходе формирования собственного государства¹. Имперская политическая нация, как правило, выступает как исторический союз разных национальностей и народов, объединённый титульным этносом (этносами), с идеей единой государственности и гражданственности для защиты или расширения сфер интересов этого союза. Имперская идеология (как, впрочем, и не имперская), в обязательном порядке выполняет морально-нормирующую (или нравственно-дисциплинирующую) функцию, опираясь на религию в традиционных обществах, либо на иной тип верования (в коммунизм при марксизме, в национальную исключительность при нацизме и т.п.). Таким образом, предложенное нами уточнение трихотомической структуры империи позволяет охватить все имперские типы, а не только «идеальный».

Чтобы дать компаративную оценку «солидаризирующим нацию принципам» (как составной части идеологии) используем парадигмальный подход (см. § 1 главы II), применимый к любым социальным построениям, и в первую очередь, – идеологическим. Согласно этому подходу, первой сверх-парадигмой является бого-признание, движимое Авелем, сыном первочеловека Адама (а также Сифом, третьим сыном Адама), а второй, оппозиционной к ней сверх-парадигмой является бого-отвержение (бого-умаление), движимое Каином, построившим первую цивилизацию, то есть, такое общественное устройство, которое создал отвергнувший Бога человек, идущий по пути материального прогресса и нравственно-духовной деградации. Такой бинарный подход вполне применим при анализе истории империй как реконструкции былых смыслов, и, в первую очередь – парадигмальных смыслов, а не обнаруженного набора исторических/археологических фактов из жизни империй. В.Ю. Катасонов, обратившийся к Библии, как началу всех начал, отметил ряд основных признаков бого-отвергающей каиновой цивилизации: это отпадение от Бога (замена Бога богатством и появление искусства и культуры, оторванных от Бога); эгоизм и индивидуализм; агрессия и желание убивать; «покорение» природы и др.² Бого-отвергающая каинская (или каинитская) парадигма известна знаковыми цивилизациями-символами: это первый в истории город-цивилизация, который

¹ Словарь патриота Отечества. – СПб.: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 69.

² Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / науч. ред. О.А. Платонов. Изд. 4-е, доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 1075-1076.

построил сам Каин, затем были построены «каинистами» Вавилон, Иерусалим и Карфаген, ещё позднее эту традицию продолжили Венеция, Генуя, Лондон и Нью-Йорк. С другой стороны, бого-признающая парадигма Авеля-Сифа-Христа отмечена в истории своими цивилизационными легендами: Афины – Рим – Второй Рим (Константинополь) – Третий Рим (Москва), представляющими собой полную и единственную в своём роде цепь духовной и культурной (парадигмальной) европейской преемственности. Социальная эволюция (по Б.Ю. Кагарлицкому, логическое следствие хозяйственной интеграции¹) привела к формированию империй, экспансия которых стала определяющим фактором цивилизационного развития. Таким образом, возможна парадигмальная (или идеологическая) классификация империй. В ней цивилизации-империи различаются, в первую очередь, по сверхобобщающим парадигмам, лежащим в основе их развития:

- варварская (бого-отвергающая) сверх-парадигма (Каина), проявленная в «дочерних» парадигмах ненависти (классовой, национальной, религиозной), обусловленная представлением о том или ином превосходстве (исключительности) одних перед другими;
- цивилизационная (бого-признающая) сверх-парадигма (Авеля-Сифа-Христа), проявленная в «дочерней» парадигме христианской милосердной любви, распространяемой на всех людей без какого то ни было исключения;

При этом не имеется ввиду тот цивилизационный подход, при котором империя подпадает под этап развития в рамках эволюции единой цивилизации, в основе которой лежит, например, по С. Хантингтону, «единство подсознательных, архетипических представлений о мире и человеке»². Имеется ввиду парадигмальный подход, при котором цивилизационность означает противопоставление дикости и варварству, а «варварство» означает антоним «цивилизационности» в вышеуказанной трактовке. В этом смысле возможно аксиологическое деление империй на варварские и цивилизационные. Их различие – в отношении к людям, в особенности к тем, кто не составляет титульный имперский этнос и, тем более, имперскую элиту. Если при доминирующей цивилизационной сверх-парадигме в империи одновременно присутствуют некоторые признаки варварства, то она может быть классифицирована как «условно-цивилизационная».

¹ Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, пер. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 33.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

Такой подход позволяет избежать многих заблуждений при попытках эксплицитировать понятие «империя». Например, «империя, – считает П.М. Хомяков, – это сильное большое многонациональное государство с авторитарным режимом правления, созданное с целью обеспечения преимуществ ведущей нации, образующей империю, несущей ответственность за неё перед Историей. Нация образует империю, своей волей и мощью заставляя служить себе земли и народы. С этой, заведомо идеализированной, точки зрения Римская и Британская империи, Третий рейх и подобные государства, безусловно, являются империями. А Россия ни в царском, ни в советском варианте классической империей не была»¹. Не разделяя империи на «варварские» и «цивилизационные», П.М. Хомяков под термином «империя» понимает исключительно варварский колониальный тип, вызвавший у него вполне понятную неприязнь, которую он ошибочно перенёс на все имперские типы. Цивилизационная (не колониальная) имперская суть России (впрочем, как и Рима, и Византии) остаётся у П.М. Хомякова вне имперской дефиниции, что не выдерживает элементарной критики.

Итак, «варварская империя» – это империя, в основе идеологии которой лежит бого-отвергающая (каинитская) сверх-парадигма. Это империя, признающая цивилизацию только титульного (стержневого) этноса или государственного ядра, состоящего из нескольких этносов. В такой империи элиты провинций/колоний не вливаются в имперскую элиту, а титульный этнос претендует на свою исключительность. К этому типу принадлежат империи, эксплуатирующие, подавляющие провинции, т. е. «берущие»: например, Третий Рейх, колониальные империи (например, Британская, Испанская, Португальская и Японская). К этому типу относится современная империя англосаксов. Последняя построена на фундаменте колониальной (варварской по отношению к колониям) Британской Империи. До XX века Лондон оставался имперским центром англосаксов. В XXI имперский центр переместился из Великобритании в США². Цель империи англосаксов – править миром по своему усмотрению, основой которого является представление об исключительности американской политической нации. Для достижения этой цели используются любые варварские средства, в том числе — игнорирующие международное право. Им-

¹ Хомяков П.М. Империи национальные и бюрократические // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А.Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 143.

² Словарь патриота Отечества. С. 38-40.

перия англосаксов была учреждена на варварской эксплуатации колоний и неравноправной торговле, прошла становление варварским истреблением десятков миллионов индейцев и варварской работорговлей неграми, а расцвела на крови организованных ею революций и мировых войн. Революции в России, провоцирование двух мировых войн, цветные революции, арабский терроризм, локальные войны во Вьетнаме, Афганистане, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, Украине – всё это явные свидетельства варварства империи англосаксов за последнее столетие.

«Цивилизационная империя» – это империя, предоставляющая условия и добровольную возможность «подтянуться» народам провинций до уровня цивилизации титульного этноса империи¹. К этому типу принадлежат империи, развивающие провинции, то есть, не только «берущие», но и «дающие»: Римская («Рим»), Ромейская («Второй Рим»), Священная Римская империя германской нации, Российская («Третий Рим») с присущими им идеями права и справедливости. Не имея определения «цивилизационная империя», понимая под ней «собственно империю», В.Л. Махнач считает, что собственно империями были Иран, Рим, Византия, Священная Римская империя германской нации (Австрийская империя), Россия и в части своей истории Турция², а В.В. Аверьянов использует для России другой термин-аналог – «своеобразная правильная империя»³. В противоположность варварской (колониальной или неоколониальной) цивилизационная империя даёт импульс развитию культур всех народов, её населяющих. Поэтому империи данного типа (например, Ромейская) – самые большие долгожители. Лучшей формы государственного устройства многонационального и многоконфессионального образования человечество за всю свою историю не выработало, и нет никаких оснований надеяться, что выработает. Единство цивилизационной империи – во множестве населяющих её народов. Сила и устойчивость цивилизационной империи – в содружестве её народов, составляющих единую политическую нацию. Для её граждан, независимо от национальности и вероисповедания, является честью ей служить (что было нормой в имперской России, независимо от того, немец ты, татарин или

¹ Словарь патриота Отечества. С. 139-140.

² Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения: 15.02.2018).

³ Аверьянов В. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. – М.: Книжный мир, 2014. – С. 363.

русский), а не прислуживать. Народам комфортно в цивилизационной империи, поскольку любые формы национальной исключительности жёстко пресекаются, никому не позволено притеснять малые народы. В Российской империи не было прибалтийских «лесных братьев», ОУН, УПА или иных массовых организаций нацистов, поскольку в ней провинции сохраняли свой национальный уклад, а национальные элиты вливались в имперскую элиту. Цивилизационная империя по А. Проханову – «это симфония народов, симфония языков, симфония пространств, симфония культур и верований. Это организация разрозненного, рассечённого человечества в огромную симфонию. Поэтому не надо бояться слова „империя...»¹. Но говорить о симфонии можно в контексте только цивилизационной империи, каковой была Российская, а затем и советская империя. Так, по А.И. Фурсову, «не будучи колониальной империей в западном смысле (т.е. в смысле капиталистической эксплуатации), Российская империя развивалась, как альтернативная и морским, и континентальным империям Запада вместе взятым, те есть, как альтернативный политико-экономический и геополитический имперский проект, и СССР лишь придал этому проекту социосистемную антикапиталистическую форму»².

«Условно цивилизационная империя» – это империя, построенная на фундаменте доминирующей цивилизационной сверхпарадигмы, но имеющей некоторые признаки варварства. В.Л. Махнач назвал такие империи как не ставшие полноценными, имея в виду, прежде всего, Турцию и Китай, ибо «Турция не создала единого организма, её отношения с иноэтническими территориями походят на отношения европейских держав XIX века с колониями»³. Говоря о Китае, В.Л. Махнач указал на его терпимость к представителям других народов (признак «цивилизационности») и одновременно на «абсолютную нетерпимость к представителям других культур» (признак «варварства») что приводило к повсеместной культурной адаптации (насильственной ассимиляции) некитайцев. При этом «полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство», поэтому «Китай — страна, обладавшая и

¹ Проханов А. Александр Проханов: «Было бы страшно потерять идею Новороссии ...» / Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2015. – № 6(9). – С. 43.

² Фурсов А. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладошкой».

³ Махнач В. Империи в мировой истории. С. 35–57.

созидавшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствовавшая верной имперской политики»¹.

«Верная» имперская политика – это та, которая соответствует политике цивилизационной империи (в предложенной выше классификации). Такой тенденцией в политике, хотя часто не идеально, но в целом, придержививалась Российская империя, СССР и нынешняя Россия, выполняющие свою цивилизационную миссию. Не идеальность, среди прочего, выражалась и в том, что русский народ, «располагал обширной империей, но не имел развитого чувства собственного империализма»². Но это уже иная, извечная проблема недоработок отечественной идеологии.

¹ Махнач В. Империи в мировой истории. С. 44.

² Сандэрлэнд У. Империя без империализма / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / под ред. И.В. Герасимова, С.Б. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. – Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. – С. 471.

§ 4. Признаки империи

Империя, будучи конкретной формой государственного устройства, имеет свои характерные признаки, отличающие её от других государственных образований. Эти отличительные признаки раскрывают имперскую суть. Анализ работ, связанных с имперской темой, позволил автору составить перечень этих признаков без претензии на абсолютную полноту, но с надеждой на достаточность.

Признак №1: могущество и суверенитет. Империи, прежде всего, – это мощные независимые государственные образования (сверхдержавы), обладающие подавляющим превосходством над другими государственными образованиями и потому являющиеся самыми значимыми игроками мировой политики и международных отношений. Политическое влияние предопределяется превосходством по какому-либо параметру (военному, экономическому или культурному) над другими государствами, причём самым существенным из них является военный. О превосходстве военного могущества над экономическим, образно, но убедительно говорят строки А.С. Пушкина в стихотворении «Золото и булат»: «”Все мое”, – сказал злато; “Все мое”, – сказал булат. “Все куплю”, – сказал злато; “Все возьму”, – сказал булат».

Во множестве определений имперских признаков, согласно А. Кольеву, «так или иначе, разными словами выражается одно: Империя — тип государственности, ориентированной на общемировые цели и достигшей контроля над целым геополитическим регионом¹. По Д. Ливену, термин «империя» жёстко связан с римским имперским государственным устройством и потому обозначал «власть, претендующую на всеобщий характер, или, по крайней мере, власть над огромными пространствами»².

В силу своего могущества, империи обладают реальным суверенитетом. «Ни одно национальное государство в сегодняшнем мире, – отмечает А.Г. Дугин, – не способно принципиально отстоять свой суверенитет перед лицом глобальной империи в среднесрочной и долгосрочной перспективах³. Тут особо следует отметить,

¹ Кольев А. Империя – судьба России // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 80.

² Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // SciCenter. online. URL: <https://scicenter.online/books-mirovaya-istoriya-scicenter/dominik-liven-imperiya-istoriya-sovremennyiy-103606.html> (дата обращения: 16.12.2017).

³ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 225.

что по Д. Ливену, в Древнем (до имперском) Риме термин «*imperium*» имел чётко определённый политический и институциональный смысл, близкий к современному понятию законного суверенитета¹. Всё это лишний раз подтверждает: могущество и суверенитет – это «сиамские близнецы»: без могущества не может быть суверенитета, а без суверенитета нелепо говорить о могуществе.

В настоящее время (2018 г.) сверхдержав, имеющих реальный суверенитет и имперские признаки, в мире три: Россия, Китай и США.

Признак №2: наличие провинций. Провинции – это (регионы, территории, страны), наделённые определённой внутренней автономией и неоднородные по своим экономическим и географическим условиям, этническому составу населения и культурным традициям. «Империя состоит из самоуправляемых провинций, отмечает В.Л. Махнач, – ... Есть провинции — есть империя. Нет провинций – тогда не империя. Империя похожа, как видите, даже на федерацию. Но на унитарное государство не похожа. Если империя начинает тяготеть к образу унитарного государства, однообразного государства, то она ведет неимперскую политику и империей быть перестанет»². Империя объединяет «государства, разумеется, потерявшие часть своей независимости, в основном, внешней»³.

В цивилизационных империях провинции живут по своим устоявшимся укладам, сохраняя свои языки, национальные традиции и верования. По А.Г. Дугину, в империи предполагается широкая автономия региональных социально-политических образований, входящих в ее состав (наличие элементов этно-конфессионального права на локальном уровне, наличие развитой системы местного самоуправления, возможность сосуществования различных локальных моделей власти — от племенной демократии до централизованных княжеств или даже королевств⁴).

В варварских империях (например, колониальных) колониям навязывается уклад метрополии, язык метрополии (английский в Индии, испанский и португальский в Южной Америке), а также религия (католицизм в южноамериканских колониях Испании и Португалии), да и то, в случае, если коренное население вовсе не уничтожает-

¹ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок.

² Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения 15.02.2018).

³ Махнач В. Империи в мировой истории // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 36.

⁴ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 217.

ся (индейцы в североамериканской колонии Великобритании).

Признак №3: наличие титульного (стержневого, ведущего, имперского) культурного этноса. Титульный этнос в империи, в отличие от федерации, является государствообразующим (римляне в Римской, греки в Ромейской, русские в Российской империях). Язык титульного этноса становится главным государственным языком, языком межнационального общения. Хотя в империях редко, но бывают два титульных этноса (например, в Австро-Венгерской Империи – австрийцы и венгры, а в империи англосаксов – англосаксы и евреи). Титульный этнос (этносы) является основой политической нации государства и его культуры. «В империи есть имперский этнос или стержневой народ, несколько средних и известное количество малых», причём стержневой народ не оставляет малые народы на произвол средних. «Каждый раз, когда распадается империя – рано или поздно империи прекращают свое существование, – тут же высвободившиеся из-под имперской опеки средние начинают всерьез сворачивать в бараний рог малых. И не потому, что они злодеи. Чисто злодейских народов, вероятно, не бывает. А просто потому, что они не имперские, они не пригодны к роли правителей. Они не умеют обращаться с малыми»¹. Эту мысль развивает и А.Н. Кольев: «Попытка создать на месте Империи “национальные государства” отбрасывает живущие в них народы к средневековому нефеодалному существованию, уродует государственные структуры, убивает этническую общность...»².

В цивилизационной империи комфортно всем народам, и большим, и средним, и малым. В этом её главная сила. Уместно замечание В.В. Аверьянова о симфоничности Русского мира как интеграции народов и культур: «У России есть драгоценный опыт строительства справедливых и мирных межнациональных отношений, многополярного и многоукладного бытия. Не было на Руси народов-господ и народов-рабов, Россия никогда не была «тюрьмой народов, здесь не было народов первого и второго сортов»³. Об этом же пишет и В.Л. Махнач: «У русского народа имперская культура вполне сложилась к XVI веку... Тогда же вполне проявляется и важный аспект – включение сначала отдельных представителей, а потом и целых народов в имперскую культуру. Это не подразумевало превращение

¹ Махнач В. Империя. Православное царство.

² Кольев А. Империя – судьба России. С. 87.

³ Доктрина Русского мира. Доклад Изборского клуба под редакцией В.В. Аверьянова/ Изборский клуб. Русские стратегии/ – 2016. – № 6-7 (42-43). – С. 28.

всех в русских. Культурные границы, в отличие от этнических, достаточно подвижны. А русско-имперская культура ухитрялась включать в себя даже представителей других религий...»¹.

Вместе с тем, чтобы не впасть в излишнюю идеализацию цивилизационных империй, следует отметить, что в них не всегда, в отличие от России, обеспечивались подлинное равноправие народов. «Одни народы благонадежны, у них большие права, а другие — ненадежны, у них маленькие права. Римляне были большими умниками. У них были разные степени гражданства. Было италийское гражданство, было латинское гражданство рангом повыше и с большими правами, и было римское гражданство со всеми правами», поскольку «тот мир понимал, что в том обществе, где все окажутся гражданами, на самом деле не будет ни одного гражданина»². Вместе с тем, была возможность заслужить своей благонадежностью (службой) полные права в цивилизационной империи.

Варварская империя, в отличие от цивилизационной, всегда обеспечивает одностороннее преимущество титульного народа, который своей волей и силой заставляет все иные этносы и народности себе прислуживать.

Признак №4: наличие единого политического и культурного центра (например, Рим – в Римской Империи, Константинополь – в Ромейской Империи, Москва – в Российской Империи, Лондон – в Великобритании, Вашингтон — в империи англосаксов, Пекин в Китае).

Империя – это всегда властная пирамида с политическим (финансовым, культурным) центром на её вершине. Так, по А.Г. Дугину, «империя представляет собой такое политико-территориальное устройство, которое сочетает жесткий стратегический централизм (единую вертикаль власти, централизованную модель управления вооруженными силами, наличие общего для всех гражданского правового кодекса, единую систему сбора налогов, единую систему коммуникаций и т.д.)»³. Авторитет центра обусловлен, с одной стороны, концентрацией властных структур, а с другой, – опережающим развитием (всех сфер социальной жизни) центра над провинциями. Единый политический центр – это центр силы, элитарный центр, финансовый центр, судебно-арбитражный центр (в том числе арбитраж провинциальных споров), центр культурного притяжения.

¹ Махнач В. Империи в мировой истории. С. 40.

² Махнач В. Империя. Православное царство.

³ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 216.

Признак №5: наличие единого географического, финансового, юридического и идеологического пространства. Империя стремится объединить входящие в неё народы и народности на основе единых финансовых инструментов, единых правовых идеалов и единых нравственных норм. Поэтому на всей территории империи действует единая идеология, единая экономика и единая армия. Имперская идеология (даже если таковой она и не называлась) должна обеспечить сплочение всех народов в единую имперскую политическую нацию. Впрочем, к этому стремится государство любой формы устройства: «Всякое государство представляет собой форму организации социального порядка, содержание которого определяется солидаризирующими нацию принципами»¹, которые составляют существенную идеологическую составляющую.

Признак №6: наличие императора. Император (от лат. *imperator* – повелитель) – титул монархов, возглавляющих государства имперского типа². Этот титул характерен преимущественно для европейской имперской традиции. В древности синонимом термина «император» был титул «монарх над монархами» (например, шах над шахами – шахиншах в Персидской империи).

Империи, зачастую, имеют монархическую форму правления, наследную или выборную. В Римской Империи были периоды диархии (правление двух) и даже тетрархии (правление четырёх). Но несколько императоров – это, скорее, исключение из имперской традиции, чем правило. Некоторые неоимперские образования, такие как СССР и США, формально – республики, но, по сути, их форма правления больше напоминает выборную ограниченную монархию.

Термин «император» (от лат. *impero* – властвую) первоначально означал почетный титул Древнего Рима, появившийся ещё в республиканские (доимперские) времена, которым награждался особо отличившийся полководец. Впоследствии, когда во главе Рима стал монарх, он и каждый последующий имел этот почетный титул, одновременно являясь «принцепсом», то есть первенствующим в Сенате. «Почти неограниченная власть императора гарантировалась соединением в одних руках нескольких республиканских римских должностей. Император был консулом, народным трибуном, цензором и предводителем войска. На объединении этого складывались его ис-

¹ Видеманн В. Дух и почва русской государственности // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 14.

² Словарь патриота Отечества. – СПб.: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 37.

ключительные полномочия»¹. «Позднеримский, а затем византийский император в законе именовался «автократором», «самовластцем», почти самодержцем, что весьма близкое понятие. Он считался источником закона». Кроме того, император был христианином и свои решения согласовывал со своей христианской совестью². Наличие императора, – отмечает В.Л. Махнач, – важнейший элемент империи, поскольку из трёх форм власти — монархии, аристократии и демократии – монархия наилучшим образом работает на единство. Царь – символ единства и нации, и государства, и империи. И даже некий дополнительный символ единства церкви, потому что царь есть первый мирянин в церкви.

Русский термин «царь» («цесарь», «кесарь» от лат. Caesar) – монархический титул, происходящий от имени Гая Юлия Цезаря (Gaius Iulius Caesar), фактического основателя имперской формы Рима, хотя формально его первым императором стал приёмный сын Цезаря – Октавиан Август (Octavianus Augustus). От имени Августа, в свою очередь, происходит монархический титул «Август», а люди королевских, царских кровей много столетий называются августейшими особами.

В период тетрархии в Римской империи два императора носили титул Августов, а два – Цезарей. Популярность Гая Юлия Цезаря в веках носит беспрецедентный характер, отсюда появление титулов-клонов, связанных с его именем: готского Kaisar, немецкого Kaiser (Кайзер), болгарского и сербского Цар и др. В России титул «Царь всея Руси» утвердился с 1547 г., когда 16 (29) января Великий князь Иван IV Васильевич Грозный был венчан на Царство. После принятия 21 октября (4 ноября) 1721 г. Царём Петром I Алексеевичем звания «Отец Отечества» и титула «Император Всероссийский», титул «царь» остался как составная часть полного императорского титула. Оставаясь всенародно признанным и любимым, титул «царь» продолжал повсеместно использоваться в России как синоним титула «император» вплоть до 1917 г.

Признак №7: наличие имперской элиты (политической, экономической, культурной и духовной). Государство любого типа формирует элиту (знать, аристократию). «В любом сколько-нибудь масштабном обществе образуются пирамиды властвующих и подвластных. Причём в составе властвующих, которых обычно называют правящим классом, в свою очередь, выделяется правящая элита»³.

¹ Махнач В. Империя. Православное царство.

² Там же.

³ Ларина Е. Война элит во времена перемен / Изборский клуб. Русские стратегии. – 2016. – № 4(40). – С. 30.

Качество элиты во многом предопределяет судьбу государства. Элита заинтересована в дееспособности государства, поэтому стоит на страже его интересов. В частности, имперская элита играет роль независимого и беспристрастного арбитра во внутриимперских этнических конфликтах, разрешая их самым оптимальным образом.

В цивилизационной империи имперская элита включает в себя представителей элит всех входящих в империю народов. Так было в СССР, в царской России и Римейской империи. Только примерно половина василевсов Римейской империи были греками – представителями титульного этноса. Немка Екатерина II была выдающимся императором России, грузин И.В. Сталин – выдающимся лидером Страны Советов. Это нормально для цивилизационных империй.

Направленность революций XVIII-XXI веков была, прежде всего, на уничтожение имперских элит. Так, национальные элиты Франции и России в периоды революций были уничтожены. «Революционерам пришлось учинить кровопускание почти каждому народу России, ну почти каждому, только в разной степени. И ведь вырезали элиту. Не только имперскую, и интеллектуальную, и торгово-промышленную элиту, и лучших представителей духовенства свели в могилу, и военную элиту. Вообще резали в основном элиту»¹. На освободившееся место пришли новые люди, удобные для империи англосаксов, в основном, представители национальных меньшинств, собственно и воплотивших революционные сценарии.

В варварской империи имперская элита включает в себя представителей только титульного этноса (титульных этносов), иногда (очень редко) с включением полностью ассимилированных с титульным этносом представителей других этносов. Так по сей день обстоит в империи англосаксов (Великобритании и США), где имперская элита состоит из WASP-ов (Wite – белый, AngloSacks – англосакс, Protestant – протестант) и евреев. Наполовину негр Б.Х. Обама – пока единственное исключение в истории США.

Признак №8: стабильность, долговечность и надёжность. История свидетельствует, что имперская форма объединения народов более стабильна от распада, чем федерации, конфедерации или, тем более, содружество. Она создаёт необходимый запас военной, научной, культурной и экономической прочности, позволяющей реализовывать масштабные государственные проекты и фундаментальные научные исследования и разработки. Только империи способны не просто выживать, но и развиваться в условиях экономических кри-

¹ Махнач В. Империя. Православное царство.

зисов и даже войн. «Персидская имперская традиция растянула свою историю с перерывами, с провалами и воскресениями на 26 веков, переходя из рук одного народа в Иране к другому. Византия просуществовала тысячу лет. Империи – долгожительницы. Значит, империя – удачное государство»¹. Имперская жизнеспособность объясняется рядом факторов (отсутствием экономических, таможенных препятствий, единым законодательством и т.п.), в числе которых присутствует очень важный ментальный фактор – надёжность. Так, согласно В.Л. Махначу, «Рим даже в тяжелые периоды не предавал никого и никогда. А это запоминалось. Рим был надежным. Так вела себя Византийская империя, защищавшая христиан в Закавказье и балканских славян. Так вела себя Российская империя, и свидетельство тому — две русско-турецкие войны при Екатерине, потом при Александре Первом, две при Николае Первом и, наконец, при Александре Втором последняя русско-турецкая война 1878-79 годов. Кстати, Священная Римская империя германской нации, впоследствии Австрия, в общем, вела себя так же, защищая подданных и соседей от турок. Надежность империи есть условие её существования. Это обременительно, но это запоминается»².

Признак № 9: источник международного права. Империи обладают реальным суверенитетом. Они являются реальным источником вненационального правового урегулирования межгосударственных отношений. Империи соблюдают международное право только в случае, если в процессе его формирования они участвовали и посему признают. Но и в последнем случае, например, империя англосаксов свои интересы всегда ставит выше международных и поэтому международное право (в частности, резолюции ООН) постоянно игнорирует. Диктату империи англосаксов могут противостоять только другие империи. Эту роль в последние годы взяли на себя Россия и Китай. Международное право работает, если мировые империи его признают и выполняют. В настоящее время США его не выполняют, следовательно, нужно рассчитывать не на международные правовые институты (они ничего не стоят, если они для империй не авторитетны), а на консенсус империй.

Согласно В.Л. Махначу, империи выполняли функцию международного арбитра несколько тысяч лет. «Персидская выполняла, Римская выполняла, Византийская выполняла. Выполняла и наша Российская империя. Всегда безупречно? Нет. Всегда по-христиански?

¹ Махнач В. Империя. Православное царство.

² Там же.

Нет. Ошибки в политике бывают. Но уж одно я вам могу сказать точно. Куда лучше любая из этих империй справлялась с функцией международного арбитра, нежели сейчас это делает Организация Объединенных Наций, окончательно потерявшая минимальную объективность и малейшие признаки совести в международных вопросах». Поэтому, как справедливо считает В.Л. Махнач, «если Россия в полном смысле этого слова, Россия как последняя империя, а не куца Российская Федерация в составе СССР, которую нам предлагают называть Россией, не будет восстановлена, то человечество выходит на финишную прямую. Сколько будет длиться эта финишная прямая, конечно, никто не знает. Бог ведает. Но тогда все идут к финалу, к концу времен. А если будет Россия, ещё посмотрим»¹.

Признак № 10. единство в многообразии. Цивилизационная империя позволяет объединить народы в единый мировой проект развития. Согласно А.Г. Дугину, «в империи воплощается ... сочетание в единство различий, которые, сохраняясь как таковые, интегрируются в общую стратегическую матрицу. Империя – это высшая форма человечности, высшее её проявление. Ничего гуманнее Империи не существует»². Для граждан такой империи, независимо от национальности и вероисповедания, является честью ей служить (что было российской нормой в дореволюционные времена, независимо от того, ты немец, финн, татарин или русский). «Счастье идеально-типического подданного империи не в правах и свободах, не в собственности, а в бескорыстном служении Должному, являющемуся ему в образе имперской власти: служба для государства на высоком посту – это и есть подлинная самореализация в России»³. Правильно организованная империя обеспечивает стабильность и даёт импульс развитию культур всех народов, её населяющих. Единство империи – во множестве населяющих её народов. Только в рамках объединяющего цивилизационного имперского проекта можно сохранить суверенность, этническую самобытность, защитить народы от «катка» либерализма, уничтожающего национальную идентичность, противостоять внешним угрозам.

Правильно организованная цивилизационная империя гарантирует мир всем народам, её населяющим. Вне империи малые и средние народы легко оказываются в перманентных междоусоб-

¹ Махнач В. Империя. Православное царство.

² Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 110.

³ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 65.

ных конфликтах. «Российская Империя умирjala этническую конфликтность на огромных пространствах Евразии. Россия сочетает свою государственную форму с задачей объединения народов в единую цивилизацию, хранящую разноплеменную самобытность в русле общенациональной культуры, но подавляющую извечно жестокие междоусобицы (какие мы видим, например, между осетинами и ингушами, армянами и азербайджанцами, чеченцами и русскими, сербами и хорватами). Так было в прошлом, так должно быть и в будущем»¹.

Если в империи нарушается принцип «единства в многообразии», то империя перестаёт быть цивилизационной, становясь либо «условно-цивилизационной» (Китай, Турция), либо варварской (США). По А.И. Фурсову «в XX в. США и СССР в разных формах и на разной основе (капиталистической и антикапиталистической) попытались создать принципиально новый идеал (“американская мечта”, “советская мечта”) наднациональный..., протоголобальный тип общества»². «Американский народ» и «советский народ» – это искусственные «принципиально новые исторические общности людей». Чем закончится американский проект создания наднационального (безнационального) народа – покажет время. Хотя данные, свидетельствующие о культурной деградации США, не вселяют былого оптимизма.

Из истории хорошо известно, народы рождаются (например, украинский народ искусственно был окончательно сформирован большевиками на основе русской ветви малороссов в XX веке) и исчезают (например, скифы, просуществовавшие с VIII в. до н. э. до IV в. н. э.). «Советский народ» точно не стал новым народом. Народ в 300 миллионов человек не может мирно исчезнуть за несколько дней, как это произошло в 1991 году. В СССР не нашлись силы, защищающие «советский народ», значит, такового и не было. Была лишь его иллюзия. Остались реальные народы, которые мгновенно «разошлись» по национальным республикам. Поскольку в СССР национальная самобытность не отменялась, республики с национальными культурами сохранялись, то Советский Союз относился к цивилизационному типу империи.

Однако без ошибок не бывает социальных проектов. Так, в це-

¹ Махнач В. Империи в мировой истории. С. 44.

² Фурсов А.И. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладонью» // Русский интеллектуальный клуб [электронный информационный портал Московского гуманитарного университета]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4185/> (дата обращения: 18.12.2017).

лом, будучи цивилизационной, Советская империя допустила непоправимые ошибки в национальном вопросе (репрессии, депортации народов, неравноправие нацменьшинств, имеющих государства за рубежом и т.п.), волюнтаристски и несправедливо перекроила границы республик (Крым и юго-восток Украины, Казахстан и т.п.). В цивилизационных православных империях подобных ошибок было значительно меньше. В Российской империи уровень цивилизованности был больше, поэтому там не было прибалтийских «лесных братьев», ОУН, УПА или иных массовых национально-диверсионных объединений. В Российской империи провинции сохраняли свой национальный уклад, а национальные элиты вливались в имперскую элиту. Так, в Эстонии и Финляндии благодарные потомки до сих пор бережно сохраняют памятники царского времени, историческую память о Российской империи.

Признак № 11: универсальность империи и экспансия. Империя – это универсалия, претендующая на вселенский масштаб влияния, но не обязательно на новые территории. Римская империя «считалась единой, универсальной, мировой, Римской, хотя она не претендовала на новые земли. Не потому мировой, что она хотела овладеть всем миром, а потому что была первенствующим государством всего мира, кстати, всеми признанным. Рим создал идею универсальной империи как идею общего блага. Универсальность империи отражается в универсальности знания. Идея универсальности империи есть один из её атрибутов...»¹.

Империя осознаёт универсальность своего политического устройства для множества народов, ищущих, с одной стороны, мира, защиты, стабильности, развития, прогресса, а с другой, возможность сохранения своей национальной и религиозной идентичности. В принципе, имперская универсальность применима для масштабов всего мира. Так мыслил свою мировую империю Александр Македонский и многие его европейские последователи. Знаменитая фраза «Все дороги ведут в Рим» есть одно из отражений имперской универсалии: дороги – это стратегическая военная необходимость, дороги – это важнейшее условие торгово-экономического развития, дороги – это возможность культурного обмена. Империи, по А.Г. Дугину, «практически всегда означали модернизацию народов, обществ и государств, попадавших в границы империи. Устанавливали на огромных пространствах общий социальный и правовой уклад, унифицировали и открывали частные этнические общины для интен-

¹ Махнач В. Империя. Православное царство.

сивного диалога со всеми остальными, способствовали техническому развитию, облегчали торговлю и иные формы культурного обмена, создавали предпосылки для развития гражданского общества»¹.

Империя осознаёт свою идеологическую универсальность и духовную миссию. Мессианство в империях может осознаваться в разных императивах: гражданских (дохристианская Римская империя), цивилизационных (Персидская империя), религиозных (Ромейская империя, Арабский халифат) или идеологических (коммунизм советской империи, нацизм в Третьем Рейхе, либерализм империи англосаксов).

Универсальность политического устройства, идеологическая универсальность и мессианство определяют имперскую экспансию. Экспансия характерна для всех типов империй. Характерна она и для России. По А.И. Фурсову, «Россия – вообще единственная современная (modern) незападная империя, которая с XVI в. постоянно расширялась, ее история – это перманентная экспансия, которую в XX в. на другой основе продолжил СССР»². Говоря о российской экспансии, следует обратить внимание на справедливое замечание В.В. Аверьянова: «В русской мир-империи экспансия означала для других народов не захват и разграбление, а защиту и покровительство (как при царе, так и при советской власти); при этом империя поддерживает разнообразие и предотвращает смешение в этнокультурном и религиозном плане»³.

Имперская универсальность характерна и для США. Так, согласно А. Кольеву, «чтобы понять универсальность принципов Империи для построения любого крупного государства, достаточно взглянуть на публицистику отцов – основателей США. Весь пафос их лозунгов и призывов показывает, что создаваемая американская республика несла в себе все признаки Империи. Федерализм и республиканское правление были лишь формой воплощения Империи»⁴.

Признак № 12: естественность. Насколько монархия естественна как форма правления, настолько империя естественна как форма государственного устройства многонационального и многоконфессионального образования. В каком-то смысле, империя – это расширенная великим множеством народов монархия, расширенная интеграцией хозяйства, расширенная культурной интеграцией,

¹ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 215.

² Фурсов А. «Имперология» без теории, или «хлопок одной ладошкой».

³ Доктрина Русского мира. С. 31.

⁴ Кольев А. Империя – судьба России. С. 84.

расширенная в идеале, до масштабов мира. К формированию империй привела социальная эволюция и хозяйственная интеграция¹. Б.Ю. Кагарлицкий безусловно прав: Римская и Персидская империи тому явное свидетельство.

Естественность империй – важнейший фактор империостроительства. Поэтому главной геополитической тенденцией мировой истории является постоянное стремление к формированию империй, как инструмента экономического, культурного и политического влияния, вплоть до мирового господства. Примеры тому – Персидская, Римская, Ромейская, Татаро-монгольская, Османская, Германская, Британская, Австро-Венгерская, Российская империи и многие другие. Практически все европейские народы прошли школу империй. Поэтому логично, что мировой политический процесс трактуется Дж. Кьезой, как война империй за право распоряжаться эволюционным каналом развития человечества (причём участники этой войны, а именно: Китай, Иран, США (Европа) и Россия – рассматриваются как актуально имперские образования)².

Рассматривая имперскую естественность для России, А.Г. Дугин пишет: «Русские исторически всегда были империей, а значит, этот опыт не будет искусственным. Менялись идеологические установки – от православно-монархической модели до советской — но воля народа объединять культурно и цивилизационно гигантские просторы Евразии оставалась неизменной»³. И далее точно замечает: «сочетание стратегического централизма и широкой автономии, а также самоуправления, что представляет собой характерный признак империи, тоже не придётся создавать искусственно. Почти так и обстояло дело в Российской империи и даже отчасти в СССР. Нечто подобное сохранилось и в Российской Федерации, где проживает множество этносов и локальных культур. Ведь Российская Федерация — тоже своего рода империя, только миниатюрная, противоестественная, основанная не на реальных культурных ареалах общей цивилизации, но на искусственных административных делениях»⁴.

Признак № 13: обрушение и возрождение («конец и вновь начало»). Несколько тысячелетий, вплоть до начала XX века империи

¹ Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, перераб. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 33.

² Кьеза Дж. Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния. – М.: Эксмо, 2006. – С. 10.

³ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 241.

⁴ Там же. С. 242.

были нормой политической жизни Европы. На европейской политической карте сосуществовали Российская, Германская, Австро-Венгерская империи и Великобритания (квази-унитарное государство, но по сути тоже империя). Спустя столетие, к XXI веку, в названиях государств уже практически не встречается термин «империя», подтверждая знаменитое, внушённое европейцам, утверждение – «все империи рушатся». Однако это утверждение требует существенной корректировки: «все империи, кроме своей, рушатся империей англосаксов», ибо по задумке англосаксов в мире должна остаться только одна англосаксонская империя-сверхдержава-гегемон. Действительно, революции и войны, организованные англосаксами (Великобританией и США) привели к краху всех континентальных европейских империй. На их месте образовались либо федеративные, либо унитарные республики. Государство-нация (национальное государство) в XX веке становится абсолютно доминирующей формой государственности в Европе. В соответствии с этой доминантой складываются федеративные (постимперские) формы интеграции таких государств. Таков итог насильственной демократизации Европы англосаксами.

Тем не менее, кроме империи англосаксов, такие сверхдержавы, как Россия и Китай, сумели сохранить явные имперские признаки, свидетельствующие о том, что империи существуют вечно, во всяком случае, пока существуют государства. С XX века под давлением англосаксов империи существуют в завуалированной форме. Попытаемся разобраться, зачем и кому нужна эта «вуаль», прикрывающая истинную имперскую суть сверхдержав.

Дело в том, что в современной политической практике, политологии и в социальной науке миру навязаны представления англосаксов о формах государственного устройства (какие правильные, а какие нет). «Современной науке, – отмечает А.И. Фурсов, – навязан англо-американский (англосаксонский) проект, а сама эта наука в своих понятиях, теориях и оценках – самовосхваление и универсализация англосаксонского исторического опыта¹. Далее А.И. Фурсов продолжает: «Империи оказались “хуже” нации-государства, только потому что они мешали Британской империи и ее ядру – британскому нации-государству, также как американскому нации-государству. Империи были побеждены. Но это не значит, что они хуже. Грубо говоря, миф о нации-государстве как венце политического творения

¹ Фурсов А. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладошкой».

создавали мировые грабители. Во-вторых, в конце XX в. нации-государства отступают, слабеют...»¹. Поскольку, с одной стороны слабеют нации-государства, а с другой, – мир видит ренессанс России и Китая, имеющих явно имперские притязания, то напрашивается очевидный вывод: имперская парадигма в XXI веке обретает новое рождение. Тем более, что история свидетельствует: федерации являются менее прочными, устойчивыми и долговечными многонациональными образованиями, чем империи.

Для российских условий возрождение имперской государственности означает реализацию естественного права русского народа/русской политической нации на жизнь, и наоборот, «отказ от имперскости для России означает скорое прекращение существования русской нации, а значит и обрушение российской государственности в целом, превращение территории России в – большие Балканы, где схлестнутся в своих амбициях не только местные удельные князьки, но и интересы мировых цивилизаций, стремящихся к контролю за сырьевыми богатствами некогда сильного государства»².

Рассмотренные признаки империи демонстрируют, что империи – не исчезающая надвременная форма государственного устройства, поскольку имеет неоспоримые преимущества перед иными формами. Империя – отнюдь не ушедший тип государства, хотя с XX века он существует в завуалированной форме (в основном, под прикрытием федерации). А раз так, – то необходимо переосмысление и реабилитация феномена «империя», но прежде всего, – экспликация этого важнейшего понятия.

¹ Фурсов А.И. «Имперология» без теории, или «хлопок одной ладонью».

² Филиппова Т., Олейников Д. Теоремы империи // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 6.

§ 5. Экспликация понятия «империя»

Приведенные в § 4 главы IV признаки империи в значительной мере раскрывают особые её приметы (свойства), отличительные от других форм государственного устройства, а также позволяют идентифицировать именно эту форму. Вместе с тем, для полноты определения термина «империя» необходимо раскрыть сущность этого феномена. Последняя задача, за которую бралось много исследователей, оказалась довольно сложной. Эту сложность Д. Ливен объясняет так: «Помимо современной полемики вокруг понятия «империя», его использование вызывает значительные затруднения ещё и потому, что с того самого момента, как две тысячи лет назад в латинском языке появилось слово *imperium*, оно постепенно приобрело множество смысловых значений»¹. По справедливому замечанию Д. Ливена, «сегодня семантическое поле «империи» излишне «перегружено», зачастую трактуется слишком широко. Необходимы теоретико-методологические усилия, чтобы данный термин имел более строгое истолкование и был более чётко операционализирован...»². Ему вторит А.И. Фурсов, обращая внимание на особенность империи в русско-российской реализации: «русская история (и Российская империя) противостоит всему остальному – “докапиталистическому” и “капиталистическому” вместе взятому, а потому требует для себя совершенно иной теории, чем, например, китайские империи или британская. Только адекватная теория сможет направить содержательное и сравнительное изучение империй в правильное русло, а не в тупик некой “империологии”. Разработка такой теории тем более необходима, что интерес к имперской тематике будет возрастать, и соблазн “империологии”, особенно для не обремененных солидной теоретической подготовкой умов, велик»³.

Исследуя имперскую тему, Э.И. Дамирчев так характеризовал обширность библиографической базы источников: 1) научные исследования, диссертации, монографии, статьи, в которых даются определе-

¹ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // SciCenter.online. URL: <https://scicenter.online/books-mirovaya-istoriya-scicenter/dominik-liven-imperiya-istoriya-sovremennyiy-103606.html> (дата обращения: 16.12.2017).

² Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI в. до наших дней. – М.: Европа, 2007. – С. 42.

³ Фурсов А.И. «Империология» без теории, или «хлопок одной ладонью» // Русский интеллектуальный клуб [электронный информационный портал Московского гуманитарного университета]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4185/> (дата обращения: 18.12.2017).

ния и предпринимаются попытки построения теоретической модели империи; 2) сочинения, с одной стороны, апологетов имперско-монархической государственности (в которых наиболее ясно показана сущность самой имперской идеи), с другой стороны, её противников; 3) первоисточники, помогающие пролить свет на генезис, функционирование и сакрально-правовые основы имперской государственности; 4) исторические труды; 5) работы политико-философского и культурологического характера, оппонирующие имперской идее. Исходный материал огромен, но, несмотря на это, Э.И. Дамирчев чётко выделил основное: «специфика империи в ряду других типов государственности связана, прежде всего, с универсализмом и сакрально-правовыми феноменами»¹.

Солидаризируясь с А.А. Бычковым, Э.И. Дамирчев признаёт, что идея империи по своей сути является идеей об «универсальном предельно целостном вечном политическом порядке, нацеленном на осуществление идеальных предельно общих целей»². Идея империи – это, в определённой мере, результат поиска предельно общих социальных смыслов. Далее Э.И. Дамирчев указывает, что империя, прежде всего, – это политико-философская идея, и потому она нуждается в изучении с помощью соответствующего ей подхода (в частности, ошибочно рассматривать конкретную империю как индивидуальный событийно-временной комплекс, не связанный с общим имперским феноменом)³. Как бы развивая эту мысль, А.Г. Дугин эксплицирует упомянутую политико-философскую идею: как человек обязательно имеет тело, душу и дух, согласно христианству, так и структура идеальной Империи трихотомическая, она имеет пространство, народ и религию⁴, что рассмотрено в параграфе 3 главы IV с уточнением тройственной природы империй через ключевые понятия: «пространство, политическая нация и имперская идеология».

Под «пространством» понимаются имперские владения на суше и морях, существенно превышающие владения унитарных/национальных государств.

«Политическая нация» – это историческая социально-экономическая и культурно-политическая общность людей, которая сложилась

¹ Дамирчев Э.И. Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2010. – 173 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 110.

в ходе формирования собственного государства¹. Имперская политическая нация, как правило, выступает как исторический союз разных национальностей и народов, объединённый титульным этносом (этносомами), с идеей единой государственности и гражданственности для защиты или расширения сфер интересов этого союза.

«Имперская идеология» включает две составляющие универсалии. Первая универсалия есть форма государственного устройства имперского типа, позволяющая обеспечить сосуществованию множеству входящих народов мир с едиными нормами общежития и прогресс. Эта универсалия обусловлена решать межэтнические проблемы, культурный обмен и торгово-экономические связи. Экспансия этой универсалии ограничена экономической или политической целесообразностью.

Вторая универсалия есть духовная цель строительства сверхдержавы. Империя должна выполнить для народов мира некую духовную задачу огромной важности и непосильную для её решения не имперским государствам. Имперская идеология всегда опирается на тот или иной тип Веры, предопределяющий постановку духовной задачи. Так, имперская идеология опирается на религию в традиционных империях (православие в Ромейской и Российской империях, католицизм в Священной Римской империи германской нации), либо на иной тип верования в «новаторских» империях (в коммунизм при марксизме, в национальную исключительность при нацизме и т.п.).

Таким образом, предложенное уточнение трихотомической структуры империи и обобщение вышеизложенного материала позволяют охватить все имперские типы, а не только некий «идеальный», и вплотную подойти к экспликации понятия «империя».

Империя (лат. imperium, от гл. imperare властвовать, командовать) – форма многонационального и многоконфессионального государственного устройства, имеющая трихотомическую структуру: имперское пространство, имперская политическая нация и имперская идеология. Суть империи наиболее полно раскрывается/отражается наличием характерных признаков:

- могущество. Империя – это мощное независимое государственное образование (сверхдержава), обладающее реальным суверенитетом и подавляющим превосходством (военным – самым важным, экономическим или культурным) над другими государствами, и по

¹ Словарь патриота Отечества. – СПб.: Луна, Изборский клуб Новороссии, Донецк, 2017. – С. 69.

сему являющееся одним из ведущих акторов мировой политики и международных отношений;

- наличие провинций. Провинция – это территория (страна, регион, округ и т.п.), наделённая определённой внутренней автономией. Провинции могут быть неоднородны по своим экономическим и географическим условиям, этническому составу населения и культурным традициям;

- наличие титульного (стержневого) культурного этноса, являющегося государствообразующим (римляне в Риме, греки в Римейской империи, русские в России). Язык титульного этноса становится главным государственным языком, языком межнационального общения. Реже, но в империи может быть государственное ядро, состоящего из нескольких этносов (например, в Австро-Венгерской империи – австрийцы и венгры, а в империи англосаксов – англосаксы и евреи). Титульный этнос является основой политической нации империи, понимаемой как союз всех входящих в империю народов;

- наличие императора. Империя, как правило, имеет монархическую форму правления;

- наличие имперской элиты (политической, культурной и духовной);

- наличие единого политического центра (например, Рим – в Римской империи, Константинополь в Римейской, Москва – в Российской, Лондон – в Британской, Вашингтон – в империи англосаксов);

- наличие единого финансового, юридического, оборонного и идеологического пространства, понимаемого как общее имперское пространство;

- наличие имперской идеологии, включающей две универсалии: первая отражает идею государственного устройства имперского типа, дающую всем входящим в империю народам мир и прогресс. Вторая отражает духовную Идею-миссию для всего человечества на основе того или иного имперского верования (религиозного или материалистического).

В зависимости от имперской идеологии (точнее, в зависимости от сверх-парадигмы, лежащей в её идеологическом основании) империи подразделяются на варварские, цивилизационные и условно-цивилизационные (см. § 3 главы IV).

§ 6. Европейская имперская преемственность

Итак, имперская идеология включает две универсалии: идею государственного устройства имперского типа и духовную Идею-миссию. В зависимости от сверх-парадигмы, лежащей в основании Идеи-миссии империи подразделяются на варварские, цивилизационные и условно-цивилизационные. Цивилизационность или варварство проявляются не в имперских декларациях («словах»), а в имперской истории («делах»). Самоочевидно, что идеи преемственны, поэтому исследование европейской имперской преемственности, представленной в данной главе, имеет исключительную важность для понимания русско-российской имперской сути. Но прежде необходимо рассмотреть цивилизационную историческую ретроспективу имперского зарождения, становления, и лишь затем – преемственности.

Имперская модель правления и поведения впервые проявилась в реформах Персидского царя Дария I, в которых на нижних уровнях сохранялись местные социальные институты (даже местные царьки сохраняли свои династии), позволяющие каждому народу жить по своим законам. «Царский (персидский) закон применялся исключительно к отдельным, наиболее тяжким видам преступления». «Местные царьки сохранили свои династии», но над ними возвышались сатрапы (царские наместники). Ещё выше по иерархии располагалась царская администрация (именно к ней сходились все нити государственного управления) с царём на вершине пирамиды власти. Такая имперская структура Персии обеспечивала своим, входящим в неё народам, мир, экономическую стабильность и прогресс¹. Это был настолько замечательный образец государственного устройства, что римские правители, подражая, осмысленно его воспроизвели. Даже древнеперсидский имперский символ (аналог герба в современном понимании) – одноглавый орёл не случайно стал символом Римской империи.

Древние цивилизации в Европе возникали уникальным образом. Вначале формировался город. Затем, развиваясь, он превращался в город-государство, подчиняя себе близлежащие земли и посёлки. Так было с Афинами, Спартой, Римом и многими другими. Далее выстраивались отношения между этими государствами, которые нередко заканчивались захватническими войнами. На каком-то этапе Римская республика оказалась сильнее греческих государств и во II веке до н.э. подчинила их себе. Культурно менее развитое римское государство подчинило себе более развитые. Такое не раз было

¹ Величко А.М. История Византийских императоров. От Константина на Великого до Анастасия Первого. – М.: Вече, 2012. – С. 10.

в древней истории. Случалось и так, когда развитые цивилизации и вовсе исчезали под игом варваров, но с Римом произошло иначе. Римские захватчики настолько очаровались греческой культурой, что постепенно в Риме становилось модным все греческое: греческий язык, греческая философия и греческое искусство, а детей обучали непременно учителя-греки. В Рим приезжали и работали прославленные греческие художники, скульпторы и архитекторы. Греческая знать плавно вливалась в римскую элиту. В Древнем Риме появилось изречение: «Плененная Греция победила своего некультурного победителя» (Гораций). Даже римские боги (Юпитер, Венера, Геркулес, Диана и др.) являлись адаптацией греческих богов (Зевса, Афродиты, Геракла, Артемиды и др.). Появилось знаменитое на весь мир Римское право, как дальнейшее развитие Афинского права. Рим, подражая греческим культурным образцам, стал абсолютным цивилизационным преемником Древней Греции, оставив глубокое влияние на весь дальнейший цивилизационный код Европы.

Римская республика развивалась и расширялась. Однако республиканская форма с её демократическими институтами теряла устойчивость при управлении множеством удалённых провинций, находящихся на разных ступенях общественного развития. Кроме того, единения державы-империи требовала экономика, ибо назрела необходимость «хозяйственной интеграции»¹. Поэтому представляется вполне логичным и закономерным, что Римская республика, включившая в себя множество разнородных, разноукладных провинций, в 27 году до н.э. переросла в империю. Имперский Рим стал родным и близким для множества народов, поскольку имперская форма государственности была и остаётся лучшей для многонационального и многоконфессионального государства. Философ и поэт Сенека выразил это так: «Рим – общее наше отечество», а римская поэтесса Эрина писала: «Рим превратил мир в стройную общину». Так возникла знаменитая Римская империя – тот самый «Рим», который воплощает имперское величие и мощь. Он стал духовным цементом, соединяющим разрозненные племена с полным правом претендующим на вселенскую политическую и культурную значимость.

В Римской империи был рождён Иисус Христос, изменивший на тысячелетия мировоззрение и духовный мир европейцев, отделив раз и навсегда истину от лжи, праведность от греховности, но языческая на тот момент Римская империя под влиянием фарисеев

¹ Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, перераб. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 33.

распяла Его. И потом ещё три века преследовала и казнила последователей Христа. Язычество, основанное на древней мифологии, стало духовным, интеллектуальным и цивилизационным тормозом для империи, осознавшей свою вселенскую миссию. «Философский ум грека гораздо раньше Рима воспринял проповедь Христа, и христианских общин на Востоке было несравнимо больше, чем на Западе»¹. Это понял римский император Константин Великий. По ряду причин, в том числе для того, чтобы расстаться с язычеством, он в 330 году переносит столицу империи из Рима в Константинополь (то есть подальше от своенравных и языческих римских патрициев) и постепенно делает христианство официальной религией всей Римской империи. Так был рождён «Новый Рим», или «Второй Рим» со столицей в Константинополе. Впоследствии империя стала называться Ромейской (в переводе с греческого – римской). Эта была всё та же Римская империя².

Следует отметить, что в 395 г. произошло разделение Римской империи на две части: западную и восточную. Западная часть Римской Империи скоро пала (в 476 г.) под натиском варваров, на её территории позднее сформировались самостоятельные европейские государства. Восточная часть Римской империи осталась исторической, культурной и цивилизационной преемницей Рима ещё на протяжении почти десяти столетий. Её в те времена часто именовали «Импе-

¹ Величко А.М. История Византийских императоров. С. 20.

² История Римской империи (27 г. до н.э. – 1453 г.) разделяется автором на две эпохи:

27 г. до н.э. – 330 г. – дохристианская эпоха («Рим») со столицей в Риме. В пределах дохристианской (языческой) эпохи в истории Римской империи можно условно выделить периоды деления империи: на две части (правление двух, диархия, двоевластие), восточную и западную (285- 293 гг. и 313- 324 гг.) и даже на четыре части (правление четырёх, четверовластие, тетрархия, 293 – 313 гг.). При этом Римская империя этих периодов являлась единым государством.

330 – 1453 г. – христианская эпоха («Второй Рим») со столицей в Константинополе. В пределах христианской эпохи в истории Римской империи можно условно выделить периоды:

- латинский (доромейский) период (330 – 395 г.).
- период двоевластия (395 – 476 г.), то есть деления империи на две части: восточную (греческую) и западную (латинскую, павшую под натиском варваров в 476 г.); Римская империя этого периода по-прежнему считалась единым государством под управлением двух императоров (августов).
- ромейский (греческий) период (395 – 1453 г.); Римская империя этого периода вошла в ХУІІІ века сначала в западную, а потом и мировую историческую науку под искажёнными названиями «Византийская империя», «Византия» или «Восточно-римская империя».

рией греков» из-за преобладания в ней греческих языка и культуры. В Древней Руси её обычно называли «Греческим царством», а столицу – Царьградом. А вот западные историки XVIII века окрестили эту империю как «Византийская» (или «Византия», или «Восточно-римская империя»), но на самом деле она была и оставалась Римской. Историки в XVIII столетии называли её Византийской, чтобы отличать её от Рима «первого» и вообще от западной части империи. «Главная причина такой «переработки» истории заключалась в желании поздних историков придать видимость законности существования, начиная с VIII в., Священной Римской империи германской нации – плод исторических трудов франкского племени, и обосновать её в качестве единственного законного наследника римской цивилизации. Для этих целей некоторые позднейшие западные исследователи искусственно представили позднюю Державу в виде нового государства греков, якобы не имевшего ничего общего с Римской империей»¹. Однако граждане «Византии» называли свою державу Римской (по-гречески – Ромейской), а себя – римлянами (по-гречески – ромеями). К слову сказать, греки Приазовья в Донбассе, будучи крымскими переселенцами XIX века, вплоть до середины XX века по стародавней традиции продолжали называть себя ромеями (!). Тем не менее, название «Византийская империя» исторически устоялось, несмотря на историческое искажение, и вошло в научный обиход.

Итак, с IV по XV века Ромейская (Византийская) империя становится бесспорной законной преемницей Римской империи. Второй Рим, имевший греков своим титульным культурным этносом, построил из языческой Европы величайшую христианскую цивилизацию, сохранив полную цивилизационную преемственность Риму и Древней Греции.

К началу XIII века Запад, попавший под искушения властных амбиций и алчности, окончательно становится христианским вероотступником, довершив великий раскол единой христианской Церкви на Католическую (Римскую) и Православную (Константинопольскую). Ромейская империя (Византия) стала Православной империей. Проблема Второго Рима в отношениях с Западом, помимо религиозной, была ещё и в том, что в Константинополь, в сравнении с европейскими странами, был «непростительно» богат. Бюджеты европейских государств на порядок уступали бюджету Византии². В это время финансовым центром Западной Европы была Венеция (аналог

¹ Величко А.М. История Византийских императоров. С. 18.

² Гибель империи. Византийский урок / Архимандрит Тихон (Шевкунов). Изд. 3-е. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. – С. 14.

Нью-Йорка в XIII веке) со своими олигархами. С финансовой подачи этих олигархов и по благословению Папы Римского крестоносцы вероломно напали на Константинополь и разграбили его. Так, в 1204 г. под натиском рыцарей-крестоносцев (по сути профессиональных боевиков, фанатично преданных своим католическим иерархам) пала Ромейская империя и по-настоящему более уже не восстановилась, хотя юридически просуществовала ещё до 1453 года, когда турки захватили Константинополь (теперь это Стамбул). Это было лишь формально, поскольку после первого разгрома крестоносцами в 1204 г. империя являла собой лишь «остатки былой роскоши»; военная, экономическая, культурная и даже духовная мощь уже никогда не были восстановлены. Из Константинополя было вывезено всё, но в первую очередь – золото. Добыча крестоносцев только во время захвата Константинополя в 1204 г. составила примерно 30 т. золота¹, в то время, когда «годовой бюджет самых богатых стран Европы составлял тогда не более двух тонн золота»². Оно свозилось в Венецию несколько десятилетий. Это привело к накоплению первых крупных (то есть соизмеримых с бюджетами некоторых европейских государств) частных еврейских капиталов³, что предопределило впоследствии всё переустройство Европы. Постепенно Западом начали править финансисты-олигархи.

Попытаемся понять, почему Ромейская империя была долгожителем, какие глубинные причины привели её к гибели и зачем вообще России нужно это имперское наследие давно минувших дней?

Слабое не бывает долговечным. Жизнь государства продолжительностью в одиннадцать веков говорит сама за себя. Какое ещё государство Европы могло бы столь долго выстоять в различных потрясениях, бесконечных войнах, переворотах, дворцовых интригах, стихийных бедствиях, неурожаях, экономических неурядицах и т.д.? История не знает европейских аналогов долгожительства. Ромейская империя имела колоссальный запас прочности.

Чем же она отличалась от других государств Европы, в чём загадка её прочности?

Это была цивилизационная империя, симфония народов и культур, лучшая из известных человечеству форм многонационального и многоконфессионального государственного устройства. Империя включала в себя провинции (территории, страны), наделённые

¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. – М.: Астрель; АСТ, 2005. Т. 2. – С. 291.

² Гибель империи. С. 10.

³ Там же. С. 12.

определённой внутренней автономией и неоднородные по своим экономическим и географическим условиям, этническому составу населения и культурным традициям. Она была лучшей потому, что предоставляла условия и добровольную возможность «подтянуться» народам провинций до уровня цивилизации стержневого (греческого) этноса империи. Единство империи понималось во множестве населяющих её народов. Это была сверхдержава, могущественная и богатейшая, игравшая определяющую роль в политической жизни Европы, а также Ближнего Востока и Севера Африки. Она была православным царством (с высшим нравственным идеалом) и одновременно римским правовым государством (с идеями гражданского права и справедливости). Её императоры часто выступали в роли международных арбитров, причём выполняли эту функцию куда лучше, чем нынешняя ООН или другие наднациональные организации. Они возлагали на себя бремя быть защитниками всего христианского мира. Не удивительно, что монархи многих европейских стран мечтали породниться с императорами Ромейской империи. К слову сказать, великий князь киевский Владимир женился на ромейской принцессе Анне, а великий князь московский Иван III – на ромейской принцессе Софье.

Империя сочетала монархическую, аристократическую и демократическую формы правления. Император по традиции избирался сенатом, армией и народом. Ромейский император обладал огромной властью. Это была достаточно совершенная (если не сказать – самая совершенная) концепция монархии всех времён и народов. Басилевс (или василевс, по греч. – император) был наследником римских цезарей, одновременно военачальником, законодателем и божьим помазанником. Управление державой осуществлялось министрами, которые исполняли волю помазанника по всей империи. Города в империи процветали, торговая система и пути были налажены. Она имела сильную армию и флот. Налоги (в отличие от европейских стран того времени) собирались не как «подати» королю или герцогу, а как гражданский сбор на общественное благо империи.

Культура Ромейской империи была уникальной и яркой. Империя в период своего долгого расцвета была самым высококультурным государством мира того времени. В мировую культуру Ромейская империя внесла особый, выдающийся вклад. Средневековый мир увидел высокие образы литературы и искусства, увидел благородное изящество форм, образное художественное видение, утонченность эстетики, глубину философского поиска. Ромейская империя

многие столетия стояла впереди всех стран средневековой Европы, оставаясь её культурным и духовным центром. Самая стабильная финансовая система, экономическая наука, дипломатия с её базовыми принципами – были созданы в Ромейской империи. Наука и образование также были лучшими. Они не могли не быть лучшими, ибо система школьного и высшего (университетского) образования впервые в мире возникла в Ромейской империи¹. В одном лишь Константинополе XII века было больше университетов, чем во всей Западной Европе вместе взятой.

Но без недостатков, ошибок и болезней не бывает ни людей, ни государств. Причём некоторые болезни бывают несовместимы с жизнью. К сожалению, именно таковыми страдала Ромейская империя в период своего заката (XII – XV вв.). Вот их краткий перечень: коррупция, взяточничество, олигархия, влияние Запада, неотрегулированность преемственности власти (престолонаследия), национализм и другие «язвы». Именно они привели столь могущественное государство дважды к гибели (впрочем, как потом и Российской, и Советскую империю).

«Теория наследия имперской миссии в историческом времени называется на латыни *Translatio Imperii*, эта теория объясняет ход мировой истории периодическими перевоплощениями одной и той же Империи»². С падением Ромейской империи история вселенских «римских империй» не заканчивается. Претензии на преемственность великому Второму Риму будоражили умы европейских элит. Возникла идея Третьего Рима. Она основана на концепции «переноса империи» и использовалась в Европе для легитимизации притязаний тех или иных монархий на преемственность по отношению ко Второму Риму (Константинополю, Царьграду). Самые большие претензии на преемственность Второму Риму имели Священная Римская империя германской нации, Австро-Венгерская и Российская империи. Совсем не случайно все три имели своими гербами ромейского (византийского) двуглавого орла. С падением первых двух империй наступил конец их римским притязаниям. Исторически получилось, что права на преемственность Второму Риму остались до 1917 года и остаются поныне только у России, несмотря на то, что современная Россия формально и не является империей. Пока не является. Хотя, без всяких сомнений, остаётся её культурной, духовной (да и политической) преемницей.

¹ Гибель империи. С. 8.

² Малер А. Идеология византизма // Журнал «Северный Катехон», – 2007. – №1. – С. 7-49.

Древняя Русь¹, ее государственность, культура, духовные традиции тесно связаны с Ромейской империей ещё с IX века, когда на русских землях «высадился» первый «десант» греческих монахов, пришедших к славянам с духовной миссией. Согласно историку В. Махначу, «крещение Руси в X веке было не началом христианизации Руси (как наивно утверждают многие историки), а наоборот, её завершением»². Примечательно, что русская княгиня Ольга посетила Константинополь около середины X в. Её лично принимал император Константин VII. Ряд историков утверждает, что именно он первым назвал Русь «Россией»³. Русская церковь веками имела принадлежность Константинопольскому патриархату. Впоследствии Ромейская империя стала культурной и духовной матерью России. Как мать, она и сегодня преподаёт своему чаду уроки. Своей блистательной жизнью и своей мучительной гибелью.

Русь становилась духовной и цивилизационной преемницей Ромейской империи постепенно, начиная с IX-X вв. Важно отметить, что уже «государство князя Владимира и его преемников на великокняжеском столе» приобретает черты государства имперского типа⁴. Идея «Москва – третий Рим» впервые была сформулирована в 1523 году старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем. Эта идея послужила смысловой основой мессианских представлений о роли и значении Руси, которые сложились в период возвышения Московского княжества. Русь при Иване III, после его венчания в 1472 г. с ромейской принцессой Софьей Палеолог, приняла Ромейский герб – двуглавого орла как символ преемственности величайшей цивилизации и православной веры. Московские великие князья, начиная с Ивана III, притязавшие на царский титул, полагались преемниками римских и царьградских (константинопольских) императоров. Русский термин «царь», ставший титулом Ивана IV Грозного, как раз и означает европейское «император». Именно Русь была выбрана греками Ромейской империи в качестве своей духовной и цивилизационной преемницы. Начиная с IX века, греческие мона-

¹ Термины «Древняя Русь» или «Святая Русь» являются более правомерными, чем термин «Киевская Русь», введенный в XX веке в научный оборот украинским историком и политиком М.С. Грушевским. Подробнее см. Ишин А.В. Цивилизационное измерение Русского мира // Проблемы постсоветского пространства (Москва). – 2015. – № 3. – С. 19-33.

² Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения 15.02.2018).

³ Там же.

⁴ Ишин А.В. Цивилизационное измерение Русского мира // Проблемы постсоветского пространства (Москва). – 2015. – № 3. С. 11.

хи – миссионеры основали множество православных монастырей на Руси, по «реперным точкам» расположения которых впоследствии пролегла граница будущего русского государства¹. С первыми же монахами пришла письменность, а с нею – литература, философия, математика и вообще культурное ромейское наследие. Только Россия имеет более чем достаточно свидетельств реальности византийской (ромейской) преемственности: российский герб – это двуглавый ромейский орёл, алфавит (кириллица) составлен византийцами (Кириллом и Мефодием), русская политическая модель развития – это византизм (ромейзм), а русская величайшая культура является национальной интерпретацией православной ромейской (византийской) культурной школы. И, наконец, самая важная, духовная часть наследия – русская православная вера – осталась ортодоксальной (то есть без малейших изменений) ромейской. Позднее, понимание того, что «Москва – Третий Рим» является главой Православия, стало осознанием её великой миссии – нести миру слово истинного христианства, быть центром духовного единения всех православных земель и удерживать «мировое зло». «У русского народа имперская культура вполне сложилась к XVI веку, – отмечает В.Л. Махнач. Известный тезис «Москва — третий Рим» не имел ни малейшего оттенка самодовольства. Напротив, он воспринимался как огромная тяжесть, которую христианский долг повелевает принять по той бесхитростной причине, что нет другого мощного проводника восточнохристианской культуры, больше некому после падения Константинополя этим заниматься»².

Таким образом, идея «Москва – Третий Рим» отражает исторически обоснованную преемственность имперской России не только Второму Риму, но и всей европейской цивилизации, своими корнями уходящей к Риму и Древней Греции. Москва (Третий Рим) становится наследным культурным и духовным полюсом мира. Второй Рим в Средние века окончательно вырвал Европу из языческого варварства и сделал её христианской. А идея «Москва – Третий Рим» реализует надежду на нравственное и духовное возрождение не только русской, но и всех европейских наций. Особенно эта идея актуализировалась в современных условиях, когда западноевропейская культура и политика, находясь под масонским и англосаксонским влиянием, последовательно возвращаются в языческо-богоборческое состояние, пусть даже и с передовыми технологиями. Запад, почти полностью

¹ Махнач В. Империя. Православное царство.

² Махнач В. Империи в мировой истории // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 40.

отказался от идеалов христианства и варварски крушит все традиции народов и представления о международной справедливости. Идеологиемы «Разделяй и властвуй», «Право силы», «Победителей не судят» отличают нынешнюю западную международную политику во главе с США от российской, основанной на силе права, поскольку люди православной культуры точно знают, что «не в силе Бог, а в правде».

Современная Россия преемственна Советской империи (СССР), Советская – преемственна Российской, а Российская – Ромейской, Ромейская – Древней Греции. Таким образом, сегодняшняя возрождающаяся Россия – бесспорная и законная преемница не только Ромейской империи, но и Древней Греции. Последняя определила культурный код Европы. Этот культурный код к XXI веку сохранён только в Москве (России). Запад, проповедуя мультикультурализм, фактически отказался от своих корней, от своих истоков.

Россия нынче сильна, особенно в военной сфере. Хотя экономический и идеологический суверенитеты ещё только предстоит «отвоевать» у Запада. Гибридная война в полном разгаре. Чтобы в ней победить, надо не повторять ошибок прошлого. Свою гибель Ромейская империя оставила как последний урок, как своё «завещание» преемнице.

«Завещание» преемнице

Самое главное в этом «завещании»: империя может и будет долго жить, если соблюдает три важнейших принципа, а именно: верность Богу (как следование неизменному Православию), опора только на свои (но не Запада) традиции и силы, а также борьба с государственными пороками («язвами»). Частные следствия из этих общих принципов таковы:

- малейшие отступления от православной ортодоксальности ведёт к повреждению исходной религиозно-нравственной идеи¹, что обуславливает неизбежный кризис в Церкви. Не допустимы «унии», как в поздней Ромейской империи. Кризис Церкви ведёт к утрате духа, веры и смысла жизни. Всё вместе подобно тому, как если бы живой организм лишить его скелета. Утрата народом духа ведёт к полному разложению государства, и вопрос лишь времени, когда оно прекратит своё существование.

- только опора на собственные силы, умы, анализ, опыт могут обеспечить процветание державы. Никто не желает процветания своему конкуренту (православной империи), ни Запад, ни Восток. Советы

¹ Гибель империи. С. 45; 53-56.

Запада, их рекомендации по реформированию обязательно приведут к деградации империи. Пересмотр истории в западной трактовке недопустим. Можно и нужно заимствовать только технологии, но не традиции. Необходимо жестко пресекать деятельность зарубежных агентов влияния. Первостепенное значение необходимо уделять отечественной идеологии. Внедряя свои идеологические установки в Ромейской империи, Запад внушал, что «единое мировоззрение – это насилие над личностью», тем самым лишая ромеев идеологического иммунитета¹;

- необходимое условие для процветания государства – полный суверенитет, как военный и внешнеполитический, так и идеологический, экономический и культурный; необходимо поощрять развитие отечественной науки (мощная 32-тонная пушка – базилика ромейского инженера Урбана, недооценённого своим государством, сыграла в победе турок существенную роль, разрушив крепостную стену; турки оценили изобретение!)². Первостепенное значение необходимо уделять органам внутренней безопасности и вооружённым силам, которые могут дать достойный ответ интервенции или революции по заказу врагов империи;

- олигархия – это смерть империи. В критический момент олигархии, спасая себя и свой капитал, предадут свой народ и государство;

- чем больше государства во всех сферах жизни империи (речь о государственничестве, этатизме) – тем лучше для империи. Империя Ромеев процветала, пока государство было бенефициаром основного источника пополнения бюджета – доходов от таможенных пошлин и налогов. Как только этот источник был передан в частные руки, у державы начались проблемы. Основные источники доходов России – поступления от продажи углеводородов, военной техники, алкоголя и др. Эти источники доходов должны принадлежать государству и только ему;

- коррупция и взяточничество – враги любой государственности. В поздней Ромейской империи они стали нормой жизни. Как только государство перестаёт с ними жёстко бороться, деньги начинают выступать главной ценностью, обуславливая деградацию всех сфер общественной жизни;

- партийная система всегда ведёт к олигархической форме правления и к зависимости от Запада. В Ромейской империи последних времён было две влиятельные партии: протурецкая и прозападная³.

¹ Гибель империи. С. 41.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 48-50.

Место партийной системы должно занять народное представительство в органах местного самоуправления империи, что рождает доверие к власти;

- механизм преемственности власти – важнейший в империи. Наследная монархия слишком уязвима и малонадёжна из-за возможной слабости монарха. В Ромейской империи этот механизм так и остался неотрегулированным;

- необходима политическая стабильность, а продуманные реформы должны быть доведены до конца¹. Путь постоянных, непрекращающихся реформ ведёт к хаосу во всех сферах жизни империи. Поздняя Ромейская империя слишком была увлечена реформами по западному образцу. Для процветания нужна стабильность и разумный консерватизм;

- имперская политическая нация включает на равных правах все народы (и, соответственно, все их элиты), образующие империю. Как только государство прекращает пресекать ультранационализм (шовинизм, нацизм), ненависть (или хотя бы неуважение) к иным народам, центробежные тенденции начинают разваливать империю изнутри;

- к центробежным тенденциям ведёт противоречие между сверх богатой столицей и нищими провинциями (регионами);

- культ семьи – обязательное условие жизнеспособности государства. В поздней Ромейской империи семейные ценности были не в моде, пропагандировалась идея жить только для себя.

Всё вышеперечисленное – это ромейский опыт. Внимательное прочтение ромейского «завещания» поразительным образом напоминает нам проблемы сегодняшней России. Быть великой державе или кануть в небытие, как Ромейская империя. Это зависит от того, сможет ли Россия преодолеть свои «византийские язвы», которые однажды стубили империю Ромеев, затем Российскую и Советскую империи, а сегодня болезненно кровоточат на теле их преемницы. Эти «язвы» никогда сами собой не зарубцуются, ибо империя англосаксов не забывает «подсыпать соль на раны», причём не скупясь на соль.

Большевики (троцкисты) полностью уничтожили школу историков-византологов в России. И.В. Сталин в 1943 году вновь воссоздал эту школу. Он понял, у кого надо учиться управлять «в долгую» и учиться выживать на уроке безвременной гибели от непрощительных ошибок, которые, если с ними не бороться, непременно лишат государственный организм жизненной силы. Поэтому

¹ Гибель империи. С. 24.

концепция «Третьего Рима» может и должна получить должное осмысление, – справедливо отмечает А.В. Ишин, – в ходе неизбежной эволюции сложившейся модели межконфессиональных и межнациональных отношений¹.

Гибель Ромейской империи явилась событием вселенского значения. Уничтожена не просто какая-то там региональная империя (как, например, Австро-Венгерская), а величайшая мировая цивилизация, сделавшая из варварской Европы Европу культурную, давшая народам уникальную духовность, искусство, законодательство и вообще всё то лучшее, что ассоциируется с традиционной Европой. С крушением вселенской империи не стало больше в Западной Европе альтернативы культу денег и богоборчеству. С 1204 г. Запад начал свое плавное (растянутое во времени) и полное духовное падение. В результате нынче всё, что вчера считалось постыдным, сегодня прославляется западной культурой как достижение прогрессивного человечества, а нынешние западные ценности стали антитезисом древнего христианского учения. В западной философии появился диагноз: «смерть Запада» (П. Бьюкенен).

Однако Ромейская империя успела подготовить себе преемницу. На Востоке Европы остаётся Россия как единственная и законная преемница Ромейской империи. «Уставших», «исчерпавших» себя на посту духовного и имперского служения ромеев-греков сменил другой имперский народ – русские. Это – самый многочисленный, самый волевой, исключительно талантливый и, несмотря на все постигшие его трагедии, по-прежнему самый могущественный народ в Европе. Запад приговорил к смерти и забвению империю Ромеев. Ромейская империя почти полностью стёрта из исторической памяти европейцев. Мстительная ненависть Запада к Ромейской империи теперь полностью перенесена на Россию. Но пока Русский Хранитель ромейской традиции жив, пока он борется в очередной раз с гибридным нашествием объединённого Запада, пока на его земле строятся Храмы, а в Храмах по греческому обряду служат Господу, пока у него сильнейшая в мире армия (о чём В.В. Путин недвусмысленно заявил 01.03.2018), – нет у богоборческого Запада полной власти над людьми, а у человечества остаётся шанс на спасение. Это значит, «конец истории» откладывается, а остаётся и продолжается извечная борьба Добра и зла, Справедливости и беззакония, Любви и ненависти.

¹ Ишин А.В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 1. С. 6.

Резюме IV главы

В рамках политической функции идеологии рассмотрены следующие основные формы государственного устройства: унитарное государство, конфедерация, федерация и империя.

Унитарные государства относительно небольшие по территории и имеют относительно мононациональный состав подавляющего большинства населения. Исторически Россия многонациональна, и поэтому унитарное государство не может рассматриваться как приемлемая для неё форма.

Конфедерация предполагает временный союз государств, образуемый для достижения совместных целей, и не обладает собственным суверенитетом. В конфедерации отсутствует общий для объединившихся субъектов центральный государственный аппарат и отсутствует единая система законодательства. По этим причинам конфедерация также не рассматривалась как приемлемая для России долгосрочная форма устройства.

Для условий России рассмотрены две формы: федерация и империя. Только они присутствовали в истории России, давая материал для сравнения и выбора наилучшей из них.

Федерация предполагает сложное, союзное государство, состоящее из территорий её отдельных субъектов, обладающих в той или иной мере признаками государственности. Федерация в России объединяет республики. Республики – это форма реализации демократии. Российская федерация является демократической. Но демократия не позволяет с оптимизмом смотреть в будущее России. Не совсем подходит и федеративное устройство, установленное насильственно большевиками в ходе Октябрьской революции 1917 года при поддержке Великобритании, США и Германии. Тем более что федерации легко распадаются (СССР, Чехословакия).

Другой, более достойной формой государственного устройства для России является империя. Империя в России имела естественный эволюционный характер и самый продолжительный срок присутствия в истории.

Несмотря на демократизацию Европы и на монтаж федеративной формы государственного устройства во многих странах, у ведущих европейских политических акторов (а это – империя англосаксов и Россия) к XXI веку резко возрос интерес к имперской теме. Фактором, стимулирующим возрождение имперской

проблематики, стали усиливающиеся проблемы унитарных стран, особенно их межэтнические конфликты. Однако сам термин «империя» в XX-XXI веках потерял свою строгую определённость. Англосаксы создали негативный образ империи, ибо им нужно было уничтожить всех своих геополитических имперских конкурентов, само понятие «империя» – дискредитировать, а все имперские смысловые производные, включая типологию, – максимально запутать.

Империя, тем не менее, сохранила характерные признаки: могущество и суверенитет, универсальность и экспансия, стабильность, долговечность и надёжность. Империи также характеризуются наличием императора, имперской элиты, провинций, титульного культурного этноса, единого политического и культурного центра, единого географического, финансового, юридического и идеологического пространства.

В главе дана экспликация понятия империя на основе трихотомической структуры («пространство, политическая нация и имперская идеология»), а также двух, характерных для имперской идеологии универсалий: идеи государственного устройства имперского типа и духовной Идеи-миссии. В зависимости от имперской идеологии предложено подразделить все имперские типы на «варварские», «цивилизационные» и «условно цивилизационные». Показано, что Запад фактически отказался от своего культурного кода, а Россия, как цивилизационная империя, постепенно становится главным (если не сказать, – единственным) культурным и духовным полюсом Европы.

Глава V.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ИМПЕРСКИЕ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

В главе из всей палитры идеологий уделено внимание только концептам, завладевшим идеологическим пространством России того или иного исторического периода. В их число входят либерализм (с 1991 г. по н/в), марксизм-ленинизм-социализм (с 1917 г. по 1991 г.) и православный империализм (с конца XV века по 1917 г.). Ниже последовательно будут рассмотрены именно они (с учётом вариативности из проявлений).

§ 1. Либеральный империализм, его грани и угрозы

Либерализм имеет ряд граней. В параграфе будут рассмотрены основные из них.

Теоретический либерализм, его открытые смыслы и противоречия

Либерализм – это идеология, основанная на приоритетном признании политических и экономических прав и свобод индивида. Он возник на основе идеи свободы с ориентиром на достижение индивидуального финансового предпринимательского успеха человека. Предпринимателя ничего не должно сдерживать. Иначе говоря, прибыль и личное потребление не должны быть ничем ограничены и должны развиваться свободно и бесконечно. Препятствия типа нравственность, мораль, совесть, стыд, долг, традиции и все мешающие государственные институты должны быть разрушены. «Исторически либерализм включал в себя веру в прогресс и освобождение личности от любых ограничений, препятствующих её автономии, независимо от того, исходят ли они от государства или более широкого общества. Никаких ограничений – вот главная ценность либерализма, тот смысл, который либералы вкладывали в понятие “быть свободным”»¹... Быть «свободным от коллективных источников идентичности, поскольку групповые идентичности ставят под

¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – С. 86.

угрозу свободный выбор личности»¹. В мировоззренческую обойму либерализма вошли представления о самооценке личности, её свободе от групповых, классовых и национальных ограничений, идеи космополитизма, гуманизма, прогресса, демократизма² и особенно – прав разного рода меньшинств (если не сказать, – их доминирование). «Либерализм как идеология, политическая и социально-экономическая практика, – отмечает А.Г. Дугин, – основывался на: понимании индивида как «меры всех вещей»; убеждённости в священном характере частной собственности; утверждении равенства возможностей как морального закона общества; постулирование договорной основы всех социально-политических институтов; упразднении всех авторитетов, претендующих на «общеобязательную истину»; разделении властей и создании общественных систем контроля над любыми властными инстанциями; создании «гражданского общества» без сословий, наций и религий вместо традиционных государств; главенстве рыночных отношений над всеми остальными; убеждении, что западный путь – это универсальная модель развития для всего мира»³. К этому указанному ядру теоретического либерализма разве что можно добавить декларируемую либерализмом защищённость от государственного вмешательства в частную жизнь человека и свободу его действий (в рамках закона) во всех сферах общественной жизни⁴.

Несмотря на то, что понятия «либерализм» и «либеральный» широко распространены в философской, политической и экономической литературе, они не имеют определённого общепризнанного, устоявшегося содержания⁵. Всё дело в том, что с теоретической точки зрения идеологические принципы либерализма предполагают некую гибкость и разночтения для одновременного обслуживания разных (именно разных!) социальных сил, что труднодостижимо. Поэтому либерализм – это либо не законченная доктрина или застывшая догма⁶, в отличие, например, от марксизма или национал-социализма. С подобной точкой зрения согласны очень многие исследователи. По Д. Шварцменталю, «либерализм – это многоквартирный дом, идеология, которая имеет множество вариаций»⁷. Об

¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 99.

² Сирота Н. М. Идеология и политика. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 29.

³ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2009. – С. 30.

⁴ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 30.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Мизес Л. Либерализм в классической традиции. – М.: Социум; Экономика, 2001. – С. 9.

⁷ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 83.

этом свидетельствует то, что основополагающие принципы либерализма постоянно уточняются в ходе общественного развития. Неизменной остаётся ориентация на осуществление индивидуальной свободы¹. Достаточно меткое определение буржуазной (читай, - либеральной) морали было дано в своё время советскими идеологами: «Крайний индивидуализм – вот основной принцип буржуазной морали. “Человек человеку волк”, “Каждый за себя, один бог за всех” – таковы нравственные правила, утверждённые моралью буржуазного общества. Иных правил и не может быть в обществе..., где высшим мерилom нравственности являются деньги, где всё продается и покупается - любовь и честь, достоинств и совесть человека»².

Считается, что «классический либерализм связан со становлением капитализма в XVII–XVIII вв. Его основные постулаты сложились в антифеодальной борьбе «третьего сословия» (буржуазии, – ред.) против абсолютизма монархов и произвола церкви (католической, – ред.). Купцы, владельцы мануфактур нуждались в экономической свободе, в социальных институтах, которые обеспечивали бы им независимость от власти и церкви»³. Устоялось мнение, что «либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу и Реформации»⁴, испытывая на себе влияние Дж. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона, Дж. Мэддисона, И. Канта, Г. Гегеля, А. Смита и др. Позднее либеральные идеи были развиты И. Бенгтамом, Дж. Миллем, А. де Токвилем и др., причём развиты уже в русле борьбы против тирании правительств и господствующего в стране общественного мнения.

Особо следует отметить, что колыбелью либерализма выступила Великобритания (родина современной империи англосаксов), опередив в этом проекте континентальную Европу на столетие. Не случайно Л. Зидентоп подчеркнул, что английское право стремилось обосновать приоритет социальных отношений и рынка над государством⁵. Идеи либерализма получили своё первое воплощение в Конституции США (1787), а затем в Декларации прав человека и гражданина (1789) во Франции. Начиная с 30-х годов XX столетия инициатива в развитии идей либерализма полностью перешла к США (метрополия современной империи англосаксов) и связана с именами Ф. Рузвельта (заложившим основы государственного регу-

¹ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 30.

² Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. Для слушателей школ основ марксизма-ленинизма. – М.: Мысль, 1966. – 351 с. С. 325.

³ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Зидентоп Л. Демократия в Европе / пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2001. – С. 190.

лирования экономикой и тем самым, кстати сказать, расколовшим либеральный лагерь), Л. Харца, К. Поппера, Ф. Фукуямы, М. Дойла и др. Так, Л. Зидентоп считает, что США достигли уровня «зрелого либерализма» быстрее других, поскольку они не имели предыстории феодализма с его традициями, а значит, не знали необходимости в преодолении стереотипов «темных веков»¹.

Под современным либерализмом (неолиберализмом), как правило, понимают такую форму либерализма, которая сводит всю парадигму человеческих взаимоотношений к плоскости договорных рыночных отношений и стремится распространить их на сколь можно больше отраслей социальной активности². «Освобождение личности от закоряченной традиции и социального конформизма даст ей (а затем и обществу, состоящему из таких же, как она, освобождённых личностей) возможность взойти на более высокую, чем при любом более раннем обществе, ступень развития»³. Критерием высокоразвитого общества является «высшее удовольствие». Иначе говоря, либерализм – это свобода, направленная на разрушение нравственности, для него характерна чрезмерная «гибкость», снисходительность и некритичное отношение к человеческим порокам, приводящая к нравственному хаосу и «размытости» в духовной области, стиранию границы между добром и злом. Либерализм пропагандирует плюрализм нравственных норм и предлагает изощрённые стратегии отказа от христианских нравственных ориентиров.

Современный либерализм (неолиберализм), следуя своей либеральной основе, ориентирован на культ индивидуализма, потребительства и «освобождение» человека от любых форм идентичности (национальной, культурной, религиозной, нравственной, государственной и даже гендерной). Тем не менее, неолиберализм, полагает Г. Рормозер, имеет существенные отличия, он – «совершенно иной, чем был классический либерализм... Речь идёт именно о новой форме либерализма, согласно которой каждый человек притязает на абсолютное своё право совершенно самостоятельно и автономно определять свой образ жизни во всех вопросах, касающихся его прямо или косвенно. Такое право на самоопределение личности в его абсолютном выражении распространяется не только на все вопросы морали, этики и все иные основы жизни человека в обществе, но

¹ Зидентоп Л. Демократия в Европе / пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2001. – С. 190.

² Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 101.

³ Там же. С. 107.

также на все вопросы, касающиеся христианской веры, на все, что когда-то понималось под христианской истиной»¹. Другими словами, неолиберализм (как либерализм постмодерна) меняет как модернистские, так и до-модернистские идеологические конструкции, в том числе и в первую очередь, христианство, сформировавшее Запад (в современном его понимании) с IV по XVIII вв. н.э. Отличительным признаком неолиберализма является такое развитие институтов гражданского общества (заметим, что институты гражданского общества – это составная часть либерального проекта), которое по своей сути более похож на диктатуру разного рода меньшинств (например, ЛГБТ-сообществ) над большинством. Ещё одним отличием неолиберализма является его слияние с философским постмодернизмом и его вершиной – трансгуманизмом. Повествуя о «причудливом соединении либерализма и постмодернизма», А.Г. Дугин указывает на формирование такой социально-политической парадигмы, в которой уже присутствуют составляющие: мерой вещей выступает «дивидуум», т.е. случайное игровое ироничное сочетание частей человека (его органов, его клонов, его симулякров...); частная собственность обожествляется, «трансцендентализируется» или превращается из того, чем человек владеет, в то, что владеет самим человеком; равенство возможностей превращается в равенство созерцания возможностей («общество спектакля»); вера в контрактный характер всех политических и социальных институтов перерастает в приравнение реального и виртуального, мир становится техническим макетом; исчезают все формы внеиндивидуальных авторитетов вообще, и любой индивидуум волен думать о мире всё что ему заблагорассудится (кризис обобщающей рациональности); принцип разделения властей превращается в идею постоянного электронного референдума (электронный парламент), где каждый интернет-пользователь постоянно голосует по поводу любого решения, что приводит к умножению властей до количества отдельных граждан (каждый сам по себе «ветвь власти»); «гражданское общество» полностью замещает собой государство и превращается в мировой космополитический *melting pot* (плавильный котёл, – ред.); от тезиса «экономика – это судьба» переходят к тезису «цифровой код – это судьба», поскольку и труд, и деньги, и рынок, и производство, и потребление – все становится виртуальным»².

Теоретический либерализм (как старый, классический, так и но-

¹ Рормозер Г. Кризис либерализма / пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 182.

² Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 43–44.

вый, неолиберализм), провозглашает «свободу, равенство, братство», свободный рынок, интернационализм (вплоть до космополитизма) и единение всего мира на базе единого мирового правительства, единого мирового порядка, единой интер-религии как компиляции верований, единого интер-языка (английского, поскольку язык эсперанто оказался мертворождённым), единых прав человека с доминированием прав меньшинств любого рода.

Теоретический либерализм анти-деспотичен, анти-традиционен, анти-монархичен, анти-государственен (фактически анархичен, хоть и не заявляет об этом открыто), рыночен (рынок провозглашается идеальным авторегулятором экономики), постмодерничен (истины нет, она у каждого своя), толерантен, плюралистичен и демократичен. Теоретический либерализм – это заявка на демократическое, полностью «открытое общество» (по К. Попперу)¹, в том числе и якобы открытое в управлении общественными процессами. Во многих либеральных декларациях толерантности, плюрализма, демократии и открытости заключено подкупающее интеллигенцию искушение. Поэтому прекраснородушная интеллигенция часто попадает на эти искушения как мышь в мышеловку.

Теоретический либерализм, заявляя о себе как о причине западного прогресса и достигнутого благополучия, одновременно содержит в себе непреодолимые противоречия, определяющие кризисные явления Запада. К основным противоречиям теоретического либерализма можно отнести следующие:

- конфликт между личным и общественным интересом (основное внутреннее противоречие). Человек – существо общественное, поэтому любая идеологическая конструкция должна быть ориентирована на сопряжение интересов (и целей) как личности, так и общества. Эти интересы должны быть сбалансированы. Либерализм в своём требовании безграничной свободы – это односторонний крен в сторону приоритета личного над общественным, так как де-факто либерализм – это «нет» словам «нет» и «нельзя», это вседозволенность (нравственная, коммерческая, творческая и т.п.) личности. В этом его сила, но одновременно, в этом же кроется его наибольшая слабость (если не сказать – нежизнеспособность), ибо без «нет» и «нельзя» общество не может обеспечить правила общежития, сохранить порядок и устойчивость. Так, например, ныне, как и полтора столетия назад, формируется гражданское противостояние в США (раскол общества на президентских выборах 2016 года, последующее противодействие

¹ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / пер. с англ. – М., Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

президенту Трампу в 2017-2018 гг., «эпидемия» сноса памятников деятелям гражданской войны XIX века) и в Европе (иммиграционный кризис, разгул терроризма, снос памятников, посвящённых Второй Мировой Войне) с весьма тревожными перспективами либерального пути развития. Человеческое общество не знает исторических примеров успешного развития без ясных моральных принципов общежития, в основании которых лежат бинарные оппозиции «добро-зло» и «можно-нельзя». Уменьшение роли государства планомерно ведёт к хаосу, к «зависанию» не решаемых проблем и даже к государственной несостоятельности. В отрицании роли государства классический либерализм в своём пределе анархичен, а анархизм, как хорошо известно из истории, – это бесперспективная утопия, которая, как всякая утопия, никогда и нигде не была реализована. Поэтому, согласно Д. Шварцмантелю, «либералы не смогли прийти к согласию, – каким должен быть баланс между личностью, с одной стороны, и коллективными коммунальными организациями, с другой. Расчётам либералов на создание общества «всеобщего благосостояния» не суждено было осуществиться (строительство такого общества вошло в противоречие с потребностями экономики государства), что привело к разрушению либерального консенсуса (главным образом, из-за разного понимания роли государства), поставив теоретический либерализм перед необходимостью глубокого переосмысления и обновления»¹;

- следствием указанного выше «основного внутреннего противоречия» либерализма является проблема коммерческой и финансовой вседозволенности. Последняя в либеральной экономике и финансах неизбежно стимулирует мошенничество (ибо безнаказанность вдохновляет), затем, в логике своего последовательного развития – вселенское мошенничество. Вершиной такой аферы (причём вершиной всех времён и народов) можно считать создание ФРС США как структуры скрытых фальшивомонетчиков, печатающих мировые деньги из воздуха в интересах небольшой группы олигархических кланов. В результате этого мошенничества мир нынче пребывает в страхе ожидания не только жесточайшего экономического кризиса, но и неизбежности очередной мировой войны;

- игнорирование коллективных форм идентичности и нравственности, что ведёт к уменьшению патриотизма, и ослаблению воли к защите своего Отечества. Так, например, либеральная западная Европа рухнула как картонный домик под натиском авторитарного германского национал-социализма. В современных условиях либеральная

¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 87.

Западная Европа пребывает в жесточайшем кризисе под натиском исламской волны эмиграции. Пути либерального выхода из этого кризиса пока не просматриваются;

- отсутствие позитивного сценария¹. Перспективы либерализма весьма туманны: тупик виден, а свет в конце туннеля – нет.

Глубокие внутренние противоречия теоретического либерализма (как старого, так и нового) либералы не смогли преодолеть ранее, не могут теперь и, скорее всего, не смогут в будущем. Похоже, эта задача вообще не имеет решения. «Либерализм в его нынешней форме не способен справиться с новыми проблемами и трудностями политической жизни, хотя, как доминирующая идеология, и ведёт с ними активную борьбу»². Поэтому либерализм мучительно ищет новые формы своей мутации, ищет путь максимального продления собственной жизни при ощущении неизбежности краха. Поэтому окончательный, «новый облик либерализма ещё не сложился. Его становление идёт по различным, во многом отрицающим друг друга курсам»³.

Найдёт ли либерализм свою новую жизнеспособную мутацию в условиях, когда «основополагающий внутренний конфликт», похоже, у «больного» не совместим с жизнью? Сомнительно. Забегая вперёд, отметим, что либерализм жив и торжествует вопреки своей нежизнеспособности благодаря только тому, что политический либерализм отнюдь не либерален (как бы это утверждение не звучало парадоксально) и не демократичен, но об этом ниже.

Метафизика либерализма как его «альфа и омега»

Человек мыслит тысячи лет, ровно столько, сколько существует. Биологическая эволюция человека научно не подтверждена. Знакомление с мыслями философов древнего мира, особенно Древней Греции, не оставляет сомнений, что нет эволюции и в мыслительной потенции человека. Исходя из этого, можно допустить, что истоки современных идеологий, в том числе и либерализма, уже были заявлены в глубокой древности, когда впервые появилось первобытное общество и его необходимый атрибут – мораль. Претензию на первоисторию людей сохраняет Ветхий Завет – Труд, который в связи со значительной корреляцией изложенных в нём фактов с данными археологии и ДНК-генеалогии, можно рассматривать, в определё-

¹ Хазин М. Михаил Хазин: О проблемах политического либерализма // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/13905> (дата обращения: 23.08.2017).

² Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 84.

³ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 32–33.

ном смысле, как артефакт, в котором можно найти следы первых идеологических посланий. В этом контексте (а также помня, что «...нет ничего нового под солнцем») ветхозаветная история Каина, убившего Авеля отражает такие моральные акценты, которые проявляются затем во многих идеологических построениях, включая современный либерализм как идеологическую фиксацию духа наживы. В этом контексте повествование о ветхозаветной драме приобретает исключительно важный смысл рождения первой бинарной оппозиции нравственных концептов, предопределивших в дальнейшем идеологическое раздвоение и противостояние.

Итак, если первой мировоззренческой системой можно считать Божьи законы, которым старался следовать Абель, сын первочеловека Адама (а также Сиф, третий сын Адама), то второй системой можно считать совокупность идей и духа Каина, построившего первую цивилизацию эволюции и прогресса, где Богу нет места. Некоторые из основных признаков каиновой цивилизации, зафиксированы В.Ю. Катасоновым на основании анализа Книги Бытия (глав 4–6):

- отпадение от Бога – замена Бога богатством;
- отношение к другим людям – изоляционизм, позднее разившийся в эгоизм и индивидуализм;
- отношение к другим людям – агрессия и желание убивать;
- отношение к природе – агрессия и «покорение»;
- семейная жизнь – многожёнство, разврат, испорченные дети;
- появление искусства и культуры, оторванных от Бога;
- проституция и разврат¹.

При внимательном ознакомлении с этими признаками поражает их корреляция с идеями современной либеральной западной цивилизации: «все признаки каинской цивилизации допотопного периода, перечисленные выше, присутствуют и сегодня»².

Каинская (или каинитская) цивилизационная парадигма известна знаковыми для человечества городами-символами. Это первый в истории город (который построил сам Каин), затем были построены людьми Вавилон, Карфаген и Иерусалим, ещё позднее эту традицию каинских городов продолжили Венеция, Генуя, Лондон и Нью-Йорк. Даже Рим, основавший величайшую (всех времён и народов) цивилизационную империю, вселенский Рим, разрушивший Карфаген, постепенно заражался духом последнего (он же – каинский дух, он

¹ Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / науч. ред.. О.А. Платонов. Изд. 4-е, доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 1075–1076.

² Там же. С. 1091–1096.

же – богоборческий, он же – как поклонение духу наживы, «золотому тельцу», мамоне). Казалось, идеологическая экспансия духа наживы уже не имела барьеров. Казалось, что балансирование человечества между нравственностью и безнравственностью подошло к своему завершению с явным перевесом последней. Казалось, что наступал «конец истории» (по Ф. Фукуяме)¹.

Однако «конец истории» не наступил. Две тысячи лет назад в истории человечества произошло важнейшее событие, изменившее нравственный вектор развития и даже хронологический отсчёт. В мир, согласно Библии, явился Иисус Христос – Бог, воплотившийся в Человека. Христос чётко разделил сознание человека, разделил непримиримое: истину и ложь, мудрость и глупость, правду и ложь, нравственность и безнравственность, целомудрие и разврат, Бога и мамону; Христос отсек и отделил одно от другого, чтобы не было более смешения. Человек получил ясное представление о добре и зле, а также возможность решать для себя, на чьей же он стороне. Явление Христа «отодвинуло человечество от края пропасти вселенской катастрофы и дало импульс развитию цивилизации Авеля-Сифа. Эта цивилизация стала называться христианской. Она стремилась и стремится до сих пор к спасению². Цивилизационная парадигма Авеля-Сифа-Христа отмечена в истории своими городами-легендами: Афины – Рим – Второй Рим (Константинополь) – Третий Рим (Москва), представляющими собой полную и единственную цепь духовной и культурно-цивилизационной европейской преемственности.

В Средние века экспансия каинизма была приостановлена, трансформировавшись в антихристианство («фарисейство-саддукейство» по В.Ю. Катасонову). Вершиной антихристианства (богоборчества) является сатанизм. Суть сатанизма можно выразить несколькими словами: либерализм, материализм, гедонизм и греховность³. Сатанизм и либерализм близки в своих основополагающих канонах, причём, похоже, что первичен всё-таки сатанизм (считая последний мутацией духа Каина христианского периода). Так, известный сатанист Э. Кроули, объявивший себя зверем Апокалипсиса, выбравший себе инициатическое (т.е. определяющее переход на новую ступень развития в рамках мистического общества) имя «Великий зверь» или

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

² Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». С. 1087–1089.

³ Подробнее см. Папаяни Ф.А. Быть или не быть идеологии Отечества? С. 368–370.

«Антихрист», высшим законом своего ордена провозгласил: «Твори свою волю, таков да будет твой закон». Согласно Э. Кроули, «каждый человек вправе осуществить свою волю без опасения, что она может войти в противоречие с волей других людей, поскольку, если он находится на своём месте, другие не должны переходить ему дорогу». «Это и есть провозглашение абсолютной свободы от Бога, следствием чего стало утверждение этики вседозволенности, под видом которой практиковались радикальные формы нравственного нигилизма и распутства»¹. «Выступая в качестве глашатая или пророка новой эры, Э. Кроули призван был реализовать разрушительную программу морального разложения западной цивилизации»². Дух «Каина», дух глобального града (Новый Вавилон) и дух либерализма (как стремление избавиться от образа Божия, избавиться от Божьего ограничения свободы, изменить человеческую природу, создать «нового человека») сошлись и срослись в одной точке³.

Современной либерально-богоборческой цивилизации В.Ю. Катасонов дал ещё одно имя – «денежная цивилизация», как базирующаяся на различных ссудных операциях, предусматривающих взимание процента. «Денежная цивилизация» имеет основные признаки языческой религии (поклонение «золотому тельцу»), имеющей свои догматы: «Богатство как цель и смысл жизни», «Цель оправдывает любые средства», «“Святость” частной собственности», «Индивидуализм как способ жизни». В этом смысле капитализм (с его идеологическим основанием либерализма, – ред.) и христианство – это два (противоположных, – ред.) духовных полюса⁴. В.Ю. Катасонов полагает, что корни мирового (финансового, культурного и нравственного) кризиса заложены в ссудном проценте. А если копнуть глубже, то корни его – в сердцах людей, которые не смогли устоять перед искушением сребролюбия⁵. Таким образом, искушение сребролюбием – это одно из метафизических основ либерализма. Более того, согласно В.Ю. Катасонову, духовная основа современной каинской цивилизации может быть названа «денежным язычеством»: «Денежное язычество (поклонение мамоне, – ред.) – зрелая форма каинитской цивилизации... каиниты перестали таиться, вышли из тени и стали

¹ Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 12.

⁴ Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». С. 147–168.

⁵ Там же. С. 23.

открыто поклоняться сатане»¹. При этом понимается, что каиниты – это общность не кровного, а духовного родства. Таким образом, искушение сребролюбием – это одно из самых существенных оснований либерализма, составляющих духовный полюс богоборчества (сатанизма).

Метафизический дискурс исследования либерализма представляется исключительно важным, поскольку «если мы не будем видеть глубинные, библейские исторические и духовные корни нынешней капиталистической (т.е. западной, либеральной, демократической, – авт.) цивилизации, то все наши рассуждения о путях выхода из её тупиков будут превращаться в “негодное пустословие...”»². Только понимая метафизическую суть либерализма (коррелирующую с богоборчеством), можно понять состав, структуру и скрепы сил, с религиозной фанатичностью отстаивающих либеральные ценности.

Теневые стороны либерализма

Без учёта теневых сторон либерализма, его исследование может оказаться весьма наивным разглагольствованием, поскольку «большая политика делается тайно, реальная власть – это тайная власть, а зона функционирования “высоких финансов” – тайна. История, особенно резкие её повороты, объясняются не историческими закономерностями и массовыми процессами, а перипетиями тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил – орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций...»³.

Заказчиком либерализма (как, впрочем, и всех новых идеологий последних двух столетий) является международная олигархия (МО) и её тайные структуры. «Управление миром из координационных центров управления, – отмечает С.Н. Бабурин, – это та реальность, с которой надо считаться»⁴. Действиями МО и их теневых структур объясняется успех внедрения либерализма в политическую практику. Так, например, «либерально-реформистской направленностью отличалась деятельность созданного в 1968 г. Римского клуба (весьма закрытой организации, – ред.), изложившего систему представлений о новом мировом порядке...»⁵. Или другой пример, свидетельству-

¹ Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». С. 1100.

² Там же. С. 1102.

³ Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX века – начала XXI века / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – С. 1187.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 37.

ющий о том, как в рамках либеральной парадигмы сформировалась закрытая Трёхсторонняя комиссия, созданная в 1973 году по инициативе директора «Чейз Манхэттен банка» Д. Рокфеллера. «Трёхсторонняя комиссия была самым влиятельным неофициальным транснациональным политико-идеологическим институтом вплоть до 1980-х годов»¹.

Особенностью МО является её вынужденно конспиративный (иначе, – теневой) характер. Иностранцам и иноверцам в христианской Европе было проблематично пребывание на официальном властном олимпе (можно нарваться на гонения, что, кстати, частенько и бывало в европейской истории). «Те, кто стремится получать прибыль (МО, – ред.), будут делать всё возможное, чтобы народ не узнал, что такое на самом деле денежная цивилизация», при которой ростовщичество (получившие право создавать деньги) сосредотачивая богатства, приобретают неограниченную власть над человечеством»². Поэтому МО организовали конспиративный (или теневой) властный олимп. Отсюда появление сети тайных обществ (масонских организаций, орденов, клубов, комиссий и т.п.), которые меняли свои названия и формы, но только не олигархическую богоборческую (каинскую) суть. Можно утверждать, что без тайных структур МО была бы просто бессильна в управлении мировыми политическими процессами.

В сети тайных властных структур верховенство принадлежит масонству. «Масонство – антихристианская идеология тайных организаций, именующих себя масонскими ложами, объединённых в несколько соперничающих между собой орденов (тамплиеры, мартинисты, розенкрейцеры, Великий Восток и др.). Корни масонства уходят в глубокую древность, основываясь на идеях тайных сект талмудического иудаизма. Подобно иудаизму, масонство основывается на учении об «избранном народе», «имеющем право» на мировое господство»³.

«Поставив цель упразднить и заменить собой христианство, масонство взяло на вооружение крайне гибкие методы, соответствующие формуле тридцать третьего градуса шотландского обряда «порядок через хаос» («ordo ab chaos»). Девиз «порядок через хаос» содержит одну из главных тайн масонства. К новому порядку можно прийти только через искусственно организуемый беспорядок»⁴. Практическое

¹ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 216.

² Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». С. 27.

³ Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX века – начала XXI века. С. 950.

⁴ Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма.

исполнение искусственно организуемого беспорядка современный мир увидел в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и Украине. Но мир видел «ordo ab chaos» и раньше, во времена Великой Французской революции или Февральской революции в России. События 1917 г. в России можно рассматривать как триумф российского масонства (подопечному западному, разумеется). Так, согласно Г.М. Шиманову, к февралю 1917 г. «российские масоны все были ориентированы на либерализм и права человека, а высший уровень, наоборот, хотел, чтобы явились большевики с их жестокостью, чтобы они раздавили Православную Церковь и русский народ. И вот так получилось, что масоны низшего градуса в Белой армии, а масоны высшего градуса обнимались с товарищем Троцким. И Ленин, по видимому, об этом знал, но ничего не мог сделать и был вынужден идти этим путём, потому что без помощи масонства большевики к власти бы не пришли»¹. Таким образом, исторический опыт 1917 года подтверждает работоспособность теневой схемы «порядок через хаос»: чтобы установить иудо-большевистский «порядок» – диктатуру РСДРП(б) к осени 1917 г., для этого весной того же года масонам пришлось организовать либеральный (в данном случае, – антимонархический) хаос.

Согласно О.А. Платонову, «преступная (теневая, – ред.) деятельность масонов в России прослеживается с середины XVIII века до наших дней. События Семилетней войны, заговоры екатерининской эпохи, убийство Павла I, декабристский путч, разрушительная пропаганда эпохи александровских времён, февральская революция и масонское временное правительство, события горбачёвской перестройки – вот только некоторые этапы масонской конспирации. Масонство в России неоднократно запрещалось – при Екатерине II и Александре I. Весь XIX век вплоть до 1905 года оно формально было запрещено. Российские масоны числились в зарубежных ложах, хотя свою подрывную работу продолжали вести в России»².

В нынешних условиях на пути создания либерального хаоса в России теневые структуры «просвещённых» либерализмом масонов перестали ограничиваться орденами и стали использовать различные формы насаждения своих идей посредством науки, искусства, философии. «Литература, киноиндустрия, пресса, стали работать на либерализацию секса, пропаганду оккультизма, порнографии, извращения и пр. Мощным подспорьем здесь стали появившиеся но-

¹ Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX века – начала XXI века. С. 1187.

² Там же. С. 950.

вые «науки»: социология, психология, сексология и пр.»¹.

Таким образом, тайная цель скрытой от общественности международной олигархии (МО) и её конспиративных структур – править миром, чтобы жить за счёт труда и средств народов планеты. Для этого МО постепенно уничтожает любую государственность, кроме империи англосаксов, где теперь их дом родной. В свою очередь, для ослабления, а затем и уничтожения государств самым действенным методом стала организация в странах-жертвах либерального хаоса. В этом заключено важнейшее тайное назначение либерализма, тщательно скрываемое теневыми структурами, управляющими миром.

Политический либерализм

Под политическим либерализмом следует понимать современную евроатлантическую идеологическую реальность (сформированную под предводительством США). Она провозглашает либерализм и либеральные ценности основой своей цивилизационной конструкции и своим знаменем. Политический либерализм, с одной стороны, формально прикрывается теоретическим либерализмом (вполне благодушно воспринимаемым западным населением, воспитанным в духе наживы), с другой – обосновывает и отражает фактическую политику неокolonизации мира империей англосаксов. Этим объясняется доминирование либерализма. Д. Шварцмантель в этой связи утверждает, что «либерализм действительно занял место доминирующей идеологии, а его базовые концепты (права личности, свобода выбора, ограничение государственной власти и ведущая роль рынка) стали воспринимать как неотъемлемый и даже не подлежащий обсуждению элемент легитимной политической системы...»².

Политический либерализм в этом контексте характеризуется:

• американоцентричностью. Идеи и принципы либеральной демократии нашли своё выражение в Соединённых Штатах и поддерживаются ими. Наиболее эффективный путь к созданию такого миропорядка не в «превентивных войнах», сторонниками которых являются неоконсерваторы, а в широком использовании «мягкой силы», т.е. средств материального, морального и пропагандистского воздействия на противоборствующую сторону³. Нет ни одной либеральной страны Запада, независимой от США. Идеология либерализ-

¹ Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. С. 56.

² Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 85.

³ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 39.

ма благоприятна для подчинения США любых прежде независимых государств со своими национальными идеями;

- реальной поддержкой всех Западных (и прозападных) мировых политических сил, государств и их структур. В современных условиях либеральная идеология подкреплена деятельностью ряда организаций, таких, как Международный банк реконструкции и развития, которые способствуют распространению неолиберальной гегемонии. Мировой политике навязывают (с применением штрафных санкций относительно тех, кто её не придерживается) единую модель устройства государства и общества, принимаемую в качестве неизменной структуры социальной и политической жизни¹;

- варварством в классическом толковании этого термина. В своё время колониальная империя – Великобритания – дала миру образец варварского отношения к своим колониям (а это несколько десятков стран). Англосаксы, ведомые этой идеологией, уничтожили позднее несколько десятков миллионов индейцев, чтобы построить новую империю – США. С тех пор, отношение США к народам мира, находящимся за пределами этой империи и её периферии, – такое же расистско-варварское, как и к индейцам. США также отличились варварской работоторговлей неграми, коих завозили миллионами, при этом большая часть из африканцев погибла в трюмах кораблей. Они спровоцировали две мировых войны (где отличились атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки без военной необходимости, а устрашения ради), цветные революции, исламский терроризм, локальные войны во Вьетнаме, Афганистане, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, Украине и многое другое;

- ненавистью к любой традиции (кроме своей), любым антилиберальным взглядам, любому неповиновению империи англосаксов. Ненависть, прежде всего, распространяется на христианские нравственные ограничения, мешающие свободе наживы и на русскую политическую нацию как на самый мощный субъект истории, реально противостоящий давлению США. В этом смысле либерализм англосаксов парадоксален – он нелиберален, ибо совсем не толерантен к инакомыслию². Более точным названием идеологического концепта англосаксов будет – «либеральный фашизм», тем более, что концепт предполагает исключительность политической нации англосаксов, которая открыто многократно заявлена в 2015-16 гг. президентом США Б. Обамой, кандидатом в президенты Х. Клинтон

¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 114.

² Папаяни Ф.А. К вопросу идеологии Отчизны // Идеология Отечества. Сборник. – М: «Этносоциум», 2015. – С. 101–104.

тон и др. Цель либерального фашизма – править миром на основе гегемонии империи англосаксов;

- вариативностью проявлений. Политический либерализм, как раковая опухоль, образовал метастазы, над которыми интенсивно работают различные институты гражданского общества: феминизм, коммунитаризм, экологизм, гуманизм и трансгуманизм, движение за права человека, партии «зелёных», религиозные секты;

- поддержкой неонацизма. Политический либерализм, в противоречии с теоретическим, поддерживает движения неонацизма (в странах Прибалтики, Грузии и на Украине) и исламский экстремизм (называя его «демократической» и «умеренной» оппозицией);

- паразитированием на научной форме общественного сознания. Либерализм сознательно превратил науку в антипод религии, утверждая, что с научной точки зрения истины либо вообще нет, либо, наоборот, высшим и единственным источником истины является либеральная наука;

- догматизмом. Политический либерализм превратился «в свод установок и предписаний, основанных на видении либеральной демократии как единственно возможной формы общества»¹. Он превратил в практически религиозную догму научно не доказанную теорию эволюции. В этом смысле политический либерализм имеет все признаки типичной тоталитарной идеологической системы, выстроенной на деньги и в интересах вполне конкретных бенефициаров — мировой финансовой элиты²;

- трансформацией в товар всех аспектов человеческой жизни³;

- агрессивной (неотроцкистской) экспансией. Политический либерализм вполне допускает возможность гуманитарных интервенций в отношении государств, где нарушаются с точки зрения США права человека⁴;

- монополизмом. Либерализм развился до состояния идеологической монополии западного идеологического пространства. Сторонники идеологии либерализма вначале требовали и для себя место «за столом», потом стали активно толкаться локтями, а затем просто стали уничтожать любое инакомыслие, публично обвиняя его носителей в безграмотности или представляя их мошенниками⁵. Политический либерализм не просто доминирующая идеология среди многих иных.

¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 114.

² Хазин М. Михаил Хазин: О проблемах политического либерализма.

³ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 293.

⁴ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 34.

⁵ Хазин М. Михаил Хазин: О проблемах политического либерализма.

Либерализм фактически подчинил себе все некогда популярные иные европейские идеологические концепции (консерватизм, социал-демократию, христианскую демократию и т.д.). «Его (либерализма, – авт.) принципы и установки воплотились в важнейших политических институтах и получили специфическое проявление в основных идейно-политических течениях – от консерватизма до социал-демократии»¹;

- закрытостью управления. В реальности либерализм сформировал не декларируемое «открытое общество»², а наоборот, совершенно закрытое в управлении общество (руководимое масонскими и иными тайными структурами);

- не демократичностью. Либерализм не просто враждебен традиционализму, он даже не предполагает возможности свободы выбора традиционного уклада, как бы ни нравился такой уклад большинству граждан. Подобная враждебность повсеместно приводит к диктату меньшинств, например, ЛГБТ сообществ, над мнением большинства. Даже если нравственные запреты разумны, если они во благо граждан и приветствуются подавляющим большинством, неолибералы, тем не менее, с маниакальной настойчивостью запрещают нравственные запреты;

- сфокусированной антиправославной направленностью. Если до середины XX века можно было говорить об антихристианской направленности либерализма (в том числе, например, антикатолической), то уже к концу XX века, добившись масонского контроля над всеми христианскими конфессиями Запада, либерализм сконцентрировал всю мощь своей идеологической машины исключительно против Православия через поддержку осквернения православных храмов («Pussy Riot»), антиправославных фильмов (А. Учитель), выставок (М. Гельман), законопроектов (ювенальная юстиция), программ телевидения (В. Познер) и радиовещания (А. Венедиктов), провокационных публикаций в отдельных СМИ и т.п.

Отмеченные характеристики политического либерализма (и, в первую очередь, – американоцентризм) вкуче с теньевыми его аспектами являются факторами, обеспечившими торжество либерализма на Западе, его поразительную жизнеспособность и экспансию вопреки интересам государств и их народов.

О либерализме в России

В конституции РФ, действующей с декабря 1993 г., закреплены важнейшие признаки либерализма: во-первых, это принцип ниги-

¹ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 37.

² Поппер К.Р. Открытое общество и его враги.

лизма, уравнивающей добро со злом¹, поскольку «признается идеологическое многообразие» (Статья 13 Конституции РФ). Вторых, это основополагающий принцип Конституции, по которому отдельный человек, его права и свободы являются более высшими ценностями, чем народ, Отчизна и нравственность. В Конституции России записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (Статья 2 Конституции РФ). То есть, права и свободы человека поставлены в России над суверенитетом государства, над народом и его высшей властью, над целостностью и неприкосновенностью территории Российской Федерации, о которых речь идёт лишь в последующих статьях, и которые не отнесены Конституцией к высшим ценностям. Это и есть неолиберализм, ставящий ниже прав человека такие духовные ценности как вера, нравственность, святыни и Отечество².

Рассуждать комплексно о либерализме в России – это значит говорить о гранях одновременного влияния теоретического либерализма (соблазнов), его метафизики (духовной сути), его теневых аспектов (масонства), а также влияния политического либерализма (гегемонии США). Каждая из граней заслуживает отдельного исследования. Однако попробуем в этой «огранке» выявить один, но самый характерный для России отблеск. Таковым нам видится масонский девиз «порядок через хаос» в его русско-российском приложении. В этом девизе «порядок» – означает «новый мировой порядок» как абсолютную власть над Россией мировой олигархии, обосновавшейся в империи англосаксов. «Через хаос» – означает: через такое либеральное переформатирование сознания русского народа, когда оно отказывается от своих традиционных ценностей, от своей истории, от Веры своих отцов и вселенской миссии удерживать мировое зло, от своей души в пользу либерального духа наживы. «Через хаос» – в идеале обозначает ситуацию, когда «хаос» в головах доводится до крайности, до безумия, когда русские убивают русских, когда русскими уничтожается собственное государство в интересах империи англосаксов – извечного геополитического противника России.

Россия в своей истории знает два успешных либеральных переворота. Успешных для либералов и англосаксов, но весьма трагичных для России. Это Февральская революция 1917 года и развал СССР.

¹ Бабурин С. Борьба за духовные ценности России – решающий этап борьбы за здоровье всего человечества // Журнал международной славянской академии «Славяне». – 2017. – № 4(9). – С. 50.

² Там же.

Февральская революция привела к такому либеральному хаосу (безвластию), что по выражению многих историков «власть валялась на мостовой». Фактически выигранная война с Германией обернулась поражением, а мощнейшая в мире армия была распущена. Армия распустилась, чтобы уже через несколько месяцев собраться в несколько враждебных армий, уничтожающих друг друга за идеи (либерализма и социализма), рождённые в империи англосаксов для экспорта в страны-жертвы. По разным оценкам цена «февральскому либерализму» – от 6 до 12 миллионов загубленных душ наших соотечественников и разграбленная, разорённая страна вместо мощной мировой империи. Только мудрая политика И.В. Сталина (вопреки разрушительным планам англосаксов) спасла державу.

Прошло сто лет. Россия выстояла. Много лишений перенёс русский и все близкие ему народы, объединённые общим проектом исторического развития. Но к 1991 году либеральное искушение парализовало руководство Советской империи, и держава опять рухнула, повторяя либеральный хаос февраля 1917 года. В результате Отчизна стала раздробленной, а русский народ разделённым. Под диктовку англосаксов агенты их влияния составили для России такую либеральную конституцию и такие либеральные правила развития, что к 2000 году Россия понесла экономические потери даже большие, чем в Великую Отечественную Войну. Усечённая Россия во всех смыслах разваливалась прямо на глазах. Разваливалась все девяностые годы к великому удовлетворению империи англосаксов. Было ощущение, что страна обречена на ещё больший развал и только чудо её может спасти. На этот раз Россию спасает мудрая политика президента В. Путина... Но спасёт ли? Это зависит от того, сумеет или нет Кремль взять верх над либералами (особенно над либеральными олигархами).

Идеи либерализма, как показала история России, дважды привели к разрушительному либеральному хаосу и трагедии. Поэтому либерализм (как идеология господства империи англосаксов) является враждебной идеологией наряду с нацизмом, фашизмом, русофобией и религиозным экстремизмом, подлежащих полному запрещению в современной России. Соответственно, к доморощенным либералам следует относиться так же, как к нацистским пособникам во время Великой Отечественной войны (власовцам, бандеровцам, полицаям, немецким диверсантам и шпионам). В данном случае, – как агентам влияния империи англосаксов, задача которых (и тут не важно, насколько они сами это осознают) состоит в уничтожении русской политической нации, установлении нужного для США «порядка» через искусственно организуемый либералами «хаос».

§ 2. Анализ версий социализма периода XIX-XXI вв.

Социализм, в отличие от коммунизма или капитализма многолик, несмотря на то, что сама идея известна с древних времён. «Проявление социализма можно встретить практически во все эпохи и во всех цивилизациях. Социализм является постоянным фактором человеческой истории, по крайней мере, в период существования государства. Это одна из самых мощных и универсальных сил, действующих в том поле, в котором разыгрывается история»¹. Вместе с тем, понятие «социализм» весьма неоднозначно, оно расплылось в широком спектре его толкований. Неоднозначность обусловлена тем, что в разное время (со своими уникальными политическими и мировоззренческими реалиями) и с разными задачами создавались теории и внедрялись те или иные его версии. Со временем эти реалии менялись, соответственно, менялись и идеологические акценты, а также результаты социальных построений. Как это постоянно происходит с теориями, предшествующие представления устаревали в новых реалиях, а идеи и формы социализма в них редактировались, приобретая новые черты.

Неоднозначность термина «социализм» наглядно иллюстрируется. США и Великобритания, – отмечает Э.С. Саттон, – использовали идеологему социализма и диалектический метод Гегеля для воплощения своих амбициозных политических планов². Империя англосаксов (под влиянием масонского ордена «Череп и кости») явилась спонсором германского национал-социализма (тезис: «нацизм и частная собственность») и в то же самое время, – советского социализма (антитезис: «интернационализм и общественная собственность»). Затем англосаксы организовали столкновение этих систем (1941-1945 гг.), чтобы на руинах мирового побоища установить свою власть (синтез: «новый мировой порядок»). Надо признать, что план англосаксов (если следовать Саттону, – план ордена «Череп и кости») в использовании бинарных противоположностей самого социализма вполне удался для Западной Европы, хотя и ценой десятков миллионов жизней людей, людского горя, колоссальных разрушений.

Разночтение понятия «социализм» привело к двум разным его

¹ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. Две дороги к одному обрыву. Россия и мировая катастрофа // Сочинения в 3 т. Т. 1. – М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс», 1994. – С. 226.

² Саттон Э. Орден «Череп и кости». Документы, история, идеология, международная политика / пер. с англ. О.Г. Новиков, В.Е. Тулаев. – М.: Самотека, 2009. – 360 с.

теоретическим типам: революционному (К. Маркс, В. Ленин, И. Сталин, М. Бакунин, П. Кропоткин и др.) и реформистскому (Э. Бернштейн, К. Каутский и др.).

В своём развитии идеи социализма породили несколько основных практических «мутаций»: «социалистический» социализм (советский), «капиталистический» социализм (шведский, норвежский, швейцарский социализм, германский национал-социализм) и «смешанный» социализм (югославский, китайский: «одна страна – две системы»).

Наиболее представительную иллюстрацию неопределённости понятия социализм даёт в «обзоре некоторых точек зрения на социализм», сделанным И.Р. Шафаревичем¹:

Точка зрения марксизма: социализм как государственное устройство является определённой фазой исторического развития человечества, неизбежно приходящей на смену капитализму, когда он достигает определённого уровня развития; социализм как учение является мировоззрением пролетариата (который сам порождается пролетариатом) и одновременно – результатом научного анализа, научным доказательством исторической предопределённости социалистического государственного уклада.

Социалистические учения как научные теории (сначала в наивной форме Фурье и Сен-Симона, потом несколько совершеннее у Маркса и Энгельса).

Социализм является теорией подготовки и проведения революции, списком правил, которым надо следовать, чтобы захватить власть. Одновременно – это технология власти, философия абсолютного государства, подчиняющего себе всю жизнь, этатизм.

Социалистические государства как проявления общественного строя, основанного на принудительном труде.

Социализма вообще не существует. То, что называется социализмом, это одна из форм развития капитализма – государственный капитализм.

Социализм – это стремление к социальной справедливости.

Социализм – это особая религия (вера в Царство Божие на земле – хилиазм), а социалистические учения можно называть «хилиастическим социализмом».

Социализм – следствие атеизма, тот вывод, к которому приводит атеизм в области социальных отношений.

Таким образом, понятие «социализм» может вмещать в себя мно-

¹ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. С. 227-262.

жество самых разных, иногда даже диаметрально противоположных идей, концептов, и прежде использования этого понятия всякий раз следует уточнять, о чём, собственно, идёт речь.

В данном параграфе использованы историко-философский, системный, диалектический и компаративный методы, образующие методологию современного социально-политического дискурса. В частности, использован авторский метод бинарных дифференциаций, позволяющий не только анализировать все известные идеологии, но и давать им однозначную аксиологическую оценку.

Из всего множества концепций социализма периода XIX-XXI вв. для анализа выбраны самые существенные, только те, которые влияли или продолжают влиять на современное отечественное (Россия, ДНР, ЛНР) политическое пространство. Поэтому восточноевропейские, азиатские, африканские или южноамериканские версии социализма рассматриваться не будут, поскольку они были следствием экспорта социализма СССР, а обратное влияние этих версий на отечественную социалистическую парадигму было минимальным. Ниже будут рассмотрены следующие социалистические концепты:

- (1) – утопический социализм;
- (2) – марксизм (коммунизм, социализм, пролетарский империализм);
- (3) – анархизм;
- (4) – социализм СССР (как идеологическая рефлексия);
- (5) – социал-демократия (демократический социализм);
- (6) – национал-социализм (нацизм, германо-нацистский империализм 1920-40-х гг.);
- (7) – христианский (католический, протестантский) социализм;
- (8) – православный социализм;
- (9) – исламо-сектантский социализм (исламский радикальный империализм, идеология ИГИЛ/ДАИШ)

Вся эта «великолепная девятка» предложила свой вариант идеологии как стратегии и тактики общественного развития. Аналитика этих идеологий возможна, если только известны все существенные характеристики конкретной версии социализма. Поэтому рациональный отбор (представительная выборка) существенных характеристик, а также их совокупность предопределяют ценность последующего анализа и выводов из него. Этот отбор основан на существенных бинарных оппозициях как парах противоположных характеристик концепта. Сам анализ версий социализма производится методом бинарных дифференциаций, который сводится к последо-

вательной реализации четырёх этапов.

Этап I. На этом этапе, согласно заявленному методу, производится отбор значимых бинарных оппозиций, сопряжённых с рассматриваемыми концептами социализма. На данном этапе определяются самые существенные (по мнению исследователя), первостепенные, отличительные характеристики (точнее, – пары их бинарных оппозиций), предопределяющие их дальнейшую аксиологическую оценку.

По этой причине, а также в связи с множественностью толкования понятия «социализм», автор вводит новую отличительную характеристику: «полный» социализм. Условимся, что «полный» социализм включает обязательное обобществление средств производства (ОСП) и обязательное госрегулирование всех сфер общественной жизни (ГСОЖ), в свою очередь, включающее госрегулирование экономики (ГЭ), функцию распределения благ (ФРБ) и др. Главная цель «полного» социализма – фундаментальное преобразование капитализма в принципиально иную экономическую систему без эксплуатации труда, реализующую принципы социальной справедливости и равенства. В социалистическом дискурсе бинарной оппозицией «полному» социализму будет так называемый «частичный» социализм, в котором может быть только ГСОЖ, или только ГЭ или ФРБ, или даже только составные элементы этой функции распределения благ, например: социальная (по типу профсоюзной) защита трудящихся (СЗТ), и/или образовательное и медицинское обеспечение (ОМО) населения, и/или социальная защита малоимущих слоёв населения (СЗМСН). «Частичный» социализм, не обобществляя средства производства, тем самым не ставит задачу преобразования капитализма в принципиально иную экономическую систему.

Болезненное восприятие соотечественниками социализма до сих пор обусловлено насильственным характером его установления в 1917 году, последующей гражданской войной, экспроприациями и репрессиями, а всё вместе это затронуло практически каждую семью в России. Поэтому характерный признак российского социализма – «насилие» также должен быть рассмотрен в качестве одной из основных характеристик социализма.

Далее, поскольку теории социализма рассматриваемого периода фундированы идеями социалистов-утопистов, то вводится ещё одна отличительная характеристика социализма – его так называемая «реальность». Эта «реальность» понимается двояко: *во-первых*, как *историческая* реальность воплощения, то есть, наличие опыта практического воплощения в жизнь рассматриваемого концепта, ре-

альная практика власти его адептов. Иначе говоря, абсолютно реальными признаются только те проекты, которые были хоть однажды реализованы; например, советский социализм – это 74-летняя реальность, а коммунизм – утопия, поскольку никогда не был воплощён ни в одном государстве.

Уместна ещё одна иллюстрация подобного понимания «реальности». Рассматривая различные версии социализма с древнейших времён вплоть до конца XIX века, И. Шафаревич обозначил общие, характерные «основные принципы социализма»: уничтожение частной собственности, уничтожение семьи, уничтожение религии, уничтожение иерархии в обществе (как реализации идеи равенства)¹. XX век подтвердил возможность (то есть, реальность) уничтожения частной собственности и возможность уничтожения традиционной религии (опыт СССР и многих других соцстран), однако полностью опроверг возможность (для благополучного государства) уничтожения семьи и возможность уничтожения иерархии в обществе, поскольку семья и иерархия остаются теми скрепами государства, отказ от которых уничтожают само государство. То есть, говорить о государстве без института семьи и социальной иерархии – это утопический дискурс, который поэтому и был в своё время скорректирован в марксизме В. Лениным и И. Сталиным.

«Реальность» понимается *политологически*, как действительность самого социализма (а не его декларации), то есть, реальная практика воплощения концепта должна демонстрировать либо полный социализм (ОСП и ГСОЖ), либо хотя бы ГСОЖ в духе социалистических принципов. ОСП и/или ГСОЖ будем считать реальным воплощением социализма, в отличие от некоторых социальных признаков (вроде СЗТ, ОМО и СЗМСН), которые в большей или меньшей степени присущи большинству версий капитализма.

Бинарной оппозицией категории «реальность» социализма будет его «утопичность», как характеристика проекта, который никогда, нигде и никем не был реализован, либо когда название социализм не отражает действительное положение дел.

Таким образом, в качестве существенных (самых значимых) для дальнейшего исследования версий социализма бинарных оппозиций, характеризующих концепты, автор предлагает:

(а) **«полный – частичный»** («полный» социализм понимается как намерение осуществить ОСП и ГСОЖ);

(б) **«насилие – ненасилие»** («насилие» понимается как революци-

¹ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. С. 225.

онизм, насильственные силовые методы захвата власти и/или правления, а под «ненасилием» понимается эволюционизм или реформизм);

(в) «**утопия – реальность**» («реальность» понимаемая исторически и политологически; наличие опыта практического воплощения ОСП или ГСОЖ в духе социалистических принципов).

Этап II. Этап состоит из нескольких итераций по числу рассматриваемых бинарных оппозиций.

Итерация II (а), где индекс «а» указывает на выборку первой из рассматриваемых бинарных оппозиций. На данном этапе проводится дифференциация каждого из рассматриваемых концептов социализма на сопряжение с конкретной опорной категорией («полный» или «частичный» социализм») из рассматриваемой бинарной оппозиции «а». На этом этапе идеологическая выборка как бы «просеивается» через два «сита», соответственно на две «фракции» (называемые дифференциациями), каждая из которых сопряжена со своей опорной категорией. Такое «просеивание» конкретного идеологического концепта через бинарное «сито» строго выявляет одну из характеристик концепта. Суммирование всех существенных характеристик конкретной версии социализма позволит выполнить её индуктивную аналитику, типологию и сделать выводы. Этот процесс и описан ниже.

(1) – **утопический социализм.** Ранние проекты социализма, как образы справедливого общества, нашли своё развитие в первой половине XIX века. Согласно А. Сен-Симону, индустриальное общество (которому, по его мнению, принадлежит будущее) должно управляться (планирование, контроль) технократией. По Р. Оуэну, перспективным был корпоративно-цеховой социализм, характеризующийся самоуправлением трудовых кооперативов. У Ш. Фурье предполагается свободный выбор форм труда, как социальное экспериментирование. П.-Ж. Прудон больше полагался на веру в равенство и свободу индивидов (предтеча социалистического анархизма). Согласно Т. Кампанелле, основная задача социалистического государства – в функции организации производства и распределения, а также воспитания граждан¹. Несмотря на некоторую разницу во взглядах, их всех объединяет главное – это необходимость демонтажа капитализма и строительство нового общественного строя – социализма. Их концепты можно рассматривать как желаемые образы будущего социально справедливого общества, основанного на социальном равенстве, в котором нет и не может быть эксплуата-

¹ Макаренко В.П. Главные идеологии современности. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000. – С. 133.

ции человека человеком, поскольку частной собственности не будет, а все средства производства будут принадлежать всему обществу. Социалисты-утописты планировали осуществлять социалистическое строительство ненасильственным образом, лишь силой пропаганды и личного примера. Как показала практика революционных преобразований, политическая реальность, основанная на политтехнологиях (финансовые рычаги, подключение спецслужб, использование СМИ, тайных организаций, дестабилизация обстановки), не оставляет места никакой политической наивности. Поэтому перечисленные концепции вполне оправданно были названы К. Марксом как «утопический социализм». Утопия (от греч. «место, которого нет») – это такой воображаемый проект (некая идеальная мечта), который никогда, никем и нигде не был реализован; причём он не был реализован по причине своей нереальности, недостижимости. Однако интегральный посыл (ОСП и ГСОЖ) социалистов-утопистов позволяет отнести эту версию к типу «полного» социализма, хотя и утопичного.

(2) – **марксизм (коммунизм, пролетарский империализм)**. Основоположниками этой идеологии являются К. Маркс и Ф. Энгельс. Далее учение развил В. Ленин и сделал попытку реализовать на практике И. Сталин. Идеологическими критериями истинности признаётся мнение основоположников (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин), либо их последователей – лидеров марксистских стран (И. Сталин, Мао Цзэдун, Ким Ир Сен и др.). Концепт провозглашает построение справедливого общества (коммунизма), в котором будет покончено с эксплуатацией человека человеком и не будет отчуждения человека от власти, собственности и результатов труда. В целом, коммунизм можно рассматривать как желаемый образ будущего социально справедливого общества, научнообразно уточняющего идеи утопического социализма. Марксизм постулирован тремя составляющими: политической экономией как учением о прибавочной стоимости, историческим материализмом как учением о материалистическом понимании истории и научным коммунизмом как учением о диктатуре пролетариата. «Марксизм – это учение о прогрессе как смене общественных формаций и росте производительных сил; о социалистической революции во главе с субъектом прогресса – пролетариатом; о сломе государственной машины и замене её диктатурой пролетариата, отмирающей впоследствии; о построении коммунизма – бестоварного и безрыночного общества ассоциированных производителей»¹.

¹ Сирота Н.М. Идеология и политика. – М.:Аспект Пресс, 2015. – С. 116.

Эмоциональной опорой марксизма является *идея классовой ненависти* и *идея исключительности рабочего класса* в беспощадной борьбе с эксплуататорами (буржуазией, аристократией, зажиточным крестьянством и др.). Марксизм ставит задачу преобразования капитализма как экономической системы в принципиально иную, социалистическую систему без капиталистов-эксплуататоров. Во главу угла марксизма поставлены вопросы обязательного ОСП («отмена буржуазной собственности... превращением личной собственности в общественную»¹) и ГСОЖ («...экспроприация земельной собственности; ...высокий прогрессивный налог; ...отмена права наследования; централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией; ...централизация всего транспорта в руках государства; ...общественное и бесплатное воспитание всех детей»²). Таким образом, марксизм, безусловно, является версией «полного» социализма.

(3) – **анархизм**. «Как политическая идеология он синтезирует идеи свободы и социальной справедливости, коррелируя с либерализмом и социализмом»³). Крупнейшими идеологами анархизма были М. Штирнер, П.-Ж. Прудон, М. Бакунин и П. Кропоткин. М. Бакунин выступал за немедленное всенародное восстание рабочих масс. П. Кропоткин выдвинул концепцию анархо-коммунизма, в которой идеалом будущего строя провозглашался «союз вольных коммун» без центральной государственной власти. Целью действий анархистов-социалистов-коммунистов объявлялась социальная революция, то есть полное уничтожение капитализма и государства и замена их анархическим коммунизмом в виде сотрудничества свободных индивидов и коллективов. Анархизм – это концепт такого социализма, включающего ОСП, который исключает всякую государственность, какую бы то ни было правительственную власть, законы и даже заработную плату. Следовательно, ГСОЖ исключено. Без ГСОЖ анархизм является версией «частичного» социализма.

(4) – **социализм СССР (марксизм-ленинизм, сталинизм)**. После Октябрьской революции 1917 года линия партии менялась в зависимости от внутренних и внешних вызовов. Был период «красного террора», «новой экономической политики» и др. Социализм СССР существенно отличался от первородного марксизма, хотя официально это и не признавалось. Так, например, в СССР не было само-

¹ Энгельс Ф, Маркс К. Манифест Коммунистической партии // Книго-сайт. URL: <http://knigosite.org/library/read/27081> (дата обращения: 14.02.2017).

² Там же.

³ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 189.

управления трудящихся; не было общественной (а не государственной) собственности; не было и речи об «отмирании» государства; капиталистические категории «прибыль» и «себестоимость» никуда не исчезли; партийная номенклатура фактически монополизировала право на ФРБ, возвысившись над обществом, и т.п. С приходом к власти И. Сталина процесс развития общества (при официальных марксистских декларациях) пошёл по пути уникального проекта создания мощнейшей индустриальной державы («социализма в отдельно взятой стране»). Под прикрытием коммунистической идеологии А.А. Чемшит выявил национальную идею советского народа – социал-консерватизм, который сводится к двум ценностям: величю государства и социальной справедливости. Именно этот социал-консерватизм лежал в основе государственно-политического управления при И. Сталине. Феномен сталинизма можно рассматривать как многоуровневую систему мобилизационных проектов по созданию общества нового типа в исторически сжатые сроки и в крайне неблагоприятных условиях¹. Более того, А.А. Чемшит видит будущее России – в ресталинизации как возврате к крупномасштабным проектам оздоровления страны². К 70-м годам XX века «классовая ненависть» была нивелирована, уступив место вполне человеческой советской нравственности. Коммунисты (члены КПСС) с конца 30-х годов XX века были нацелены на государственное строительство и защиту интересов трудящихся. Они построили сверхдержаву – СССР, обеспечили её индустриализацию, победу в Великой Отечественной войне, создали качественную систему образования, науки и искусства. Идеи равенства и справедливости получили в Советском Союзе практическую реализацию, одну из лучших в истории человечества. К началу 1980-х гг. СССР характеризовался стабильностью во всех сферах социальной жизни государства и достаточно высоким (по сравнению с более ранними периодами СССР) уровнем жизни, охватывая все её сферы; СССР лидировал в Европе (уступая в мире лишь США) по объёмам промышленного и аграрного производства. Были построены и введены в эксплуатацию невиданные до этого жилые площади (знаменитые «сталинки» и «хрущёвки»), обеспечившие бесплатным жильём десятки миллионов граждан. В эти годы были построены и введены в эксплуатацию тысячи новых крупных заводов и т.п. При советском социализме были вписаны в историю Отчизны самые её

¹ Чемшит А.А. Советская история – Российская действительность // 1917-2017: Россия в поисках будущего: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – С. 46-47.

² Там же. С. 72.

величественные страницы, и нынешнее существование России возможно лишь благодаря мощному промышленному заделу, оставленному СССР. Говоря о рефлексии к этой версии социализма, следует указать, что речь, прежде всего, идёт о периоде 1965-1985-х гг., который вошёл в историю (согласно официальной советской терминологии) как «развитой социализм». «Развитой социализм» – это скорректированный и воплощённый в своих некоторых чертах марксизм. Он являлся первым и достаточно успешным проектом «полного» социализма, характеризуемого как ОСП, так и ГСОЖ, проектом, до сих вызывающим ностальгию многих соотечественников, поскольку все достижения воспринимались советскими людьми как естественное положение дел в стране, где господствует социализм.

(5) – **социал-демократия** (иначе, – социалистическая демократия, социал-демократизм, демократический социализм, социал-реформизм) – это идеология, соединяющая лозунг социализма с демократией. Идеология выступает в качестве центристской альтернативы капитализму (правым) и коммунизму (левым). Социал-демократия зарождалась как одно из течений внутри марксизма в конце XIX в., но в отличие от последнего, основной акцент делался на эволюционном (то есть путём реформ) совершенствовании капитализма. Основоположник – немецкий философ Э. Бернштейн. Демократический социализм – это такое социалистическое общество, где должны быть воплощены принципы политической, экономической и социальной демократии. К основным лозунгам-идеологемам социал-демократии традиционно относятся: свобода и справедливость, равенство и солидарность (братство). Социал-демократы полагают, что либерализм пренебрегает солидарностью, консерватизм отрицает равенство, а коммунизм стремится к равенству, исключая свободу действий личности. Вместе с тем, идеологические критерии истинности могут корректироваться социал-демократами, исходя из политической или экономической обстановки. Социал-демократия «связана с уступками в пользу политического прагматизма, а также толерантности в отношении множества традиций и взглядов внутри самого социалистического движения»¹). Последнее обстоятельство является весьма существенным в социал-демократии. Зародившись как течение в марксизме, к концу XX века европейский социал-демократизм практически всюду на Западе встал под знамёна либерализма. Социал-демократия фактически переросла в «социал-оппортунизм», что означает частичный или полный отказ от «полного» социализма, от

¹ Макаренко В.П. Главные идеологии современности. С. 140-141.

принципов марксизма, если не на словах, то на практике. Социалистические принципы «размываются» социал-оппортунистами, могут ими игнорироваться, но чаще всего этим принципам даётся иное толкование ради политической цели перенаправить социальную энергию масс в управляемое властью русло. «Социал-демократия в левом движении – это социал-оппортунизм, разрушающий идеологическую базу радикальных компартий марксистского толка. В результате подобного социал-оппортунизма все современные более или менее влиятельные движения социал-демократии (Лейбористской партии в Великобритании) до партий христианского социализма (ХДС-ХСС в Германии) полностью интегрированы в западный либеральный проект»¹. Эта версия вообще не рассматривает ОСП или ГСОЖ, предполагая лишь исполнение функций СЗТ, ОМО и/или СЗМСН. Концепт является типичным примером «частичного» социализма.

(6) – **национал-социализм** (нацизм, германо-нацистский империализм 1920-40-х гг.) – это идеология, соединяющая социализм (в его понимании А. Гитлером) и нацизм (как крайний национализм, включающий элементы псевдонаучного расизма и антисемитизма). Эта версия социализма отвергает марксистский социализм (с его интернационализмом и конечной целью – коммунизмом, обобществлением собственности на средства производства, теорией классовой борьбы и диктатуры пролетариата) и социал-демократию, переродившуюся в социал-оппортунизм, ставший в итоге под знамёна либерализма. Эмоциональной опорой национал-социализма является идея исключительности немецкой нации и идея национальной ненависти (ксенофобия) к инородцам. В отличие от марксистского интернационального социализма, национал-социализм исключительно национален. Капитализм в Третьем Рейхе оставался, но это был не свободно-рыночный, а своеобразный капитализм, обременённый принудительным госзаказом, причём с жёсткими мерами социальной защиты рабочих. Можно сказать, что к концу 30-х годов в Германии сложился социализм, коррелирующий с государственным капитализмом со строгим планированием. Государство при Гитлере стало самым крупным собственником, сконцентрировавшим в своих руках до 75% промышленного потенциала страны. Провозглашалось, что высшей ценностью является германская нация, а высшими целями – благо арийского суперэтнуса и его государства («Германия превыше всего»). Провозглашались и социалистические принципы: общее

¹ Макаренко В.П. Главные идеологии современности. С. 140.

благо всех немцев выше личных интересов; социальная справедливость для всех немцев; общественная и личная жизнь подлежат контролю со стороны государства; капитал должен служить интересам государства и т.п. За двенадцать лет существования нацистского государства были достигнуты высокие темпы роста в промышленности и сельском хозяйстве, ликвидирована безработица, введены существенные налоговые льготы, что позволило создать весьма благоприятные условия жизни для населения Германии¹. Социализм Гитлера можно рассматривать как этатизм и госкапитализм, включающие госрегулирование не только всех сфер общественной, но и личной жизни. ОСП данным концептом не предусматривается, хотя доля государственной собственности в акциях всех значимых для государства предприятий предполагается доминирующей. Версия также является примером «частичного» социализма.

(7) – христианский (католический, протестантский) социализм – это идеологема течений, с одной стороны, опирающихся на христианские мировоззренческие установки, с другой, – на социальные реформы во благо трудящихся (преодолевающие социальные пороки существующей экономической системы капитализма). Христианский социализм – это христианство (католичество или протестантизм) плюс социал-реформизм. Согласно христианскому социализму, сознание должно формироваться так, чтобы граждане не были привязаны (как в существующей реальности капитализма) к материальным благам и плотским удовольствиям. Корреляция этого концепта с утопичностью в том, что предполагается, что люди будут добровольно трудиться на благо всех, как это имело место в раннехристианских общинах, где верующие добровольно отказывались от частной собственности. Поэтому не случайно родоначальником социал-католицизма является социалист-утопист А. Сен-Симон. Христианские социалисты считают, что Священное писание покровительствует интересам людей труда: «Все же верующие были вместе и имели все общее»². «И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого»³. Но в большей степени концепт христианского социализма коррелирует с социал-демократией, точнее, с социал-оппортунизмом, вследствие чего партии христианского социализма (например, ХДС-ХСС в Германии) полностью интегри-

¹ Пленков О.Ю. III Рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). – СПб.: Нева, 2004. – 476 с.

² Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. Деян 2:44.

³ Там же. Деян 2:45.

рованы в западный либеральный проект¹. ОСП и ГСОЖ не рассматриваются данным концептом. Поэтому версия христианского социализма может быть отнесена к «частичному» социализму.

(8) – **православный социализм** – это идеология течений в России, с одной стороны опирающихся на православные мировоззренческие установки и традиции (духовность, соборность, общинность), а с другой – на социальные достижения Советского Союза (в их числе – ОСП, ГСОЖ, практическая реализация социальной справедливости). То есть, православный социализм – это православие плюс социализм советского типа. Православный социализм как концепт далёк пока от своей окончательной доработки, тем не менее, широко дискутируется, он стал некоей новой мечтой-утопией-надеждой многих православных граждан России, ДНР, ЛНР, рефлексирующих к положительному опыту СССР. «Православный социализм, – отмечает Н. Сомин, – это особый социальный строй, достижение которого является земной целью российской истории. Этот строй характеризуется двумя главными чертами. Его идеология – православная. Т.е. принципы жизни государства основываются на евангелии и христианских заповедях. А экономика – социалистическая (сталинская), с общественной собственностью на средства производства, плановым способом управления хозяйством и монополией на внешнюю торговлю»². Концепт коррелирует одновременно с христианским социализмом, социализмом СССР, и утопическим социализмом (поскольку не предполагает революционный сценарий). Предполагается ОСБ и ГСОЖ (как было в СССР), но, в отличие от революционного советского опыта, путем неких законодательных реформ после победы России в современной гибридной войне с Западом. Эта версия, в отличие от христианского социализма, является проектом «полного» социализма, но пока что только проектом.

(9) – **исламо-сектантский социализм** (идеология ИГИЛ, исламо-сектантский империализм) – идеологический исламский феномен XXI века, соединяющий лозунги исламского экстремизма (на базе салафизма), халифата (на основе ИГИЛ) и социальной справедливости (иначе, – социализма). ИГИЛ (иначе, – ДАИШ) – исламское государство Ирака и Леванта (общее название стран восточной части Среди-

¹ Макаренко В.П. Главные идеологии современности. С. 140.

² Сомин Н. Православный социализм // Русская народная линия. 2015. URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/07/10/pravoslavnyj_socializm/%26?p=1&commsort=votes%26amp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3B%23037%3B26p%3D4 (дата обращения: 15.02.2017).

земного моря) было создано бывшими офицерами спецслужб Ирака (служивших при С. Хусейне) и представителями спецслужб БААС (партии арабского социалистического возрождения), Сирии, Турции, Саудовской Аравии, Катара и США¹. Фактически ИГИЛ – это непризнанное террористическое квазигосударство. Составом спонсоров объясняется тот факт, что оно получило быстрое развитие и экспансию. Идеология ИГИЛ кратко может быть выражена лозунгом «общего дела» мусульман всего мира по строительству совместного халифата как социально ориентированной исламской общины, живущей по принципам исламской справедливости. Исламо-сектантский социализм жестко противопоставляет ИГИЛ всей остальной человеческой цивилизации, объявляя священную войну («джихад») всем светским (западным и прозападным) элементам. Эта идеология практически сводится к парадигме «от массовых убийств к исламскому социализму», она формально объявлена вне границ и наднациональной, но фактически она имеет вполне определённые границы, обозначенные спонсорами ИГИЛ. Концепт коррелирует с национал-социализмом. Вместо ультранационализма вторым слагаемым (к социализму) является крайняя форма радикального ислама. ОСП, как и при национал-социализме, не декларируется, но предусматривается такое же жёсткое ГСОЖ. Частная собственность не отменена, более того, меркантильная личная заинтересованность лидеров ИГИЛ является главнейшим её двигателем. Версия является примером «частичного» социализма.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (а) можно свести в таблицу:

Таблица № 1, итерация II (а)	«Полный» социализм	«Частичный» социализм
(1) – утопический социализм	+	–
(2) – марксизм	+	–
(3) – анархизм	–	+
(4) – социализм СССР	+	–
(5) – социал-демократия	–	+
(6) – национал-социализм	–	+
(7) – христианский (католический, протестантский) социализм	–	+
(8) – православный социализм	+	–
(9) – исламо-сектантский социализм	–	+

¹ Султанов Ш. ДАИШ – стратегический вызов западной цивилизации. Авторский доклад Изборскому клубу // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2016. – № 1(15). – С. 54-67.

После первой итерации II (а) все рассмотренные идеологические концепты распределяются на две дифференциации:

«полный» социализм: (1) – утопический социализм, (2) – марксизм, (4) – социализм СССР, (8) – православный социализм и

«частичный» социализм: (3) – анархизм, (5) – социал-демократия, (6) – национал-социализм, (7) – христианский (католический, протестантский) социализм, (9) – исламо-сектантский социализм.

Итерация II (б), где индекс «б» указывает на выборку второй из рассматриваемых бинарных оппозиций. Ниже производится дифференциация каждого из рассматриваемых концептов социализма на сопряжение с той или иной опорной категорией (соответственно, «насилие» или «ненасилие») из рассматриваемой бинарной оппозиции «б».

(1) – **утопический социализм.** Основоположники утопического социализма рассматривали желаемый образ будущего социально справедливого общества, достигаемый ненасильственно (путём убеждений, пропаганды, личным примером) по эволюционному сценарию.

(2) – **марксизм.** Этот концепт основан на революционном насилии: «пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»¹. Об этом же говорят марксистская теория революции и практика.

(3) – **анархизм.** Этот концепт коррелирует с марксизмом в части революционизма, насилия, отличаясь лишь отрицанием какой бы то ни было правительственной власти. Так, социальная революция с полным уничтожением капитализма объявлялась российскими анархистами целью. Они выступали за террор и грабежи богатых как способы борьбы и отрицали всякие нравственные устои общества. Уже с 1904-1905 гг. анархистский террор и грабежи (называемые «эксами», то есть экспроприациями) стали значительным явлением. Самым известным анархистом-практиком был Нестор Махно, который возглавил повстанческую армию численностью около 50-ти тысяч человек.

(4) – **социализм СССР.** Коррелирует с марксизмом, проект реализован социалистической революцией с последующим многолетним красным террором и гражданской войной, унёсшими в России на порядок больше человеческих жизней, чем в Первую мировую войну.

(5) – **социал-демократия** (демократический социализм). В этой версии социализма в современных условиях вообще не рассматривается революционный насильственный сценарий (в её политиче-

¹ Энгельс Ф, Маркс К. Манифест Коммунистической партии.

ском лексиконе и партийных программах исключены понятия насилие, революция или диктатура), декларируются функции СЗТ, ОМО, СЗМСН.

(6) – **национал-социализм**. Исторический опыт Германии 1933 года показал, что приход к власти национал-социалистов достижим демократическим (не насильственным) путём. Однако, придя к власти, национал-социалисты сразу же начали использовать насильственные методы ведения как внутренней, так и внешней политики, об этом же говорят их программные партийные документы¹. Идеология предполагает милитаризацию экономики, а высшей целью является силовое достижение господства немцев над другими народами и освобождение мира от коммунизма (марксизма-ленинизма) при полном уничтожении еврейства как основного носителя идей коммунизма. Эта версия однозначно относится к дифференциации «насилие».

(7) – **христианский (католический, протестантский) социализм**. Христианский социализм предполагает создание атмосферы любви к Богу и всем людям (ближним и дальним), что необходимо для спасения души, для права на счастливую вечную жизнь после смерти. Христианский социализм, фундированный христианской аксиологией, не может декларировать насильственные методы в политике. Об этом же говорят Энциклика Папы Римского Льва XIII и программные партийные документы христианских социалистов. Версия относится к дифференциации «ненасилие».

(8) – **православный социализм**. Концепт в части сопряжения с категорией «насилие» коррелирует с христианским социализмом. Версия однозначно относится к дифференциации «ненасилие». Православный социализм хотя и предполагает ОСБ и ГСОЖ, но в отличие от насильственного советского опыта, предлагает их осуществить путем законодательных реформ после победы (неопределённой во времени) России в современной гибридной войне с Западом².

(9) – **исламо-сектантский социализм** (идеология ИГИЛ). Эмоциональной основой этой идеологии является идея ненависти к любой иной вере (включая иное, чем в ИГИЛ, понимание ислама), ненависти к любой другой идеологии, традиции, культуре, любым иным взглядам, любому неповиновению ИГИЛ. Исламо-сектантский социализм выступает как альтернатива глобальному хаосу (который создан Западом) и является вызовом всей светской (прозападной) материалистической (богоборческой) цивилизации. Одновременно практика ИГИЛ обнаруживает генерацию ещё большего кровавого

¹ Пленков О.Ю. III Рейх.

² Сомин Н. Православный социализм

хаоса и расхождение этой идеологии с традиционным исламом. Так, даже малейшие отклонения мусульман от предписаний идеологии ИГИЛ превращают их в неверных, а все неверные осуждаются на смерть, чаще всего жестокою и мучительную. Все свои казни боевики записывают на камеру, после чего выкладывают в интернет. Это особый психологический ход позволяет воздействовать на людей (психическое насилие), держать их в страхе и ужасе¹. Всё это позволяет отнести ИГИЛ к тоталитарной террористической религиозной секте. Концепт в части сопряжения с категорией «насилие» коррелирует с национал-социализмом. Радикальный ислам открыто провозглашает насильственные методы достижения своего господства, а события в Ираке и Сирии полностью это подтверждают.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (б) сведём в таблицу:

Таблица № 2, итерация II (б)	Насилие	Ненасилие
(1) – утопический социализм	–	+
(2) – марксизм	+	–
(3) – анархизм	+	–
(4) – социализм СССР	+	–
(5) – социал-демократия	–	+
(6) – национал-социализм	+	–
(7) – христианский (католический, протестантский) социализм	–	+
(8) – православный социализм	–	+
(9) – исламо-сектантский социализм	+	–

После итерации II (б) все рассмотренные идеологические концепты распределяются на две дифференциации:

«**Насилие**» – характеристика концептов: (2) – марксизм, (3) – анархизм, (4) – социализм СССР, (6) – национал-социализм, (9) – исламо-сектантский социализм и

«**Ненасилие**» – характеристика концептов: (1) – утопический социализм, (5) – социал-демократия, (7) – христианский (католический, протестантский) социализм, (8) – православный социализм.

Итерация II (в), где индекс «в» указывает на выборку третьей из рассматриваемых бинарных оппозиций «утопичность – реальность». Ниже производится дифференциация каждого из рассматриваемых концептов социализма на сопряжение с той или иной опорной категорией (соответственно, «утопичность» или «реальность») из рассматриваемой бинарной оппозиции «в».

¹ Султанов Ш. ДАИШ – стратегический вызов западной цивилизации.

(1) – **утопический социализм**. Из самого названия очевидно, что эта версия была потому и названа К. Марксом утопической (от греческого: «место, которого нет»), что являлась воображаемым проектом-мечтой, который никогда, никем и нигде не был реализован по причине своей нереальности, недостижимости (то есть утопичности). Любые попытки практической реализации сенсимонизма, оуэнизма и фурьеризма всегда заканчивались крахом.

(2) – **марксизм**. Не акцентируя внимания на том, какие политические силы (геополитические игроки) участвовали в его практической реализации и какова цена победы, отметим только факт того, что он многократно и достаточно успешно был реализован во многих странах мира. Концепт относится к реальной политической практике.

(3) – **анархизм**. Также как и утопический социализм, был и остаётся воображаемым проектом-фантазией, который никогда, никем и нигде не был реализован. Причём он потому и не был реализован, что историческая практика не предъявила миру ни одного примера возможности существования народов без государств и вне государств, так настойчиво отрицаемых анархистами.

(4) – **социализм СССР**. Эта версия социализма не просто была успешно реализована, она предъявила миру множество преимущественных по сравнению с капитализмом признаков, до сих пор вызывающих у соотечественников рефлексию, а также дала множественные мутации, сохранившие до сих пор свою жизненную силу (Китай, Куба, Вьетнам, КНДР и др.). Реальная политическая практика.

(5) – **социал-демократия**. С одной стороны, социал-демократы имеют значительный опыт партийного строительства в Западной Европе. С другой стороны, они, по сути, являются оппортунистами, поскольку всегда занимали соглашательскую позицию с реальным олигархическим режимом правления и поэтому, потеряв своё «политическое лицо», полностью влились в концепт либерализма. «Современные социалистические партии и профсоюзы настолько приспособились к капиталистической рыночной системе, что ограничивают свои задачи “социальным обеспечением”. Тем самым цель преобразования капиталистического общества отодвигается в неопределённое будущее»¹. «Социалистические партии полностью перешли как на Западе, так и в России «на содержание собственных правительств»². То есть, реальность социализма (хотя бы в части ГСОЖ) при олигархическом капитализме, тем более в исполнении социал-демократов-

¹ Макаренко В.П. Главные идеологии современности. С. 142.

² Там же. С. 141.

оппортунистов, в нынешнем западно-европейском формате не представляется возможной.

(6) – **национал-социализм.** Его можно рассматривать как реальную практику. Это весьма эффективный госкапитализм с высоким уровнем социальной защиты арийской расы (на другие народы эта защита не распространяется) и госрегулированием всех сфер общественной (ГРСОЖ) и даже личной жизни.

(7) – **христианский (католический, протестантский) социализм.** Корреляция с утопическим социализмом в том, что предполагается, что люди будут добровольно трудиться на благо всех, как это имело место в раннехристианских общинах, где верующие добровольно отказывались от частной собственности. Однако исторический опыт не даёт примеров таких государств: что работает в общине – не обязательно работоспособно в масштабах государства. Как и в случае с социал-демократами, христианские социалисты (и христианские демократы) в светских государствах Западной Европы имеют значительный опыт партийного строительства. Но так же, как и социал-демократы, по сути своей трансформировались в социал-оппортунистов, поскольку всегда занимали соглашательскую позицию с реальным олигархическим режимом правления. Поэтому также полностью влились в концепт либерализма. Реальность социализма в исполнении христианских социалистов-оппортунистов в нынешнем западно-европейском формате не представляется возможной. Даже теократический опыт государства Ватикан, который, казалось бы, должен демонстрировать реальность практического воплощения христианского социализма, однако социализма как раз и не демонстрирует, поскольку сам Ватикан является крупнейшим собственником на Западе, действующим по западным капиталистическим лекалам. Особенно это наглядно видно на примере банка Ватикана, порочного, как и любой иной банк антихристианского ссудного процента и финансовых афер, и отличающегося от светского банка только тем, что он имеет совершенно закрытую для налоговых органов (и общественности) бухгалтерию.

(8) – **православный социализм.** Концепт, хотя окончательно и не доработан, но в части категории «реальность» коррелирует с утопическим социализмом.

(9) – **исламо-сектантский социализм.** Концепт, как показала практика ИГИЛ, не просто реален, но ещё проявил уникальную потенцию к динамичной экспансии, остановить которую смогли только в 2016-2018 гг. только Воздушно-космические силы России.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (в) сведём в таблицу:

Таблица № 2, итерация II (в)	Утопичность	Реальность
(1) – утопический социализм	+	–
(2) – марксизм	–	+
(3) – анархизм	+	–
(4) – социализм СССР	–	+
(5) – социал-демократия	+	–
(6) – национал-социализм	–	+
(7) – христианский (католический, протестантский) социализм	+	–
(8) – православный социализм	+	–
(9) – исламо-сектантский социализм	–	+

После итерации II (в) все рассмотренные идеологические концепты распределяются на две дифференциации:

«**утопичность**» – характеристика концептов: (1) – утопический социализм, (3) – анархизм, (5) – социал-демократия, (7) – христианский (католический, протестантский) социализм, (8) – православный социализм и «**реальность**» – характеристика концептов: (2) – марксизм; (4) – социализм СССР; (6) – национал-социализм; (9) – исламо-сектантский социализм.

Этап III – предлагает общий компаративный анализ.

На данном этапе выносятся компаративно-аксиологическое суждение по рассматриваемым идеологическим концептам в контексте их характеристик, определённых дифференциациями, сопряжёнными с той или иной опорной категорией рассмотренных бинарных оппозиций. Для удобства анализа итоговое распределение дифференциаций этапов II (а, б и с) для наглядности можно свести в единую таблицу №4.

Таблица № 4, этапы II (а), (б) и (в)	Полный социализм	Частичный социализм	Насилие	Ненасилие	Утопичность	Реальность
(1) – утопический социализм	+	–	–	+	+	–
(2) – марксизм	+	–	+	–	–	+
(3) – анархизм	+	–	+	–	+	–
(4) – социализм СССР	+	–	+	–	–	+
(5) – социал-демократия	–	+	–	+	+	–
(6) – национал-социализм	–	+	+	–	–	+
(7) – христианский (католический, протестантский) социализм	–	+	–	+	+	–
(8) – православный социализм	+	–	–	+	+	–
(9) – исламо-сектантский социализм	–	+	+	–	–	+

Если предположить, что выборка трёх выше приведенных бинарных оппозиций (а, б и в) достаточно представительна для оценки самых существенных характеристик девяти рассматриваемых концептов социализма, то таблица №4 позволяет сделать выводы. С точки зрения категории «реальность» (то есть реальной практики власти) рассматриваемых концептов напрашиваются такие общие выводы:

Концепт полного социализма реален {см. версии (2) и (4)} только насильственным установлением. Иначе говоря, концепт полного социализма (включающего ОСП и ГСОЖ) может быть воплощён в жизнь только насильственно. При полном социализме только насильственно устанавливаемый марксизм (и его главная версия – социализм СССР), как показала историческая практика, реален и более того, имеет огромные преимущества (единый центр управления, плановость, жизнеспособность как способность к мобилизации в экстремальных условиях и т.п.) перед капитализмом и иными концептами социализма.

Концепт частичного социализма без ОСП, но включающего ГСОЖ также реален {см. версии (6) и (9)} только насильственным установлением.

Концепты социализма {см. версии (1) и (3)} утопичны сущностно, независимо от деталей декларируемых политических программ.

Оставшиеся концепты {см. версии (5) и (7)} социализма утопичны, поскольку, как выше показано, являются де-факто оппортунистическими версиями. Социал-демократизм и христианский социализм в их современных устоявшихся версиях, как показал опыт Западной Европы, остаётся только фоновой идеологией (иначе говоря, - ширмой прикрытия) реальной власти (финансовой олигархии или партократии) и реальной идеологии либерализма.

Концепт {см. версия (8)} также утопичен, поскольку ориентирован на «полный» социализм СССР, который может быть установлен лишь насильственно, а адепты православного социализма надеются на ненасильственное чудо.

Таким образом, применение метода бинарных дифференциаций позволяет определять существенные характеристики, сумма которых, в свою очередь, позволяет дать однозначную аксиологическую оценку каждого из рассматриваемых концептов и осуществить классификацию версий социализма.

Для наглядности сделанных выводов таблица № 4 может быть видоизменена и представлена в формате таблицы № 5.

Насилие	Полный социализм	Реален: (2) – марксизм; (4) – социализм СССР
	Частичный социализм	Реален: (6) – национал-социализм; (9) – исламо-сектантский социализм Утопичен: (3) – анархизм;
Ненасилие	Полный социализм	Утопичен: (1) – утопический социализм (8) – православный социализм
	Частичный социализм	Утопичен: (5) – социал-демократия; (7) – христианский (католический, протестантский) социализм;

Единой устоявшейся классификации концептов социализма к настоящему времени нет ввиду колоссального разнообразия рассматриваемого феномена. И тем не менее, возможен, например, такой, достаточно обоснованный подход к классификации социализма: «Наиболее общим делением социализма является деление его на социализм в узком смысле слова и коммунизм. Где имеется категория личного дохода, там мы имеем дело с социалистической системой; где этой категории нет, там перед нами коммунизм. При социалистическом строе потребление регулируется доходом, при коммунистическом — потребление или совершенно свободно, или же регулируется непосредственным распределением продуктов в натуральном виде между отдельными лицами»¹. В свою очередь, социализм в узком смысле слова подразделяется на государственный, синдикальный, коммунальный и анархический социализм. При государственном социализме все общественное хозяйство непосредственно сосредоточено в руках государства, владеющего всеми средствами производства и всеми продуктами общественного труда. Синдикальный социализм предполагает, что средства производства находятся во владении не всего общества, а различных профессиональных рабочих групп, непосредственно работающих при помощи этих средств производства. При коммунальном социализме в состав общины входят рабочие не одного, а разных родов труда. В системах анархизма отвергается любая принудительная хозяйственная организация, а личность провозглашается совершенно свободной от общественной власти².

¹ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. // SciCenter.online. URL: <http://scicenter.online/filosof/klassifikatsiya-razlichnyih-sistem-57125.html> (дата обращения: 18.02.2017).

² Там же.

Подобная классификация концептов социализма имеет свою аргументацию и даже логику, но она усложняет вопрос аксиологической оценки версий, поскольку за скобками остаются такие их важнейшие характеристики, как реальность концепта и необходимость насилия.

Классификацию рассмотренных концептов предлагается провести в соответствии с результатами анализа версий социализма методом бинарных дифференциаций, результирующими данными, представленными в таблицах № 4 и № 5. Так, все девять рассмотренных идеологических концептов можно условно классифицировать на четыре основных типа:

1) **Ненасильственный полный социализм** (то есть, эволюционный, без насилия путь с декларацией ОСП и ГСОЖ) – это мечта-утопия о социальной справедливости (в её понимании основоположниками утопического социализма), утопичная историко-политическая практика {версия (1)}. Концепт {версия (8)}, включающий декларацию ОСП и ГСОЖ также утопичен, поскольку ориентирован на «полный» социализм СССР, который может быть установлен лишь насильственно, а адепты православного социализма ориентированы на ненасилие. Идеология ненасильственного социализма рождена во Франции и Великобритании и по сей день имеет своих безобидных адептов-мечтателей (включая Россию), не имеющих никаких шансов на конечный результат. В процессе эволюции идей утопического социализма XIX-XX вв. на их основе развились две результативные версии: насильственный полный социализм и ненасильственный частичный социализм.

2) **Ненасильственный частичный социализм**: {(5) – социал-демократия; (7) – христианский (католический, протестантский) социализм} – это эволюционный путь социал-реформизма без декларации ОСП и/или ГСОЖ. Это путь прагматичного приспособленчества к действующей власти, ищущий с ней консенсуса. Ненасильственный социализм может быть только частичным (для него характерен отказ от полного социализма, если не на словах, то на деле) и только оппортунистическим. Идеология социал-оппортунизма рождена в Западной Европе как защитная реакция властей на возрастающую популярность насильственного социализма с целью его полного перевоплощения в управляемые западноевропейскими элитами политические движения с социалистическими декларациями. Реальность становления социализма (как общественного строя) вместо капитализма в исполнении адептов версий

{(5) и (7)} в нынешнем западноевропейском формате не представляется возможной.

3) **Насильственный полный социализм** {(2) – марксизм; (4) – социализм СССР} – это реальная историко-политическая практика. Полный социализм может быть только насильственным. Основная марксистская версия насильственного социализма рождена в Великобритании и экспортирована в континентальную Европу с целью обрушения государственности стран-жертв (в первую очередь России и Германии) империей англосаксов. К. Маркс подробно описал путь революционного сценария, провоцируя классовую борьбу, возбуждая классовую ненависть, а вот механизм функционирования социалистического государства не был им разработан и описан: в такой разработке особого смысла не было, ибо цель марксизма была не созидание, а разрушение стран-жертв. Иначе говоря, «... марксизм не ставит себе никаких других целей, кроме подготовки захвата власти, а строй, который в результате устанавливается, определяется необходимостью эту власть удерживать»¹. В России, благодаря неординарным организационным качествам И. Сталина, процесс пошёл не по задуманному Великобританией сценарию: марксизм мутировал в добротню функционирующий советский социализм, вариации которого были позднее экспортированы в другие страны (Китай, ГДР, Польша, Болгария, Вьетнам, КНДР и др.).

4) **Насильственный частичный социализм** {(6) – национал-социализм; (9) – исламо-сектантский социализм}. Концепты реальны, поскольку сам по себе инструмент насилия гипотетически позволяет «прикрываться» практически любой идеологией. Об этом свидетельствует исторический опыт диктаторских и тоталитарных режимов, использующих совершенно разные идеологические парадигмы. Он не реален (даже гипотетически) только в его единственной абсурдной версии {(3) – анархизм} – по причине отрицания государственной власти.

Приведённая классификация охватывает любые, включая современные, версии социализма. Например, в нынешней России компартия (КПРФ) имеет все признаки «ненасильственного частичного социализма», так в её программе утверждается частичное обобществление собственности на средства производства (декларируется национализация только нефтяной и газовой отраслей, ключевых банков, электроэнергетики, железных дорог, систем связи и предприятий ВПК), предполагается лишь частичное госрегулирование

¹ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. С. 16.

(«нормой жизни должно стать тактическое и стратегическое планирование»; «КПРФ предлагает законодательно запретить принятие решений, усугубляющих социальное неравенство»)¹. Но в этой программе нет и намёка на необходимость классовой борьбы, на диктатуру пролетариата и другие основополагающие каноны марксизма, а есть лишь робкое упоминание о том, что преимущество частной собственности на средства производства – это миф, из которого, правда, ничего не следует.... «Нынешняя программа КПРФ довела тенденцию вырождения марксизма до абсурда, соединяя элементы марксизма с ленинизмом-сталинизмом, либерализмом, консерватизмом, национализмом, “цивилизационным подходом”, “русской идеей”, “евразийством” и т.д.»². Из программы КПРФ (2016) следует, что её версия социализма полностью коррелирует с концептами западной социал-демократии. Поддержка «развития малого и среднего бизнеса»³ означает поддержку капитализма, ставя под сомнение реальность социализма в условиях капитализма. По сути – это программа социал-оппортунизма в её классической западноевропейской редакции. Классовое лицемерие КПРФ демонстрирует влияние олигарха М. Ходорковского в конце 1990-х на компартию и выдвижение беспартийного капиталиста П. Грудина в качестве кандидата в президенты от КПРФ (2018 г.).

Социал-оппортунизм в нашем понимании не унижительный ярлык, его можно и нужно рассматривать в контексте необходимости «сброса» революционно-социалистического «пара» XX века, рассматривать как концепт, обеспечивший достижение на Западе высокого уровня СОТ в существующих условиях капитализма (без социализма). «Именно реформы, а не насилие одного класса над другим привели западное общество к благополучию»⁴, именно консенсус (баланс интересов) обеспечивает решение всех проблем государства. С другой стороны, социал-оппортунизм – это политическая мутация марксистского насильственного социализма путём его полного перевоплощения в управляемые западноевропейскими элитами политические движения с социалистическими декларациями. Так, демократический социализм и христианский социализм впоследствии были легко и полностью интегрированы в западный либеральный проект,

¹ Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КПРФ // Московский городской комитет КПРФ [сайт]. 2016. URL: <http://msk.kprf.ru/2016/07/16/12511/> (дата обращения: 14.02.2017).

² Макаренко В.П. Главные идеологии современности. С. 104.

³ Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КПРФ.

⁴ Сирота Н.М. Идеология и политика. С. 119.

ограничив свои задачи СОТ. Цель преобразования капиталистического общества в социалистическое у них отсутствует начисто. Социал-оппортунизм – это разумная управляемая правительственная практика улучшения благосостояния трудящихся и ухода от ставшего популярным к началу XX века социалистического насилия. Социальные улучшения – это ещё далеко не социализм, это только одна из задач социализма, главная из которых была и остаётся в радикальном преобразовании капитализма.

Метод бинарных дифференциаций позволяет не только анализировать все известные концепты социализма, но и давать им однозначную аксиологическую оценку, в соответствии с которой становится целесообразна их классификация. Из реализации данного метода следует, что все дифференциации социализма подразделяются на четыре корневых (основополагающих) класса: ненасильственный полный социализм, ненасильственный частичный социализм, насильственный полный социализм и насильственный частичный социализм. Приведённая классификация применима для оценки политической состоятельности (реальности) и перспективности любой версии (мутации) социализма. Для этого надо просто выяснить, к какому классу (из обозначенных выше четырёх) относится рассматриваемая версия.

Проведённый анализ применительно к современной (то есть, вполне капиталистической России) позволяет, в том числе, сделать однозначный вывод о нереальности установления ненасильственного социализма. Более того, не целесообразно вообще рассматривать социалистическую перспективу для России, поскольку общий генезис социализма и либерализма (исходящий от империи англосаксов) с неотвратимостью приводит и к общему результату – воспитанию потребителей. Одним из итогов развития социализма в СССР стал взращённый «его величество потребитель», ибо такова была цель (из программы КПСС: «Всё более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей...»). Однако «социалистический» социализм (как общественный строй) явно проигрывает капитализму в соревновании по уровню (количеству и качеству) потребления. Советский Союз и проиграл его, демонстрируя, что социализм перерастает не в коммунизм, как вещали основоположники марксизма, а обратно, в капитализм. Тем более, что построенная И.В. Сталиным экономическая система более соответствовала понятию «государственный капитализм», «государственность» (этатизм), а вовсе не понятию «социализм» по К. Марксу.

Причём курс на государственный капитализм был взят ещё В. Лениным. Потерпев неудачу в форсированном марше в коммунизм (в политике «военного коммунизма»), большевики вынуждены были выдвинуть идею переходных ступеней к коммунизму в форме государственного капитализма и социализма¹. Советский социализм не имел заявленной корреляции с марксистскими представлениями. «Команда Сталина, – отмечает Е. Чернышев, – во многом отказалась от социализма... Но так как сохранилась вывеска, это нас погубило: приняв чужую идеологию, мы были обречены на неизбежное сравнение себя с Европой, причём по тем параметрам, которые нам исторически чужды. А когда целью коммунизма провозгласили удовлетворение растущих материальных потребностей, с СССР было покончено. Джинсы, жвачки и французские духи пленили советских людей ещё при социализме. Зачем нам опять повторять то же самое, принимая идеологию социализма...?»².

Кроме того, марксизм рожден масонством в империи англосаксов в XIX-XXI веках исключительно для экспорта в страны-жертвы экспансии интересов англосаксов. Разве в Великобритании или США имели хоть малейший вес идеологии марксизма или социализма? Нет, это всё было «отгружено» исключительно на экспорт. Нужны ли нам разработанные (специально для нас) англосаксами идеологии, которые привели к мировой гегемонии империи этих самых англосаксов?! Исторически в любви к России англосаксы никогда замечены не были, а вот в подлости – сколько угодно. Обе экстремистские социалистические партии в царской России (партия РСДРП и партия социалистов-революционеров) были созданы и содержались на деньги империи англосаксов.

Из всего этого следует, что у англосаксов, находящихся под полным политическим контролем международной олигархии и масонских структур, нельзя ничего заимствовать в идеологической сфере. Нельзя обустроить институт благородных девиц на основе инструкции дома терпимости. У Запада можно заимствовать только технологии. Таким образом, социализм – это, во-первых, ориентация на общество потребления, а, во-вторых, он является экспортной технологией империи англосаксов для порабощения стран-жертв.

¹ Фроянов И. Октябрь Семнадцатого (Глядя из настоящего) // Журнал международной славянской академии «Славяне». – 2017. – № 3 (8). Осень. – С. 29.

² Чернышев Е. «Православный социализм»: соединить несоединимое // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2016. – № 9(23). – С. 37.

Поэтому социализм как идеология не приемлем для будущего переустройства России.

В наши дни социалистические идеи (коммунизм, социал-демократия) достаточно популярны, что отражает состав госдумы РФ. Эта популярность объясняется как ностальгией по великому прошлому СССР, его наследию и традициям, так и представлениями людей о социальной справедливости, которая попорана российскими олигархами, с которыми нужно вести борьбу. Тем более, что ни в коммунизм («От каждого по способностям, каждому по потребностям!»), ни в его «призрак» («Пролетарии все стран, соединяйтесь!») уже давно никто не верит. К этому можно лишь добавить, что из всех мутаций социализма исключительно полезна лишь идея «православного социализма». Однако полезна она только для трансформации сегодняшней компартии. Эта трансформация видится в движении по цепочке: коммунизм – социализм – православный социализм – православный империализм с элементами советских традиций (в том числе госкапитализма и этатизма).

Русско-российский и советский опыт свидетельствуют: чем больше государства, государственничества (этатизма) в политической, экономической и культурной жизни державы – тем лучше для великой России. Однако, классический марксизм-ленинизм-социализм тут совершенно не при чём.

§ 3. Генезис и основы идеологии православного империализма

В § 3 и § 5 главы IV обоснован тезис о том, что империя – это форма многонационального и многоконфессионального государственного устройства, имеющая трихотомическую структуру (имперское пространство, имперская политическая нация и имперская идеология»). Имперская православная идеология, в свою очередь, включает две универсалии.

Первая универсалия (римско-имперская) отражает идею государственного устройства имперского типа, дающую всем входящим в империю народам мир и прогресс. Имперская идея, по М.Б. Смолину, является высшим развитием института государственности в цивилизационном аспекте¹. «Империя даёт возможность нации стать творцом мировой истории. Все же остальные народы – безгосударственные или создавшие небольшие государства – довольствуются ролью зрителей или участников различных «массовок» в великой трагедии мировой истории»².

Вторая универсалия (православно-церковная) отражает духовную Идею-миссию для всего человечества. В православной империи такой вселенской Идеей-миссией является Православие (как Вера, как Религия и как их тождество): «Православная Церковь – это Вселенская Церковь, ее миссионерская экспансия не знает пределов, ее каноническая территория — весь мир, вся ойкумена»³. Важнейшими задачами Православия считает спасение душ людей, а также Катехон – удержание мирового зла (мирового беззакония). Тут можно добавить, что «существование православного царства оправдано уже в Новом Завете. Апостол Павел именует римского императора «удерживающим», подразумевая «удерживающим мировое зло». хотя апостол говорил о языческом Риме, а совсем не о христианском государстве. И, тем не менее, ему дано было знать, что это так»⁴.

Согласно А.М. Малеру, идеология православной империи (византизма, православного империализма) «была предзадана как политическая идеология Православия», имевшая своей задачей «логическое соотношение двух универсальных ценностей: абсолютной, универ-

¹ Смолин М.Б. Русский путь в будущее. – М.: Издательство «ФондИВ», 2007. – С. 9.

² Там же. С. 16.

³ Малер А. Идеология византизма // Журнал «Северный Катехон», – 2007. – №1. – С. 7-49.

⁴ Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения: 15.02.2018).

сальной сакральности Церкви и относительной, но не менее универсальной по своим претензиям сакральности Империи». По А.М. Малеру, «Концепция Симфонии Властей – это сущность византистской идеологии. Поэтому подлинно симфонические отношения и подлинная реализация Православного Проекта невозможны в локальном «национальном государстве», они требуют Империи как гаранта вселенской миссии. Геополитическая экспансия Православной Империи является логическим продолжением миссионерской экспансии Православной Церкви, и наоборот – миссия Церкви становится реальной благодаря имперскому влиянию», причём «обе экспансии не знают своих границ, они стремятся отождествить свои пределы с границами всего мира»¹.

По мнению А.М. Величко, Византия являет собой некий идеал, способный затмить языческий римский аналог. Это не только идеал личной веры, но ещё и политический/общественный идеал особого вида государственного устройства, при котором «цели и задачи земной Церкви органически становятся альфой и омегой государственной политики»². А.М. Величко так уточняет суть византизма: «Практическое воплощение Царства Божьего на земле в лице Империи и есть квинтэссенция византизма, смысл жизни и существования Византии как первого православного государства. Отсюда, как следствие, генерируются все остальные правовые и социальные конструкции, создающие устойчивый политико-правовой и культурный образ идеального государства»³. То есть, византизм можно рассматривать как наложение закона Церкви на государство, как отождествление задач Церкви и государства, отождествление христианской и государственной этики. Иначе говоря, «христианство дало империи качественно новое понимание»⁴.

Идеология православной империи постепенно устанавливалась с IV века в Римской империи синхронно с постепенным установлением христианства. В Византии термина «идеология», естественно, не могло быть, поскольку это понятие появилось на Западе лишь в конце XVIII века. Тем не менее, функция идеологии православной империи была отражена принципом «симфонии», при котором светская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии), по аналогии с божественной и

¹ Малер А. Идеология византизма.

² Величко А.М. История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия Первого. – М.: Вече, 2012. – С. 7.

³ Величко А.М. История Византийских императоров. С. 7.

⁴ Там же. С. 13.

одновременно человеческой природой Христа. Церковь и государство поддерживают друг друга, оставляя за собой свои сферы деятельности. Занимаясь нравственным и духовным воспитанием и не вмешиваясь в дела управления государством, Церковь имеет право нравственного суждения по любым вопросам, включая политические, а государство, выполняя свои функции, не вмешивается в дела Церкви. А. Малер так уточняет «симфонию» Церкви и государства: «Главная задача Церкви в отношении Империи – это давать идеологическое, то есть богословское, обоснование существования Империи, что как раз реализуется в концепции Катехона (удержания мирового зла, препятствования концу света, – ред.). Церковь обладает монополией в идеологической сфере, и поэтому она курирует всю сферу культуры и образования. Империя, в свою очередь, призвана охранять Церковь от внешних религиозных и политических врагов, предоставлять Церкви материальные возможности для развития и миссионерства как внутри, так и за пределами Империи»¹. Имперский герб – двуглавый орёл символически отражает концепцию этой «симфонии». Идеология православной империи не декларирует построение рая на земле (как и человек, и любое государство тоже несовершенно), но заявляет о недопущении на земле ада. Упрощённо (в первую очередь, для атеистов, либо для людей, не постигших азы христианства) суть православной составляющей идеологии византизма сводится к тому что, любые имперские (государственные) решения должны быть нравственны в православном понимании нравственности. Чтобы об этом не забывать, у ромейских императоров всегда стояло два престольных кресла, на одном восседал император, а на втором лежал крест, символизирующий присутствие Христа.

Православный империализм – это «попытка организации Православной цивилизации в государственных имперских рамках. Империя – это государство, стремящееся объединить в своём имперском организме Цивилизацию, став понятием, соотносимым с нею, понимая, что «идеал практически не достижим в исторической действительности. Но именно усилия в приближении к идеалу и можно называть смыслом истории, исторического развития», считает М.Б. Смолин². Рассуждая о цивилизационной (по нашей классификации) империи, А.Г. Дугин пишет: «Империя – это максимальное общество, максимально возможная масштабность государства. В империи воплощается...сочетание в единство различий, которые,

¹ Малер А. Идеология византизма.

² Смолин М.Б. Русский путь в будущее. С. 9-10.

сохраняясь как таковые, интегрируются в общую стратегическую матрицу. Империя – это высшая форма человечности, высшее её проявление. Ничего гуманнее Империи не существует. Империя воплощает в себе онтологическую цельность, расцвет бытия. А значит, Империя всегда священна, сакральна. Не случайно в Византии и России сложился глубинный альянс между Империей и Церковью. Отсюда – симфония властей и тот горизонт веры, который связан с идеей Империи, Царствия»¹.

Разные грани идеологии православной империи изучались и освещались представителями русского традиционализма (И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, П.Е. Казанский, В.Д. Катков, С.А. Котляревский, И.В. Киреевский, К.Н. Леонтьев, о. Сергей Радонежский, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров, С.С. Уваров, Г.В. Флоровский, А.С. Хомяков, Н.И. Черняев и другие), хотя, зачастую, без использования самого термина «идеология», получившего феноменальную популярность, как выше отмечалось, лишь в XX веке. В работах указанных авторов шла речь об апологии традиционализма, консерватизма, славянофильства, монархизма, империализма и Православия.

Идеолог панславизма Н.Я. Данилевский определил России и всеславянскому союзу миссию обновления исторической жизни всего человечества. Его адепты К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин и другие видели в качестве идеологической основы (не упоминая термин «идеология») конструкцию, в которой православной составляющей отдан приоритет, с условием государственной опеки Церкви и при широком народном участии. В 1900 г. в России была создана православная консервативно-монархическая общественно-политическая организация «Русское Собрание» (с 1900-1917 гг.), представителей которого вполне можно назвать идеологами православного империализма, дополненного национально-самобытным фактором. В русском консервативном понимании XIX века «традиционализм – особая идеология, нацеленная вовсе не на застой, а на развитие человечества, но на развитие, не отрекающееся от прошлого, а, наоборот, опирающееся на него»², причём монархия рассматривалась как присутствие в политической нации «живого и общеразделяемого нравственного идеала»³. Согласно Л.А. Тихомирову, «русское государство основано на идее, данной Византией». По К.Н. Леонтьеву, «Византизм – в государстве

¹ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2009. – С. 110.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Облиддат; Алир, 1998. – С. 6.

³ Там же. С. 629.

значит самодержавие. В религии он значит христианство с определёнными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человека, которое внесено в историю германским феодализмом. Мы знаем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всём земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь... Византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов». Византизм «есть сильнейшая антитеза идеи всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства...»¹.

Вера в силу традиционализма вдохновляет и наших современников (В.В. Аверьянов, С.Н. Бабурин, А.Г. Дугин, А.В. Ишин, И.И. Кальной, В.Ю. Катасонов, В.М. Коровин, В.Е. Ларионов, А.М. Малер, В.Л. Махнач, В.Н. Осипов, Д.Е. Муза, О.А. Платонов, А.А. Проханов, М.Б. Смолин, А.Д. Степанов, А.А. Чемшит, Ю.В. Шалыганов, И.Р. Шафаревич и других). Это «вера в спасительное значение Русского Православия, самодержавной монархии и имперской государственности. Вера в Россию как особую цивилизацию, её всемирную задачу – перестроить мир на основе идеалов Православия». Эта вера подкрепляется осознанием необходимости идеологически противостоять Западу, «заведшему весь мир в тупик потребительской цивилизации, но упорно, вплоть до методов государственного терроризма и бандитизма, навязывающему другим странам свои ложные ценности»². В.Н. Осипов отмечает: «Новому глобальному порядку мешает Россия не только как особая государственная и геополитическая величина, но и как тип культуры, решительно не вписывающийся в новую систему глобального естественного отбора... Мы оспариваем правила игры глобалистов – наше чувство справедливости, наша христианская сострадательность заставляют их отвергать», что «не человек для рынка, информации, глобализации, а они – для него. Сохраняя православную идентичность, мы храним сами себя в истории»³. В это смысле ничего не изменилось за несколько столетий. Ещё А.С. Пушкин писал: «Поймите, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой, что история ее требует другой мысли, другой

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 310.

² Осипов В.Н. Возрождение русской идеологии / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – С. 4.

³ Там же. С. 709.

формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада»¹.

Современные русские традиционалисты понимают, что «Россия – это не государство-нация, но государство-империя. В отличие от нации, Россия полиэтнична, мультиконфессиональна и состоит из большого русского народа и множества малых народов и этносов, которые вместе с Россией, вместе с русским народом творили русскую историю, созидавая русское имперское по своей сути государство»². Воссоздание отеческой империи и создание в ней комфортных условий (не только с материальной точки зрения, но и с духовной) – есть магистральная историческая миссия русского народа в XXI веке³, «...в этом суть империи: дать каждому возможность выбора свободно определить и исповедовать свою идентичность»⁴. Так, и по А.М. Малеру: «Христианская империя – это мессианское, избранное государство, а, следовательно, это государство жертвенное, смысл её существования сводится к сохранению и экспансии Христианской Традиции... Самосознание русских времён Московской Руси (XV–XVIII вв.) – это самосознание народа, воспринимающего себя жертвенным субъектом мировой истории, Новым Израилем и Третьим Римом одновременно»⁵. А.М. Малер считает неизбежностью дальнейшее развитие особой православной политической идеологии – византизма. Сам термин «византизм» в русский язык впервые ввёл только в конце XIX века великий русский философ Константин Николаевич Леонтьев, положивший конец «славянофильству» и возродивший изначальную, сакрально-традиционную, фундаментальную Национальную Идею Московской Руси как наследника вселенской эсхатологической миссии Православной Империи – тысячелетней Византии (395–1453). Именно эта идея России как полноценного наследника Византии и называется русским византизмом⁶. Ему вторит В.Н. Осипов: «Нравственная инфраструктура существует благодаря христианству. Пока мы не восстановим в своей стране эту нравственную инфраструктуру, продавцы будут безбожно обсчитывать, чиновники – воровать, рабочие – халтурить, а все вместе пить и бесчинствовать»⁷. «Сама история возложила на плечи России великую

¹ Из последних выступлений А.С. Пушкина // LIVEJOURNAL. URL: <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/428901.html> (дата обращения: 19.12.2017).

² Коровин В. Россия на пути к империи. – СПб.: Питер, 2016. – С. 271.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Малер А. Стратегии сакрального смысла. – М.: Парад, 2003. – С. 168.

⁶ Малер А. Духовная миссия Третьего Рима. – М.: Вече, 2005. – С. 119–120.

⁷ Осипов В.Н. Возрождение русской идеологии. С. 74.

миссию и особое послушание, – отмечает Е. Гусаров, – принять наследие Византийской Церкви и стать Третьим Римом»¹.

Идеология православного империализма за тысячелетие основательно «пропитала» Русь. «Византийский дух, – отмечает К.Н. Леонтьев, – византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм»². Более того, Православный империализм является в современных условиях единственной внятной идеологической концепцией для России. Но именно это обстоятельство вызывает тревогу и мстительную ненависть Запада: «идеологи западной цивилизации, начиная с иезуитов и заканчивая современными либералами, видят в проекте Православной Империи нечто прямо противоположное своим замыслам, а поэтому византизм стал для них синонимом всего самого неприятного, что можно приписать «восточным деспотиям»³. Поэтому идеологическая война с Западом будет длиться столько, сколько будут существовать носители византизма и адепты либерализма. Компромисс между ними невозможен. Роль России – важнейшая в духовно-нравственном выздоровлении человечества, поскольку русская нация, благодаря основанному на православии образу жизни сохранила жизнеутверждающее высокодуховной мирозерцание, в котором неотъемлемую часть составляют солидарность и сострадание⁴, а также приоритет правды и справедливости перед правом и законностью⁵.

После предательского развала СССР образовался ряд новых, более слабых государств. Любое государство, как показывает исторический опыт, можно учредить (как Косово или Новороссию), либо ликвидировать (как СССР или Югославию), либо перекроить (как Польшу в XVIII или XX в.в.). Отчизну учредить или перекроить нельзя. Отчизна живёт в сознании, пока жив любящий её народ. Такой страной – Отчизной для русского народа (и близких ему народов) традиционно является православная империя. Повторимся, малым постсоветским государствам остаётся выбор: стать безропотным, бесправным вассалом (без суверенитета) империи англосаксов или полноправным членом исторически своей империи, которая всегда

¹ Гусаров Е. Россия. Проект империя. – М., 2012. – С. 5.

² Малер А. Идеология византизма.

³ Там же.

⁴ Бабурин С. Борьба за духовные ценности России – решающий этап борьбы за здоровье всего человечества // Журнал международной славянской академии «Славяне». 2017. – № 4(9). С. 50.

⁵ Там же, С. 52.

мирно сосуществовала со своими мусульманскими, а также другими этносами и которая способна защитить себя и других. Какая беда настигла Украину в 2014-2018 г. при внешнем управлении США хорошо известно, неизвестно только катастрофой какого масштаба этот выбор закончится для самих украинцев. Независимость подобных государственных образований – это самообман. Независимость реальна, когда государство в состоянии, как минимум, обеспечить свою военную безопасность. Подлинную независимость, могут себе позволить лишь империи-сверхдержавы.

Светская адаптация идеологии православной империи

Почти столетие атеистической пропаганды привело к тому, что значительная часть граждан России – это не верующие или условно верующие (носят нательные кресты, но не молятся и в Церковь не ходят). В этих условиях необходимы идеологические пояснения для этой категории граждан. То есть стоит задача найти идеологические аргументы, не отталкивающие неверующих и условно верующих.

Православие – это не идеология, а религия. У Церкви свои задачи, которые она решает средствами религии. Идеологией занимается светская власть, совсем не обязательно состоящая из верующих. Церковь заботится о духовности и нравственности, а идеология – о морали. Церковь открывает свои двери всем тем, кто пришёл к ней сам по свободной воле, выполняя функцию учителя и «врачевателя» души, психотерапевта. Идеология, как инструмент влияния власти распространяется на всех без исключения граждан независимо от их религиозных воззрений, играя роль не только психотерапевта, но и полиции нравов. Вместе с тем, как религия, так и идеология всегда основываются на какой-то религиозно-нравственной идее. В случае отеческой Традиции – это христианская религиозно-нравственная идея. С той лишь разницей, что для церковнослужителя Христос – Бог, а для государственного чиновника, в общем случае, – нравственный идеал и Бог лишь в частном случае, когда чиновник верующий.

В X веке славяне Древней Руси выбрали ортодоксальное христианство как религиозно-нравственную идею становления новой культуры, а с православием приняли и византийскую политическую модель развития. Из разрозненных языческих племён на протяжении жизни всего нескольких поколений произошло удивительное преображение духа народа, создавшего в новой единой идеологической среде колоссальное по своей культурной, военной и экономической мощи государство. Решение князя Владимира принять православную док-

трину было обусловлено, по меньшей мере, двумя обстоятельствами: потребностью великого князя в личном духовном преобразении и обретении устойчивых смыслов бытия, и, во-вторых, стремлением поставить Древнюю Русь на высокую цивилизационную ступень, сделать вверенное ему общество более гуманным и справедливым¹.

Христианство было столь глубоко и проникновенно воспринято Русью, что сделалось мощным фактором национальной самоидентификации. Единство народа и Веры на века стало духовной и жизненной аксиомой. Нашим горячо верующим предкам был очевиден промыслительный характер произошедшего, подготовившего Русь к необычайной судьбе – свершать великие задачи, быть в авангарде человечества. Понимание того, что Москва стала главой Православия – «Третьим Римом», стало осознанием великой миссии – нести миру слово истинного христианства, быть центром духовного единения всех православных земель². Православие в наиболее полной мере сохранило дух первых христиан и имеет успешный многовековой опыт лидирующей имперской религии, умеющей жить в согласии с традиционными религиями иных народов. Православная Церковь в России, Украине и Белоруссии осталась единственным местом, где люди равны перед Богом и действительно едины. Православная религиозно-нравственная идея предопределила становление и развитие культуры нашей Отчизны. С православной традицией ассоциирует себя подавляющее большинство соотечественников. Следовательно, эта традиция логична как нравственное основание идеологии русской политической нации.

Следует особо указать важнейшую роль Православной Церкви в имперском строительстве России. В средние века княжеского единения на Руси не было. Но было церковное единение, которое, по мнению В.Л. Махнача, Н.С. Борисова³ и других историков послужило фундаментом будущего государства. Православная вселенская Церковь удержала Русь в церковном единстве. Патриархи Константинополя и русские митрополиты действовали на протяжении столетий как одно лицо с полным преемственным единодушием сохранившее единый церковный округ и церковный центр. Московские митропо-

¹ Ишин А.В. Цивилизационное измерение Русского мира // Проблемы постсоветского пространства (Москва). – 2015. – № 3. – С. 9-10.

² Сухарев Ю. Православное содержание русского патриотизм // Русская нация - системообразующее ядро российской государственности / сост. Е. Троицкий. – М.: АКIPH, 2007. – 253 с.

³ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV вв. – М. 1986 // Ступopedia. URL: https://studopedia.ru/15_10732_nsborisov-russkaya-tserkov-v-politicheskoy-borbe-XIV--XV-vv-m-.html (дата обращения: 01.04.2018).

литы, и константинопольские патриархи поддерживали церковное единство ради будущей единой России. Не князья, а Церковь вышла на передний фланг борьбы за созидание единого государства. Князья были зависимы от Орды, а церковные иерархи нет. Князей было много, и они вели междуусобную борьбу. Церковь была едина, а церковные иерархи не противостояли друг другу. «Православная церковь готовила преемницу уходящей Византии. Имперский этнос ромеев слабел. Они заканчивали свою историю. И закончили захватом турками Константинополя в 1453 году, последних православных владений в 1471 году эта дата приходится уже на правление с 1462 года создателя единой Российской державы, первого нашего царя и, может быть, величайшего царя Иоанна Третьего. Преемство здесь прямое. И не русские избрали себе эту долю, эту роль, а избрала эту роль для России Православная Вселенская церковь»¹.

Однако с точки зрения современной идеологии, ориентированной на светский дискурс, особо отметим роль Церкви не как духовной «школы», обучающей спасению души, а как нравственной «школы». Идеологические установки в православной империи основываются на Нравственном законе Православия. Зрелость личности и общества определяется тем, какое место в их жизни занимает Нравственный закон, поскольку основные проблемы человека и общества образуются из-за ложных целей и ценностей, выходящих за рамки Нравственного закона. Нравственный закон сохраняет за собой статус подлинного регулятора жизнедеятельности людей. Совесть человека развивается должным образом только в нравственной культуре, только в поле Нравственного закона. Несоблюдение нравственного закона неминуемо ведёт к разрушению личности, а затем и общества. Поэтому Нравственный закон является важнейшей жизненной необходимостью, залогом нормального функционирования и защиты от вырождения.

В обществе всегда присутствует противостояние идей свободы и равенства. Любая из известных идеологий включает в той или иной мере эти идеи, противостоящие друг другу ввиду их противоречивости: свобода исключает равенство и, наоборот, равенство ставит под сомнение свободу. Идея милосердной любви Иисуса Христа стоит над этим противостоянием, объединяя, находя баланс справедливости между этими противоречивыми устремлениями.

Парадоксальность христианства с идеологической точки зрения заключена в его простоте. Чтобы понимать христианство, достаточ-

¹ Махнач В. Империя - православное царство.

но помнить две заповеди Христа: «Возлюби Господа Бога твоего...» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя, на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»¹. Христианин лишь тот, кто пустил в свою душу Любовь, а не тот, кто старательно соблюдает церковный ритуал или начитался религиозных книг. Любовь и есть спасение. Милосердная любовь является лучшим средством нравственного воспитания. Последнее утверждение понятно не только верующим, но и атеистам. Всем. Следовательно, годится и для идеологии. Однако, если церковнослужитель призывает молиться за своих врагов, то идеолог настраивает воинов на борьбу с врагами (в том числе с вражескими идеологиями и сектами), цитируя святого Александра Невского: «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет». Согласие достигается в общем призыве церковнослужителя и идеолога: «Живи по совести!».

Важнейшей причиной, по которой идеология православной империи поддерживает Церковь, является то, что обществу необходим институт религии как хранитель и проводник Нравственного закона, гарант его неизменности и долговечности. У России, собственно говоря, выбор религиозно-нравственной стратегии небольшой: либо нравственная идея лидирующей имперской религии (религии русских как титульного этноса империи), либо новая религиозно-нравственная идея, либо вариант какой-либо «интеррелигии» как синтеза взаимодополняющих идей мировых и национальных религий.

Однако, двадцатый век, приведший к олимпу власти три новых религиозно-нравственных идеи – коммунизма в России, фашизма в Италии и Испании, а также нацизма в Германии, убедительно продемонстрировал пагубность такого новаторства для народов.

Создать всеобщую единую религию на основе компиляции идей разных религий тоже ни у кого не получилось, несмотря на многочисленные попытки (Бахаизм, Ведантизм, Теософия Е. Блаватской, «Агни-Йога» Рерихов, «Христианская Йога» Махариши, «Сознание Кришны», «Интеррелигия» Д. Андреева, учение Ошо, Мунизм и т.п.). Вместо того, чтобы стать основой для становления новой интеркультуры, эти «интеррелигии» имеют лишь сектантский эффект разрушения традиций и основ национальных культур.

По методу исключения остаётся только нравственная идея лидирующей имперской религии. В случае России – это Православие. При этом речь ни в коем случае не идёт о том, чтобы православная импе-

¹ Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. – 1233 с.

рия директивно навязывала своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Такого никогда не было и не будет. Вера и религия – личное дело и выбор каждого. Согласно православной традиции Церковь принимает в свои ряды только тех, кто стремится к ней по собственной и свободной воле. Свобода совести должна быть в любом государстве, уважающем своих граждан. Речь идёт только о принятии единых нравственных норм, без чего общество неминуемо саморазрушается. В условиях засилья атеистических и либеральных установок в умах соотечественников речь может идти только о нравственной составляющей христианства как отеческой культурной Традиции, о возвышающем нравственном идеале.

Говоря о светской адаптации рассматриваемой идеологии, в качестве переходного этапа от существующего либерализма в России к православному империализму, можно и целесообразно использовать светские идеологемы, понятные и принимаемые большинством граждан. В качестве примера можно привести предложенную Н.В. Стариковым «Идею гармонии трёх союзов»: социального, национального и цивилизационного¹. Под «социальным союзом» Н.В. Стариков понимает единство всех социальных слоёв общества, достигаемое таким изменением законодательства, которое позволит «любому гражданину России чувствовал себя социально защищённым». «Социальная защищённость на деле», «солидарность вместо конкуренции и безудержной эксплуатации» и будут отражением идеи справедливости, которая веками составляла архетип коллективного бессознательного русского народа. Не говоря о христианстве, Н.В. Стариков по сути светским образом выразил христианскую идею справедливости. Так, христианские нравственные нормы империи первым делом уничтожили бытовавшее рабство. Нынешние либеральные нравственные нормы, наоборот, по своей сути узаконивают нео-рабство – «безудержную эксплуатацию» (когда, голосуя, рабы обманываются «свободой выбора»), установленную мировыми олигархами. Очевидно, что чем больше общество следует христианским нормам, тем меньше там будет олигархов и реального рабства.

В интерпретации Н.В. Старикова, «союз национальностей» – это «союз евразийских народов, свободно объединившихся вокруг государствообразующего русского народа». Так понимаемый «союз национальностей» и есть определяющий принцип любой цивилизационной империи (Римской, Византийской, Российской). На это указывает и сам Н.В. Стариков, предлагая, «новый цивилизацион-

¹ Стариков Н.В. Какая идеология нужна России // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/14073> (дата обращения: 27.09.2017).

ный проект. Вернее говоря, он вполне себе старый – Русский проект. Только в новом оформлении». Для внешнего мира необходим ещё и третий союз – «союз цивилизаций», под которым следует понимать «всепланетную цивилизацию, состоящую из свободных народов» без «насильственной переделки одних людей в других». Именно так, сохраняя народы и мир на планете («удержание мирового зла») понимает свою внешнеполитическую задачу православная империя. Таким образом, предложенная Н.В. Стариковым «Идея гармонии трёх союзов» – это светская адаптация идеологии православного империализма, хотя и иначе выраженная.

Другим примером светской адаптации идеологии православно-го империализма, как нам представляется, может быть «идеология «Русской доктрины» – «Динамический консерватизм»¹. «Динамический консерватизм» (то есть, «способность Традиции-цивилизации как единого социального комплекса к обновлению своих манифестаций без утраты идентичности»² восходит к православной традиции (но выходит за рамки храмовой жизни) и имеет целью смыслократическое преобразование нынешнего хаосократического государства³. Этот концепт ориентирован на гармонию внутри Традиции-Цивилизации, формой организации которой выступает империя⁴ как объединение в одном государстве различных этнокультурных, религиозных, социальных укладов. При этом в концепте монархическое начало представлено аналогом – автократией. Здесь со всей очевидностью также просматривается иначе выраженная адаптация идеологии православного империализма.

О внутривполитической концепции.

Внутренняя идеологическая задача православной империи – обеспечение свободы как возможности развития личности в нравственной атмосфере для всех населяющих империю этносов (в том числе, – иноверующих и атеистов), воспитание высоких моральных качеств, пробуждение и воспитание чести и совести в человеке.

В нынешней политической обстановке главное – формирование

¹ Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / под общ. ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. Отв. Ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1056 с. ; Аверьянов В.В. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. (Серия «Служить России»). – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.

² Там же. С. 1011.

³ Там же. С. 1012.

⁴ Там же. С. 1015.

союза патриотических сил и движений, декларирующих строительство государственности как приоритетной задачи. Союз должен включать православных империалистов, евразийцев, социалистов и коммунистов, российские исламские общины и др. Евразийская интеграция рассматривается как глобальный проект восстановления общего пространства развития народов, веками живших вместе, сотрудничавших и обогащавших друг друга, а также как путь к формированию нового полюса силы¹.

Былые идеологические установки марксизма о необходимости классовой борьбы, о происхождении человека от обезьяны и о всемирном «призраке коммунизма» не актуальны, поскольку никто их больше не «раскручивает» в СМИ. Но нельзя забывать другое. Современные коммунисты, в отличие от большевиков троцкистского толка, не только не являются агентами империи англосаксов, но наоборот, выступают убеждёнными противниками всех врагов Отечества. Коммунисты нацелены на государственное строительство и защиту интересов трудящихся. При всех «грехах» большевиков периода 1917-1940 гг., именно они удержали Отчизну от полного государственного разрушения в 1917 году. Коммунисты построили сверхдержаву – СССР, обеспечили её индустриализацию, обеспечили победу в Великой Отечественной войне, создали качественную систему образования, науки и искусства. Именно коммунисты вписали в историю Отчизны её величественные страницы, и наше нынешнее существование возможно лишь благодаря мощному промышленному заделу, оставленному СССР. Идеи равенства и справедливости получили в Советском Союзе практическую реализацию, может быть, лучшую в истории человечества. Идеологическое согласование сторонников православной империи с коммунистами допустимо, поскольку и те, и другие руководствуются имперским патриотизмом, близкими представлениями о нравственности и морали.

Отеческие мусульманские и иные народности живут вместе с православными славянами много веков. Чеченские братья демонстрируют патриотический боевой дух небывалой силы. Умеренный Ислам остаётся главным духовным союзником православной империи. Империя предполагает свободу совести, возможность национального традиционного самоуправления. Православные и мусульмане могут и должны быть вместе и в горе, и в радости. Вместе противостоять разрушению Традиции.

¹ Глазьев С. Встать в полный рост. (Доклад Изборскому клубу) // Русский дозор. 2014. URL: <http://rusdзор.ru/2014/11/26/s-glazev-vstat-v-polnyj-rost-doklad-izborskому-klubu/> (дата обращения: 27.09.2017).

О внешнеполитической концепции.

Внешняя задача – это обеспечение международной справедливости, ибо предназначение (мессианское служение) православной империи – «удерживать мировое зло» – мировое богоборчество. Речь идёт не о притязаниях, а о «тяжкой ноше», благородной миссии во имя спасения не только своего народа, но и всего человечества от разрушающего глобального влияния власти международной олигархии. Эта идеология является не только полной антитезой идеям либерализма (всесвободы), культу греха и потребления (вседовольства), но и воинствующей с ними.

Необходимо объединение в широкую коалицию государств, исповедующих традиционные ценности, во имя суверенитета, процветания своих народов, обеспечения международной справедливости и противостояния мировому злу (богоборчеству), антиценностям глобализации. Единство мира рассматривается в многообразии традиционных культур, основанных на системе ценностей мировых религий (Буддизм, Ислам, Православие) и готовых стать духовными союзниками в религиозной войне с богоборчеством. Эта внешнеполитическая концепция коррелирует с идеей «евразийства» (А.Г. Дугин).

О концепции баланса.

Идеология православной империи предполагает обязательное установление разумного баланса во всём, но в первую очередь между: материальным и духовным, свободой и ответственностью; свободой слова и нравственной цензурой; свободой совести и сектами; индивидуализмом и коллективизмом; личными и общественными интересами; потреблением и созиданием; властью, бизнесом и народом; социальным и военным потенциалом; экономической и культурной интеграцией с империей англосаксов и изоляцией от неё. В последнем случае умеренный изоляционизм жизненно необходим для воприпятствования «духовному разложению и геополитическому разползанию страны»¹.

Следование идеологическому курсу православной империи есть альтернатива западному безнравственному и бездуховному курсу. Запад давно сдался богоборчеству, и на нём лежит вина за антихристианские идеологические новаторства (бонапартизм, марксизм, наци-

¹ Ишин А.В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). – 2016. – № 1. – С.5.

онал-социализм, фашизм, либерализм), обернувшиеся социальными потрясениями и духовным кризисом самого человека. Можно смириться с идеологическим вакуумом, упадком и разложением народного духа и самобытной культуры, а можно действовать, воссоздавая свой высший смысл в формате народной православной империи. Перед Россией стоит выбор между деградацией и особой миссией.

В заключение параграфа, заметим, что идеология православного империализма – это апология монархии, империи, традиции, народности, нравственности, справедливости и Веры.

Православный империализм в светском понимании – это когда любые имперские государственные решения нравственны в православном понимании нравственности.

Православный империализм в религиозно-христианском толковании – это идеология мощного во всех отношениях мессианского государства (сверхдержавы), которая сводится к спасению душ, к Катехону (удержанию мирового зла), а также сохранению и экспансии Православия.

Идеологические основы православной империи просты и понятны, ибо они ориентированы на самый высокий нравственный идеал, пройдя 15-ти вековую проверку временем. Идеология православной империи не навязывает своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Речь может идти только о сохранении Традиции, возвышающем нравственном идеале и о свободе выбора. Следовать идеологическому курсу православной империи означает дать не только всем ветвям русского народа, другим народам бывшего СССР, но и всему человечеству шанс на международную справедливость и солидарность, на жизнь без хаоса, который уготовлен для них империей англосаксов.

Резюме V главы

В главе рассмотрены концепты, поглотившие идеологическое пространство России того или иного исторического периода. В их числе: либерализм, социализм и православный империализм.

Как теория либерализм пропагандирует ультраиндивидуализм и вседозволенность, тем самым создавая непреодолимый конфликт между личными и общественными интересами, ведущий к кризисам и разрушению общества. Как политическая практика либерализм не толерантен к инакомыслию, не демократичен (не учитывает мнения большинства), догматичен, характеризуется монополизмом и американоцентричностью. Доминирование либерализма как идеологии неокolonизации мира обеспечено всесторонней поддержкой США. Метафизика либерализма сводится к искушению страстью наживы и богоборчеству. Теневая сторона либерализма обусловлена масонской целью править миром, и в этом контексте тайный смысл либерализма – в искусственно организуемом хаосе как этапе установления «нового мирового порядка». Для России либеральный хаос означает служение интересам англосаксов и социальный суицид.

Понятие «социализм» не имеет однозначности, поскольку в разное время и с разными целями создавались те или иные теории социализма. Предложенный автором метод бинарных дифференциаций позволил проанализировать самые известные концепты социализма. Согласно этому методу, концепты подразделяются на четыре класса: ненасильственный полный, ненасильственный частичный, насильственный полный и насильственный частичный социализм. Проведённый анализ позволил дать концептам аксиологическую оценку и сделать однозначный вывод о нереальности ненасильственного восстановления социализма в России. К тому же общий генезис социализма и либерализма не случайно имеет и общий ориентир на потребительство.

Популярность идей социализма объясняется ностальгией по великому прошлому СССР, его наследию и традициям, представлениями людей о социальной справедливости, которая поправа российскими олигархами в 1990-ые гг. Согласно русско-российскому и советскому опыту, чем больше государства, государственничества, этатизма в политической, экономической и культурной жизни державы – тем лучше для великой России. Но для торжества государственничества России совсем не обязательно быть социалистической в устоявшемся марксистском понимании.

Православная имперская идеология включает две универсалии. Первая отражает идею государственного устройства имперского типа, дающая всем входящим в империю народам мир и процветание. Имперская идея – это высшее развитие института государственности в цивилизационном аспекте. Вторая универсалия отражает духовную Идею-миссию-Православие, которое считает своими важнейшими задачами спасение человеческих душ, а также Катехон – удержание мирового зла (мирового беззакония). Симфония двух Властей (имперской и духовной) – это сущность идеологии православного империализма (византизма).

Православный империализм для неверующих (или иноверующих) может пониматься как нравственный приоритет в любых имперских государственных делах или решениях. Формула православного отношения к иным верам проста и уникальна: с уважением принимаются традиционные верования собратьев по государственной и исторической судьбе¹.

Православный империализм для граждан, считающих себя православными, означает идеологию сверхдержавы, спасения душ, Катехона и экспансии православного нравственного идеала.

Идеологии и образ жизни Запада («западнизм» по А.А. Зиновьеву) с одной стороны, и русская консервативная мысль, традиция – с другой, обозначили собой крайние идеологические полюсы и альтернативные пути развития человечества.

¹ Аверьянов В. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. – М.: Книжный мир, 2014. – С. 20.

Глава VI. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА РОССИИ

§ 1. Агональность парадигмальных идеологических оснований

В § 1 главы II рассмотрен генезис первой бинарной оппозиции сверх-парадигм, предопределивших в дальнейшем мировоззренческое и идеологическое раздвоение и противостояние, а также все последующие кодирующие смыслы гуманитарных построений европейского сознания. Первой сверх-парадигмой можно считать бого-признание, движимое Авелем, сыном первочеловека Адама (а также Сифом, третьим сыном Адама), то второй, оппозиционной к ней сверх-парадигмой можно считать бого-отвержение (бого-умаление), движимое Каином, построившим первую цивилизацию. Ранее отмечалось¹, что идеология является необходимым спутником любого государственного образования. Поскольку первым городом-государством-цивилизацией стала каинитская, то и первой идеологией по этой логике стал каинизм, для которого характерны следующие признаки: отпадение от Бога (замена Бога богатством и появление искусства и культуры, оторванных от Бога); эгоизм и индивидуализм; агрессия и желание убивать; «покорение» природы и др.², иначе говоря, – богоборчество, дух наживы, поклонение «золотому тельцу», мамоне. Каинизм стал де-факто идеологией Вавилона, Содомы и Гоморры, Иерусалима и Карфагена, а позднее Венеции и Генуи, Лондона и Нью-Йорка.

К началу I века н.э. Великий Рим, разрушивший Карфаген, постепенно заражался каинизмом... Казалось, идеологическая экспансия духа наживы уже не имела барьеров. Балансирование человечества между нравственностью и безнравственностью подошло к своему завершению с явным перевесом последней. Казалось, что наступал «конец истории». Однако «конец истории» не наступил. В I в. н.э. наступило другое, самое яркое и значимое для

¹ См. Глава I. § 1.

² Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / науч. ред.. О.А. Платонов. Изд. 4-е, доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 1075-1076.

истории человечества событие, отражающее противостояние бого-признающего и бого-отрицающего мировоззрений: в мир явился Иисус Христос – Бог, согласно Библии, воплотившийся в Человека. Иисус Христос дал людям ясное представление о добре и зле, а также о пути спасения.

Явление Христа «отодвинуло человечество от края пропасти вселенской катастрофы и дало импульс развитию цивилизации Авеля-Сифа. Указанная цивилизация стала с этого момента называться христианской, которая стремилась и стремится до сих пор к спасению»¹. Христианская цивилизация установила свои нравственные нормы, сформировавшие традиционный уклад и повседневность христиан-европейцев. «На сравнительно длительный период времени победное шествие цивилизации Каина по нашей планете было приторможено. В литературе этот период истории чаще всего называют Средними веками. После пришествия Христа на Землю, Его распятия и вознесения чётко обозначился последний период развития цивилизации Каина – фарисейско-саддукейский»². После этого исторического события двадцать веков наблюдается жёсткое противостояние двух фундаментальных идеологических концепций – христианской (имеющей в известном смысле духовную преемственность от Авеля-Сифа) и богоборческой (антихристианской, фарисейско-саддукейской, а впоследствии материалистической, атеистической и либеральной; все они могут рассматриваться как мутации каинизма). Это противостояние постепенно приобрело ярко выраженный идеологический характер противоборства двух сверх-парадигм: бого-признающей (христианства) и бого-отрицающей (богоборчества).

Духовное и геополитическое противостояние христианства и богоборчества обрело не только нравственно-этический, но и ярко выраженный идеологический характер. Жёсткое противостояние христианства и богоборчества является внутренней глубинной причиной межконфессиональных столкновений и войн, ведшихся под разными идеологическими лозунгами. Это представление – не упрощение политической многомерности бытия, как может показаться неискущённому политологу, а, наоборот, результат погружения в суть, о чём и пойдёт речь ниже.

Основу христианства составляет вера в то, что Бог явил себя

¹ Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». С. 1087-1089.

² Там же. С. 1087-1089.

людям в лице Иисуса Христа для того, чтобы они смогли получить доступное представление о непостижимом для человеческого сознания Боге, о главном человеческом Законе жизни – милосердной любви. Чтобы смогли осознать своё божественное предназначение, смогли спасти свою душу, следуя божественному Нравственному закону. Христианское учение можно свести к двум заповедям: «Возлюби Бога» и «Возлюби ближнего своего». Так просто для восприятия простыми людьми и одновременно бесконечно сложно для утончённых интеллектуалов. Проповеди Христа были и остаются для миллионов людей нравственным ориентиром, будоражащим совесть и разум, источником раздумий. Человек получил ясное представление о добре и зле, а также возможность решать для себя, на чьей он стороне. Христианство делает ставку на свободный и осознанный выбор человека, на его совесть, на его разум, на понимание пагубности греховной жизни, на внутреннюю потребность любви и справедливости.

Основу богоборчества (иначе, – антихристианства или каинизма) составляет неприятие не только и не столько личности самого Иисуса Христа, но прежде всего Нравственного закона, которому следует христианство. Антихристианство объединяет различные идеологические направления: от религиозного фарисейства – до атеизма, но всегда с отказом от духовных и нравственных ценностей христианства и зачастую с ориентиром на материальное благополучие, которое логически завершается безграничным потреблением. Антихристианство многолико по форме и выражается любыми антитезисами христианского вероучения. Овладевая сознанием через давление СМИ и прикрываясь общественным законодательством по правам человека, оно угнетает совесть людей на основе не только вседозволения, но и культивирования безнравственности, всего того, что определено христианством как грехи и пороки. Мало того, что антихристианство многолико по форме, его любимый приём – использование лжи как намеренного искажения истины, в частности, подмены понятий и действия под лицемерным прикрытием морально привлекательных лозунгов, совершенно не соответствующих сути («волк в овечьей шкуре»). Согласно христианству, источником лжи является сам сатана: «Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи»¹. Основные положения канона сатанинской церкви ориентированы на либерализм (вседозволен-

¹ Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Кано-
нические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. – 1233 с.

ность), материализм (животное происхождение человека), греховность и гедонизм (культ греха и наслаждения). Всё, что ведёт к греху (в его христианском понимании), как, собственно, и сам грех, является главной целью церкви сатаны. Наслаждение – не только основная категория жизни, но и её цель. Стремление к этому всегда было главным направлением растлевающей деятельности лидеров сатанинской цивилизации в борьбе с христианством. Иными словами, осознанное противостояние Богу – есть смысл жизни каждого прихожанина сатанинской церкви. Угнетая всё высокодуховное, антихристианство делает ставку именно на присущие человеку грехи и пороки, в первую очередь на жадность, похоти тела, самомнение и стремление к власти, на внутреннюю потребность в материальном комфорте, в безграничном потреблении и, если надо, даже ценой разрушения как природы, так и мирного сосуществования народов и их культур.

Поскольку фундаментом христианства является любовь, то вокруг этого ключевого понятия особенно наглядна борьба христианства и сатанизма¹. Так, христианство в течение почти двух тысяч лет создало возвышенную культуру отношений мужчины и женщины. Христианин воспитывался в духе сознательного подавления биологических, низменных влечений. Любовь мужчины и женщины по христианской этике воспринималась как возвышенное чувство, заканчивавшееся церковным браком. Целомудрие и стыдливость считались общественной нормой, а половая распущенность и разврат строго осуждались и наказывались. Сатанизм исповедует прямо противоположное: чтобы оторвать человека от Бога и морально разложить, его надо лишить возвышенного чувства любви. Об этом откровенно написано в книгах знаменитых сатанистов А. Кроули и А. Ла-Вея. Американцам и европейцам внушалось и внушается, что «свобода секса» – это то главное, что нужно современному человеку, а все живущие на принципах христианской этики – просто ханжи и ретрограды, не понимающие радости жизни. Сексуальная революция освободила Западный мир от христианских «предрассудков и пережитков», предоставив полную свободу для разврата и гомосексуализма (содомии). Логика развития антихристианской цивилизации низвела высокое чувство любви до примитивного механизма получения полового удовлетворения. Одним из страш-

¹ Платонов О. Сатанизм и гомосексуализм – неотъемлемая часть иудо-масонской культуры // Информационно аналитический портал ГолосИслама.RU. 2013. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=20536> (дата обращения: 19.04.2018).

ных результатов сексуальной революции стало широчайшее распространение гомосексуализма. Как известно из Библии, гомосексуализм – это тягчайшее преступление перед Богом и природой человека. Он является визитной карточкой сатанизма, поскольку самым наглядным образом демонстрирует глубину отклонения от Богом данного Нравственного закона. Библейский сюжет о Содоме и Гоморре тому пример. В XXI веке для сатанистов настало время торжества победы: гомосексуальные браки стали законными, а гей-парады – обычным явлением. Известно, что парад в отличие от демонстрации, – это празднование победы. Что же празднуется? – Празднуется торжество либерального «Содома и Гоморры» над христианской нравственностью. Если отдельному гомосексуалисту нужна помощь и поддержка государства, как человеку с ментальными проблемами, то к пропаганде гомосексуализма следует относиться как к идеологеме сатанизма.

Вся драма человеческой истории развивается между двумя противоположными духовными полюсами и идеалами земной государственности: служение Закону Христа и служение «тайне беззакония» антихриста. Без осознания этого непонятно ни направление, ни смысл развития человечества в последние две тысячи лет, в течение которых идёт не просто конкуренция идей, но непрестанная бескомпромиссная борьба на духовном, нравственном и идеологическом уровнях. Правда, борьба сторонников этих двух смысложизненных концепций (христианства и богоборчества) идёт в Европе с переменным успехом. Три века после рождества Христова царило язычество, христиан жестоко преследовали. В средние века наступило время торжества христианства. Затем, начиная со времён Возрождения, началось наступление богоборчества.

Попытка богоборцев (в лице фарисейства) уничтожить христианство через «образцово-показательную» казнь самого Иисуса Христа провалилась. Казнь и последовавшие за ней трёхвековые гонения христиан, наоборот, парадоксальным образом обеспечили торжество христианского вероучения в европейском сознании. Более того, с IV века н.э. христианство становится официальной религией Римской империи. «Смертью смерть поправ», Христос постепенно становится религиозно-нравственным идеалом всех европейских народов. Не привели к победе богоборцев в средние века и многочисленные лжехристианские учения (ереси и секты, такие как гностицизм, манихейство, богомилство, арианство, несторианство и монофизитство), в которых от христианства оставалось, как пра-

вило, только имя Христа. Христианство как гранитная скала оставалось могучим и незыблемым, несмотря на эти первые средневековые расколы. Сгруппировав силы, богоборцы начали готовить «подрыв» этой скалы.

По благословлению Римской Церкви западные рыцари-крестоносцы залили кровью и разграбили в 1204 г. Константинополь. Это эпохальное событие средневековой истории имело далеко идущие последствия для всей Европы. Христианство разделилось на католиков и православных. Рим окончательно отпал от Вселенской Церкви. Причём католический Запад в желании обелить свою роль в истории разжёг многовековую религиозную вражду ко всему православному Востоку. Началось тысячелетнее духовное и политическое противостояние Запада и Востока (позднее это отразилось и на России). Уникальная Ромейская империя была обречена Западом на забвение. Богоборчество себя проявило в убийстве православных румеев (так себя называли граждане Ромейской империи), в расколе вселенской Церкви и многовековой ненависти к православному миру. Единая христианская нравственная среда в начале XIII века была необратимо разрушена. Началась духовная деградация христианского Запада. Руководство Римской Церкви, оставаясь на словах христианским, в делах всё чаще проявило себя как воинственно антиправославное. После провозглашения папой римским Григорием второго крестового похода в Прибалтику, в 1240 г. Тевтонский монашеский Орден начал поход на Русь. Князю Александру Невскому было сделано предложение принять католичество. Князь отказался, и началась война. Войска католиков потерпели сокрушительное поражение в 1242 г. в битве на Чудском озере. Позднее было ещё много нашествий войск поляков, шведов, немцев. Нашествия сопровождалось разрушением или осквернением православных храмов. На временно оккупированных территориях не осталось ни одного не разрушенного православного храма¹. Но Русь выстояла и храмы вновь отстроила.

Следующий условный этап наступления антихристианства начался в эпоху Возрождения древнегреческой философии (XV-XVI вв.), и прежде всего – языческого материализма Эллады. Богоборцам возрождать и перерабатывать древние идеи (Пифагора, Эпикура, Платона, Аристотеля, стоицизма, натурфилософии и др.) нужно было для того, чтобы на этом дохристианском, феноменальном по своему мас-

¹ Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения: 15.02.2018).

штабу интеллектуальном поиске истины генерировать противостояние христианскому вероучению. Несмотря на то, что предложенная философией Возрождения схема устройства мироздания была, мягко говоря, весьма наивной, в Европе по сути дела произошла реформа нравственных ценностей, сопровождаемая падением авторитета церкви и христианского вероучения.

В средние века (V-XV вв.) Римская Церковь сама, нарушив христианские заповеди, использовала насильственные методы борьбы со своими оппонентами. Работали суды инквизиции, пылали костры для еретиков, возникло явление «папизма» как распространение не только религиозной, но и политической власти Папы Римского. Римская Церковь благословила кровавые крестовые походы, стала активным политическим игроком Западной Европы. Это привело к кризису и расколу в самой Церкви, подготовило почву к широким антицерковным настроениям, к появлению нескольких поколений христиан, усомнившихся в непогрешимости Римской Церкви и её Папы как заместителя Бога на земле. Последним обстоятельством умело воспользовались богоборцы. Поэтому очередным этапом победоносного шествия антихристианства стала Реформация (XVI-XVII вв.) – время раскола уже в самой Римской Церкви. Протестанты, на основе идей реформации, используя кризис в Церкви, разрушили единую нравственную среду, установленную Ватиканом в Западной Европе. Одна из базисных идей реформации – это позволение индивидуальной трактовки библейского наследия. И вот каждый протестантский лидер сам себе начал трактовать библейские истины, что привело к образованию уже сотен протестантских движений и сект. Принадлежа к протестантской церкви, К. Юнг справедливо считал её косвенным источником психологического кризиса западной цивилизации в XIX-XX вв., завершившегося невиданным распространением атеизма. Вторая из базисных идей Реформации заключается в том, что протестантская этика «благословила» банковское ростовщичество (взимание процентов за кредиты), что запрещалось Римской Церковью и ортодоксальным Христианством. Постепенно это привело к власти банкиров со всеми вытекающими из этого последствиями и, в частности, к власти денег над всеми общественными процессами, включая культурные. Иисус Христос, понимая и предвидя опасность ростовщичества для человечества, будучи божественно милосердным, будучи образцом проявления любви к ближнему, один единственный раз, как свидетельствует Евангелие, проявил не свойственную Ему

агрессию и даже рукоприкладство, выгнав ростовщиков из Храма. Тут есть о чём задуматься.

В XVIII веке последовала эпоха Просвещения. В основе философии этой эпохи лежала критика существовавших в то время традиционных устоев (и, в первую очередь, – религиозных), обычаев, морали. Это интеллектуальное движение характеризовалось рационализмом, наукоцентризмом, свободомыслием и... редкостным цинизмом по отношению к религии. В эпоху Просвещения все надежды богоборцев связывались с наукой, основанной на «непредубежденном разуме». Идеологический наукоцентризм, в свою очередь, заложил основу атеизму как феномену неприятия Бога и всего того, что с Ним связано. Наука не смогла (и до сих пор не может) представить достоверную научную картину мира, происхождения жизни, человека и его мыслей. Тем не менее, эпоха Просвещения сопровождалась дальнейшим падением христианских нравственных устоев.

Очередным ярким этапом развития богоборчества стало явление бонапартизма как проявление страсти к славе, власти, могуществу, несмотря на то, что путь Наполеона к венцу «владыки Европы» был усеян трупами. Из сферы политической «наполеоновская идея» легко проникла во все остальные сферы жизни сначала Франции, а затем и Европы. Она разбудила в людях дремавшие низкие мечты и инстинкты. Общественное восхищение «героем», романтический ореол над его головой приводил к смещению границ дозволенного. Наполеон допускает, чтобы люди бессмысленно погибали в войнах из преданности ему. Наполеон позволил себе привыкнуть к мысли, что он – почти божество, что он может и должен вершить судьбы других людей, обречь их на гибель, делать их счастливыми или несчастными¹. Несмотря на очевидные антихристианские устремления Наполеона, Папа Римский заключил с ним конкордат (соглашение) в 1801 г. Рим признавал новую французскую власть, а католицизм объявлялся религией большинства французов. Наполеон возглавлял масонскую ложу Франции. Поэтому или нет, но нашествие объединённой Европы под предводительством Наполеона на Россию в 1812 г. носило одновременно и идеологический, точнее, – антиправославный характер. Храмы осквернялись, в них «просвещённые» европейцы показательно обустривали конюшни. Проект Наполеона хоть и разбился о мощь православного русского духа, но успел при-

¹ Долинина Н.Г. По страницам «Войны и мира». Заметки о романе Л.Н. Толстого «Война и мир». – СПб.: Лицей, 1999. – 252 с.

нести разруху и унести сотни тысяч жизней. Заметим, что это обычная цена за следование антихристианскому нравственному курсу.

«Эстафетную палочку» антихристианства к середине XIX века «перехватил» марксизм, став в XX веке доминирующей идеологией в ряде государств, включая пространство бывшей Российской империи. Этот этап богоборчества характеризовался не только информационной идеологической борьбой за умы христиан. Произошло превращение псевдонаучного движения атеизма в репрессивное воинство против религий и любых проявлений веры в Бога. Откровенное преследование обрушилось главным образом на православную Церковь и её сторонников. Однако, марксизм, дав обществу новую идею построения коммунистического общества, оказался созвучным с христианством в той его части, где утверждаются идеи равенства, справедливости и солидарности. Именно это созвучие обеспечило «принятие» марксизма широкими народными массами, несмотря на то, что он был основан на ложной аксиоме о непримиримом классовом противоречии, устранить которое возможно только насильственной классовой борьбой. В числе прочего, христианство (как идеализм) и марксизм (как воинствующий материализм и атеизм) иначе определяют конечную цель жизни человека: спасение души для вечной жизни в Божьем раю на небесах (христианство), и удовлетворение всё возрастающих материальных и культурных потребностей человека «здесь и сейчас» (построение коммунизма как общества социальной справедливости и материального рая на земле), поскольку Бога, души и рая не существует (марксизм). Идея построения коммунизма потерпела крах, поскольку капитализм в форме западной либеральной демократии значительно лучше обеспечил удовлетворение человеческой страсти потребления, а идеи равенства и справедливости не выдержали испытания этой страстью.

Марксизм был взращён империей англосаксов с целью обрушения своих вечных конкурентов – Германии и России. С этой задачей революционный марксизм вполне справился в 1918-1920 гг. Но социум такая сложная система, что у богоборцев никогда дела по переустройству мира не шли строго по плану. Неожиданно власть в СССР захватил И. Сталин. Он начал строительство государства, ставшего врагом империи англосаксов. Ответный ход империи англосаксов был в том, чтобы реанимировать Германию и направить её мощь против СССР. Так, империя англосаксов привела к власти А. Гитлера – лидера германского национал-социализма. С точки зрения идеологического противоборства, марксизм, понятый как призыв к

классовой борьбе, к кровавому переделу власти, породил гитлеризм как призыв к уничтожению марксистов и еврейства, ставшего проводником этой новой идеологии. Так одно зло планетарного масштаба породило другое. Быстро овладев Европой, Гитлер направил объединённую европейскую мощь против СССР, повторяя наполеоновский сценарий. За внешне безрелигиозной идеей нацизма, как и у Наполеона, стояли и вполне религиозные цели и, соответственно, структуры. На танках и самолётах германских войск были христианские кресты, подобные крестам тевтонских и мальтийских рыцарей, а не свастика. Историки почему-то замалчивают факт того, что Гитлер был ревностным католиком и в 1933 г. заключил конкордат (как и Наполеон) с Папой Римским о том, что в оккупированных территориях восточным славянам будет навязан католицизм. Как и в случае с Наполеоном, планам Гитлера не суждено было сбыться... История западного христианства-антихристианства повторяется...

Современный этап развития антихристианской мысли (вторая половина XX – начало XXI вв.) – это философия постмодернизма, характерная для современной либеральной демократии. Постмодернизм заявляет о том, что истина непостижима, её никто не знает и никогда не узнает. Истину вообще не надо искать, и тем более в христианском учении. Постмодернизм, отвергая устоявшиеся нравственные нормы, призывает к индивидуальному нравственному нормотворчеству и поиску личного счастья, понимая его, как самореализацию индивида в условиях максимального удовлетворения всех его запросов. В итоге, как отмечает П. Бьюкенен¹, «всё, что вчера считалось постыдным – прелюбодеяние, аборты, эвтаназия, самоубийство, – сегодня прославляются, как достижения прогрессивного человечества..., поэтому нынешнюю доминирующую западную культуру правильнее называть антихристианской, поскольку ценности, ею прославляемые, суть антитезис древнего христианского учения». Современный либерализм – это не просто защита секс-меньшинств или пропаганда все-свободы, он имеет все признаки религиозного сатанизма под лицемерным прикрытием обеспечения свободы граждан. В реальности достигается только свобода от христианской нравственности.

В целом, современная западная система противопоставляет свои ценности традиционному христианскому, зеркально меняя местами добро и зло. Во имя установления материального «рая на земле», антихристианство навязывает человеку (через СМИ, рекламу, идеоло-

¹ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2003. С. 17.

гию, культуру, систему образования, законодательство) культ всего греховного, культ материальных ценностей, формирует из него бездуховного, безнравственного потребителя. Бытующий в Западном мире плюрализм размывает понятия добра и зла воображением тех, кто заказывает и создаёт информационные продукты. Подконтрольные антихристианским силам СМИ, узурпировав право оценки, осуществляют манипуляцию сознанием, внушая, что истинно только то, что ими и подаётся, а подаются не столько факты, сколько их собственные антихристианские мнения (оценки) о фактах.

Последние богоборческие этапы объединены руководящей и направляющей ролью масонства, которое на высших ступенях посвящения, как известно, поклоняется антихристу. В этом сила и успехи богоборцев. В этом же и их слабость, ибо победить Бога нельзя по определению. Это понятно верующим всех конфессий, включая самих сатанистов, но у последних свой интерес: как искутить обманом и соблазном, чтобы затем поработить побольше душ человеческих. Вокруг этих самых душ разгорелась битва вне времени и пространства. Богоборцам всё равно, верит ли человек в библейские сказания или нет. У них есть свой интерес в этой борьбе, которому они неукоснительно следуют из столетия в столетие. Нацистам-богоборцам времён Третьего Рейха также было безразлично, верят ли европейцы в торжество германского национал-социализма или нет. Они, зомбированные своей идеологией (новой сатанинской верой), твёрдо шли к мировому господству, безжалостно убивая и поработывая народы.

Битва христианства и богоборчества не закончена. «Конец истории» с «концом идеологии» не наступил, о чём поспешили заявить либеральные адепты. Об этом свидетельствует новый, развернувшийся с 2014 года, этап мирового геополитического противостояния наследников православной империи и адептов глобальной либеральной империи англосаксов. Баланс идеологического противостояния всё ещё может измениться в пользу адептов православной империи. Ведь живы православные истоки, строятся новые храмы, возрастает интерес к святоотеческому наследию. Жива любовь к своей многонациональной имперской Отчизне десятков миллионов наших соотечественников (при этом не следует путать Отчизну с отдельными чиновничьими государствами-осколками СССР, спроектированными по западному сценарию). Наша Отчизна накопила колоссальный опыт выживания в труднейших исторических условиях. В народном сознании произошло разочарование в либеральных ценностях. По-

дошли к критической черте экономические проблемы Запада как естественный результат развития экономики, построенной на либеральных биржевых и банковских принципах¹. Следствием имеющихся экономических проблем и отсутствием механизмов их решения, является назревший не только экономический, но также политический и идеологический кризисы в глобальной империи англосаксов, а также у её вассалов – в Западной Европе. Последний системный кризис может привести к радикальным изменениям богоборческого либерального мирового порядка. Уже вполне реальным представляется изменение в этническом лидерстве, в зависимости от того, чей дух окажется сильнее. Сильнее окажется тот дух, чья идеология способна давать чёткие, убедительные представления о духовной сущности человека, о смысле жизни его и его народа. И тут христианская духовно-нравственная идея (сверх-парадигма Авеля-Сифа-Христа) имеет огромное преимущество перед изжившей себя либеральной концепцией (сверх-парадигма Каина).

Агональность парадигмальных идеологических оснований очевидна. Тем не менее, влияние западных идеологий (особенно марксизма и либерализма) настолько велико, что современные русские патриоты, не видя очевидного, не редко пребывают в идеологических заблуждениях. Последнее обстоятельство требует отдельного рассмотрения.

¹ Глазьев С. Встать в полный рост. (Доклад Изборскому клубу) // Русский дозор. 2014. URL: <http://rusdozor.ru/2014/11/26/s-glazev-vstat-v-polnyj-rost-doklad-izborskomu-klubu/> (дата обращения: 27.09.2017).

§ 2. Десять идеологических заблуждений современных русских патриотов

Если бы «белые» в 1918 году провозгласили понятный народу лозунг «За Веру, царя и Отечество», то исход гражданской войны в России мог быть совершенно иным. «Красная» армия нанесла сокрушительное поражение «белой гвардии», прежде всего, по идеологической причине. «Красные» были едины не только в управлении, но они были ещё вооружены едиными марксистскими идеологическими установками, обещавшими народу социальное равенство и власть. У «белых», отказавшихся от царя и империи, не было не только единого управления, но и не было главного – единой идеологии как таковой, и солдатам этой «белой гвардии» было просто не понятно, за что они, вообще, воюют (за атамана, за временное правительство, за монархию, за анархию, за демократию, за свободу от своего народа, принявшего сторону «красных»?). Каждый «белый» полководец, противостоящий «красным», имел свои идеологические установки, по-своему видел будущее страны и, конечно же, себя на вершине новой власти.

Идеология современного русского движения также неоднородна. Какова конечная цель государственного строительства: либерально-демократическая Россия, социалистическая Россия, националистическая Россия, или всё-таки православная Российская империя? Не понятно. Пока не будет прояснения, ни о каком победном движении не может быть и речи. Современное русское движение пока повторяет ошибки «белого» движения.

Аналогичные проблемы и в Новороссии. С одной стороны, присоединение Крыма к России, поддержка Кремлём Новороссии не только подняли на высочайший уровень русский патриотизм, но и создали в Донбассе героев – русских воинов, вокруг которых начали формироваться боеспособные части людей, не жалевших своей жизни ради Русского мира. Неслыханный подъем патриотизма, начало формирования русской идеи и, что самое главное, герои войны, способные повести за собой русский народ, сильно изменили отношение врагов России к дальнейшему ходу событий¹. С другой стороны, в Новороссии герои и патриоты есть, идея сопротивления украинскому нацизму во имя спасения Русского Мира есть, идея построения

¹ Саргсян А. Главу Администрации Путина наказали за Крым? // Русский дозор. URL: <http://rusdozor.ru/2014/11/21/glavu-administracii-putina-nakazali-za-krym/> (дата обращения: 13.02.2018).

страны без олигархов с элементами социализма тоже есть, но конечной цели борьбы нет. Новороссия не в состоянии быть автономным государством и не собиралась им быть. Россия (по состоянию на июнь 2018 г.) не спешит не только с её присоединением, но даже с признанием как государства. Судьба Новороссии не ясна. Духовная энергия жителей Донбасса не пробуждена высшей целью, едиными идеологическими установками. И здесь тоже напрашивается печальное сходство с «белой гвардией».

Находясь в плену «идолов сознания», русская патриотически настроенная интеллигенция в своём большинстве (за малым исключением коммунистов и монархистов) либо отрицает необходимость иметь свою идеологию, изрядно утомившись советской, либо скатывается до русского шовинизма, либо, признавая необходимость идеологии для государства, совершенно не представляет, какой она должна быть в РФ, Белоруссии, Приднестровьи, Новороссии и других постсоветских новообразованиях. Итогом этих сомнений является идеологический вакуум, несущий одну из самых серьёзных угроз в условиях информационной войны.

Итак, по порядку о заблуждениях отечественных патриотов-интеллектуалов.

Заблуждение №1. В России единственной идеологической установкой должна быть любовь к Родине (патриотизм) и этого достаточно, поскольку нельзя найти для патриотов разных партийных и мировоззренческих предпочтений (например, для коммунистов и монархистов) некую общую идеологическую концепцию. Поэтому её и не надо искать, тем более, воссоздавать из прошлого.

Тут следует заметить, что империя англосаксов имеет иную точку зрения, поэтому целенаправленно разрабатывает либерально-демократическую идеологию, содержит великое множество социальных институтов (открытых: университеты, НКО, СМИ, и закрытых: масонские тайные общества и клубы, религиозные секты и т.п.). Щедрое финансирование этой идеологии, всесторонняя поддержка СМИ предопределили её абсолютное доминирование на Западе и распространение по всему миру. Вторая сверхдержава – Китай – тоже имеет идеологию – марксизм, плавно перетекающий в традиционное конфуцианство. Нет только идеологии у русской политической нации. Получается, что Запад, как главный политический оппонент Русского мира, имеет свою идеологию, тратя огромные ресурсы на поддержание идеологического курса, а русским ничего, кроме патриотизма и не надо.

Явная логическая ошибка кроется и в том, что российские либеральные демократы (проводники идеологии и агенты влияния империи англосаксов) часто тоже позиционируют себя патриотами, что напрочь сбивает с толку гражданина с обыденным сознанием. Более того, патриотами себя считали, как «белые», так и «красные» времён гражданской войны, унёсшей жизнью больше, чем Первая Мировая, и чуть было не уничтожившей собственное государство. Патриотизм необходим, но, очевидно, недостаточен для полноценной идеологии.

Заблуждение №2. Часть патриотически настроенной интеллигенции (например, национал-большевики и другие общественно-политические организации националистического характера), озлобившись на антирусскую пропаганду, на засилье не интегрирующихся в русскую культуру национальных меньшинств в Москве и других крупных городах, эмоционально протестуя, предлагает строительство России только для русских. Этот шовинистический подход не учитывает два важнейших фактора:

1. русская душа – православная по своей сути – никогда не была националистической, ибо, согласно христианству: «...нет ни Эллина, ни Иудея, ... варвара, Скифа...»¹.

2. имперская суть русского человека исторически ориентирована на многонациональное сосуществование. Быть титульным этносом в империи предполагает не этнический национализм (шовинизм), но особую честь и ответственность, тяжкую и уважаемую ношу.

По этим причинам идея русских шовинистов неприемлема в принципе для имперского строительства, возрождения мощного государства, втягивающего в свою орбиту все дружественные этносы.

Заблуждение №3. Оно обусловлено узким пониманием идеологии как выражения политических интересов тех или иных социальных слоёв (классов, групп), характерное для марксизма.

При таком понимании идеологии можно согласиться с тем, что «задача государства не принимать позицию одной социальной группы как догму (даже, если она оформлена во внешне привлекательную идеологию), а сглаживать существующие противоречия и, на основе социально-классового компромисса, достигать единства»². Но всё дело в том, что идеологию следует понимать значительно шире. Так, как её понимали во всех традиционных культурах до

¹ Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. – 1233 с.

² Ищенко Р. Вопросы идеологии // Военное обозрение. 2016. URL: <https://topwar.ru/98708-voprosy-ideologii.html> (дата обращения: 13.02.2018).

масонских идеологических экспериментов над человечеством. В соответствии с дефиницией¹ идеология раскрывает своё содержание, в том числе, в морально-нормирующей (или нравственно-дисциплинирующей) и мировоззренческой функциях. Идеология воспитывает, раскрывая ответы на вопросы: «Ради чего мы живём?», «Какое общество мы строим?», «Каков наш нравственный идеал?», «Какова наша система ценностей?». При таком понимании идеологии её принятие является первейшей задачей государства. Кто научит гражданина, где добро, а где зло? На основе каких критериев? Что нравственно, что безнравственно? Чьей исторической интерпретации событий верить? Какую правду доносить учащимся школ и студентам? Нужна ли политическая и нравственная цензура? Или принадлежащие олигархам прозападные СМИ могут и дальше идеализировать Запад, уничтожать нашу Отчизну, переписывать историю, безнаказанно пропагандировать низменное и аморальное, развращая нашу молодёжь и уничтожая институт семьи? Без добротной, конструктивной идеологии эти вопросы не решаются. Социально-классовый компромисс эти проблемы не решит.

Заблуждение №4. Единая идеология для государства – абсолютное зло («попытка определить «единственно верное учение» и всей мощью государства причесать всех под одну гребёнку – абсолютное зло»²).

Дело в том, что идеология идеологии – рознь. Действительно, есть очевидные идеологии «зла» (например, нацизм или фашизм), но есть и идеология «добра», которая как нравственное устремление просуществовала целых 15 веков. Да, чёткой классификации идеологий нет ввиду исключительной сложности вопроса, но, при желании, идеологию можно классифицировать по критерию «добра и зла». Например, в зависимости от того, какая глубинная идея заложена в её основе. В этом случае можно рассмотреть две таких базовых идеи: 1) цивилизационная (объединяющая) идея милосердной любви, распространяемая на всех людей без какого бы то ни было исключения; 2) варварская (разъединяющая) идея ненависти, обусловленная представлением о том или ином превосходстве (исключительности) одних перед другими. К первой группе относится идеология милосердной любви, характерная для православных империй, а ко второй группе относятся идеологии ненависти, например, марксизм как классовая ненависть; фашизм как ненависть к марксизму; нацизм

¹ См. Глава I. § 1.

² Ищенко Р. Вопросы идеологии.

как национальная ненависть; либерализм как ненависть к традиционным ценностям; русофобия как ненависть ко всему русскому. В основании идеологии любви стоит религиозно-нравственная идея христианства, рождающая Человека в человеке. За остальными – эксперименты англосаксов вкупе с масонами (антихристианские идеи ненависти) по пробуждению в человеке зверя.

Заблуждение №5. Идеология вообще не нужна. Достаточно «государственничества» («поскольку отсутствие идеологии – тоже идеология, то внеидеологичное государственничество, которое, кстати, и является квазиидеологией Российской Федерации, является наиболее приемлемой идеологией»¹).

Государственничество как идеологема понятна, оправдана и объясняется тем, что «сегодня в обществе складывается защитная идеология, – считает А.В. Щипков, – которая высоко ценит национальный суверенитет, солидарность, эгалитаризм, сильное государство»². Проблема в том, что идеологического вакуума не бывает. Если в государстве нет собственной идеологии, то этот вакуум быстро заполняется агрессивным давлением либерализма (идеологией США и их вассалов). Либерализм силён и успешен не столько своими выдающимися теоретиками или привлекательностью своих догматов, сколько мощью информационного, политического и финансового давления со стороны империи англосаксов. Лозунг «Идеология нам не нужна!» на практике означает «Да здравствует либерализм!», а последний, в свою очередь, тождествен лозунгу «Да здравствует гегемония США!». Статья 13 действующей Конституции России гласит, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной, что полностью идеологически разоружило Россию. Идеологического контроля со стороны государства нет, что открыло дорогу для либеральной пропаганды. Некоторые СМИ, открыто или незаметно, но настойчиво навязывают те или иные либеральные ценности. Русская политическая нация – эта нация победителей, но для победы ей нужна объединяющая и мобилизующая идея. Самосохранение Отечества требует идеологического паритета в информационной войне с империей англосаксов. Идеология должна быть нравственно, социально и интеллектуально организующей системой, обеспечивающей государственный суверенитет. Соотечественники, находясь в плену ложных представлений, навязанных либеральной

¹ Ищенко Р. Вопросы идеологии.

² Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе.: автореф. дис. ... док. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2016. – С. 47.

идеологией, не в состоянии самостоятельно разобраться и расстаться с вбитыми в головы либеральными политическими мифами. Эту задачу должна решать государственная идеология. «Государственничество» не может её заменить.

Отношение к идеологии как к чему-то ненужному, вредоносному и раскалывающему общество стало популярным в российских интеллектуальных элитах. «Внеидеологичное государственничество» (термин Р.В. Ищенко) – вот так видится некоторыми панацея от всех государственных болезней. Но так ли это? К примеру, главный лозунг Украины, формально не имеющей единой идеологии: «Україна – понад усе!» («Украина – превыше всего!») – это декларация «государственничества» в чистом виде. Так, может быть, «государственничество» для России – это «Россия – превыше всего!»? Или пример самого успешного государства XX столетия – США, где с «государственничеством» полный порядок. Может быть, США и их методы государственного строительства и покорения мира (например, уничтожение 30 млн. индейцев) могут быть эталоном «государственничества»? Если нет, то тогда какие «государственнические» принципы (идеи) хороши для правильного «государственничества»? Продолжая рассуждение о «государственничестве» мы просто обречены упереться в принципы, идеи, а стало быть, в идеологию государства, это очевидно. Но Р.В. Ищенко (и не только он) настаивает на обратном, мол, любая «единственно верная идеология», вместо народно-патриотического монолита породит нескончаемую борьбу соотечественников разных идеологических предпочтений, что непременно развалит державу.

Кроме того, в информационной войне, если Русский Мир не согласен на поражение, то должен иметь такой же идеологический паритет, как, например, в ядерном вооружении. Без идеологии, без пропаганды своих ценностей, без нравственной точки отсчёта никакое политическое событие, явление общественной или культурной жизни не могут получить однозначную нравственную оценку. Нельзя забывать, что Советский Союз развалился из-за проигрыша в идеологической войне, из-за полного краха системы советских ценностей. Следовательно, отказ от внятной идеологии является не свидетельством политической дальновидности, а прямо наоборот. Идеология – это интеллектуально и нравственно организующая общество система. В любой войне более организованный всегда побеждает менее организованного – это аксиома. Система, пусть даже не идеальная, всегда побеждает бессистемность.

Заблуждение №6. Идеология мешает государству стать успешным. «Миф о сугубой успешности идеологизированного государства был опровергнут историей. Несмотря на кратковременные (с исторической точки зрения) впечатляющие успехи, в конечном итоге рухнули и нацистская Германия, и фашистская Италия и коммунистический (с точки зрения господствующей идеологии) СССР»¹.

Подобный подход наивен, поскольку рушится и умирает в материальном мире всё и всегда, в том числе и государства. С другой стороны, нельзя назвать за всю историю человечества ни одного успешного государства без идеологии. Например, успешное государство-долгожитель – Ромейская империя, просуществовавшая одиннадцать веков, имела идеологию православной империи. Если считать успешными США (хотя срок в несколько столетий по историческим меркам маловат будет для оценки), то там господствует либеральная идеология, на поддержку которой тратятся колоссальные ресурсы. Повторимся, идеология (хотя сам термин появился только в конце XVIII века) была со времён образования первых суверенных государств. Идеология в государствах была, поскольку выполнялись все её функции, хотя и разными органами (советом старейшин, вождем, монархом, сенатом, судом, жрецами, церковью и т.п.). Идеология в государстве необходима как социально, интеллектуально и нравственно организующая система, обеспечивающая моральное состояние общества (включая патриотизм и стремление к государственному суверенитету). И наоборот, потеря идеологии (а значит, и потеря себя) в 1991 г. привели к развалу нашего Отечества с продолжительным упадком во всех общественных сферах.

Заблуждение №7. Идеология не должна быть догмой. «Как только Вы попытаете превратить идеологию в догму и начать подчинять ей деятельность государства, оно у Вас посыпется. Это, кстати, хорошо понимали Ленин и Сталин. Первый, совершенно спокойно отказался от «военного коммунизма», в пользу НЭПа, взамен большевистской – коммунистической программы земельной реформы, принял эсэровскую мелкобуржуазную»². Не следует путать политику и идеологию. Это разные вещи. Идеология – это, прежде всего, духовное устремление, нравственный идеал желаемого общества, догматическое представление, что есть истина, а что ложь, что хорошо, а что плохо. Политика (внутренняя, например, экономическая или внешняя) – это всегда «шахматная партия» руководства государства,

¹ Ищенко Р. Вопросы идеологии.

² Там же.

где каждый следующий ход является ответом на текущие внутренние или внешние вызовы. Тут уместна и такая аналогия: корабль плывёт в пункт назначения (идеология – это конечная цель движения, догма), но в пути он попадает в шторм, встречает рифы, у корабля возникают неполадки, в трюме заканчивается провизия и т.п., тогда корабль временно отклоняется от заданного курса – это уже текущая политика. То есть, в рамках одной идеологической парадигмы могут меняться политические манёвры, что практически всегда и происходит. При этом идеология может вносить нравственную корректировку в политику (не все политические манёвры нравственно могут быть допустимы).

Заблуждение №8. Либералы – это мощная политическая сила, с которой лучше не конфликтовать. «В стране насчитывается не менее 15-20 миллионов сторонников либералов, они не смиряются с таким насилием над их совестью (как единая идеология, – ред.), они будут активно протестовать и это дестабилизирует ситуацию»¹.

Проблема в том, что либералы – агенты влияния империи англосаксов, независимо от того, понимают они это или нет. Либерализм – это идеология империи англосаксов, выработанная и приспособленная для управления миром, утверждения мирового господства США. Поэтому либерализм разрушает любую традицию и любую государственность (кроме своей, разумеется). Вот примеры из истории. Русские либералы уничтожили свою империю в феврале 1917 г. в пользу чужой. Та же история повторилась в 1991 г., когда кремлёвские либералы уничтожили советскую империю, в результате чего русские оказались самым большим разделённым народом в Европе. Либеральная Западная Европа рассталась со своим суверенитетом и к настоящему времени является послушным вассалом империи англосаксов. Вопрос в России стоит ребром: или либерализм и послушание США, или суверенитет. Украина, например, выбрала послушание США. Народ России свой выбор сделал, поддерживая суверенную внешнюю политику своего президента. С протестами агентов влияния империи англосаксов державе придётся бороться законными методами, ибо российский «Майдан» допустить нельзя.

Заблуждение №9. «Государство первично, а идеология вторична. Государство может существовать при любой идеологии и вообще без идеологии»².

Если не касаться вечного философского спора о первичности

¹ Ищенко Р. Вопросы идеологии.

² Там же.

материи или сознания, а просто обратиться к известным фактам, то получим иной вывод. Так, в первой половине XIX века у К. Маркса появляется идея социальной справедливости и классовой борьбы, затем эта идея щедро спонсируется масонством (через Ф. Энгельса, Ротшильдов и др.), появляется многотомное учение марксизма, затем англосаксами спонсируются марксистские кружки, а спустя полвека организуется государственный переворот в России, образовавший уникальное марксистское государство – СССР. Не получается представить, что в СССР идеология не была первичной, а Советский Союз смог бы существовать без идеологии. Аналогичная история с Гитлером. Вначале появляется идея, изложенная в его книге «Майн кампф», затем финансирование из империи англосаксов, после чего вырастает партия национал-социализма, которая побеждает на демократических выборах. Так из идеи нацизма возникла германская империя – Третий Рейх. Вообще, вся история государств – это воплощение тех или иных идей правления (монархических, демократических, аристократических) и тех или иных нравственных идей (мифов, религий, идеологий). Любая из известных культур – это практическая реализация той или иной религиозно-нравственной идеи. Всю историю человечества идёт нескончаемая борьба идей, и нужно очень постараться, чтобы этого не заметить. И, наоборот, без идеологии (без идей, без смысла) жизнь государства может быть и возможна, но только в краткосрочный, переходный и неустойчивый период (например, смуты).

Заблуждение №10. Все доселе известные идеологии не выполнили свои исторические задачи, так или иначе себя дискредитировали, ни к какой из них потому не может быть возврата. Нужна новая, объединительная для всех идеология, формирующая некую новую общность постсоветских народов Русского Мира. Для этого необходимо воссоздать соответствующие гуманитарные институты, профинансировать их (например, как в своё время масоны проплатили труд К. Маркса) и ждать рождения идеологии, которую с восторгом примет каждый слой населения, независимо от социальной, конфессиональной или национальной принадлежности.

Однако, таких объединительных «для всех» идеологий никогда не было и не будет, это просто утопическая мечта. Речь может идти об идеологии сильного, сцементированного общей целью большинства, как это обстоит в империях. Большинство являет собой культурное, военное и промышленное ядро, притягивающее на свою орбиту остальные слои. Идеология большинства имеет ограничен-

ние. Она не должна ущемлять права религиозных и национальных меньшинств. С другой стороны, имперская идеология предполагает интересы империи высшими и жёстко расправляется с любыми дестабилизирующими империю факторами, особенно с агентами конкурирующих империй, революциями, этническими и конфессиональными противостояниями и т.п. Такой подход представляется вполне реальным. Жизнеспособность его подтверждена долгожительством имперских образований.

К причинам заблуждений отечественных патриотов можно отнести отсутствие элементарных знаний о сущности идеологии вообще, и, конкретно, об идеологии православной империи, о формах правления и государственного устройства. О конфедерациях, федерациях и унитарных формах государственного устройства знания есть, а о самой эффективной форме многонационального и многоконфессионального образования – империи – нет. Большевики и либералы эти знания постарались уничтожить. Истина проста: только в рамках цивилизационного имперского проекта, объединяющего на добровольной основе народы, можно сохранить их суверенность, этническую самобытность, защитить от «катка» либерализма и противостоять внешним угрозам. Малое, слабое государство может и не мечтать о суверенитете, ему придётся плыть только в разрешённом той или иной империей фарватере.

Недооценка роли идеологии – губительна для любого независимого государства. И тут уместен трагический пример России, дважды (в 1917 и 1991 гг.) подвергнувшейся внутреннему обрушению исключительно по идеологическим причинам.

Идеологическими «ядами» и «вирусами» империи англосаксов была заражена старая русская интеллигенция, которая располовинилась к 1917 году, в основном, на «красных» (инфицированных идеологическими вирусами марксизма, анархизма, социализма и революции) и «белых» (идеологически отравленных ядами либерализма). Эти вирусы и яды впрыскивались с конца XIX века в русских людей методично, не жалея средств на пропаганду, на марксистские кружки и революционный террор для «красных» и масонские ложи для «белых». От рук красных террористов в период между революциями 1905 г. и 1917 г. погибло несколько десятков тысяч сторонников монархии, причём в своём большинстве это были рабочие и крестьянские активисты¹, что указывает на то, что объ-

¹ Степанов А. Монархия рушилась, а где же были монархисты? // Русская народная линия. 2016. URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/12/17/monarhiya_rushilas_a_gde_zhe_byli_monarhisty (дата обращения: 13.02.2018).

ектом террора был весь русский народ. Чтобы иммунитет своих жертв ослаб ещё более, англосаксы спровоцировали Первую мировую войну. На внешнюю войну у России сил ещё хватило, она сумела мобилизоваться, а вот к войне внутренней Россия оказалась совершенно не готова. «Белые» учинили либеральную Февральскую революцию, а уже в октябре «красные» перехватили у них власть. Затем болезнь государственного организма, вызванная идеологическими «ядами» и «вирусами», обострилась, вызвав гражданскую войну между «красными» и «белыми». Эта война чередовалась то «красным», то «белым» террором. Она была на порядок более болезненной и кровопролитной чем война с Германией. Самое ужасное в той войне было то, что одни русские (заражённые англосаксонским вирусом марксизма) убивали других русских (отравленных англосаксонским ядом либерализма). Большевицкое руководство, в котором собственно русские численно были в значительном меньшинстве, принялось маниакально уничтожать русскую элиту (в первую очередь, – духовенство и интеллигенцию, во-вторую, – дворянство, в-третью – класс предпринимателей). Новая власть принялась также за уничтожение русской культуры и её духовной основы – Православия. Всё вместе составляет набор признаков, вполне подпадающих под определение геноцида русского народа. Таково было намерение англосаксов – уничтожить не только Россию как государство, но и русский народ, чтобы навсегда устранить геополитического конкурента и захватить его ресурсы. Казалось, что страна обречена и только чудо её могло спасти... Чудо тогда явилось в облике И. Сталина...

Можно утверждать, что любая государственная система устойчива только до тех пор, пока у неё профессионально и жёстко работает служба безопасности, нейтрализующая агентов врага и осуществляющая идеологический контроль всех СМИ. Например, в современной Северной Корее народ недоедает, лишён многих материальных благ, тех, что имеют южнокорейцы, но режим в настоящее время там более устойчив, чем в сытой и богатой Южной Корее. Это, безусловно, указывает на профессионализм службы безопасности Северной Кореи. Согласно этой логике, крах России 1917 года обусловлен скорее не накопившимися проблемами, а тем, что царский режим не уделял в должной мере внимания внутренней идеологической безопасности, собственной идеологии. С марксистами, эсерами и анархистами спецслужбы боролись вяло, а с либералами вообще никак не боролись. Патриотические организации, идеологи

православной империи (в начале XX века – это монархисты, правые, консерваторы) государством практически не поддерживались.

Прошло сто лет. Россия чудом выстояла. Много лишений перенёс русский и все близкие ему народы, объединённые общим проектом исторического развития. Либеральный яд англосаксов парализовал руководство Советской империи, и в 1991 году она рухнула, повторяя либеральный сценарий англосаксов февраля 1917 года. Под диктовку англосаксов агенты их влияния составили для России такую либеральную конституцию и такие либеральные правила развития, что Россия к 2000 году понесла экономические потери даже бóльшие, чем в Великую Отечественную войну. Идеология с 1991 года попала под запрет. Усечённая Россия во всех смыслах разваливалась прямо на глазах. Разваливалась все девяностые годы к великому удовольствию империи англосаксов. Опять начало казаться, что страна обречена и только чудо её может спасти... На это раз чудо явилось в облике В. Путина...

В 2000-е годы страна начала медленно восстанавливаться. Скрытно от врага восстанавливались вооружённые силы и службы безопасности. США вдруг обнаружили, что либеральный яд не убил Россию, хотя её смерть казалась столь близка. Чтобы либеральный яд подействовал быстрее, США решают, что «иммунную систему» российского организма нужно максимально ослабить, то есть опять нужно втянуть Россию в масштабную, изнуряющую войну. Втянуть её в мировую войну, как в 1914 году, уже не получится, с ядерной страной воевать уже никто не решится. Англосаксы поэтому решили развязать не мировую войну, а серию локальных множественных конфликтов вокруг России, причём, как всегда бывает у англосаксов, чужими руками. Для этой цели исключительно подходили идеологические «вирусы» украинского нацизма (национальная ненависть к русским) и исламского радикализма (религиозная ненависть). Война у границ России с украинскими нацистскими батальонами была бы просто идеальна, если бы в неё удалось втянуть Россию. Если же одновременно зажечь исламским радикализмом Среднюю Азию, а затем полчища религиозных фанатиков-террористов натравить на южные рубежи России, то она бы точно ослабла настолько, что либеральная революция (как и в феврале 1917 года) могла бы, наконец-то, уничтожить державу. Согласно этому плану Украина была инфицирована «вирусами» украинского нацизма, были подготовлены десятки тысяч боевиков – тех же русских, в которых психологически умело убили их русскость,

зомбировав сознание. А в Ираке и Сирии было создано террористическое исламское государство ИГИЛ, одной из главных мишеней которого должна была стать Россия. Но Россия не дала втянуть себя в масштабное вторжение на Украину, принудив её к Минскому соглашению. Исламские террористы планомерно уничтожаются в Сирии, причём минимальными ресурсами и с минимальными потерями российских военнослужащих. Службы безопасности России свели на нет либеральную революцию, причём это удалось сделать совершенно бескровно. Руководство России не повторило ошибку 1917 года. На этот раз её службы безопасности сработали вполне профессионально.

В нынешних условиях бескомпромиссной информационной войны, навязанной России Западом, недооценка роли идеологии может быть губительной, как в 1917 и 1991 годах. В деидеологизированном мире жить больше нельзя. Это надо доводить до сознания современных русских патриотов. Но проблема в том, что это функция идеологии, которой согласно конституции РФ нет..., но она должна быть. Должен появиться хотя бы внятный лозунг-призыв, объединяющий патриотов Отечества.

§ 3. Тернарная идеологема, её история и перспектива

В 1483 г. Т. Торквемада провозгласил главный лозунг-триаду для Испании – «Народ, империя, религия», кратко выражавший государственную идеологему¹. Безусловно, эта триада имела претензию на имперскую универсальность, указывая на три основы государственности. Благодаря лаконично и точно выраженной сути имперской идеологии, необходимой в то время для религиозного и политического объединения Испании. Триада на века обрела идеологическую эталонность для строительства или регенерации имперских государственных образований.

В свою очередь, в начале XIX в. в Российской империи оформился девиз «За Веру, царя и отечество» («За Бога, царя и Отечество»). Он получил затем широкое распространение, поскольку лаконично и эмоционально-мажорно отражал стародавние традиционные заповеди русского воинства. Авторство триады неизвестно, но её популярность привела к тому, что в 1812 г. девиз появился на Ополченском кресте – знаке Государственного ополчения Императора Александра I, а спустя 70 лет он появляется на Большом Государственном Гербе Российской Империи.

Версию этого популярного девиза и триады Т. Торквемады, предложил граф С.С. Уваров («Православие, Самодержавие, Народность»). Она была ориентирована уже не только на воинство, но и на широкие гражданские слои населения, и в первую очередь, на интеллигенцию, занятую в сфере образования, а также студентов и гимназистов. С.С. Уваров, будучи по духу и должности государственным человеком, имел консервативные взгляды на просвещение, науку и литературу. Он имел воззрения, направленные на сохранение и укрепление государственности, которые были им изложены при вступлении в должность министра народного просвещения, в его докладе императору². Уваровская триада претендовала на основополагающую идеологему России, апологию политики Николая I. Позднее триада «Православие, Самодержавие, Народность» стала знаковой идеологемой консолидации консервативных политических сил, выступающих за свой, самобытно-русский (отличный от Западного) путь исторического развития.

Триаду С.С. Уварова можно рассматривать как формулу идеоло-

¹ Любарский Г.Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. – М.: Изд-во КМК, 2000. – С. 45.

² Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2-е. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1876. Т. 3. – 700 с.

гического тернарного монизма. В первоначальном наброске письма Государю Императору в марте 1832 г.¹ С.С. Уваров формулирует триаду так: «...чтобы Россия усиливалась, чтобы она благоденствовала, чтобы она жила – нам осталось три великих государственных начала, а именно: 1. Национальная религия. 2. Самодержавие. 3. Народность». На первом месте стоит национальная религия, что позволяет предложить, с одной стороны, равно-уважительное отношение к религиям всех входящих в империю народов, с другой, – в его текстах не обнаруживается никакого насильственного стремления к единству вероисповедания, никакого навязывания Православия. Сделанный позднее акцент на Православии обусловлен религиозной традицией русского народа как доминирующего титульного культурного этноса империи. «Без любви к Вере предков» – считает С.С. Уваров, – народ, как и частный человек, должны погибнуть². Тем более что справедливость замены понятия «Национальная религия» на «Православие» подтверждается тем, что, согласно историческим данным Православие сыграло первостепенную роль в становлении русской государственности³. Так, в IX в. греческие монахи-миссионеры пришли на Русь, построили много монастырей в традициях их строительства как окраинных крепостей. Затем княжества Руси (с признаками конфедерации) были объединены Владимиром Великим в X в. христианской верой, а позднее окраинные монастыри стали реперными точками границы единого русского государства, ставшего впоследствии мировой империей. Таким образом, «Российская держава создана Вселенской Церковью...»⁴. В царской России 1830-х гг. первый член окончательного варианта триады («Православие») воспринимался вполне естественно как создатель русской государственности, как традиционная вера предков, как высочайший нравственный идеал, не вызывая вопросов к этому самому идеалу и прений по нему.

Второй член формулы – «Самодержавие» требовал пояснений,

¹ Уваров С.С. Письмо Николаю I / Новое литературное обозрение. – М.: НЛО, 1997. – № 26. – С. 96-100.

² Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. – С. 304.

³ Ишин А.В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). – 2016. – № 1. – С. 3-8.

⁴ Махнач В. Снова о параметрах христианской политики: вчера и сегодня // ХРОНОС: всемирная история в интернете. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2001/20011019-mahnach.html> (дата обращения: 16.11.2016).

которые были даны С.С. Уваровым. Он так определяет роль самодержавия: «Приняв химеры ограничения власти монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимой конституционной формой правления, колосс (С.С. Уваров имел в виду Российскую империю, вставшую на путь реформ – ред.) не протянет и двух недель. Более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены». Самодержавие трактуется С.С. Уваровым как «консервативный принцип, как инструмент сохранения империи в её нынешнем виде»¹. Реформы (преобразования) различных сторон жизни империи не отрицаются. Вопрос заключается лишь в стратегии и темпах этих преобразований, поскольку имперский «колосс», может развалиться от поспешных или слишком радикальных преобразований. При всём уважении к монархической форме правления и лично к императору для С.С. Уварова главной ценностью, тем не менее, была именно империя, которая «сохраняет византийское понимание религии, Бога (опять же христианского) и несет его Западу, и за это она должна быть Западом вознаграждена, вознаграждена уважением», уважением как «уже состоявшегося творца»². С.С. Уваров понял и поднял одну из важных задач-миссий, о которой многие будут потом говорить. Это задача цивилизационной привлекательности русско-имперского центра не только силы, но и культурной традиции (Третьего Рима).

Между тем, акцентируя внимание на традиции самодержавия и самоуправления в Российской империи, И.Л. Солоневич справедливо отметил их своеобразие в том, что они не могут быть определены терминологически. Путь их определения и понимания один – исторический: «русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительное и типично русское: «диктатура совести», как несколько афористически определил его В.С. Соловьев»³. К этому можно добавить, что, согласно православному сознанию, «самодержавие – для народа, а не наоборот»⁴. Более того, русский народ нуждается в самодержавии: «Единство народа требует зрелого, очевидного, духовно-волевого воплощения: единство центра, лица, персоны, живого единоличного носителя, выражающего правовую

¹ Миллер. А. Триада графа Уварова // ПОЛИТ.РУ URL: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/> (дата обращения: 05.03.2007).

² Там же.

³ Солоневич И.Л. Народная монархия. – Мн.: Лучи Софии, 1998. – С. 55.

⁴ Махнач В. Снова о параметрах христианской политики: вчера и сегодня.

волю и государственный дух народа»¹.

Что же касается третьего члена триады – «Народность», то последний не был детально расшифрован С.С. Уваровым. После Декабрьского восстания 1825 г. атмосфера в высших политических кругах империи была такова, что рассуждения о народности при отсутствии должной дипломатичности могли привести к опале, что не входило в планы графа. Будучи министром народного просвещения, он имел иную задачу – физически (на скамьях университетских аудиторий) и ценностно-идеологически объединить дворян и разночинцев, в равной степени необходимых для строительства государственности. С.С. Уваров сделал вывод о том, что цель всей образовательной деятельности империи – в «принорвлении ... всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу»². То есть, говоря о народности, С.С. Уваров имел в виду дискурс исключительно «народного образования». Говоря о поздних мутациях термина «народность», в первую очередь, следует упомянуть движение народничества, включающего как революционное, так и либеральное направления. Народничество провозглашало защиту интересов народа, под которым понималось только крестьянство, «светлое» будущее которого виделось исключительно в общинном социализме³.

Следует отметить, что, размышляя об этой триаде, как формуле русской культуры, А.В. Гулыга писал: «Нация – это общность святынь, религия – их создатель и хранитель»⁴. При этом А.В. Гулыга вполне резонно замечает, что каждый из членов триады имеет причинное расположение, что само по себе методологически ценно для понимания сути византизма, в том числе его русской модификации. Так, «...самодержавие вытекает из православия: царь – помазанник Божий. Он носитель не только внешней власти, но и высшей благодати...»⁵.

«Уваровская триада, – отмечает А.Д. Каплин, – это не просто эпизод, этап русской мысли, истории первой половины XIX в. С.С. Уваров пусть и в сжатой форме обратил внимание на коренные русские начала ..., смысл коренных начал в сегодняшней жизни видится таким: подлинное Православие и восстанавливаемое на его основе

¹ Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1994. Т. 4. – С. 457.

² Русская социально-политическая мысль. С. 361.

³ Герцен А.И. Русский народ и социализм. – Берлин: Мысль, 1921. – 64 с.

⁴ Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М.: Соратник, 1995. – С 53.

⁵ Там же. С 56.

духовно-хозяйственно-культурно-бытовое своеобразие. А такое изменение содержания неизбежно будет способствовать и наиболее органичному государственному устройению»¹.

В XIX–XX вв. эволюция уваровский триады как принципа единства трёх столпов русской жизни шла весьма драматичными путями. С методологической точки зрения их четыре: 1) внутритернарная модификация; 2) отрицание одного из членов триады, а значит, обрушение всей конструкции; 3) дополнение и обновление, как кодификация столпов русской жизни; 4) метафизическое отрицание всего тернарного целого.

В первом случае можно говорить о Н.Я. Данилевском как идеологе панславизма. Его триада выражается несколько иначе: «Православие. Славянство. Крестьянский надел». Н.Я. Данилевский, имея геополитический дискурс, выделяет России и всеславянскому союзу миссию обновления исторической жизни всего человечества².

Во втором случае движение народничества полностью отрицает институт самодержавия, как подлежащий полному социальному демонтажу (П.Н. Ткачев), в надежде, что основой построения «русского социализма» (А.И. Герцен) станет «крестьянская поземельная община»³.

Третий вариант представлен творчеством представителей русского консерватизма. К.Н. Леонтьев⁴, И.А. Ильин⁵ и другие уточнили и дополнили триаду С.С. Уварова «экономикой», «бытом», «наукой», «искусством», «правом». Причём основной оставалась конструкция, где православной составляющей отдан приоритет с условием государственной опеки и при широком народном участии. К этому варианту также можно отнести корректировку черносотенцев. В 1900 г. в России была создана православно-консервативно-монархическая общественно-политическая организация «Русское Собрание» (с 1900–1917 гг.), куда входили как монархисты-черносотенцы, так и другие национально-ориентированные патриоты. В их трудах предлагалась несколько видоизмененная уваровская триада: «Православие. Самодержавие. Русская народность». Иначе го-

¹ Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности: сб. докл. / под ред. канд. ист. наук М.Б. Смолина; Рос. ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2012. – С. 257.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 558 с.

³ Герцен А.И. Русский народ и социализм. – Берлин: Мысль, 1921. – 64 с.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранное / К.Н. Леонтьев. – М.: Рарогъ : Моск. рабочий, 1993. – 397 с.

⁵ Ильин И.А. О монархии и республике.

вора, народность у черносотенцев была дополнена национальным акцентом¹.

В четвёртом случае марксисты (В.И. Ульянов) напрочь отвергли православно-монархически-народностную тернарность. Именно этот вариант оказался для России роковым. Российская империя в 1917 г. рухнула, а её руины на некоторое время «похоронили» уваровскую триаду. Взамен появилась проверенная Великой французской революцией знаменитая масонская триада «Свобода, равенство, братство» и большевистская тетрада «Власть Советам! Фабрики рабочим! Землю крестьянам! Мир народам!». Позднее советско-сталинскую мутацию уваровской триады могла бы формально выражать формула «Марксистская идеология, советская империя, коллективно-народная экономика», хотя она и не была таким образом артикулирована. Популярным на фронтах Великой Отечественной войны был солдатский девиз: «За Родину, за Сталина!», который в усечённой форме диады отражал рефлексию к стародавнему девизу русского воинства «За Веру, царя и Отечество!». Триадная речёвка советского времени, вроде: «Ленин, партия, комсомол!» или лозунг «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», и близко не приближались ни по смыслу, ни по идеологической ценности к тому, чтобы серьёзно претендовать на тернарные идеологемы. К великому сожалению, идеал конца советского периода, доминирующий над иными нравственно возвышенными идеологемами, негласно характеризовался потребительской триадой «Квартира, дача, машина». Затем (в том числе и по этой, идеологической причине) рухнул и Советский Союз. Основную идеологему 1990-х гг. (время «дикой приватизации» и потери государственного суверенитета) для формально деидеологизированной России фактически отражала новая формула: «вера в западно-либеральную демократию, полураспад государства-империи, свободно-дикий *антинародный* рынок». Эта формула, разумеется, не была артикулирована, хотя фактически предопределяла скорый развал уже самой РФ как осколка былой сверхдержавы. Но Россия выстояла, взяв с 2000 г. курс на постепенный отказ от последней самоубийственной формулы. Однако и переход к уваровской триаде пока не проявился, обозначена лишь его тенденция. В этой тенденции, согласно О.А. Платонову, «главными духовными идеалами современной русской мысли остаются духовная цельность, неразрывность веры и

¹ Правая Россия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. – СПб.: Царское дело, Русская народная линия, 2015. – 736 с.

жизни, добротолубие, соборность, нестяжательство, державность и патриотизм»¹. Однако новая триада «Вера, Держава, Народ»², формально более всего созвучная тринарному лозунгу Т. Торквемады («Народ, империя, религия»), требует своего уточнения для отеческих условий, во-первых, для сохранения неразрывной связи именно с русскими национальными идеями прошлых веков, а во-вторых, для её современной адаптации. Возможна ли такая адаптация?

Советский Союз распался на 15 республик. Более 25 лет республики развиваются самостоятельно, не как столетиями раньше, под эгидой единого имперского центра, формирующего то общее, что их объединяло, а, наоборот, под влиянием местных национальных элит, ищущих и обосновывающих свою непохожесть, отличительность от всех других для оправдания своей независимой от центра власти. Для этих политических реалий жизненно необходимо адаптировать уваровскую триаду, если, конечно, она адаптируема в принципе. Идеологический голод, ностальгия по национальной триаде ищут своего удовлетворения.

О первом члене триады. Только в малой части республик-осколков (Россия, Украина, Белоруссия, Грузия, ДНР и ЛНР, Приднестровье) граждане, в основном, идентифицируют себя с Православием. Но даже в самой Российской Федерации воцерковлённые православные не составляют большинства населения (последствие 70-летней борьбы с Православием), а многочисленные народности исповедуют свои, иные традиционные религии (ислам, буддизм, католицизм, протестантизм и т.п.). В известном смысле Православие находится в состоянии восстановления. Оно пока далеко от бывшего статуса второй составляющей «симфонии властей», которая была в царской России. Следовательно, в настоящее время первый член уваровской триады подлежит адаптации под текущие религиозно-нравственные реалии, чтобы эта идеологема не превратилась в религиозный призыв, в государственное навязывание одной только веры. Проблема в том, что именно так идеологему могут интерпретировать народы РФ, и, тем более, этносы бывшего СССР, сохраняющие потенциал (причем, все возрастающий) воссоединения в единое имперское государство по причине внешних угроз. Поскольку народы бывшего СССР, в большей или меньшей степени, четверть века идут по пути восстановления национальных традиций (досоветских, в той или иной мере национализма и, к сожалению, часто – нацизма), вклю-

¹ Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / отв. ред. О.А Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – С. 8.

² Там же.

чающих, в первую очередь, национально-традиционные вероисповедания и культуры, то именно Традиция является цементирующей основой воссоединения народов. Традиция может рассматриваться как «универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах»¹. Традиция, таким образом, понимается как включающая в себя то, что передается (определенный объем социокультурной информации), и то, как осуществляется эта передача (взаимодействие между поколениями) на основе общего понимания и интерпретации накопленных мировоззренческих смыслов. Поэтому традиция есть динамическая система исторической преемственности и главный фактор социогенеза². Именно Традиция в самом широком смысле опирается на религиозно-нравственную идею, лежащую в основании культуры каждого народа. Иначе говоря, опора на Традицию означает, в первую очередь, опору на традиционную для каждого народа религию.

У русского народа (включающего великороссов, малороссов и белорусов) как титульного культурного этноса России нынешней (усечённой) и России будущей (великой в границах советского или даже царского времени), как и других народов РФ и постсоветского пространства, собственно говоря, выбор религиозно-нравственной стратегии небольшой: либо традиционное вероисповедание, либо новая религиозно-нравственная идея, либо вариант какой-либо «интеррелигии» как синтеза взаимодополняющих идей разных мировых и национальных религий.

XX и XXI вв. дали миру опыт доминирования в государствах нетрадиционных (скорее антитрадиционных), новых религиозно-нравственных идей. Марксизм в России, фашизм в Италии и Испании, нацизм в Германии, либерализм в Западной Европе и США, русофобия в Украине, исламо-сектантский империализм на Ближнем Востоке убедительно продемонстрировали кроважную сущность подобной идейной новаторской генерации. Однако, как показывает исторический опыт, народы (в отличие от политиков) ориентированы на восстановление традиций и мира, а не на конфронтацию и крушение

¹ Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма / под общей ред. Е.А. Тюгашева. – СПб., 2011. – С. 9-10.

² Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе.: автореф. дис. ... док. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2016. – С. 22.

традиций, обусловленных гегемонистскими устремлениями США. Об этом свидетельствуют данные выборов второй половины 2016 г. в России, США, Франции, Молдавии, Болгарии и других странах. Тем более, что либерализм, по сути отражающий религиозно-нравственные идеи, коррелирующие с канонами церкви сатаны, также исчерпал свои ресурсы и находится на краю своей гибели. В наше время главный его ресурс, отнюдь не привлекательность либерально-нравственных концепций, а финансово-политический. Последний подвёл Запад к неизбежности экономического коллапса (прогнозируемому концу любой финансовой пирамиды), а посему – к смене как финансового, так и политического курса США и в целом Запада (о чём свидетельствуют результаты выборов президента США в 2016 г.).

Удачно скомпилировать идеи разных религий во имя рождения единой новой веры, тоже ни у кого не получилось, несмотря на многочисленные попытки. В Западной Европе провалился и проект мультикультурализма, о чём свидетельствуют набирающие популярность партии и движения национал-традиционалистов во Франции, Германии и Скандинавии.

Таким образом, по методу исключения, для народов бывшего СССР приемлемыми остаются нравственные идеи их традиционных религий.

«Православие», как первый член уваровской триады в нынешней межгосударственной, этнической и политической ситуации может быть адаптирован категорией «Традиция» в качестве объединяющего фактора народов РФ, и не только РФ, но и всего постсоветского пространства. Под «Традицией» имеется в виду, прежде всего, возврат к культурно-религиозным, этническим корням и ценностным ориентирам. Для Русского народа – это то самое уваровское Православие, которое превращает русских из народа-богоборца времён советской власти в народ-богоносец. Но даже если РФ сделает Православие официальной государственной религией, речь ни в коем случае не идёт о том, что православное государство будет директивно навязывать своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Такого никогда не было в Российской империи и не будет. Согласно византийско-русской православной традиции, Церковь принимает в свои ряды только тех, кто стремится к ней по собственной и свободной воле, а вера и религия – личное дело и выбор каждого. Свобода совести должна быть в любом государстве, уважающем своих граждан. Речь идёт только о принятии единых нравственных норм, без чего общество неминуемо саморазрушается.

В условиях засилья атеизма и либеральных установок в умах соотечественников речь может идти только о нравственной составляющей христианства как отеческой культурной Традиции, о возвышающем нравственном идеале.

Для тюркских постсоветских народов Средней Азии «Традиция» ассоциируется, в основном, с Исламом. И это естественно, ведь у каждого этноса своя культурная традиция. Это вполне нормально для цивилизационной империи как симфонии культур. Опыт Российской империи убедительно показал возможность полной и благотворной совместимости многовекового сосуществования православных и мусульман. Тем более, что мир исламской Традиции не сможет самостоятельно выстоять против нынешнего «крестового похода» Запада, о чём свидетельствуют реалии Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии. Нужно объединяться против гегемонии Запада и давления либерализма, безжалостно уничтожающего религиозную и культурную идентичность. Наилучшим естественным союзником мусульман здесь может оказаться воссозданная в новых формах Российская империя.

С другой стороны, для народов бывшего СССР понятие «Традиция» включает не только царско-православный, но и советский периоды, которые в своих нравственных устремлениях 70–80-х гг. стали достаточно близки, во многом преемственны, поэтому могут бесконфликтно сосуществовать. Отсюда – появление новой, достаточно парадоксальной по сути, идеологемы – «Православный социализм», привлекающей всё большее общественное внимание. Идея православного социализма интересна исключительно для трансформации современной российской компартии. Эта трансформация видится в движении по цепочке: (воинствующе-богоборческий марксизм) – (богоравнодушный социализм) – (православный социализм) – (православный империализм с элементами советских традиций).

Примирение современных «красных» (коммунистов, социалистов) и современных «белых» (православных империалистов) возможно на основе идеи объединения лучших традиций прошлого (советского и царского времени). В советское время сформировались новые, исключительно положительные традиции, например, традиции в образовании, здравоохранении, военном строительстве и т.п. Всё лучшее из этих традиций можно и нужно сохранить, в том числе сохранить многие госмонополии (государственная собственность на природные ресурсы, энергосистемы, торговлю спиртным, табаком и другие). Таким образом, под современной интерпретацией «Тради-

ции» следует иметь в виду возврат не только к культурно-религиозным, этническим корням и ценностям, но также и возврат ко всему ценному наследию СССР. Единство так понимаемой «Традиции» – в многообразии, если не сказать – в сумме, традиций. В этом же идеологическом направлении синтеза всего значимого и ценного из всех периодов бытия русской цивилизации предлагает двигаться и Патриарх Московский и вся Руси Кирилл. Его формула гласит: «вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность»¹. «Для достижения общественного консенсуса относительно национальной традиции необходимо взаимодействие разных кодов традиции – православного, советского, русского дореволюционного, византийского историко-культурного, старообрядческого — и взаимный перевод этих кодов в рамках единого русского дискурса. Без выполнения этого условия национальный консенсус невозможен, поскольку остается возможность противопоставлять эти коды друг другу, вызывая гражданские конфликты»².

О втором члене уваровской триады. Как было указано выше, для С.С. Уварова главной ценностью был не царский трон сам по себе, а именно – империя. Империя может иметь разные формы правления. Например, в Римской империи были периоды диархии (правление двух) и даже тетрархии (правление четырёх). Однако, самым эффективным и устойчивым (что доказано временем правления) является монархия (правление одного), в русском звучании – это самодержавие.

Гибридная война между США и Россией всё чаще имеет признаки «горячей» фазы (например, в Сирии и Украине). А на войне можно победить лишь при жесткой централизации власти верховного главнокомандующего. Война требует единоначалия во имя боеспособности. На войне насущно необходима.

Глобальные исторические процессы – это, в какой-то мере, отражение борьбы империй. Малым государствам приходится становиться вассалами или союзниками империй, демонстрируя им свою лояльность.

Развивая имперскую апологию и имперскую аксиологию С.С. Уварова, следует отметить, что имперская модель позволяет иметь необходимую военную, научную, техническую и экономическую мощь, позволяющую государству, и выживать, и развиваться, и

¹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / сост. А.В. Щипков. – М.: Всемирный Русский народный собор, 2015. – С. 69.

² Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе. С. 46.

защищаться в условиях имперского противостояния. История доказала, что имперская форма государственности более стабильна и долговечна, чем федерации, конфедерации или, тем более, содружества или межгосударственные союзы. Возрождение отеческой империи позволяет реализовать право постсоветских народов на жизнь и суверенитет.

Таким образом, второй член уваровской триады может быть адаптирован к современным политическим реалиям путём использования понятия «Империя», при полной общественной реабилитации этого понятия.

О третьем члене уваровской триады. С.С. Уваров под народностью понимал некую социальную страту, а не этап национального становления в цепи группа-народность-народ-нация. В этом контексте «Народность» не может ограничиваться только вопросами образования, как это было артикулировано в XIX в. С.С. Уваровым. С одной стороны, методология гуманитарного образования (как в целом и культура) должны опираться на соответствующую религиозно-нравственную идею. С другой стороны, «Народность» (как социальная страта) в современной интерпретации должна рассматриваться шире – политически, демократически, антиолигархически. Концепция народности может рассматриваться как сочетание широкого использования референдумов, народного представительства в органах власти (причём с акцентом на местное самоуправление), а также с учётом равенства прав и возможностей (например, социального «лифта») в их советском толковании. «Принцип реального политического представительства может быть возрожден, имитационную демократию современного неолиберального государства может сменить реальная демократия, – считает А.В. Щипков, – при условии устранения принципа партийности из института представительства. Взамен может и должен быть задействован территориальный или сословный принцип»¹. Народность – это ещё и такой тип солидарности, при котором каждый член общества, воспитанный на традиционных ценностях и имперском единении, ощущает себя востребованной личностью, необходимостью единого государственного организма, именуемого Россией. Такое современное понимание народности само по себе созвучно стремлению современных левых (красных, коммунистов, социалистов) к социальной справедливости, солидарности и не противоречит православному вероучению, исламу

¹ Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе. С. 45.

и другим традиционным конфессиям.

Рассматривая народность, выражаемую всенародными референдумами и представительством в органах власти, следует отметить, что референдум по многим важнейшим вопросам – это не «уличная демократия», не «цветная» революция, не митинговые провокации, не вооружённая оппозиция, не партийная система, не спонсируемые из-за рубежа демократические институты и некоммерческие организации, а главный инструмент прямой демократии. Он позволяет обеспечить социальную гармонию через народное волеизъявление и становление подлинного народовластия. В наше время, благодаря доступности средств коммуникаций и интернета, современное общество уже может позволить себе роскошь частых электронных референдумов как универсального средства подлинной демократии (то есть, демократии в древнегреческом понимании, а не в понимании современной либеральной демократии). Например, всеукраинский референдум по вопросам языка, вступления в НАТО или в Таможенный Союз очевидно позволил бы избежать гражданской войны в Донбассе.

Существующая партийная избирательная система западного типа обеспечивает консенсус интересов только для олигархических кланов, содержащих свои партии как инструменты своего олигархического правления. Замена партийной системы в парламентском и местном самоуправлении возможна через народное представительство «профессиональных сословий»: крестьян, рабочих, интеллигенции, церковнослужителей, военных, полицейских, работников спецслужб, бизнесменов, чиновников и всех других. Таким образом, для народов бывшего СССР неоидеологема «Традиция, Империя, Народность» артикулируется как современная и рациональная адаптация уваровской триады. Эта триада по своей сути провозглашает патриотический консенсус не только между разновекторными политическими силами, но и разными этносами, а также верующими разных конфессий.

В заключение остаётся выразить надежду в то, что деидеологизированное население и руководство России адаптирует современной прочтение уваровской триады и рано или поздно трансформируется в русско-имперскую политическую нацию – защитницу традиций народов, сдерживающую мировое беззаконие. Адаптированная триада имеет все основания стать ядром нарождающейся идеологии России.

§ 4. Имперская перспектива

Как ранее отмечалось, ещё совсем недавно понятие «империя» ассоциировалось с чем-то угрожающим и, одновременно, устаревшим и вредным. На взгляд Д.Е. Музы, термин «империя» «отсылает к некоторой реальности, которая массовым сознанием не ухватывается в принципе. Разве что с ярким и устойчивым привкусом негатива...»¹. Таковы последствия идеологической обработки сознания современников. Э.И. Дамирчев, солидаризируясь с С.В. Лурье, признаёт результаты навязанной Западом антиимперской пропаганды: «Мы спокойно носим, когда на телевидении и в газетах слова «империя», «имперский» появляются исключительно как ругательство, как способ одёрнуть нашу власть, когда она пытается поступать более-менее по правде. Мы боимся сделать имперский жест, чётко очертить нашу зону влияния, потому что боимся упрёка имперскости...»². Эти имперские страхи обусловлены, с одной стороны, марксистской неприязнью к империям, а с другой, – либеральной неприязнью. Хотя это не странно: марксизм и либерализм – две стороны одной «медали». Они оба – проекты всё той же империи англосаксов, которая более столетия навязывает России свои (то марксистские, то либеральные, то укро-нацистские) антиимперские установки, повсеместно поддержанные российскими либералами. Показательна в этой связи позиция выдающегося русского диссидента А.И. Солженицына. Он, ретранслируя либерально-антисоветский взгляд на империю, в своей известной статье «Как нам обустроить Россию» (1990 год), предрекая скорый развал СССР, вещал: «Нет у нас сил на империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель»³. По А.И. Солженицыну, мощная, масштабная сверхдержава – это плохо («не к широте державы мы должны стремиться»), а маленькая, такая себе унитарная (совсем не имперская страна) – это хорошо (достаточно «ясности духа в остатке её»). Понимал ли тогда А.И. Солженицын, что его «вещания» направлены на уничтожение его Отчизны?! Вопрос риторический. Его и ему по-

¹ Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / предисл. С.Ю. Житенева; Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. – С. 169.

² Дамирчев Э.И. Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2010. – 173 с.

³ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А.И. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. – М.: АСТ, 2009. – С. 576.

добные «вещания» были подхвачены либералами ельцинской эпохи (Е.Т. Гайдаром, А.Б. Чубайсом, Б.Е. Немцовым и др.), едва не уничтожившими Россию (вернее, – всё, что от неё осталось в формате РФ) в 1990-ые годы.

После победы США над СССР в холодной войне, победителем было навязано множество идеологических установок, в числе которых – упрочение курса на антиимперское мировоззрение. Поведение англосаксов А.И. Фурсов поясняет просто: «англосаксонский проект — не филантропический проект, он сконструирован так, чтобы обеспечить победу англосаксам...»¹, а империи, как геополитические конкуренты им нужны менее всего. И далее А.И. Фурсов продолжает: «историю пишут победители... Протестанты, либералы, англосаксы (англичане и американцы) получили высший балл (“хорошие”, “прогрессивные”). Католики и православные, консерваторы... всем им выставлен “неуд”, ибо нет бога кроме Прогресса, и Англосакс — пророк его»².

С другой стороны, следует признать объективность того, что все народы мира прошли через имперский опыт. Историю сосуществования государств можно рассматривать на фоне формирования империй (цивилизационных или варварских), ибо империя – это конфигурация с реальным суверенитетом, это удобная форма объединения и жизни народов. «Период Империи также важен ещё и потому, что наша культура в значительной степени основывается на нём»³. Империя, в силу своего могущества, – это инструмент политического, экономического и культурного влияния государства, вплоть до мирового господства. Примеры империй хорошо известны: Персидская, Александра Македонского, Римская, Византийская, Священная Римская империя германской нации, Монгольская, Османская, Британская, Наполеона, Австро-венгерская, Российская, Третий Рейх и др. «На протяжении длительного времени люди соглашались с тем, что империя необходима. Причём не только подданные империи, но и те, кто жили по соседству и подданными императора не являлись»⁴.

США, СССР и КНР никогда не позиционировали себя как империи. Тем не менее, они имеют достаточно имперских признаков

¹ Фурсов А.И. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладонью» // Русский интеллектуальный клуб [электронный информационный портал Московского гуманитарного университета]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4185/> (дата обращения: 18.12.2017).

² Там же.

³ Моммзен Теодор. История римских императоров. – СПб.: Ювента, 2002. – С. 63.

⁴ Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <https://makhnach.livejournal.com/14342.html> (дата обращения: 15.02.2018).

(рассмотренных ранее), позволяющих условно отнести их к имперским структурам. Не случайно герб США – одноглавый орёл Римской империи, а герб России – двуглавый орёл Ромейской (Византийской) империи. Мировую геополитику, и шире – мировые исторические процессы вполне можно рассматривать через имперский фактор, как процесс рождения и борьбы империй. Не имперским (малым) государствам остаётся только подчиняться политике империй. Подлинная независимость – это исключительно имперская (сверхдержавная) прерогатива.

Демократические республики, наоборот, – слабые государственные организмы, которые не могут противостоять имперской парадигме. Так было всегда, и в древности тоже. Кроме того, вопрос: «Были ли республики древности реальным отражением народовластия, или прикрытием олигархии?» – остаётся без однозначного ответа. «Правда в том, – отмечает А.И. Фурсов, – что “демократия” и “республиканизм” античности по сути были формой олигархических режимов»¹. Действительно, сложно себе представить, чтобы люди с большими деньгами и властью доверили бы свою перспективу демократическому волеизъявлению народа. В I веке до н.э. Римская республика эволюционно переросла в империю, а республиканская форма государственности почти на два тысячелетия оказалась, как более слабая, в «тени» имперской формы.

Противостоять одной мощной империи (сверхдержаве) может только другая империя (сверхдержавка) – это очевидная аксиома. Из этой аксиомы логически следует вывод: «модернизационный процесс в российском обществе во внешнем аспекте детерминирован телеологией имперского противостояния Западу...»².

Современные европейские демократии бессильны против глобализма империи англосаксов. Отпор экспансии либеральной империи англосаксов может дать только восстановленная Российская империя. Теоретически могла бы и восстановленная Германская империя, но пока Германия остаётся оккупированной США страной без реального суверенитета (отсюда, иммиграционный кризис и безоговорочная поддержка США в санкционных действиях против России и во вред ФРГ). По А.Г. Дугину, континентальная Европа в целом «представляет собой пока не реализовавшийся проект самостоя-

¹ Фурсов А.И. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладошкой».

² Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториял УРСС, 2004. – С. 72.

тельной империи»¹, но с явной тенденцией имперской парадигмы (Европейский Союз с его надгосударственными структурами). «Эта двойственность Европы сказывается во всем. Так, никак не удается сделать выбор между двумя имперскими проектами – конформистским американским и альтернативным (если угодно «революционным») европейским, континентальным². Не сделала пока окончательного выбора и Россия. А делать выбор заставляет жизнь: «между имперской и либеральной моделями социального развития не может быть сколь-либо длительного и устойчивого компромисса..., рано или поздно исторический выбор делать придётся»³.

Как ранее указывалось, власть варварской империи англосаксов («новый мировой порядок») – это скрытая диктатура мировой олигархии под прикрытием мифов о демократии и либерализме. Демократические республики со всеми их институтами (партиями, выборностью, судами, банками, биржами, СМИ, институтами гражданского общества) – это всего лишь олигархический инструмент управления миром. Современная демократия вполне успешно обслуживает интересы империи англосаксов, позволяя подчинять государства и покорять народы, опираясь на масонство и иудейские общины. Без масонства и иудейских общин либеральная демократия не функциональна: в отсутствие указанной «опоры» искусственно прививаемая в странах третьего мира, демократия, как правило, приводит к хаосу.

В противоположность варварской (колониальной или неоколониальной), эксплуатирующей, подавляющей провинции (колонии), цивилизационная империя развивает (подтягивает до имперского уровня) культуры всех населяющих её народов. Единство такой империи – в многообразии культур и населяющих её народов. Поэтому вопрос воссоздания империи в России – это очень важный вопрос национальной идентичности, являющейся стержнем, главной опорой национального сознания и достоинства не только русских, как титульного этноса России, но и всех без исключения составляющих империю постсоветских народов. Возрождение Российской империи может рассматриваться, как реализация права постсоветских народов на жизнь, суверенитет и национальную самоидентификацию. «Если мы отдаём себе отчёт в том, что такое американская империя, – отмечает А.Г. Дугин, – то вынуждены решать уравнение

¹ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 225.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 316.

суверенитета. Сам факт глобализации и построения американцами однополярного мира означает сокращение нашего суверенитета – вплоть до его конечного упразднения (с передачей основных стратегических функций имперскому центру). Либо суверенитет России, либо глобальная американская империя – такова дилемма¹. Понятие «суверенитет» совместим только с понятием сверхдержавы. Сверхдержава в случае Российской традиции – это «империя».

С другой стороны, навязанное большевиками федеративное устройство России несёт в себе угрозу дальнейшего расчленения России по сценарию развала СССР. Ныне уже не существующие Чехословакия и Югославия демонстрируют лёгкость расчленения государства с федеративной формой устройства. «Сегодняшнее Российское государство несёт в своём федеративном устройстве взрывоопасное деление страны на национальные республики, каждая из которых более или менее стремится встать на путь советских республик СССР – отделения от русского центра и разрушения единства государства. Российской Федерации срочно нужна радикальная реформа государственного устройства, направленная на унификацию разношёрстного федерального деления (национальные республики и автономии, края, губернии, мегаполисы Москва и С.-Петербург) в строгие рамки единообразного губернского деления. Пример унитарной политики – объединение Коми-Пермяцкого автономного округа с Пермской губернией – необходимо расширить до масштабов государства»².

Интерес к имперской парадигме имеется, в первую очередь, у Приднестровья, Осетии, Абхазии, ДНР и ЛНР, для которых характерно политическое осознание себя как части великой России в статусе имперских губерний. Эти небольшие республики самостоятельно не смогут наладить ни экономику, ни оборону. Их государственная самостоятельность является номинальной и временной, ввиду некой политической целесообразности, определённой большой геополитической борьбой между США и Россией. «Демократический транзит в России не состоялся, – отмечает Э.И. Дамирчев. В силу своих исторических, культурных и других особенностей Россия остаётся государством с мощным имперским базисом, который, однако, не дополняется имперской политической системой»³. Добавим от себя, пока не дополняется... Тем более, что «в духе мы, православные народы, остаёмся едины, а значит, геополитическое единство продолжает

¹ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 227.

² Смолин М.Б. Русский путь в будущее. – М.: Издательство «ФондИВ», 2007. – С. 31.

³ Дамирчев Э.И. Империя как политический феномен ...

оставаться всегда возможным в нашем будущем»¹. Солидаризируясь с этой точкой зрения, Д.Е. Муза пишет, что воссоздание имперской формы аксиологически приемлемо и исторически оправдано «исторической энтелехией России. В особенности, на современном этапе экстремумов глобальной и региональной турбулентности»². И далее: «Возвращение к большому имперскому стилю, во многом интуитивное и несовершенное, состоялось в умиротворении Чечни, принуждении к миру Грузии (с патерналистской опекой Абхазии и Южной Осетии), затяжном процессе деэскалации конфликта в Сирии, ситуативном возвращении Крыма и амбивалентности позиции в отношении Донбасса»³.

Но заинтересованность в имперской парадигме касается не только перечисленных выше регионов. Она касается всех народов бывшего СССР, если только они не желают повторить участь Украины или Ливии. Нынешняя геополитическая война не оставляет шансов на безмятежное будущее малых и средних народов некогда советской империи. Для неокOLONиальной империи англосаксов они все аборигены, вроде американских индейцев, а с аборигенами у варварских империй политика – всегда варварская. Постсоветские народы им интересны лишь как объекты борьбы с Россией, как «пушечное мясо» для гражданской войны, разжигаемой по всему периметру РФ, чтобы всё «пылало» в хаосе гражданских противостояний, как в Сирии или Ливии, Афганистане или Ираке. Так, например, некогда процветающая Украина находится на пути к политическому банкротству и кровавому хаосу охлократии. Англосаксам нужен проект «Украина» чтобы ослабить Россию, чтобы русские как можно больше убили своих же русских в интересах США.

Интерес к имперской парадигме, возможно, проявит себя не только у постсоветских, но у многих других народов мира, не желающих рано или поздно, разделить участь жертв экспансии империи англосаксов. В последнем случае можно говорить об империи как мировой альтернативе нации-государству (унитарной национальной республике). «Реабилитация империи в качестве формы относительно нации-государства, – отмечает А.И. Фурсов, – не частная и не изолированная научная задача. Она может быть реализована как элемент некоего проекта, альтернативного англо-саксонскому. Речь не идёт о каком-то особом русском проекте, таковой – лишь часть, подсистема

¹ Смолин М.Б. Русский путь в будущее. С. 29.

² Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика. С.174.

³ Там же. С. 181.

более общего проекта...»¹. Имперская перспектива имеет современное актуальное значение, имеет притягательность для всех народов мира, желающих сохранить свою национальную идентичность. Тем более, – на фоне обострившегося кризиса национальных государств и кризиса международных отношений, возникшего в связи с полным пренебрежением империей англосаксов международного права. Показательным пренебрежением международного права являлись события в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии. В этом списке также является сфабрикованное в 2018 году в Великобритании «дело Скрипаля», когда в отсутствии доказательств говорится о «весьма вероятной» роли в этом деле России (отравлении боевым веществом нервно-паралитического действия С. Скрипаля и его дочери). В качестве доказательства вины России (как вершина юриспруденции) предъявлена Западная солидарность, организованная под давлением Великобритании и США (англосаксы и их вассалы считают, что этого достаточно для обвинения).

В предчувствии неизбежности возрождения имперской формы в мировых политических процессах, А.Г. Дугин разработал концепт «четвёртой политической теории: «Четвёртая (после коммунизма, фашизма и либерализма, – ред.) политическая теория, куда относятся идеи «больших пространств», «империи», «прав народов», «органической демократии», «многополярности», «месторазвития», «геополитического суверенитета», «геополитики»... всё больше и больше доказывает свою состоятельность. Вполне можно различить в будущем атлантистскую «империю» (с центром в США), азиатскую с кондоминиумом Китая и Японии), европейскую «империю» (в соответствии со шмитовской идеей) и, наконец, евразийскую империю»². Гипотеза А.Г. Дугина (рождение империй, альтернативных англосаксонской) подтверждается, например, образованием ИГИЛ, по сути – радикальной исламской империи: «Признание исламскими радикалами своим главным противником США является достаточным доказательством того, что мы имеем дело с серьёзным и ответственным проектом. Проектом альтернативной мировой империи»³.

Но пока только в России сложилась уникальная ситуация, позволяющая воссоздание в Европе цивилизационной империи. Сложилась, прежде всего потому, что президенту В.В. Путину и его команде удалось, скрытно от Запада, не просто восстановить военное могущество РФ, но поднять его на высоту, в ближайшей

¹ Фурсов А.И. «Имперология» без теории, или «хлопок одной ладошкой».

² Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 213.

³ Там же. С. 225.

перспективе недостижимую для противника (об этом свидетельствует послание В.В. Путина федеральному собранию 01.03.2018 с визуальной демонстрацией новейших видов вооружений, не имеющих мировых аналогов). Военное могущество – приоритетный фактор при восстановлении сверхдержавы. Восстановленное военное могущество, а также геополитические ошибки Запада дают сегодня основание надеяться на имперское возрождение России. «Роковая, и, очень хочется верить – непоправимая ошибка “Западного мира”, в 90-е годы прошлого столетия, бросившего все силы на уничтожение СССР, заключалась в том, что при этом была критично недооценена роль России в нем и её потенциал в будущем, – отмечает А.И. Фурсов. Развал Союза и образование на его обломках “постсоветских” “независимых государств” там посчитали достаточным для установления своей полной гегемонии в мире “на вечные времена”. И жесточайше в этом просчитались. Однако, не сложилось, поскольку Запад переоценил Дудаева и ему подобных, и совершенно не учёл в своём плане Путина. Человека, чей приход во власть не просто неумолимо пресёк начавшийся распад страны, но и начал процесс подъёма её с колен, они тогда “просмотрели”. Теперь они видят его, знают, смертельно боятся и ненавидят лютой ненавистью. А потому в нынешнем противостоянии с Россией будут действовать гораздо жёстче и резче, не тратя времени на “раскачку”. Они как-то “не учли” того факта, что СССР воздвигся из РОССИЙСКОЙ империи. И сегодня Кремль вернул отнюдь не только её герб и знамя»¹. А.И. Фурсов прав, заявляя о том, что имперская парадигма – исторически естественна, свойственна, традиционна и привычна России. Привычна она для решения как внутренних, так и международных задач. Империя обеспечивает цивилизационное единство через единую имперскую идеологию.

Однако возможность имперского возрождения ещё не означает гарантию воссоздания империи. Устоявшееся негативное отношение в сознании соотечественников (особенно в научном сообществе) к империи, отсутствие глубокого научного анализа возможностей имперской государственности пока не позволили выработать России однозначного отношения к имперской парадигме. Ситуация усугублена и тем обстоятельством, что в России на политические взгляды, связанные с русским национализмом, нелиберальным консерватизмом, империализмом и монархизмом, наложен неофициальный идеологический запрет. Разрешены либеральные и «левопатриотиче-

¹ Фурсов А.И. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладошкой».

ские» взгляды и партии. Налицо – идеологический перекосяк, не учитывающий тысячелетнюю историю русской цивилизации, не признающий *русскую* политическую нацию и её стержень – *русский* народ, а также православные духовные скрепы. С другой стороны, Россия всё более динамично становится консервативной, противопоставляя себя западному «мейнстриму», а традиционно-консервативный образ России создаёт магнетическое притяжение к русским в Европе и Америке, обусловленное устремлением к сохранению собственной национальной идентичности. «Мир увидел в современной России уникальный шанс – общество, которое без расизма, мужского шовинизма и неонацизма ухитряется поддерживать христианскую и европейскую цивилизационную идентичность, выстраивать привлекательную парадигму консервативного модерна. При этом на высоком технологическом уровне. Нам немножко завидуют и подражают»¹.

Согласно Д. Ливену, «нигде и никогда вопрос позитивного или негативного отношения к империи не стоял так остро и не был столь противоречив, как в современной России. Для того чтобы осознать свои новые цели и задачи, посткоммунистической России необходимо определить своё отношение к царскому и советскому прошлому. И поскольку большая часть российского населения до сих пор ещё не приняла постсоветский порядок и определённо не примет, по крайней мере, в течение жизни нынешнего поколения, вопрос отношения к империи останется в России архиважным и политически спорным»².

Только в рамках объединяющего проекта сверхдержавы, а точнее, – цивилизационного имперского проекта, можно претендовать на суверенность, противостоять внешним угрозам, сохранить этническую самобытность, защититься от экспансии либерализма англосаксов, уничтожающего национальную идентичность. «Отказ от национальной самобытности и отказ от экспансии своего взгляда на мир приводят к духовной и физической деградации национального организма. Глубина национального начала и широта вселенского уравниваются в имперской идее, в сочетании национальных интересов и мировой миссии»³. Средние и, тем более, малые народы, расквартированные по национальным государствам, не способны от-

¹ Холмогоров Е.С. Красные не могут быть главными героями современной России // Взгляд. Деловая газета. URL: <https://vz.ru/opinions/2018/7/5/930941.html> (дата обращения: 06.07.2018).

² Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI в. до наших дней. – М.: Европа, 2007. – С. 43.

³ Смолин М.Б. Русский путь в будущее. С. 28.

стоять свой суверенитет, свою идентичность и мир. Вне имперского существования не видится решение проблем армян и азербайджанцев, грузин и абхазцев, украинцев и русинов, всех среднеазиатских этносов, не говоря о проблеме государственной русофобии прибалтийских стран, спонсированной англосаксами. На евразийской равнине, как показывает история, может быть либо один геополитический хозяин, либо всеобщий хаос политических притязаний. Геополитическая миссия в Евразии, таким образом, состоит в обуздании этого хаоса, подчинении себе всей евразийской равнины и обеспечение безопасности этой территории от своих соседей, населяющих окрестные горы и пустыни¹. Говоря о векторе развития России и Русского мира (точнее, – о ближнесрочных императивах), В.В. Аверьянов указывает на необходимость воссоздания «русского государства имперского типа на базе современного российского государства и его национально мыслящего чиновничества», а также необходимость разработки и внедрение государственной идеологии². Согласно стратегии Русской доктрины, – это путь «через диктатуру к государству правды»³.

Вопрос воссоздания православной империи является перспективной и масштабной национальной идеей, альтернативной либеральному проекту, традиционной для русской государственности и православной цивилизации, культивирующей консервативность нравов и семейных устоев, охраняющей русскость России и иницирующей волевою властную жизнедеятельность, способную к крупным и быстрым государственным и общественным мобилизациям⁴. Только сверхдержавная имперская модель даёт необходимую военное, техническое и экономическое могущество, позволяющее претендовать на суверенитет и успешно развиваться в условиях гибридной войны (включая санкции) против России. «Реабилитация империи в российском прошлом, самого этого прошлого, как дореволюционного, так и советского – не только важнейшая научно-теоретическая, но и практическая задача. Речь идёт о практике самопонимания, саморефлексии. Население России убеждают, что его история, будь то самодержавие или коммунизм, его история тогда, когда Россия и

¹ Смолин М.Б. Русский путь в будущее. С. 32.

² Доктрина Русского мира. Доклад Изборского клуба под редакцией В.В. Аверьянова // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2016. – № 6-7 (42-43), 2016. – С. 49.

³ Аверьянов В. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.

⁴ Смолин М.Б. Русский путь в будущее. С. 32.

СССР были великими державами, – это отклонение от нормы, нужно выбираться на нормальный путь, т.е. ясно какой – западный, а еще точнее – англосаксонский, на котором нас ждут депопуляция, распад страны на 40-50 государств (по “проекту” Бжезинского и его местных подпевал), погружение в трясины отсталости и утраты культурной идентичности, короче – к катастрофе»¹.

Вера в силу русской имперскости, русской идентичности, русского традиционализма обнаруживается, в частности, в уверенности в том, что православная империя «может быть восстановлена в России уже завтра, и с этого момента начнётся возрождение всех традиционных институтов. Вся структура общества будет приведена к органической жизнеспособной форме, а Церковь получит своё каноническое завершение в лице Самодержца, что станет началом её действительного оздоровления и объединения её юрисдикций-осколков, оставшихся от трагического падения Российской империи»². Эта вера должна подкрепляться имперской идеологией, которую необходимо восстановить в первую очередь, прежде решения любых социальных и гуманитарных задач. Так, по А.Г. Дугину, уже сегодня «Россия должна мыслить и действовать по-имперски, как мировая держава, которой до всего есть дело – и до прилегающих к ней территорий, и до самых отдаленных уголков планеты. И это должно начаться не «потом», когда Россия «укрепится внутри» (она под давлением США внутри в достаточной мере не укрепится никогда), а «сейчас», поскольку и темпы, и логика строительства зависят от того, что мы строим»³.

В свою очередь, имперская идеология должна формировать имперское сознание и пропагандировать традиционные ценности. Именно наличие устойчивого и постоянно воспроизводимого имперского сознания делает возможным как успешное строительство империи, так и её перманентное возрождение. Удачное сочетание геополитических факторов столь же необходимая часть этого условного двучлена имперского строительства⁴. Восстановленная военная мощь России (например, продемонстрированная Россией в Сирии) вполне может считаться «необходимой частью этого условного двучлена имперского строительства». В.Л. Махнач справедливо считает,

¹ Фурсов А.И. «Имперология» без теории, или «хлопок одной ладоною».

² Ларионов В.Е. Православная монархия. Национальная монархия в России. Утопия или политическая реальность. – М.: Издатель Быстров, 2007. – С. 468.

³ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. С. 232.

⁴ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. С. 47.

что возвращение к имперскому самосознанию вполне возможно, хотя это вовсе не означает, что следует фиксировать границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это – готовность решительно сказать, что империя существует. Она готова принять всех, кто желает в ней остаться¹.

Русский народ и все дружественные ему этносы стоят перед выбором: безвольно подчиниться империи англосаксов, или стать свободными от этой империи, восстановив свою империю, Российскую, которая всегда мирно сосуществовала со своими мусульманскими, другими этносами и которая способна защитить себя и других. Возвращение к имперской Традиции, к ценностям отеческой веры, к христианской религиозно-нравственной идее является естественным заполнением идеологического вакуума. Это возвращение позволит славянской цивилизации определённого культурно-исторического типа занять надлежащее место в мире (Н.Я. Данилевский), вновь стать моральным лидером (К.Н. Леонтьев), объединив восточных славян и дружественных народов иной веры против натиска богоборческого замысла империи англосаксов. «Сегодня идея империи, империализма как суть политики великого государства всплывает в сознании нации как непосредственная государственная необходимость, сложившаяся из тяжёлого советского периода и ослабленного разделённого положения России... Сегодня можно сказать почти с полной уверенностью, что развал Советского Союза, территориально почти соответствовавшего исторически Большой России, всё же не привёл нашу государственность к необратимым разрушительным последствиям, а стал лишь очередной жёсткой проверкой на прочность русской цивилизации и её жизнеспособности. Старинный лозунг собирания земель уже носится в воздухе!»².

У России опять появился шанс на восстановление новоимперского проекта, который «должен выйти на формулу «государства Правды», нравственно-ориентированного в своих внутри- и внешнеполитических делах, делания, воссоздания имперской культуры (её морфологических и стилистических особенностей), воспроизводства имперского человека или максималистской антропологии»³.

¹ Махнач В. Империи в мировой истории // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 57.

² Смолин М.Б. Русский путь в будущее. С. 10.

³ Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика. С. 184.

Резюме VI главы

Бинарная оппозиция сверх-парадигм (бого-признание – богоотвержение) предопределила мировоззренческое и идеологическое раздвоение и противостояние, а также все последующие кодирующие смыслы гуманитарных построений. Явление Иисуса Христа дало мощнейший импульс развитию бого-признающей цивилизации, которая с тех пор стала называться христианской. После этого исторического события в течение двадцати веков наблюдается жёсткое противостояние двух фундаментальных идеологических парадигм – христианской и богоборческой. Это противостояние является внутренней глубинной причиной многих столкновений и войн, ведшихся под разными идеологическими лозунгами. Оно не закончено. «Конец истории» с «концом идеологии» не наступил, о чём поспешили заявить либеральные адепты. Об этом свидетельствует новый, развернувшийся с 2014 года, этап мирового геополитического противостояния наследников православной империи и адептов глобально-либеральной империи англосаксов. Победа в идеологической войне будет у той политической нации, чей дух окажется сильнее, чья идеология способна давать чёткие, убедительные представления о духовной сущности человека и его смысложизненной ориентации. Христианская духовно-нравственная идея имеет огромное преимущество перед изжившей себя либеральной доктриной.

Идеология современного патриотического движения как в РФ, так и ДНР – неоднородна. Это тормозит победное движение по имперскому воссоединению Русского Мира. Идеологическая неоднородность плюс конституциональное игнорирование идеологии на всём постсоветском пространстве привели к множеству заблуждений отечественных патриотов в диапазоне от «идеологии нет и не надо» и «единая идеология – абсолютное зло» – до «нужна новая идеология, объединяющая все слои общества от христиан и коммунистов, до либералов и националистов». В последней главе, с одной стороны, доказана несостоятельность подобных заблуждений. С другой стороны, показано, что любая государственная система устойчива только до тех пор, пока у неё профессионально и жёстко работает служба безопасности, не только нейтрализующая агентов врага (в том числе, – зарубежных агентов влияния), но и осуществляющая идеологический контроль всех СМИ.

При рассмотрении идеологической перспективы России, показано, что её суть может быть лаконично и точно выражена тернарной

неоидеологемой «Традиция, Империя, Народность», являющейся современной и рациональной адаптацией уваровской триады. Неоидеологема провозглашает имперско-патриотический консенсус между разновекторными политическими, этническими и религиозными силами.

Современные европейские демократии бессильны против глобализма империи англосаксов. Отпор экспансии либеральной империи англосаксов сегодня может дать только восстановленная Российская империя. Демократические республики (в том числе и федеративные) со всеми их институтами (партийно-избирательной системой, банками, биржами, СМИ, институтами гражданского общества) – это всего лишь олигархические инструменты управления миром.

Понятие «суверенитет» совместимо только с понятием сверхдержавы. Сверхдержава в случае русской традиции – это «империя». Насильственно навязанное большевиками (при поддержке Запада) федеративное устройство России несёт в себе угрозу дальнейшего расчленения России на 22 части по сценарию развала СССР на 15 составлявших его республик. Заинтересованность в имперской парадигме касается всех народов бывшего СССР. Нынешняя геополитическая война не оставляет шансов на безмятежное будущее малых и средних народов некогда советской империи. Интерес к имперской парадигме, возможно, проявит себя не только у постсоветских, но у многих других народов мира, не желающих рано или поздно разделить участь жертв экспансии империи англосаксов. В последнем случае можно говорить об империи как мировой альтернативе слабым, зависимым от сверхдержав, нациям-государствам.

Русский народ и все дружественные ему этносы стоят перед выбором: подчиниться варварской империи англосаксов или восстановить свою, Российскую, которая всегда мирно сосуществовала со своими мусульманскими, другими народами и которая способна защитить себя и других. В настоящее время сложилась уникальная геополитическая ситуация, характеризуемая восстановленным военным могуществом России, её мудрой внешней и частично внутренней политикой, а также проблемами и ошибками Запада. Воссоздание Российской цивилизационной империи, наконец, стало возможно.

Призрак Третьего Рима вновь бродит по России, Европе и всему миру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественный феномен «идеология», спорный и многозначный в своём толковании, исторически заявил о себе уже при становлении первых государств. Идеологии, как созидающие, так и разрушающие, ориентированы на два основополагающих вектора социального воздействия: морально-этический и властно-политический. Постсоветское пространство находится в состоянии идеологического кризиса. Первый шаг на пути выхода из него просматривается в экспликации термина «идеология» и морально-этических понятий; в моделировании оптимальных форм государственного правления и устройства; в аналитическом поиске цивилизационных идеологических доминант, в частности, такого краткого идеологического призыва, который бы поднимал энергию воли и выражал патриотический консенсус между разнонаправленными политическими, этническими и религиозными силами, обеспечивал идею Общего дела защиты и благополучия Отечества.

Социально-гуманитарные науки не бывают идеологически нейтральными. Критическое состояние методологии социально-гуманитарных исследований может быть частично объяснено противоречивостью мировоззренческих парадигм, которым следуют разные исследователи. Мировоззренческий субъективизм так или иначе проявляется в отношении к тем или иным известным парадигмам. Во всей истории человечества наблюдается противостояние (охватывающее все без исключения социальные сферы) двух сверх-парадигм: «бого-признающей» и «бого-отвергающей» («бого-уменьшающей»), а также их мутаций.

При анализе идеологических построений востребован как парадигмальный, так и комплексный подход, включающий философский и исторический дискурсы, поскольку осмысленная история – это часть идеологии. Феномен «идеология», как любой другой, может быть подвергнут научному анализу. Но его результат будет иметь «стоимость», ограниченную исходной мировоззренческой (аксиологической) парадигмой самого исследователя. Поэтому всегда необходима обоснованная декларация авторской мировоззренческой позиции.

Рождение новых идеологий в XIX-XXI вв. может быть объяснено

их искусственным конструированием мировыми олигархическими группами с конечной целью утверждения своего господства. Анализ наиболее известных идеологических концептов продуктивен при использовании метода бинарных дифференциаций. Этот метод позволяет идеологические концепты подразделить на два корневых (сверх-парадигмальных) класса: первый – православный империализм (с опорными категориями: «любовь» и «равноправие», «естественность» и «цивилизованность») и второй класс (марксизм, фашизм, нацизм, либерализм, русофобия и исламо-сектантский империализм) с опорными категориями: «ненависть и исключительность», «искусственность» и «варварство». Концепт православного империализма, выпавший из дискурсов политологической и философской направленности, должен быть реабилитирован в статусе идеологии вселенской (!) значимости.

В рамках властно-политического вектора воздействия важнейшей функцией идеологии является легитимация формы правления и государственного устройства.

Олигархия представляет собой фактическую форму правления во многих государствах, позиционирующих себя как демократические. По своей сути она антигосударственна, ибо ведёт к деградации всех сфер общественной жизни. Если не бороться с олигархами, то деньги, ими контролируемые, становятся главной ценностью, подавляющей нравственные и духовные мотивы.

Современная западная демократия насильственно установлена мировой олигархией. Это иллюзия народовластия и ширма, скрывающая реальное олигархическое правление. Бесконечные демократические реформы, непрерывная демократическая борьба идей и партий, а также частая смена руководства страны (иногда даже её политического курса) являются очевидными врагами стабильности, а значит, – государства и его народа. Периоды демократизации России (февраль-октябрь 1917 г., 1990-е годы) характеризуются предательством, разложением и упадком. В России востребованы только выработанные ею самой виды низовой демократии (земские управы, районные советы) и соборность.

Монархия – естественная и самая популярная форма правления в мире до начала революционных и военных потрясений XIX-XX вв. Монархия в России – это условие её могущества и расцвета; это Самодержавие как особое, исторически сложившееся типично русское явление – отражение «коллективного бессознательного» русского народа и его сакральных смыслов. Монархия легитимна в России

с юридической и с точки зрения «правовой воли народа». Поэтому властно-политический вектор идеологии России должен содержать, кроме нисовой демократии, ещё и монархический ориентир, возможно, с переходным этапом диктатуры.

Для огромной и многонациональной России унитарная форма государственного устройства неприемлема, поскольку последняя ориентирована на относительно мононациональный состав населения небольшой страны. Непригодна и конфедерация, ибо она предполагает временный союз государств без собственного суверенитета. Федерация в России – это форма объединения республик с неблагоприятной перспективой демократического разложения и распада государства. Федеративное устройство в России, установленное большевиками насильственно при поддержке Запада, оказалось менее устойчиво, чем проверенная веками имперская форма.

Империя в России имела естественный эволюционный характер и самый продолжительный срок присутствия в истории.

Понятие империи в XX веке стало полемичным, поэтому оно эксплицировано на основе двух, характерных для имперской идеологии универсалий: идеи государственного устройства имперского типа и духовной Идеи-миссии. Империи характеризуются могуществом и суверенитетом, универсальностью и экспансией, стабильностью, долговечностью и надёжностью. Предложенная аксиологическая типология империй на основе солидаризирующих нацию принципов включает «варварские», «цивилизационные» и «условно цивилизационные» империи. Показано, что Россия, как перспективная цивилизационная империя, постепенно становится основным (если не сказать, – единственным) культурным и духовным полюсом Европы.

Идеологическое пространство России в разное время было поглощено православным империализмом (с конца XV века по 1917 г.), марксизмом-ленинизмом-социализмом (с 1917 г. по 1991 г.) и либерализмом (с 1991 г. по н/в). Эти три империалистических концепта, как доминирующие, продолжают конкурировать в современной России. Вместе с тем, обозначился и идеологический крен: либеральные и социалистические взгляды и партии разрешены, а на нелиберальный консерватизм, империализм и монархизм, наложен неофициальный запрет. Возникший идеологический перекокс игнорирует тысячелетнюю историю русской цивилизации, русско-имперскую политическую нацию и её стержень – русский народ.

Теоретический либерализм, пропагандируя ультраиндивидуа-

лизм и вседозволенность, создаёт непреодолимый конфликт между личными и общественными интересами, ведущий к кризисам и разрушению общества. Как политическая практика либерализм не толерантен к инакомыслию, не демократичен (не учитывает мнения большинства), догматичен и американоцентричен. Метафизика либерализма отражает страсть к наживе и богоборчество. Кроме того, скрытый смысл либерализма в России заключается в генерации хаоса для последующего её расчленения и установления господства США. Приверженность либерализму в России означает служение интересам англосаксов и государственный суицид.

«Социализм» имеет множество версий, а сам термин не имеет строгой определённости. Согласно методу бинарных дифференциаций, известные концепты социализма могут быть подразделены на классы в зависимости от полноты обобществления собственности и насилия при его установлении. Ненасильственное, бескровное восстановление полного социализма в России не представляется возможным. Частичный социализм (без обобществления собственности) имеет все признаки оппортунизма и поэтому повсеместно поглощён либерализмом. Согласно русско-российскому и советскому опыту, чем больше участия государства в политической, экономической и культурной жизни державы, тем лучше, однако при этом России не обязательно быть социалистической в устоявшемся марксистско-ленинском понимании.

Симфония двух властей (светски-имперской и духовно-православной) – это сущность идеологии православного империализма (византизма, ромеизма). Православный империализм в светском толковании может пониматься как наличие нравственного приоритета в любых имперских государственных делах или решениях. Православный империализм в религиозном понимании означает Катехон и экспансию нравственного идеала Христа. Духовно-нравственная идея христианства имеет в современных условиях существенное преимущество перед исчерпавшей себя либеральной доктриной, приведшей Запад к гуманитарному и экономическому кризису.

В Российской Федерации нет чёткой идеологической артикуляции. В этом заключена основная проблема Русского Мира, тормозящая победный имперский ренессанс по его воссоединению. Идеологическая перспектива России может быть связана с артикуляцией тернарной неоидеологемы «Традиция, Империя, Народность» как современной адаптацией уваровской триады. В этой триаде нашло

своё выражение державное согласие между разнородными патриотическими силами.

В настоящее время сложилась уникальная геополитическая ситуация, характеризующаяся восстановленным военным могуществом России, её мудрой внешней и частично внутренней политикой, а также проблемами и ошибками Запада. Воссоздание Российской цивилизационной империи, наконец, стало возможно. Автор отдаёт себе отчёт в том, что возможность и реальную действительность разделяет интервал неопределённости, за которым стоит взаимосвязь объективных условий и субъективного фактора. Выпавшие на долю постсоветских народов испытания являются ещё одним поводом объединения частей в единое целое с ориентиром на Общее дело для поиска и осуществления ответа очередному историческому вызову.

ГЛОССАРИЙ

Агональность – соревновательность, противоборство, противостояние.

Аксиология – учение о ценностях бытия.

Актор – значимый субъект процесса.

Анархизм – это идеологическое учение о таком общественном строе, который исключает всякую государственность, какую бы то ни было правительственную власть, законы и даже заработную плату.

Антихристианство – неприятие личности и учения Иисуса Христа. Объединяет различные мировоззренческие направления: от религиозного фарисейства — до атеизма, от материализма — до теософии, от религиозных сект — до сатанизма.

Антропологический кризис – деградация индивида и депопуляция населения, потеря человечности и игнорирование духовных и традиционных ценностей.

Аристократия – форма правления государством, при которой власть принадлежит немногочисленной привилегированной группе знатных, родовитых людей («правление лучших»).

Бог (Господь, Всевышний) – согласно Христианству (Иудаизму, Исламу и вообще монотеизму), Творец и Создатель всего во Вселенной, поэтому и владеющий Высшей истиной (истиной всего сущего). Бог существует вечно, Он всемогущ, вездесущ и совершенно свободен. Согласно апостолу и евангелисту Иоанну Богослову, «Бог есть любовь».

Бытие – исходная характеристика предельного основания, позволяющая сказать, что мир есть и существует независимо от воли и сознания человека.

Бюрократия – социальная группа людей, профессионально занимающихся управлением.

Вера – признание фактов, истинность которых не доказана, но представляется очевидной.

Вера религиозная – признание догматов религии.

Вера научная – признание аксиом в качестве положений, не требующих доказательства.

Вера философская – признание метафизики бытия мира.

Вера обыденного сознания – признание приоритета надежды.

Власть – возможность управлять, распоряжаться, нести ответственность.

Воля – один из компонентов структуры психики человека, определяющий способность к выбору цели деятельности и мобилизации усилий для ее осуществления.

Высокодуховность – ориентир на приоритет принципов Нравственного закона, на преобладание нравственных интересов над материальными.

Геополитика – это система знаний о динамическом отношении общества и его политической формы к наличной географии, а также геостратегическая деятельность государств, исходящая из признания их интересов, распространяемых на мировое пространство.

Гибридная война – такая стратегия и форма ведения войны, которая объединяет в себе как единое целое: войну собственно вооружённых сил, подрывную деятельность спецслужб на территории противника, психоисторическую войну, кибервойну, информационную войну, экономическую войну, дипломатическую войну, поддержку оппозиционных движений, а также подкуп или шантаж чиновников и влиятельных людей в государстве противника.

Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции в единое глобальное сверхобщество под эгидой США, точнее даже, — мирового правительства.

Государство – организация политической власти на определённой территории, осуществляющая управление конкретным обществом и обеспечивающая в нём порядок и стабильность. Основными признаками государства являются: наличие политической нации, определённой территории, государственной символики и суверенитета. Государство имеет публичный характер власти, монополию на легитимное насилие, право на сбор налогов.

Гражданское общество – либеральный институт социальной жизни, предназначенный обеспечить оптимальные условия для человеческой жизни как на уровне индивида, так и на уровне больших или малых социальных групп. На практике – это западная манипуляционная технология, создающая иллюзию низовой демократии.

Гуманизм – учение о самоценности человека в мире.

Демократия – форма правления государством, основанная на признании народа в качестве источника власти, народовластие.

Держава – государство, выделяющееся среди прочих мощью (военной, экономической) и политическим влиянием.

Дефиниция – придание термину строго фиксированного смысла, определение.

Диктатура – такая разновидность демократической формы правления, при которой правитель или правящая группа осуществляет своё правление прямым, директивным путём.

Дискурс – связанный текст определённой направленности.

Добро – благо; то, что честно (по совести) и полезно, нечто положительное, например, милосердная любовь, бескорыстная помощь ближнему; «любящая сила духа» (по И.А. Ильину); «совершенная польза» (по И. Бенхаму). Это этическое понятие (категорию) относят ко всему, что получает у христиан положительную нравственную оценку или одобрение.

Дух – носитель жизни, субстанция сущностных сил человека, нематериальное начало. Согласно христианству, – бесплотное сверхъестественное личностное существо (например, Святой Дух, ангел), определяющее изначальную движущую силу, присущую всему живому. Дух каждого человека сотворен «по образу и подобию Божию».

Духовность светская – доминирующая в жизни людей направленность нравственного сознания на высшие ценности гуманизма: жизнь, свободу, равенство, солидарность и справедливость. Светская духовность заявляет о себе как синоним нравственности, как фактор формирования внутреннего мира человека, обеспечивая социализацию личности и формирование общества.

Духовность христианская (православная) – духовность с ориентиром на приоритет идеала Иисуса Христа и принципов христианского Нравственного закона.

Душа человека – нематериальное, духовное, бессмертное начало в человеке, определяющее такие его качества, как честь, совесть, долг и другие. Душа выступает как бесплотное тело (футляр) его духа.

Евразийство – политический проект, предусматривающий вместо однополярного мира – образование многополярного мира на основе Евразийского союза, при укреплении культурной, языковой, социальной идентичности на основе евразийской хозяйственной автаркии.

Жизнь – особая форма существования объективной реальности, закономерно возникающая при определённых условиях и закономерно прекращающая своё существование, осуществляя обмен вещами с окружающей средой.

Закон – необходимая, устойчивая, повторяющаяся связь явлений бытия в мире.

Западничество — направление философской и общественной мысли, сложившееся в Российской империи в 1830-1850-х гг., выступавшее за признание необходимости развития России исключительно по западноевропейскому пути. Его представители назывались западниками.

Зло – нечто противоположное добру (агрессия, ненависть, месть, обида, ревность, зависть, эгоизм, несправедливость, ненасытная жажда власти, денег и материальных благ).

Знание – результат процесса познания, отражающий действительность в форме факта, представления, понятия, суждения, гипотезы, концепции, теории, правды и истины.

Идея – понятие, имеющее несколько значений: 1) в философии: мысленный (умопостигаемый) прообраз вещей (явлений) чувственного (то есть того, что мы чувствуем, например, видим) мира, выделяющий его основные и существенные черты; 2) в науке: общий или наиболее существенный принцип теории или изобретения; 3) в искусстве и быту: замысел (задумка) или наиболее существенная часть замысла, главная мысль задуманного человеком творения (например, романа); 4) в религии — является производным от понятия «исходная Идея», исходный замысел Творца.

Идеализм – общее обозначение философских учений, утверждающих, что дух, духовное, сознание, мышление, психическое – первично, а материя, природа, физическое – вторично, производно.

Императив – общезначимое предписание.

Император – титул монарха, возглавляющего государство имперского типа. В древности синонимом термина И. был титул «царь царей» (например, шахиншах в Персидской империи).

Индивид – отдельно взятый человек в своей неповторимости.

Институт – определённая организация общественной деятельности в формате конкретных социальных отношений.

Истина – адекватное отражение в сознании того, что существует объективно. Для верующих в Бога, Он и Его Слово есть высшая Истина.

Интернационализм – идеологема, формально провозглашающая дружбу и сотрудничество между народами. Рождён на Западе в среде марксистов, которые его понимали как солидарность пролетариев разных стран в борьбе против класса эксплуататоров.

Информационная война – процесс противоборства государств, осуществляемый на основе новейших информационно-компьютерных технологий через распространение специально подготовлен-

ной информации (включая дезинформацию, манипуляцию и ложь).

Историзм – принцип подхода к исследуемому объекту как к системе, развивающейся во времени с определёнными закономерностями.

История – область знаний о прошлом (в зачаточном виде как повествование, в зрелом виде – теория исторического процесса), а также социогуманитарная наука, занимающаяся установлением закономерностей исторического процесса.

Категории – предельно общие понятия, отражающие существенные связи и отношения бытия в мире; организующая матрица мышления.

Консерватизм – идеологическое построение, для которой характерна приверженность традиционным ценностям и порядкам, бытующим социальным или религиозным доктринам.

Культура – многозначное понятие, указывающее на совокупность достижений в различных сферах человеческой деятельности (искусстве, философии, образовании, законодательстве, науке, технологиях и т.п.), а также совокупность общезначимых духовных и материальных (включая социальные) ценностей.

Легитимация – процесс признания и подтверждения обществом законности чего-либо (власти, полномочий, статуса и т.п.).

Личность – представитель общества, включенный в систему общественных отношений.

Логос – разумное слово, мысль, Бог. Слово, определяющее Дело.

Любовь – понятие, имеющее в русской традиции несколько значений, основные из них: 1) в быту в самом широком смысле означает глубокую привязанность (глубокое эмоциональное влечение, сильную симпатию) к кому-то (человеку, животному) или чему-то (предмету, продукту, образу, явлению и т. п.) Кроме того, это состояние любящего (по В. Далю); 2) в философии означает интимное избирательное чувство (субъекта), направленное на предмет любви (объект), сопряжённое с глубоким эмоциональным переживанием и выступающим как субъективный индикатор счастья; 3) в христианстве – это такое высокодуховное состояние человека, когда братское милосердие к ближнему сочетается с сыновней благодарностью к Богу и отеческой заботой об окружающем мире.

Масонство – это всемирная тайная религиозно-политическая организация (общество), ставящая своей целью мировое господство путём соединения государств в одно всемирное (под собственным руководством), а также соединение всех существующих религий в единую масонскую систему вероучения. Тем самым будет построено

земной Эдем (рай), золотой век, царство любви и истины, царство Астреи (Богини справедливости). Но поскольку Господь разделил народы на страны, дав им свои языки и традиции, то тайный смысл масонского учения — борьба с этим установленным Богом порядком, то есть, борьба с любой естественной традицией.

Материализм – философская мировоззренческая ориентация, которая исходит из того, что мир материален, существует объективно, вне и независимо от сознания; что материя первична, никем не сотворена, существует вечно; что сознание, мышление, эволюция – свойства материи; что мир и его закономерности познаваемы.

Ментальность – осознанность, позволяющая перевести информацию в языковую форму.

Местное самоуправление – вид управления, при котором население административно-территориальной единицы самостоятельно управляет местными делами.

Метафизика – философское учение о сверхчувственных (недоступных опыту) сторонах бытия (например, представления о душах, духах и богах).

Мифология – архетип мировоззрения, учение о культуре мифов (народных сказаний о Богах, героях, демонах и духах, табу), представляющих собой ранние формы религии (например, мифы Древней Греции). Чувственной опорой мифологии является страх перед потусторонними силами.

Модерн – период новой европейской цивилизации, в течение которого осуществлялось формирование и развитие основных институтов общества: капиталистический способ производства, либеральное государство, гражданское общество.

Народ – исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединённых общими признаками, в которые входят происхождение, язык, культура, традиции, религия, представление об исторической Родине (Отечестве) как территории проживания, политическое сознание и др. Это понятие включает в себя также представителей иных национальностей, полностью интегрированных в культуру рассматриваемого народа либо ассимилированных с ним.

Население – совокупность людей, живущих в пределах конкретной территории и системы общественных координат.

Насилие – применение силы с целью принуждения.

Нацизм – мировоззрение, основанное на представлениях исключительности (или избранности) своей национальности и одновре-

менно на неуважении, вплоть до ненависти к остальным. Нацизм есть ложный национализм.

Национализм – мировоззрение, идеология и направление политики, которые в своей основе пропагандируют любовь к своей национальности, народу, культуре, а также верность, преданность, работу на благо своего народа, включая его экономический, культурный, политический прогресс и духовное возрастание. Национализм, в отличие от нацизма не пропагандирует неуважение или ненависть к другим национальностям и народам. В современном идеологическом дискурсе, к сожалению, часто происходит подмена понятий, отождествляющих национализм и нацизм, что в корне не верно.

Национальная идея – систематизированное национальное самосознание, определяющее смысл существования и развития конкретной общности людей.

Национальный интерес – осознанная потребность политической нации государства, обусловленная традициями и необходимостью обеспечения собственной безопасности.

Нация (политическая нация) – историческая социально-экономическая и культурно-политическая общность людей, складывающаяся в ходе формирования собственного государства (страны). То есть, если государство (страна) сформировалось, то у него должна быть и политическая нация, нет государства – нет и его нации. Она, как правило, выступает как исторический союз разных национальностей и народов с идеей единой государственности и гражданственности для защиты или расширения сфер интересов этого союза.

Низовая самоорганизация — форма реальной демократии. В разных цивилизациях формами низовой самоорганизацией выступали собрания горожан в Древней Греции; цехи, гильдии (на Западе); вече, казачий круг и земства в России; деревенские артели в Китае и Латинской Америке и т. п.

Номинальный – являющийся таковым только по названию, но не по сути.

Норма – образец поведения, регламентация в системе «человек-мир».

Нравы – текущее состояние морали, уклад общественной жизни.

Нравственный закон – правила нравственности, установленные культурно-религиозной традицией и принимаемые человеком в качестве непререкаемого авторитета в соответствии с его совестью или верой (законы Моисея, заповеди Иисуса Христа, суры Мухаммеда, этические предписания Будды и т.п.).

Нравственная потребность – проявляемое в нравственном чувстве врожденное влечение к добру и негативное отношение ко злу.

Нравственное чувство – независимый от нашей воли внутренний «голос», обличающий или одобряющий поступки человека, его чувства и мысли.

Образ жизни – понятие, характеризующее особенности повседневного бытия человека.

Общество – результат складывающейся системы связи и взаимоотношений людей, объединённых как общими культурными и ценностными признаками, так и территориальными, хозяйственными признаками.

Особенность – отличительное свойство, качество.

Ответственность – способность индивида отвечать за свои поступки, поведение.

Отчина (Отечество) — собирательный образ территории (региона, страны, государства) и особенностей развития, земли и природы, традиций и культуры, исторически принадлежащий народу, к которому себя относит индивид.

Охлократия – форма правления государством, основанная на власти толпы (улицы, плебса, массы собравшихся), не организованной в системную партию. Самая неустойчивая и потому не долговечная форма правления. Охлократия характерна для переходных и кризисных периодов, например, цветных революций. Согласно Аристотелю, охлократия является формой вырождения демократии.

Оценка – установление значимости чего-либо в соответствии с выбранным критерием.

Парадигма – совокупность принципов (примеров, образцов), обеспечивающих модель постановки и решения научных задач.

Партийная система – это система взаимоотношений политических партий между собой, с государством, с другими элементами политической системы и гражданами. Правовой основой партийных систем являются конституция, избирательные законы, законодательство об общественных объединениях. Существующая европейская партийная система рождена в империи англосаксов.

Патриот – человек, любящий своё Отечество, готовый ради него на жертвы и подвиги. Патриот – всегда ревнитель о пользе Отечества и его верный сын.

Плюрализм – положение дел в ряде современных обществ, при котором легитимна норма о различных точках зрения по политиче-

ским и иным вопросам, позволяющая различным социальным группам выражать свои интересы.

Полис – особая форма политической и социально-экономической организации древнегреческих обществ, представленных городской общиной, имеющей специфическую самоорганизацию и методы управления; понятие полис имеет производные: мегаполис, полиция, политика и др.

Политика – обусловленная целевыми и ценностными предпочтениями деятельность общественных групп, партий и органов государственной власти, определяющая функционирование государства. В зависимости от направленности политической деятельности государства вовнутрь или во вне, политика подразделяется на внутреннюю и внешнюю.

Политическая борьба – борьба политических субъектов за власть. Она основана на противопоставлении властных интересов политических субъектов (лидеров, партий, общественных движений и т. п.). Политическую борьбу можно условно разделить на виды (методы): революционная (экстремистская) и эволюционная (мирная), внутрипартийная и межпартийная, внутригосударственная и межгосударственная и т. д.

Политическая (или государственная) власть – субъект политического процесса, характеризующийся способностью контролировать население, упорядочивая социальные отношения, и проводить определенный политический курс с помощью средств, которыми обладает государство.

Политическая мифология – словесно-образная схема развития политического процесса теми или иными субъектами политической власти в реальном пространстве и времени и связанная с достижением внешних и внутренних анонсируемых политических целей. Это чувственное (зачастую – эмоционально окрашенное) представление о политической действительности, замещающее и вытесняющее реальное (подлинное) знание.

Политическая партия – иерархическая организация, объединяющая на добровольной основе лиц как с личными (амбициозными и/или меркантильными), так и с общими, классовыми, национально-культурными, религиозными и иными интересами и идеалами. Целью политической партии является завоевание политической власти или участие в ней через своих представителей в органах государственной власти и местного самоуправления.

Политическое сознание – форма общественного сознания на

уровне менталитета и идеологии, отражающая совокупность всех существующих в данное время идеологических и стихийно возникающих у людей политических представлений и установок, переживаний политических событий в стране и мире, переживаний связи этих событий с жизнью самого индивида.

Постмодерн – состояние общества (периода второй половины XX — начала XXI вв.), которое исчерпало потенциал эпохи Модерна и находится в поисках новых форм идентичности. Для постмодерна характерен плюрализм жизненных форм, отсутствие единого смыслового центра культуры, обобщающих и легитимирующих инстанций.

Постмодернизм – общее название концепций, претендующих на объяснение состояния культуры эпохи Постмодерна.

Порядок – способ существования организованных структур.

Православие – ортодоксальное направление в христианстве, сложившееся с I в. в Римской империи. Православие есть не искажённое (то есть, не имеющее догматических изменений со времён апостолов) христианство, несущее в себе дух первых христиан.

Преемственность – связь между поколениями внутри социальной и культурной общности, обеспечивающая сохранение её идентичности.

Признак – особенность, по которой можно узнать, определить что-либо.

Принцип – основополагающее положение, обеспечивающее исходную позицию исследовательской практики.

Псевдодуховность – это особая степень бездуховности, прикрываемая духовностью, а поэтому ее проявления для многих совсем не очевидны.

Радикализм – стремление к коренным переменам, включающее идеологические цели и средства их достижения.

Революция – такой тип развития, при котором между качественными состояниями объекта существует резкий переход.

Религиозность – приверженность какой-либо религии, адаптация ее догматики.

Религия – определенный исторический тип мировоззрения, основывающийся на вере в сверхъестественные силы; одна из форм общественного сознания (христианство, буддизм, ислам, иудаизм и др.).

Рефлексия – само-переосмысление, обращение внимания на самого себя, своё сознание и продукты собственной активности.

Русская идентичность — характеристика русского цивилизации-

онного бытия и сознания, выстраиваемые на основе собственных исторических, религиозных (православных), культурных, традиционных ценностей и идеалов.

Русская идея – термин, связанный с нормативно-ценностными представлениями о судьбе России и её предназначении во всемирной истории.

Русские (как нация, русская нация, русская политическая нация) — историческая культурно-политическая и социально-экономическая общность людей, сложившаяся в ходе формирования русского имперского государства. Выступает как исторический союз разных национальностей с идеей единой имперско-русской государственности для защиты и распространения интересов этого союза.

Русские (как русский народ) — народ, создавший русское государство, его титульный культурный этнос, позднее образовавший православную Российскую империю и её преемников (Советский Союз и Российскую Федерацию). Состоит из нескольких родственных ветвей, главные из которых Великороссы (Великорусы), Малороссы (Малорусы) и Белороссы (Белорусы), произошедших от древнерусской народности (IX-XIII вв.), сложившейся из восточнославянских племён.

Русский (как национальность) — такая принадлежность человека к русскому народу, которая имеет кровнородственный характер, то есть, генетическую связь поколений. Русскую национальность имеет не вся, но большая часть русского народа.

Русский (русская) — понятие, имеющее несколько значений, в зависимости от контекста: 1) принадлежность к русской национальности (кровнородственно или генетически русский, русак); 2) принадлежность к русскому народу (культурно и/или духовно русский); 3) принадлежность к русской нации (политически или граждански русский); 4) прилагательное, указывающее на отношение к русским традициям, культуре и цивилизации, предметам или образам, например, «русский дух», «русский фольклор», «русская красота», «русская доблесть», «русская поэзия», «русская баня» и т. п.

Русский Мир (Русский Мирь) – концепция международного трансгосударственного и трансконтинентального сообщества как продукта развития русской цивилизации; сообщества, объединённого причастностью к России, русскому народу или национальности, приверженностью к русскому языку или культуре.

Русскость – особенные душевные и психические качества, сформированные на протяжении веков православным мировоззрением

и русской национальной спецификой, присущими русскому народу.

Сверхдержава (великая держава, супердержава) – сверхмощное независимое государство, обладающее подавляющим превосходством по какому-либо параметру (военному, политическому или экономическому) над другими государствами, а также влияющее на мировые политические процессы. В настоящее время (2018) сверхдержав в мире три: Россия, Китай и США.

Совесть – орган души, личная форма нравственного контроля, сопряженная с эмоциональным переживанием.

Согласие – состояние общественного бытия, достигаемое через устранение принципиальных различий по вопросам совместной жизнедеятельности.

Сознание – высшая форма развития психической активности человека; отражение реальности в форме образа и проектирование на этой основе новой реальности.

Солидарность – общность интересов и целей, ориентированная на согласованность людей в действиях и совместную ответственность за их результаты.

Социализация – процесс усвоения индивидом правил, норм, ценностей, традиций, местных обычаев конкретного общества.

Справедливость – 1) равенство прав людей на осуществление своих жизненных проектов; 2) соответствие деяния и воздаяния (труда и вознаграждения, преступления и наказания и др.).

Страна – промежуточное понятие между терминами «общество» и «государство», так как представляет собой одновременно естественно сложившуюся общность людей (общество) и территориально-политическое образование, имеющее государственные границы.

Суверенитет – независимость государства во внешней политике и верховенство государственной власти во внутренних делах; понятие, характеризующее способность политической власти и общества сохранять и контролировать государственно-территориальную целостность в виде ресурсной, военной, логистической, инфраструктурной, культурно-информационной монополии, опирающейся на внутреннюю и внешнюю легитимность.

Счастье – состояние психологического комфорта и гармонии в отношениях человека с миром.

Террор – совокупность способов и практик устрашения населения.

Типология – метод научного познания, основанный на расчленении объекта с помощью обобщённой модели (типа).

Тирания – форма правления государством, часто установленная насильственным путём и основанная на единоличном правлении в личных интересах. Близким по сути к тирании является термин «деспотия».

Традиция – ключевые ценности, передаваемые из поколения в поколение в качестве стратегии выживания индивида и общества.

Феномен – наблюдаемое явление мира, постигаемое с помощью чувств и разума.

Философия – любовь к мудрости, выражаемая в учении о предельных основаниях бытия мира.

Хаос – неопределённое, лишённое структурной организованности состояние мира или рассматриваемой системы.

Цивилизация – устойчивая социокультурная общность людей, сохраняющая своё своеобразие и целостность.

Человек – существо, характеризующееся триединством тела, души и духа, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью, обладающее даром любить и верить, способностью творить добро и зло; существо, имеющее совесть и духовность, склонное к поиску истины и смысла жизни, связанное с другими формами жизни, но отличающееся предрасположенностью к познанию и самопознанию, к преобразованию мира и самого себя; страдающее вечной неудовлетворенностью.

Эволюция – тип развития, характеризующийся постепенностью смены состояний.

Экспликация – уточнение понятий или утверждений.

Элита – 1) теоретически: часть общества, являющаяся носителем знаний, умений и культурных традиций; 2) практически: часть общества, имеющая доступ к власти (политической, экономической, информационной др.) и распределению благ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверьянов В. Империя и воля. Догнать самих себя // Электронная библиотека bookz.ru. URL: https://bookz.ru/authors/vitalii-aver_anov/imperia-_199/1-imperia-_199.html (дата обращения: 11.04.2018).
2. Аверьянов В. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. (Серия «Служить России»). – М.: Книжный мир, 2014. – 512 с.
3. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Аспект пресс, 2018. – 623 с.
4. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. – М.: АСТ, 2010. – 393 с.
5. Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. Для слушателей школ основ марксизма-ленинизма. – М.: Мысль, 1966. – 344 с.
6. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том II. Теория и методология. Словарь. Изд. 2-е, пер. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.
7. Бабурин С. Борьба за духовные ценности России – решающий этап борьбы за здоровье всего человечества // Журнал международной славянской академии «Славяне». – 2017. – № 4(9). – С. 49-53.
8. Бабурин С. Возвращение русского консерватизма / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 832 с.
9. Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России: автореф. дис. ... докт. полит. наук. СПГУ. – СПб., 2008. – 45 с.
10. Башкиров А.Н. Не изменяй себе, Великая Россия! Ф. Тютчев и Н. Рубцов – поэты Святой Руси // Русская стратегия. URL: <http://rys-strategia.ru/publ/2-1-0-926> (дата обращения: 01.05.2018).
11. Беловолов Г.В. воздухе веет «Монархической весной» // Русская наордная линия. 2017. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/25/v_vozduhe_veet_monarhicheskoy-vesnoj/&?commsort=back (дата обращения: 27.03.2017).

12. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2005. – 288 с.
13. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М.: Российское Библейское общество. 2016. – 1233 с.
14. Благовещенский Г. Полная история тайных обществ и сект мира / Г. Благовещенский, Лин фон Паль, В. Спаров. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб; Владимир, ВКТ, 2010. – 608 с.
15. Большая книга афоризмов. Сост. Душенко К.В. Изд.8–е, испр. – М.: Эксмо, 2004. – 1056 с.
16. Большой энциклопедический словарь // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/136102/ИДЕОЛОГИЯ> (дата обращения: 22.01.2018).
17. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV вв. – М. 1986 // Ступоpedia. URL: https://studopedia.ru/15_10732_nsborisov-russkaya-tserkov-v-politicheskoy-borbe-XIV--XV-vv-m-.html (дата обращения: 01.04.2018).
18. Бочаров А.В. Основные научные методы исторического исследования. Учебное пособие. — Томск: Томский государственный университет, 2006. – 190 с.
19. Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2003. – 448 с.
20. Валентинов Н. Малознакомый Ленин // PRPFILIB [электронная библиотека]. URL: <https://proflib.com/chtenie/149611/nikolay-valentinov-maloznakomu-lenin-29.php> (дата обращения: 17.07.2017).
21. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
22. Величко А.М. История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия Первого. – М.: Вече, 2012. – 162 с.
23. Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX века – начала XXI века / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1200 с.
24. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 356 с.
25. Видеманн В. Дух и почва русской государственности // Неизбежность империи. Сборник статей по проблемам российской государственности / Сост. и вводная статья А.Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 14-33.
26. Витренко Н.М. Новый Карфаген – США // Прогрессивная соци-

- алистическая партия Украины [сайт партии]. URL: <http://www.vitrenko.org/article/20335> (дата обращения: 09.02.2018).
27. Вольский В. Три статьи о демократии. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Volsky1.php> (дата доступа: 17.02.2018).
 28. Вусатюк О.А. Теневые потоки российской истории XVII – начала XXI века // Свободная мысль. – М.: Политиздат, 2017. – №2 (1662). – С. 137-152.
 29. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
 30. Геодакян В.А. Бинарно-сопряжённые дифференциации, информация и культура // «Информация, время, творчество» Тез. докл. Межд. конф. «Новые методы в исследованиях художественного творчества» и Межд. симп. «Информационный подход к исследованию культуры и искусства» / ред. В. М. Петров, А.В. Харуто. – М., 2007. – С. 195-204.
 31. Герцен А.И. Русский народ и социализм. – Берлин: Мысль, 1921. – 64 с.
 32. Гибель империи. Византийский урок / Архимандрит Тихон (Шевкунов). Изд. 3-е. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2013. – 240 с.
 33. Гивишвили Г.В. Идеологические системы мира: Сны разума. – М.: Либриком, 2017. – 343 с.
 34. Глазьев С. Встать в полный рост. (Доклад Изборскому клубу) // Русский дозор. 2014. URL: <http://rusdozor.ru/2014/11/26/s-glazev-vstat-v-polnyj-rost-doklad-izborskому-klubu/> (дата обращения: 27.09.2017).
 35. Головаха Е., Панина Н. Постсоветская аномия в России и Украине: современное состояние и пути преодоления // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5-10.
 36. Горбунова М.А. Демократия в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2011. – 30 с.
 37. Грачёва Т.В. Последнее искушение России. – Рязань: Зёрна-слово, 2013. – 384 с.
 38. Гребень В.А. Основы идеологии белорусского государства. Минский институт управления. – Мн.: Изд-во МИУ, 2007. – 424 с.
 39. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М.: Соратник, 1995. – 310 с.

40. Гусаров Е. Россия. Проект империя. – М., 2012. – 272 с.
41. Далай-Лама, Катлер Говард К. Искусство быть счастливым. Руководство для жизни. URL: <http://www.elinahealthandbeauty.com/Books/dls.htm> (дата обращения: 03.05.2018).
42. Даль В. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Эксмо, 2003. – 736 с.
43. Дамирчев Э.И. Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2010. – 173 с.
44. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 558 с.
45. Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КПРФ // Московский городской комитет КПРФ [сайт]. 2016. URL: <http://msk.kprf.ru/2016/07/16/12511/> (дата обращения: 14.02.2017).
46. Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація? // Ізборник. URL: <http://litopys.org.ua/idzuba/dz.htm> (дата обращения: 04.04.2018).
47. Доктрина Русского мира. Доклад Изборского клуба под редакцией В.В. Аверьянова // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2016. – № 6-7 (42-43). – С. 20-53.
48. Долинина Н.Г. По страницам «Войны и мира». Заметки о романе Л.Н. Толстого «Война и мир». – СПб.: Лицей, 1999. – 252 с.
49. Дугин А.Г. Директива Дугина: Смыслы истории // КАТЕХОН. URL: <http://katehon.com/ru/directives/direktiva-dugina-smysly-istorii> (дата обращения: 25.07.2017).
50. Дугин А.Г. Всемирный день философии // КАТЕХОН. URL: <http://katehon.com/ru/directives/vsemirnyy-den-filosofi> (дата обращения: 06.04.2018).
51. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея-центр, 1997. – 928 с.
52. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. – 351 с.
53. Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – 418 с.
54. Дьяченко Ю.В. Конституционализм как основа культуры демократии: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2013. – 22 с.
55. Жукоцкая А.В. Проблема идеологии (социально-философский анализ): дис. ... док. философ. наук. МПГУ. – М., 1998. – 383с.
56. Жукоцкая А.В. Феномен идеологии. URL: <http://genskov.ru/nuda/jukockaya-a-v-fenomen-ideologii/main.html> (дата обращения:

- ния: 26.01.2018).
57. Зидентоп Л. Демократия в Европе / Пер. с англ. ; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2001. – 312 с.
 58. Из последних выступлений А.С. Пушкина // LIVEJOURNAL. URL: <https://sergeyvetkov.livejournal.com/428901.html> (дата обращения: 19.12.2017).
 59. Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.
 60. Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная. Удачи и провалы демократизации на рубеже тысячелетий // Вопросы философии. – 2006. – №9. – С. 34-46.
 61. Ишин А.В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). – 2016. – № 1. – С. 3-8.
 62. Ишин А.В. Цивилизационное измерение Русского мира // Проблемы постсоветского пространства (Москва). – 2015. – № 3. – С. 19-33.
 63. Ищенко Р. Вопросы идеологии // Военное обозрение. 2016. URL: <https://topwar.ru/98708-voprosy-ideologii.html> (дата обращения: 13.02.2018).
 64. Ищенко Р. Ростислав Ищенко: Сюрплас и артобстрелы // Военное обозрение. 2015. URL: <https://topwar.ru/74458-rostislav-ischenko-syurplyas-i-artobstrely.html> (дата обращения: 06.03.2018).
 65. Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Изд. 2-е, пер. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.
 66. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. – М.: Издво журнала «Москва», 1999. – 512 с.
 67. Казин А. Народная монархия и многоукладный социализм // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2018. – № 1(57). – С. 24-35.
 68. Кальной И.И. Заключение // Идеология: pro et contra: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 518-522.
 69. Кальной И.И. Философия. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 448 с.
 70. Кальной И. Философия права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 259 с.
 71. Кант И. Критика способности суждения // Собрание сочинений в 6 томах. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – 743 с.

72. Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений в 6 томах. – М.: Мысль, 1964. – Т.3. – 799 с.
73. Кантор В.К. Санкт-Петербург. Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 542 с.
74. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Эксмо, 2005. – 1024 с.
75. Кара-Мурза С. Евроцентризм: скрытая идеология перестройки. – М.: СИМС, 1996. – 143 с.
76. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать её наука. – М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.
77. Карелин Р. (Архимандрит Рафаил). Вызов новомодернизма. – М.: Лествица, 1989. – 96с.
78. Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика // FEDY. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5945 (дата обращения: 17.12.2017).
79. Катасонов В. Иерусалимский храм как финансовый центр. – М.: ИД Кислород, 2015. – 320 с.
80. Катасонов В. О философии людской и Божественной // Русский дозор. Интернет-обозрение. 2017. URL: <http://rusdozor.ru/2017/07/22/o-filosofii-lyudskoj-i-bozhestvennoj/> (дата обращения: 22.07.2017).
81. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / научн. ред. О.А. Платонов. Изд. 4-е, доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.
82. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / сост. А.В. Щипков. – М.: Всемирный Русский народный собор, 2015. – 120 с.
83. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. – 432 с.
84. Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 358 с.
85. Кольев А. Империя – судьба России // Неизбежность империи. Сборник статей по проблемам российской государственности / Сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 59-89.
86. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече 2000; АСТ, 2003. – 512 с.
87. Коровин В. Россия на пути к империи. – СПб.: Питер, 2016. – 320 с.

88. Краткий философский словарь. / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; Под ред. А.П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.– 496 с.
89. Кузьмина М.В. Истина и объективность в историческом знании (обзор докладов научного заседания) // Вопросы философии. 2012. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=562 (дата обращения: 13.07.2017).
90. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общ. ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой, – М.: Прогресс, 1975. – 288с.
91. Кураев А. Ответы молодым. – Донецк: Тираж-51, 2008. – 1170 с.
92. Къеза Дж. Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния. – М.: Эксмо, 2006. – 320 с.
93. Лазарев А.С. Расшифрованная библия, или Реквием цивилизации. – Киев: А.С.К., 2003. – 1064 с.
94. Лазарев Ф.В. Антропологический кризис в современном мире: от глобальному к локальному // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2011. – С. 147-167.
95. Ларина Е. Война элит во времена перемен // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2016. – №4(40). – С.24-37.
96. Ларионов В.Е. Православная монархия. Национальная монархия в России. Утопия или политическая реальность. – М.: Издатель Быстров, 2007. – 480 с.
97. Ленин В. Задачи союзов молодёжи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Библиотека газеты «Революция». URL: http://revolucia.ru/lenin_komsomol_41_298.html (дата обращения 04.04.2018).
98. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – Т. 15. – 584 с.
99. Леонтьев К.Н. Избранное. – М.: Рарогъ : Моск. рабочий, 1993. – 397 с.
100. Лешук И. Лабиринты духовности. URL: <http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/lab0.htm> (дата обращения: 04.04.2018).
101. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // SciCenter.online. URL: <https://scicenter.online/books-mirovaya-istoriya-scicenter/dominik-liven-imperiya-istoriya-sovremennyiy-103606.html> (дата обращения: 16.12.2017).
102. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI в. до наших дней /

- Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
103. Лотман Ю.В. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
104. Любарский Г.Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. – М.: Изд-во КМК, 2000. – 449 с.
105. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма/ под общей ред. Е.А. Тюгашева. – СПб., 2011. – 132 с.
106. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000. – 480 с.
107. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики XX век. Сб. / сост. К. Королев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 7 – 30.
108. Максименко В. Ротшильды и Макрон, ужасы сионизма могут похоронить Францию // Русское агентство новостей. 2017. URL: <http://ротшильд.ru-an.info/новости/ротшильды-и-макрон-ужасы-сионизма-могут-похоронить-францию> (дата обращения: 16.02.2018).
109. Малер А. Идеология византизма // Северный Катехон, – 2007. – №1. – С. 7- 49.
110. Мамардашвили М.К. Из лекций по социальной философии (Публикация Ю.П. Сенокосова) // Социологический журнал. – 1994. – № 3. – С. 28-40.
111. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 276 с.
112. Марков Б.В. Онтологический базис идеологии // Идеология: pro et contra: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 43-60.
113. Матвеев В.Е. Концепт «империя» в современной научной литературе: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2008. – 27 с.
114. Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории. – СПб.: Питер, 2014. – 224 с.
115. Махнач В. Империи в мировой истории // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996, – С. 34-58.
116. Махнач В. Империя. Православное царство // LIVEJOURNAL. URL: <http://www.proza.ru/2015/01/23/2263> (дата обращения: 15.02.2018).

117. Махнач В. Снова о параметрах христианской политики: вчера и сегодня // ХРОНОС: всемирная история в интернете. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2001/20011019-mahnach.html> (дата обращения: 16.11.2016).
118. Мизес Л. Либерализм в классической традиции. – М.: Социум; Экономика, 2001. – 239 с.
119. Миллер. А. Триада графа Уварова // ПОЛИТ.РУ URL: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/> (дата обращения: 05.03.2007).
120. Миловзорова М.Н. Аксиологические основания русской цивилизации как диалектического отрицания глобализма: автореф. дис. ... докт. философ. наук. ВГТУ. – СПб., 2016. – 40 с.
121. Моммзен Теодор. История римских императоров. – СПб.: Ювента, 2002. – 642 с.
122. Монковский Ю.А. Камень // Сайт Д.Н. Киршина. URL: http://www.kirshin.ru/about/rmsp/146_1.html (дата обращения: 02.02.2018).
123. Муза Д.Е. Идеология как основа стратегической безопасности русской цивилизации // Геополитика и безопасность. – С.-Пб., 2017. – № 4(40). – С. 79-84.
124. Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / предисловие С.Ю. Житенева ; Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. – 232 с.
125. Муза Д.Е. Этика и эстетика: Учебное пособие. – Донецк: ДонНТУ, 2006. – 172 с.
126. Нарочницкая Н.А.. «Пророки» империи фарисеев // Информационно-аналитический портал НАРОЧНИЦКАЯ.РУ. URL: <http://narotchnitskaya.com/in-archive/«пророки»-империи-фарисеев.html> (дата обращения: 09.02.2018).
127. Никольский В.Н. К вопросу о степени заселенности степей Северо-Восточного Причерноморья в золотоордынское время // Исторические и политологические исследования. – 2006. – №3/4 (29/30). – С. 74-82.
128. Осипов А. Православное понимание смысла жизни // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/pravoslavnoe-ponimanie-smysla-zhizni> (дата обращения: 04.04.2018).
129. Осипов В.Н. Возрождение русской идеологии / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 720 с.

130. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2002. – 352 с.
131. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.5. – 559 с.
132. Папаяни Ф.А. Быть или не быть идеологии Отечества? // Идеология: поиски и находки: монография / научн. ред. И.И. Кальной. – М.: «Этносоциум», 2015. – 420 с.
133. Папаяни Ф.А. К вопросу идеологии Отчизны // Идеология Отечества. Сборник. – М.: «Этносоциум», 2015. – 164 с.
134. Папаяни Ф.А. Мирозозрение. – Донецк: Изд-во «Донетчина», 2005. – 304 с.
135. Папаяни Ф.А. Политические идеологии современного мира // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3(69). – 2017. – №1. – С. 80-90.
136. Папаяни Ф.А. Смысл жизни. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2013. – 304 с.
137. Пахомов Ю. Возможно весь мир уже через 25-30 лет будет жить по законам Азии // Бизнес. – 2006. – № 42. – С. 28-29.
138. Платон. Государство / пер. с древнегреческого А. Н. Егунова. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
139. Платонов О. Сатанизм и гомосексуализм – неотъемлемая часть иудо-масонской культуры // Информационно аналитический портал ГолосИслама.RU. 2013. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=20536> (дата обращения: 19.04.2018)
140. Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. – М.: Русский Вестник, 2000. – Т.1. – 736 с.
141. Пленков О.Ю. III Рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). – СПб.: Нева, 2004. – 476 с.
142. Подвинцев О.Б. Политические процессы в постсоветском пространстве // Учебники онлайн. URL: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_258.html (дата обращения: 18.12.2017).
143. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / пер. с англ. – М., Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
144. Правая Россия // Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. – СПб.: Царское Дело, Русская народная линия, 2015. – 736 с.
145. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3334 от 23 марта 2017 г. // ВЦИОМ

- [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116126> (дата обращения: 29.03.2017).
146. Проханов А. Александр Проханов: «Было бы страшно потерять идею Новороссии ...» // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2015. – № 6(9). – С. 43-47.
 147. Проханов А. Александр Проханов: Венценосный Путин // Изборский клуб [сайт клуба]. URL: <https://izborsk-club.ru/13646> (дата обращения: 07.07.2017).
 148. Проханов А.А. Заговор олигархов и крупной чиновничьей знати против Путина весьма вероятен // Русская народная линия. 2017. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/avgust/4/zagovor_oligarhov_i_krupnoj_chinovnichej_znati_protiv_putina_vesma_veroyaten/ (дата обращения: 10.04.2018).
 149. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 11. Критика и публицистика, 1819-1834. – 1949. – 600 с.
 150. Расторгуев В.Н. Цивилизационная миссия и стратегический выбор России: прогностическая теория А.С. Панарина и геополитический контекст // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / МГУ имени М.В. Ломоносова. Философский факультет. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. – С. 107-127.
 151. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с.
 152. Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности: сб. докл. / под ред. канд. ист. наук М.Б. Смолина ; Рос. ин-т стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2012. – 396 с.
 153. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: «Аграф», 2009. – 240 с.
 154. Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / под общ. ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1056 с.
 155. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. – 880 с.
 156. Савельева М.Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное».

- К.: Издатель ПАРАПААН, 2007. – 412 с.
157. Сандэрлэнд У. Империя без империализма / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / под ред. И.В. Герасимова, С.Б. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. – Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. – С. 459-472.
158. Саргсян А. Главу Администрации Путина наказали за Крым? // Русский дозор. URL: <http://rusdozor.ru/2014/11/21/glavu-administracii-putina-nakazali-za-krym/> (дата обращения: 13.02.2018).
159. Саттон Э. Орден «Череп и кости». Документы, история, идеология, международная политика. Пер. с англ. О.Г. Новиков, В.Е. Тулаев. – М.: Самотека, 2009. – 360 с.
160. Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2-е. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1876. – Т. 3. – 700 с.
161. Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/slova/2 (дата обращения: 12.07.2018)
162. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetckij/dukh-dusha-i-telo/ (дата обращения: 10.07.2018).
163. Секацкий А.К. Оружие империи // Измененные состояния сознания. Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 176 с.
164. Симоишвили Л.П. Организация государственной власти в современном мире. – Sarldrüken, Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 436 с.
165. Сирота Н.М. Идеология и политика. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 216 с.
166. Словарь патриота отечества / Сост. П.Ю. Губарев, А.В. Дмитриевский, С. Карамышев (о. Сергей), Д.Е. Муза и др. – Донецк; СПб.: Луна, 2017. – 152 с.
167. Смолин М.Б. Монархия — идеал правильного государства // Русский дозор. 2018. URL: <http://rusdozor.ru/2018/02/01/monarxiya-ideal-pravilnogo-gosudarstva/> (дата обращения: 06.02.2018).
168. Смолин М.Б. Русский путь в будущее. – М.: Издательство «Фонд ИВ», 2007. – 352 с.
169. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.

170. Солженицын А. Двести лет вместе. Часть вторая. – М.: Русский путь, 2001. – 512 с.
171. Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. Изд-во: YMCA-PRESS, Париж, 1974. URL: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt (дата обращения: 04.04.2018).
172. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А.И. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. – М.: АСТ, 2009. – 640 с.
173. Солоневич И.Л. Народная монархия. – Мн.: Лучи Софии, 1998. – 503 с.
174. Сомин Н. Православный социализм // Русская народная линия. 2015. URL: http://ruskline.ru/analitika/2015/07/10/pravoslavnyj_sociализм/%26?p=1&commsort=votes%26amp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3B%23037%3B26p%3D4 (дата обращения: 15.02.2017).
175. Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь IX-XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга I. – М.: Концептуал, 2017. – 440 с.
176. Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.
177. Стариков Н.В. Какая идеология нужна России // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/14073> (дата обращения: 27.09.2017).
178. Стариков Н.В. Спасение доллара – война. – СПб.: Питер, 2012. – 256 с.
179. Стариков Н.В. Хаос и революции – оружие доллара. – Петербург: Питер, 2011. – 230 с.
180. Степанов А. Монархия рушилась, а где же были монархисты? // Русская народная линия. 2016. URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/12/17/monarhiya_rushilas_a_gde_zhe_byli_monarhisty (дата обращения: 13.02.2018).
181. Степин В.С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. Изд. 3-е. – М.: Академический проект, 2014. – 424 с.
182. Суинберн Р. Есть ли Бог? / Пер. с англ. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 120 с.
183. Султанов Ш. ДАИШ – стратегический вызов западной цивилизации. Авторский доклад Изборскому клубу // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2016. – № 1(15). – С. 54-67.

184. Сухарев Ю. Православное содержание русского патриотизм // Русская нация - системообразующее ядро российской государственности / сост. Е. Троицкий. – М.: АКИРН, 2007. – 253 с.
185. Сяндюков И. Фабрики смерти и «химера совести» // День. 2009. URL: <http://www.day.kiev.ua/272844> (дата обращения: 04.04.2018).
186. Таицкая А.И. Энциклопедия заблуждений. Суеверия. – М.: Изд-во Эксмо; Донецк: Изд-во СКИФ, 2004. – 448 с.
187. Тихомиров Л.А. Апология Веры и Монархии / Составление, вступительная статья и примечания М.Б. Смолина. – М.: Москва, 1999. – 481 с.
188. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Облиздат; Алир, 1998. – 672 с.
189. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. Изд. 2-е. – М.: Москва, 1998. – 592 с.
190. Троицкий Е.С. Движение России к неоимперии. Русская нация. Славянская цивилизация. Евразийство. – М.: АКИРН, Граница, 2013. – 182 с.
191. Троицкий Е.С. Русская этнополитология: в 3 т. – М.: АКИРН, Граница. – Т 1. 2001. – 452 с. ; – Т 3. 2003. – 431 с.
192. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. // SciCenter.online. URL: <http://scicenter.online/filosofi/klassifikatsiya-razlichnyih-sistem-57125.html> (дата обращения: 18.02.2017).
193. Тьерри Мейсан. Эммануэль Макрон: эпоха народовластия закончилась // ПРАВОСУДИЯ.НЕТ [блог Т. Волковой] URL: <http://pravosudija.net/article/terri-meysan-emmanuel-makron-epoha-narodovlastiya-zakonchilas> (дата обращения: 06.03.2018).
194. Уваров С.С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. – М.: НЛО, 1997. – № 26. – С. 96-100.
195. Успенский Ф.И. История Византийской империи. – М.: Астрель; АСТ, 2005. Т. 2. – 624 с.
196. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. Серия: Корпус гуманитарных дисциплин. – М.: БГК им. И. А. Бодуэна Де Куртенэ, 1998. – 352 с.
197. Филиппова Т., Олейников Д. Теоремы империи // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А. Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С. 6-13.

198. Философия истории: Учеб. пособие / под ред. проф. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
199. Фроянов И. Октябрь Семнадцатого (Глядя из настоящего) // Журнал международной славянской академии «Славяне». – 2017. – № 3 (8). Осень. – С. 24-29.
200. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
201. Фурсов А. Конспирология / Криптополитэкономика капитализма как основа изучения западных элит // Журнал «Изборский клуб. Русские стратегии». – №4(40). – М., 2016. – С. 6-23.
202. Фурсов А. Психоисторическая война // Институт высокого коммунитаризма. URL: http://communitarian.ru/posts/istoriya_propagandy/ai_fursov_psihoistoricheskaya_voyna_chast_i_08012014 (дата обращения: 17.07.2017).
203. Фурсов А.И. «Империология» без теории, или «хлопок одной ладонью» // Русский интеллектуальный клуб [электронный информационный портал Московского гуманитарного университета]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4185/> (дата обращения: 18.12.2017).
204. Хазин М. Михаил Хазин: О проблемах политического либерализма // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/13905> (дата обращения: 23.08.2017).
205. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
206. Холмогоров Е.С. Красные не могут быть главными героями современной России // Взгляд. Деловая газета. URL: <https://vz.ru/opinions/2018/7/5/930941.html> (дата обращения: 06.07.2018).
207. Хомяков П.М. Империи национальные и бюрократические // Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности / сост. и вводная статья А.Савельев. – М.: Интеллект, 1996. – С.142-155.
208. Цветков А.П. Интеллигенция как смыслопорождающий субъект общества // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2011. – С. 234-254.
209. Цветков А.П. Религиоведение. – К.: Знание Украины, 2002. – 138 с.
210. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М.: Наука, 1991. –Т.1. – 768 с.
211. Чемшит А.А. Советская история – Российская действительность // 1917-2017: Россия в поисках будущего: монография /

- научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – С. 46-72.
212. Чемшит А.А., Тихомиров С.И. Феномен политической идеологии // Идеология: pro et contra: монография / научн. ред. проф. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 310-348.
213. Чернышев Е. «Православный социализм»: соединить несоединимое // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2016. – № 9(23). – С. 37.
214. Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. – М.: Благословение, Техинвест-3, 2016. – 160 с.
215. Шалыганов Ю. Проект Россия. Полное собрание. – М.: Эксмо, 2012. – 944 с.
216. Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. Две дороги к одному обрыву. Россия и мировая катастрофа // Сочинения в 3 т. – М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс», 1994. – Т. 1. – 447 с.
217. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.
218. Шоркин А. Постбинарные структуры: живые игры бинарных оппозиций // Учёные записки национального университета им В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (63). – 2011. – №3-4. – С. 8-20.
219. Щипков А.В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе.: автореф. дис. ... док. полит. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2016. – 51 с.
220. Энгельс Ф, Маркс К. Манифест Коммунистической партии // Книгосайт. URL: <http://knigosite.org/library/read/27081> (дата обращения: 14.02.2017).
221. Vladimir Nikol'skij Die "Kulakkenoperation" im ukrainischen Donbass / Die Massenaktion aufgrund des operative Befehls №00447. – Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2010. - P.613-640.
222. Bordovaikh A., Boussier R. An efficient and effective democracy at the local level: new alternatives to policy networks // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 206-223.

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ

Рецензия на монографию Федора Алексеевича Папаяни
«Идеологическое противостояние в России»

Проблема, исследуемая Федором Алексеевичем, видится нам крайне актуальной. «Перекрестки истории» XXI столетия, сопряженные с новыми для человечества вызовами глобализации, возрастанием уровня международной нестабильности и кризисом международного права, глобальным релятивизмом традиционных представлений о функциях и роли государства, фундаментальных духовно-нравственных ценностях, наконец, глубоким кризисом самой человеческой личности, убеждают нас в необходимости нового «прочтения» онтологических истоков, фундаментальных оснований и перспектив Российской цивилизации, ее места и значения в современном мире.

Автор осуществил комплексное исследование, находящееся на стыке разных областей гуманитарного научного знания: социальной философии и философской антропологии, политологии, культурологии, теологии и истории. Это само по себе заслуживает глубокого уважения, так как требует высокого уровня эрудиции, гражданской и научной смелости в условиях очевидного гносеологического кризиса.

На страницах представленной монографии Ф. А. Папаяни предлагает читателю не просто авторскую экспликацию ряда фундаментальных категорий и понятий (таких, как «идеология», «мировоззрение», «мораль», «нравственность», «олигархия», «империя» и других), а во многом оригинальную методологию исследования, в основе которой лежит метод бинарных дифференциаций.

Социально-философский дискурс, предложенный автором, несомненно, имеет трансисторическое измерение и направлен на поиск оптимальной модели цивилизационного бытия Российского государства.

Анализируя различные модели политического правления (олигархия, демократия и монархия), а также базисные формы государственного устройства (унитарное государство, конфедерация, федерация и империя), автор вполне обоснованно видит в них своео-

бразные проекции моделей духовности, транслирующиеся в политико-идеологических парадигмах.

Важным достоинством монографии является акцентуация исследовательского внимания на непреходящем значении евангельского идеала как краеугольного основания отечественного политического проекта, выраженного уникальной историософской формулой «Москва – Третий Рим».

Несомненно, что некоторые выводы автора являются дискуссионными, требуют углубленной верификации в рамках дискуссий различных областей научного знания, а также диалога власти и гражданского общества, науки и общества в целом.

Главной заслугой Ф.А. Папаяни, как раз и является убедительное, подтвержденное развернутой научной аргументацией, приглашение к поиску истины, значение которой невозможно измерить форматом сегодняшнего дня.

Все это обеспечивает нам весомые основания рекомендовать подготовленный труд в печать.

Доктор исторических наук, доцент, профессор
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Ишин Андрей Вячеславович

Рецензия на монографию Федора Алексеевича Папаяни
«Идеологическое противостояние в России»

Название монографии, ее аннотация и оглавление уже свидетельствуют о том, что автор этой работы – человек, для которого Вера – это более значимый «позвоночник», чем его физический аналог. От веры, тесно связанной с глубинной психологией человека, зависит исследовательская практика и надежда на результат. Вера бывает разной: религиозной, научной, философской и профанной. Индивидуальное сознание Ф.А. Папаяни демонстрирует единство всего «джентльменского набора» означенной Веры. Он исследует заявленную проблему и не без основания верит (надеется) на искомый результат. Его вера подтверждается его усилиями.

Автор не довольствуется чувственным уровнем восприятия проблемной ситуации. Постигая сущность идеологии, он проходит достаточно сложную дорогу от представления к понятию. Его не устраивает субъективная правда и в поисках истины он исследует феномен идеологии как базовую идею становления и развития общества, а мировоззрение человека рассматривает как «дисциплинарную матрицу» его социального поведения. Такой подход позволил автору выявить «два основополагающих вектора воздействия идеологии: морально-этический и властно-политический», что определяет статус идеологии в качестве необходимого спутника и государства и человека».

В тексте добротнo представлены анализ и оценка основных проектов идеологии. Рождение новых идеологических парадигм автор объясняет исторической последовательностью социального развития через циклы накопления капитала в результате совершенствования способа производства, рынка спроса и предложения, эквивалентного посредника на рынке, формирования властных групп и конструирования той идеологии, которая, в первую очередь, отвечает их интересам.

Исследуя претензии форм государственного правления, автор монографии особое внимание уделяет олигархии, поиску Нового мирового порядка, ставит вопрос о необходимости переосмысления демократии и современного «прочтения» монархии, «призрак которой бродит по России».

Решая проблему поиска оптимального государственного устройства Федор Алексеевич рассматривает *pro et contra* федеративного устройства. Особое внимание он уделяет империи, рассма-

тривая ее атрибутивность и модусы проявления. Представляется интересной классификация этого государственного устройства по основаниям: «варварская», «цивилизационная» и «условно цивилизационная» империя.

Завершает монографию автор обращением к противоборству имперских идеологий в России, рассматривая и сравнивая идеологии либерального и православного империализма, выразив надежду, что достоинство второго имеет перспективу в условиях поиска достойного ответа историческому вызову в обществе переходного периода от индустриальной к иной цивилизации.

Обращение к российскому прошлому через концепцию уваровской триады уместно, но только в меру освоения искусства в прошлом видит знаки будущего, без каких-либо попыток реанимации ее образа в качестве руководства (проекта) будущего.

Поиск оптимальной идеологии для России можно только приветствовать. В случае публикации этой книги, читатель получит интересный материал для собственного размышления о свободе слова и действия, за которыми стоит заповедная ответственность. Основная идея монографии выстрадана. Текст продуман, прочувствован и пережит. Этот образец авторского анализа и обобщения можно смело рекомендовать в печать.

Доктор философских наук, профессор, профессор
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Кальной Игорь Иванович

Рецензия на монографию Ф.А. Папаяни
«Идеологическое противостояние в России»

Обострение политического противостояния на международной арене актуализировало внимание к анализу становления идеологических концепций, оказавших воздействие на историческое развитие российской государственности на протяжении последних столетий и их перспективному генезису. Внешние вызовы переводят данную проблематику из теоретической сферы в практическую область борьбы за национальные интересы. Монография Папаяни Ф.А. «Идеологическое противостояние в России» отвечает на ряд вопросов, оказавшихся в центре внимания российской общественности. Автору удалось сопоставить конкурирующие между собой идеологемы, за каждой из которых стояли определенные политические силы, имеющие свой взгляд на историческое будущее России. Подробное исследование смысловых акцентов в политических доктринах, возникших в XIX веке и на рубеже XX столетия, позволяет выстроить переход к интерпретациям современного политического процесса и увидеть в прошлом настоящее. Отличительной чертой текста является продуманность и четкость определений, что способствует логической взаимосвязи отдельных параграфов. Обращают на себя главы «Ревизия форм государственного правления» и «Ревизия форм государственного устройства», в которых Ф.А. Папаяни предлагает комплексное разворачивание основополагающих понятий «демократия», «монархия», «олигархия» в контексте исходных значений и их исторической трансформации, уходя от стандартных клише в оценке императорской власти, ее возможностей и объединительных функций. В монографии ставится вопрос о преемственности традиций европейского опыта монархического правления, о спорных препятствиях к осуществлению его возрождения, мотивируя это положение отсутствием консенсуса в научном сообществе относительно большинства базовых понятий в идеологической сфере. Признание новой мировой реальности, которая складывается на наших глазах, выдвигает требование к личностной позиции исследователя, принимающей характер отстаивания своих убеждений. Автор экстраполирует ряд положений (сущность происходящих идеологических процессов, черты имперского тренда, конфликт либералов и патриотов) на парадигму социальных конфликтов, приобретающую всеобщий характер. Рассмотрение наиболее обсуждаемых политических проектов: возможности «нового социализма», олигархический капитализм и его реализация на российском пространстве, метаморфозы

западной демократии переносятся в социально-философское измерение, совмещая конкретные проявления с обобщающими выводами. В монографии присутствует связка политическое – моральное, оборачивая идеологические схемы в нравственные прецеденты. Ф.А. Папаяни уходит от абстрактного теоретизирования, выделяя последствия доминирования ценностных установок в обыденном сознании. Особого внимания заслуживает V глава монографии, в которой автор проводит сравнительный анализ приоритетных идеологических проектов, остающихся в центре внимания и обсуждения широкой общественности. Личностный подбор аргументов, касающийся разбора сильных и слабых сторон рассматриваемых концепций, придает работе дискуссионный характер, стимулируя столкновение в споре различных политических позиций. Критическое отношение к философии постмодернизма опирается на неприемлемую для автора теорию «общечеловеческих ценностей», что, несомненно, связано с мировоззренческой позицией Ф.А. Папаяни. По мнению рецензента, базовым для понимания монографии, является третий параграф главы «Экспликация ключевых понятий «мораль», «нравственность», «нравственный закон» и «духовность», содержащей необходимые смысловые связи и интерпретации религиозного сознания, веры, направленности действий в социальной и политической деятельности. Исходя, из которых формируется обоснование векторов социальной активности. Монографию отличает четкая структура изложения, ясность формулировок и определений, фиксация основных положений и выводов. Текст выдержан в научной стилистике, но с четко выделенной авторской позицией.

Монография Ф.А. Папаяни «Идеологическое противостояние в России» представляет интерес как для специалистов, работающих в сфере изучения современных политических процессов, так и для широкой читательской аудитории, задумывающейся о перспективах развития российского общества.

Доктор философских наук, профессор кафедры
«Политология и международные отношения» ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»
А.В. Миронов

Доктор политических наук, профессор кафедры
«Политология и международные отношения» ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»
А.А. Чемиит

Ф.А. Папаяни

Идеологическое противостояние в России

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: 8 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен

Международный издательский центр «Этносоциум»

Отпечатано в типографии

Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Дизайн и верстка Т.А. Брик

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500 Усл. п. л. 26,125

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru